

ЗНАМЯ

В НОМЕРЕ

Поэма

Ибрагима ЮСУПОВА

**«СЛОВО
О ЧЁРНОЙ ШАПКЕ»**

Документальная повесть

А. КРИВИЦКОГО

«ЕЛКА ДЛЯ ВЗРОСЛОГО»

Роман

Уильяма ПИРСОНА

«ЛИХОРАДКА В КРОВИ»

И. Х. БАГРАМЯН

**«СЛОВО О МАРШАЛЕ
ВАСИЛЕВСКОМ»**

Стихи

Петруся БРОВКИ, Елены НЕСТЕ-
РОВОЙ

Очерки и статьи

Игоря ДУЭЛЯ, Сергея КОВАЛЕ-
ВА, Василия НОВИКОВА, Ильи
ФОНЯКОВА.

6

1 9 8 0

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

ЗНАМЯ

6

1980

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И
ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ЗНАМЯ

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

СОДЕРЖАНИЕ

Ибрагим Юсупов ◊ Октябрьская поэма.	3
Александр Кривицкий ◊ Елка для взрослого. Окончание	33
Петрусь Бровка ◊ Разговор с друзь- ями. Цикл стихотворений	92
Уильям Пирсон ◊ Лихорадка в крови. Роман. Продолжение	96

*Ежемесячный журнал
Выходит с января 1931 г.*

И Ю Н Ь

**К Н И Г А
Ш Е С Т А Я**

**М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»
1980**

И. Х. Баграмян ◊ Слово о Маршале Ва- силевском	159
---	-----

Знамя на «Атоммаше»

Елена Нестерова ◊ Мир «Атоммаша». Стихотворение	191
Игорь Дуэль ◊ Сложная стыковка. Очерк	192

На фронтах идеологической борьбы

С. Ковалев ◊ Права человека действи- тельные и мнимые	205
--	-----

Литература и жизнь

Василий Новиков ◊ Герой нашего вре- мени. Ст. первая	222
---	-----

К 70-летию со дня рождения А. Т. Твардовского

Илья Фоянков ◆ Уроки поэта . . . 234

У книжной полки

Г. Кублицкий ◆ Энергия века . . . 242

В. Бондаренко ◆ Не оскудеет родовая
память 246

Н. Петренко ◆ Очистительный пламень
работы 248

Ю. Виноградов ◆ Юным о Великой
победе 249

М. Суровцева ◆ Дорожа словом . . . 250

К. Ломунов ◆ Лев Толстой и русская
журналистика 252

Ибрагим Юсупов

ОКТАБРЬСКАЯ ПОЭМА

(СЛОВО О ЧЕРНОЙ ШАПКЕ)

Вступление

В российском небе первую полоской
Рассвет ночную погасил звезду...
Что происходит за стеной кремлевской,
В старинном Александровском саду?
Как родники, низвергнутые с кручи,
Как — друг за другом — волны бурных вод,
Сливаются в один поток могучий
Пришедшие на необычный сход.
Уже на Спасской башне — солнца блики,
И новым суткам жизни начат счет.
Какой неторопливый и великий
Народ на площадь Красную течет?
Кто эти люди?
Где узнать про это
В торжественный и непонятный миг?
Никем не заполняется анкета
Пографно: раса, нация, язык.
Все — разные, и — общая забота,
И без нее — ни одного лица.
Хранят свое, неведомое что-то
И — все-таки единое — сердца.
Неукротима и неумоима,
Принесшая себя издалека
И сокровенным помыслом стремима,
Вперед живая движется река.

Плывут лавиной плотною и зыбкой
Ряды любовью собранных друзей.
Их гордой и приветливой улыбкой
Встречает Исторический музей.
У каждого — свои печаль и память,
Зато у всех — единая мечта...
Кружится снег, не успевая падать.
Светло, и даль морозная чиста.
Идут они сквозь белый вихрь метели
Из своего родного далека

Туда, где у стены кремлевской — ели
 В печальном карауле на века.
 И — каплей, увлеченною потоком,—
 Среди них — один, каких не счесть в стране,
 Но наших общих праотцов потомок —
 Он дорог по-особенному мне.
 Трещит мороз, холодный вихрь все злее.
 Не замечает холода земляк.
 Вот он уже почти у Мавзолея
 И здесь со всеми замедляет шаг.
 И отчего-то сердце заболело,
 В суровом возмужавшее краю,
 И, как оно ему вдруг повелело,
 Снимает шапку черную свою.
 Стоит каракалпак, душой вбирает
 Все то, к чему так долго шел сюда,
 И слезы кулаком со щек стирает,
 Хоть не умел он плакать никогда.

...Да, слез не лил он в испытаньях грозных,
 Не лил, свершая трудные дела,
 И тайна черных глаз его бесслезных
 Непостижимой для врагов была.
 Когда хивинский хан над ним глумился,
 Когда на нем судьба срывала злость,
 Он болью и бессилием томился,
 Но ни слезы из глаз не пролилось.
 Напрасно смертью палачи грозили
 За то, что все искал он правды свет.
 «Эй, отвечай, что, видел там, в России,
 Ты Ленина?..» — Молчание в ответ.
 Не им про это говорить он станет.
 Святая эта правда — не для них!
 И вот, избитый, он опять — в зиндане ¹,
 И — ненависть в глазах его сухих.
 Едва зрачки с кромешной свыклись мглою,
 Он разглядел, что кто-то там, в углу,
 Как он, сюда судьбой заброшен злою,
 На ледяном, на каменном полу.
 Сплошной завесой плотной — тьма сырая.
 Изнылись тело и душа от ран.
 Пополз, во тьме колени обдирая,
 Спросил:
 — Ты кто?
 — Хивинец... Бабаджан...
 Узбек...
 А ты откуда будешь родом?
 Стноит нас «добрый» хан с тобою тут..
 — А я — каракалпак. С моим народом
 Знаком ты... Аллаяр меня зовут.
 Нет, про меня не скажешь: «Из везучих...»
 Был в мердикерстве ². Шел в свои края.
 И нукерами хана как лазутчик,

¹ Зиндан — подземная тюрьма.

² Мердикеры — мобилизованные царской властью жители Средней Азии и Казахстана, угнанные во время первой мировой войны в центр России на тыловые работы. Вернувшись на родину, мердикеры сыграли активную роль в установлении Советской власти в Средней Азии и Казахстане.

Что русскими подослан, схвачен я.
 Не примиримся больше с долей тяжкой,
 Которую терпели до поры...
 Послушай, а хоть на одну затяжку
 По-братски не отыщешь ты махры?! —
 Две птицы в темной клетке, дни и ночи —
 В могильной яме, где — не жить, а гнить...
 И с каждым днем — все тоньше, все короче
 Надежды ускользающая нить.
 Казалось, ожидает смерть до срока
 Их, чьи бесчестно попораны права.
 Но вдруг опять кроваво и жестоко
 «Игрою в ханы»¹ занялась Хива.
 Об узниках совсем забыли стражи,
 И как-то в ночь, в глухой и сонный миг,
 Они и охнуть не успели даже,
 И — вырвано оружие у них.
 Куда идти, чтоб стало — как в России,
 Под флагом новой радостной зари?
 В отчаянье стоят ступни босые
 На неокрепшем льду Амударьи.
 Но верой новый день сердца наполнил,
 Отваги дал для трудного пути!

...Все это Аллаяр сегодня вспомнил,
 За миг пред тем, как в Мавзолей войти.

Два мира

I

Так в чем Каракалпаки надежда?
 Бесстрастный ветер рыскал по полям.
 Хивинский хан владел Левобережьем,
 Как хлебом, разделенным пополам.
 На правом берегу каракалпаки
 Подвластны были русским с давних пор.
 Трудились днем и ночью.
 Но, однако,
 Не мог их прокормить родной простор.
 И вот, устав от всех мучений прежних
 И обретая новую тропу,
 Каракалпаки на Правобережье
 Вступили в бой за светлую судьбу.

Так истина на явную нелепость
 Сплошной грозой решается пойти.
 И Петро-Александровская крепость²
 Бойцам «светила» на крутом пути.
 Хорезмская долина небосводу
 Сигналила с нее в ночную тьму.

¹ Хивинские распри, в результате которых за небольшие промежутки времени престол в Хиве переходил из рук в руки, сменялось несколько ханов.

² Петро-Александровская крепость — опора революции в Хорезмском оазисе, ныне город Турткуль.

Южнее крепости катила воды
 Стремительная, мощная Аму.
 Народ охвачен радостным волнением —
 Под красными знаменами народ,
 Объединенный общим настроением,
 Выходит из казарменных ворот.
 Выходит — против знатных и богатых.
 И, ширя этой правды торжество,
 Не зря Совет Солдатских Депутатов
 Признало офицеров большинство.
 Декабрьские тучи ветер гонит,
 Мороз довольно крепок, но не лют.
 Идут, идут, пофыркивая, кони,
 И люди все идут, идут, идут,
 — Товарищи! —
 В седле, как на параде,
 Привстал и прокричал с коня солдат.—
 Мы знаем, власть Советов в Петрограде
 Установилась сорок дней назад!
 Начальник почты умолчал об этом,
 Чтобы в неведеньи оставить вас...
 Но и в Ташкенте тоже власть Советов,
 Как стало нам известно лишь сейчас!
 Вести нас в исторические дали
 Мы Ленину доверим одному! —
 И жаркие призывы оглашали
 Правобережье вспененной Аму:
 — Бросай оружие без разговоров!
 — Да встанет власть Советов — как утес!

Но старый мир готовился к отпору
 Всему тому, что новый мир принес.
 И, сговорившись с Англией поспешно,
 От злобы к людям и жесток и шал,
 С Левобережья на Правобережье
 Хан Джунаид набеги совершал.
 И тех губя,
 Кто стал держаться прямо,
 На юные Советы той поры
 Спешил поднять кровавый меч ислама
 Эмир непробужденной Бухары.
 И закипала ненависть слепая
 В кулачестве заирских казаков:
 Большевиков, захваченных в Чимбае,
 Замучил зверски атаман Фильчев.
 И заревами одевались дали,
 И над аулами сгущалась мгла.
 Приспешников своих вооружали
 И хан Максум и хитрый бий Бала.
 Два мира в бой вступили
 За свободу.
 Казалось, тень и свет то в забытьи,
 То в пенном буйстве
 Сметаны на водах
 Джейхуна — нынешней Амударьи.

II

Моя Каракалпакия родная!
 На грозный бой готовы и на труд,
 Не по тебе ль от края и до края
 Свободным шагом ленинцы идут?
 Зови, трубач, в последние сраженья,
 Труби, трубач, победу впереди.
 Днем солнечным,
 По-мартовски весенним
 Сильней сердца колотятся в груди.
 Сильней — не утомляют их походы,
 Сильней — сердца грядущее влечет...
 Купались жаворонки в талых водах,
 Заковывал дороги гололед.
 А эскадрон скользил по горной круче.

И Аллаяр глядит из-под руки:
 — Закурим, Бабаджан-ака?
 Иль лучше
 Насвай¹ зложим вновь под языки?
 Верблюдицею сонной Каратау
 Вздымает горб скалистый на пути.
 И тучами кружат вороны справа
 И над ущельем — прямо впереди.
 Левой — Амударья пронесит воды,
 Поблескивает весело вдали.
 Припомнилось: тому назад три года
 Они ее вот тут пересекли...

...По льду босые шли.
 Боролись с болью.
 Лед прогибался и трещал слегка.
 Потом растерли ноги мокрой солью,
 Заночевав в избушке лесника.
 Потом — Турткуль.
 Потом — цеха завода,
 Где хлопок и объятия жары...
 Амударья три вешних ледохода
 Перенесла с той памятной поры.
 Работали.

Винтовки под руками...
 Недосьпали множество ночей:
 То споры в партачейке вечерами,
 То дерзкие налеты басмачей.
 И за двумя друзьями мудрым взглядом
 Следила голубеющая высь:
 Друзья ходили вместе с продотрядом
 И трижды с белой бандою дрались.
 Делились всем.
 Стояли в карауле,
 Друг друга выручая и храня.
 Однажды близ Хивы казачья пуля
 Под Бабаджаном ранила коня.
 Но тут же своего коня лихого
 Друг Аллаяр направил под огонь.

¹ Насвай — жевательный табак.

И просчиталось воинство Толстова¹:
Двух смельчаков унес от смерти конь!

Эх, что вокруг за схватки да погони!
Какой клубится над землею прах!
«Пьют воду неразнузданные кони,
Смельчак за речку ходит в сапогах»².
Откуда у людей берутся силы:
На «Верном» шла работа с огоньком —
Лишь пароходик хлопком загрузили,
Как вызывают за полночь в райком...
— Хан Джунаид гуляет без опаски! —
Ворчит Телегин с яростью в глазах.
Сидит он с окровавленной повязкой
На спутанных и грязных волосах.
— Всех губит, бешеный, без сожаленья,
У стремени его бежит беда...—
Чтобы в Нукус
Вернуться с подкрепленьем,
Прорвался взвод Телегина сюда.

Седой рассвет тревогою отмечен.
И вот опять раздался звон подков:
На белом скакуне
Боям навстречу
Повел отряд суровый Шайдаков³.
О нем звучало песенное слово,
Он был по-русски дерзок и удал.
Сам Ленин, мол, большевика крутого.
Как говорили, к нам тогда прислал.
У нас краскома слава окружала,
Которой был достоин Шайдаков:
В окрестностях Аму или Арала
Держал он в страхе банды беляков.
Поверившие Ленину навеки,
Дорогами очнувшейся земли
Казахи к Шайдакову шли, узбеки,
Каракалпаки и туркмены шли.
И всем был рад он,
Хоть глядел сурово.
И ширилась борьба, но как-то раз
От верткого эсера Коноплева⁴
Пришел к большевику такой приказ:
«Злить Джунаида до поры не надо!
Мы сообщим, когда наступит миг...»
И Шайдаков как командир отряда
Предателю ответил напрямик:
— Что тут за тайна — не понять заранее...
Но я тебе одно сказать могу,
Что революции завоевания
Я никакому не отдам врагу!

¹ Генерал Толстов был послан Колчаком в Хиву для поддержки белого движения.

² Народное выражение, характеризующее беспокойную пору.

³ Матрос-черноморец Н. А. Шайдаков был тогда председателем ревкома в Каракалпакии.

⁴ Эсер Коноплев в те годы был чрезвычайным уполномоченным республики по Хиве и Амударьинскому отделу.

Я здесь не потерплю его и часу —
А ты с моим характером знаком! —

Так пренебрег эсеровским приказом
Матрос вчерашний — красный военком.
Но, сея в душах смуту и тревогу,
Желанию народа вопреки
Жизнь повернуть на старую дорогу
Эсеры тщились да меньшевики.
И вновь, как встарь,
Свинец грозил свободе.
Дымы взвивались вновь до облаков.
Но вновь в полях и на любом заводе
Нашлись сторонники большевиков.
Они оружие принимали с жаром,
Чтоб смело защищать права свои.
Так сотни бабаджанов, алаяров
В ту пору шли в горячие бои.
Не знали ни сомнений и ни страха,
Смирjali песней тайную тоску.
Вдруг юный ординарец из казахов
Окликнул Аллаяра на скаку.

И Аллаяр подъехал к Шайдакову
И в пальцах самокрутку погасил.
— Где ты работал? — тот спросил сурово.
— Тогда, в тылу-то? В Сызрани служил...
В депо... А уж сюда — из Петрограда...
Сильна над нами власть родной земли.—
Два всадника, покачиваясь рядом,
Неторопливый разговор вели.
Внимали им
Лишь звезды с небосвода.
И командир притронулся к усам:
— Живыми возвратимся из похода,
В Ташкент поедешь!.. Дам заданье сам!

III

По талому снежку все круче в гору
Уходит растянувшийся отряд.
Стоит теплынь.
И над «Ущельем воров»
Вороньи стаи с криками кружат.
А над вершиной коршуна паренье —
Как будто вежа на большом пути.
Но что это за страшное виденье
Открылось эскадрону впереди?
У всадников разгневанные лица,
Друзья с коней попрыгали спеша.
И мнится Аллаяру, что не птица
Там, над вершиной, а его душа.
Парит себе и дышит ветерками,
Парит на двух раскинутых крылах.
И ухватился Аллаяр за камень,
Чтоб как-то удержаться на ногах.
О, как жестока ты, судьба слепая,
Удары рассылая наугад!

...Два всадника умчались из Чимбая,
 Чтоб возвратиться вечером назад.
 Один из них — братишка Аллаяра.
 Сперва,
 Пока он не набрался сил,
 Малец ходил за байскою отарой
 И тем себя хоть как-нибудь кормил.
 А позже взял мальчонку в услуженье
 В Чимбае проживавший армянин.
 Затем в народе началось брожение,
 Закрылся бакалейный магазин.
 Катился вал свободы по Отчизне,
 Вздымался он и рядом и вдали.
 И младшего братишку
 К новой жизни
 Его шальные силы понесли.

Свет повидал братишка Аллаяра,
 Да много ли в нем понял, слаб и мал,
 Пока он бакалейные товары
 В Чимбай из Оренбурга доставлял?
 Закрылся магазин — не стало легче...
 Лилось вино армянское рекой,
 Которым скуповатый бакалейщик
 Поил однажды гостя день-деньской.
 А гость богатым был да именитым,
 Гость исподлобья взглядывал, угрюм.
 Прислуживавшего тогда джигита
 К себе на службу пригласил максум¹.
 Его нукеры провода срезали,
 Бесчинствовали по аулам всласть.
 Его нукеры жгли и убивали,
 Народную запугивая власть.
 Так объявился хан Максум открыто,
 Враг угнетенных появился так.
 И вот однажды к белым
 Двух джигитов
 Послал он за подмогою в Муйнак.
 А по пути братишка Аллаяра,
 Нукерам не желавший помогать,
 Свалил напарника одним ударом
 И своего коня направил вспять...
 Что ж, месть Максуму,
 Как сестра, знакома...

Беспечно сквозь вечерний полумрак
 С пакетом из турткульского ревкома
 Скакали русский и каракалпак.
 Их накануне Аллаяр недаром
 Предупреждал:
 — Ночной опасен час!
 Но юноши сказали Аллаяру:
 — Нельзя нам мешкать!
 — Выборы у нас!

...Последний снег
 От крови стал багряным.

¹ Максум — сын ишана, наследник духовного сана у мусульман.

Что людям заволакивает взор?..
 И чудится, весенние тюльпаны
 Вдруг расцвели на черном камне гор.
 Вдруг расцвели с какой-то тайной целью.
 Хрипит скакун, как будто на лету
 Он перепрыгнул все-таки ущелье...
 Буденовка повисла на кусту...
 А дальше...
 Что там дальше?..
 Немы скалы.
 Парит все так же коршун в вышине.
 В ущелье...
 И у воинов бывалых
 Мурашки побежали по спине.

Там, под скалой, обветренной и старой,
 Немало мук приняв за малый срок,
 Расстреляны братишка Аллаяра
 И синеглазый русский паренек.
 Они явили взрослою отвагу,
 Когда врагами были пленены.
 Живыми волокли их по оврагу,
 И в кровь их обдирали валуны.
 Потом добили их в слепом веселье...
 Взгляни же на остывшие тела:
 Вот-вот на них обрушится в ущелье
 Наклонная и старая скала.

Стояли люди тесным полукругом,
 И всем казалось, будто здесь, в горах,
 Как два атланта, два погибших друга
 Скалу крутую держат на плечах.
 И словно говорят:
 «Высокой целью
 Да озарятся честные пути!
 Нам тяжело... И под скалой ущелье
 Спешите, люди, поскорей пройти...»
 Приколот
 Лист бумаги в грубых кляксах
 На грудь каракалпаку-пареньку.
 Чернила вязью тянутся арабской:
 «Жив, Аллаяр?
 Привет большевику!»
 Вокруг — полустгоревшие газеты,
 Изодранных брошюр корешки,
 Обугленные бланки партбилетов
 Да бюллетеней черные клочки.
 И, стоя у погибших в изголовье,
 Смотрел на них и думал Аллаяр:
 «Наверно, жаркой юношеской кровью
 Затушен этот вспыхнувший пожар...»

В чем, собственно,
 Повинны эти двое?
 За что они здесь жизни лишены?
 Под старой и наклонною скалою
 Не нарушали люди тишины.

Потом в одной, как принято, могиле,
 Не разлучая бездыханных тел,
 Замученных ребят похоронили —
 И трижды залп в ущелье прогремел.
 Лишь Аллаяр
 Тех выстрелов не слышал:
 В минуту эту — хмур и темнолиц —
 Смотрел он не вокруг, а выше, выше,
 Туда, на пролетавших в небе птиц.
 Туда, туда, где, разделяя горе
 Сраженьями истерзанной земли,
 К Аралу — к голубеющему морю
 Летели грустным клином журавли.
 Над злобою летели, над угаром,
 Над душами, забредшими в туман.

И крепко стиснул руку Аллаяру
 Молчавший рядом с другом Бабаджан.
 Сшибаются, мол, горы и джигиты,
 Хватает-де вокруг добра и зла.
 И правда, мол,
 Тебе и мне открыто
 Глядит в глаза из вражьего ствола.
 И вновь, как перелетных птиц цепочка,
 Отряд на горной круче — погляди.
 Сияет солнце в самой верхней точке,
 И многие сраженья — впереди...

На дороге к аулу

I

Как легкие тачанки, полным ходом
 Дни пролетают гулкой чередой.
 Бурливо протекает год за годом
 Рекой, стесненной вешнею шугой.
 Заря свободы плавится багрово.
 История, судьбой своей горда,
 Рожает мир в боях — особый, новый,
 Не виданный нигде и никогда.
 В нем гордым думам трудно друг без друга.
 Новорожденный мир!
 Не зря ему
 Тачанка стала колыбелью. Вьюга
 Баюкала его сквозь свет и тьму.
 История над ним склонялась нежно.
 Так, подстелив пучок соломы, мать
 Младенца кормит грудью и поспешно
 Старается потом запеленать.
 Так ставит малыша себе на ногу,
 Уча самостоятельным шагам...
 Родившийся в походе, понемногу
 Младенец рос и креп назло врагам.
 Он превращался в дерзкого мальчонку.

И с холодом и с голодом знаком,
В коротенькой дырявой рубашонке
Путь начинал по снегу босиком.
А вскоре — сорванец широкоплечий,
Он за себя был постоять готов
И с ног сбивал безжалостно при встрече
Всех байских избалованных сынков...

Умчались в прошлое потоком вольным
Горячие двадцатые года.
Колчак и Джунаид в их бурных волнах
С лица земли исчезли навсегда.
И светлый мир, гордясь своею силой,
Вышагивал навстречу всем ветрам.
Но злоба старый мир еще душила,
И он за новым — крался по пятам.
Таился, лютый, в зарослях тенистых,
Удары наносил из-за угла.
Летели пули в спины активистам,
И прятала убийц ночная мгла.
Мы устояли, не прервав дыханья,
Хоть в нэп нам подводило животы.
И вслед за новой жизнью шли дехкане
В «Косчи» — товарищества бедноты.
Держала баев крепко власть Советов
В железной несрываемой узде,
Права на землю ленинским декретом
Бесповоротно утвердив везде.
И, получив земельные наделы,
Покинув вековые закуты,
Повсюду люди создавали смело
«Косчи» — товарищества бедноты.
Покончив с долей, прежде безземельной,
Везли снопы на общее гумно.
А баи поджигали хлеб артельный,
Гноили в ямах ценное зерно.
Не конь,
А сам бедняк, ссутуля плечи,
Вращал чигирь, чтобы добыть воды,
Которой можно утром и под вечер
Хотя б немного напоить сады.
Железа нет, чтоб мастерить лопаты.
Мычит завод, как отощавший вол.
Жестокую союзницу богатых
В неграмотности злобный враг обрел.
Но — все пройдет.
Недаром говорится,
Что, мол, дорога утрясет вьюки.
Вслед за ненастьем ясный день родится —
И ты ему работой помоги.
Придет он радостен, высок и ярок,
И батраки забудут прежний гнет.
И мы от прокопченных рыбажарок
Прочь уведем заброшенных сирот.
Отмоем их, помеченных паршою.
Очистим их от грязи и от вшей...
И воспитаем их семьей большою,
А срок придет — посадим на коней.

II

Возок зеленый мчится на рассвете,
 Над лошадьми вьется легкий пар.
 Вдыхает полной грудью встречный ветер
 Герой моей поэмы Аллаяр.
 Роняет пену в пыль
 Гнедая пара.
 Дорога — словно в легких облачках:
 В пути сопровождают Аллаяра
 Джигиты на отборных скакунах.
 — В Чимбае, — раздается по соседству, —
 Давно нас ждет народ! Живей! Живей!
 Вперед! Вперед! —
 И кажется, что сердце
 Опережает скачущих коней.
 Осенняя земля под небом синим
 Являет взорам щедрые плоды:
 Желтеют на бахчах большие дыни,
 Влекут багряной зрелостью сады.
 И тень — самой земли краса и диво.
 И — словно в черных шапках — талов строй.
 Аульные мальчишки торопливо
 Выкрикивают что-то вперебой.

Земля родная!
 Но забыть едва ли
 Как был ты здесь и юности не рад,
 Как дрался бай, как в мердикеры гнали
 Тебя отсюда девять лет назад.
 Как жил ты здесь, попрекам грубым внемля
 И знать не зная про свои права...
 Но что же манит на родную землю,
 Как маргия — волшебная трава?
 Земля родная!
 Ей ты поклониться
 Спешишь, осилив множество дорог.
 Здесь соловьем поет любая птица,
 Трава любая пахнет, как цветок.
 Здесь для тебя нежны кустов колючки,
 Здесь каждая легенда — словно быть.
 Ничто не может быть родней и лучше,
 Чем эти глухомань, жара и пыль.
 А старики в папах!
 Впечатленья
 На них никто ничем не произвел:
 Они б не стали подвергать сомнению
 И весть о том, что отелился вол.
 А честные, натруженные руки
 Каракалпакских бабушек седых!
 А верткие, задиристые внуки,
 Шумливо обступающие их!
 А девушки в народных украшениях,
 Красавицы, которым все под стать.
 Войдет такая в юрту — и в смущенье
 Любой гордец спешит навстречу встать.
 О, смуглых женщин огненные взоры!

К тому же повелось от веку так:
 Гостеприимство — вот закон, с которым
 И жил и смерть встречал каракалпак!
 Ему земли под нивы не хватало,
 Над хлебом он склонялся, не дыша.
 Каракалпак довольствовался малым,
 Но широка была его душа.
 В бой и на труд он шел с друзьями вместе.
 «О, ты, народ мой, — думал Аллаяр, —
 Я рад тому, что вновь поешь ты песни,
 Тому, что в руки вновь берешь дутар¹!»

III

По сторонам аулы в четком свете
 Мелькают этой утренней порой.
 Гнедая пара в пене.
 Встречный ветер
 Вдыхает полной грудью мой герой.
 Возок зеленый встряхивает снова.
 В глазах у Аллаяра — торжество:

Друзья вокруг предупредить готовы
 Малейшее желание его.
 Воскликнул среди гомона и гула
 Казах в мохнатой шапке из бобра:
 — Вот и достиг ты своего аула —
 И, значит, угощать друзей пора!
 Ответил Аллаяр:
 — Гостям здесь рады!
 Живем мы, хлебосольства не тая! —
 И русскому, сидевшему с ним рядом,
 Стал горячо хвалить свои края.
 Мол, здесь богатства много на поверку.
 Мол, не спешите. Мол, настанет срок.
 — Дай, Бабаджан, свою мне табакерку!
 — Держи!
 — Спасибо! Славный табачок!
 Наверно, меду верная супруга
 Сюда, в него, добавила тайком! —
 И друг сердечно улыбнулся другу.
 И вспомнилась им притча о былом:
 «Каракалпак пахал однажды землю,
 Да кончился вдруг у него табак.
 И к лодочникам вдоль реки, не медля,
 Отправился тогда каракалпак.
 Но лодок нет.
 Река змеится лентой.
 За ней хивинец пашет, деловит.
 Кричит хивинец «Ассалам алейкум!»,
 И «валлейкум» каракалпак кричит.
 И добавляет тоном виноватым:
 «Ты не богат ли табачком, сосед?»
 «Нельзя хоть табаком быть не богатым!» —
 Из-за реки доносится в ответ.
 «Тогда и за меня, аллаха ради,

¹ Дутар — народный музыкальный инструмент.

Ты заложил щепотку под язык...»
 Кивнул хивинец и, усы разгладив,
 Над табакеркой замер в тот же миг.
 Потом он крякнул так что было силы,
 Прищурился, надул одну из щек,
 Воскликнул:
 «Пахлаван-ата ¹, помилуй»,
 И на ладонь насыпал табачок.
 Когда же под язык он осторожно
 И бережно закладывал табак,
 На берегу на противоположном
 Сознание потерял каракалпак,
 Хивинца созерцать не стало мочи...»

И на дороге снова стук копыт,
 С гнедых коней слетают пены клочья,
 От смеха ширь окрестная дрожит.
 — Да, с табакеркой этой неразлучен
 Был и в зиндане Бабаджан-ака...
 — Э-э, говорить о будущем-то лучше,
 Чем вспоминать о прошлом бедняка.—
 И Бабаджан рукой усов коснулся.
 Скачите, кони,
 Ветер, запевай!
 Навстречу доброй вести встрепенулся
 Край Аллаяра — возрожденный край.

IV

Держалась власть Советская открыто.
 И, на закон сменяя произвол,
 Она была не властью чингизидов
 И не наследным правом на престол.
 Иное дело — сказочные страны:
 Порой чабан там к власти приходил,
 Там в мирных буднях на спине барана
 Гнездо веселый жаворонок вил.
 Там Аяз-бий ² вникал во все заботы
 И говорил сердечные слова.
 Там забывали о слезах сироты,
 И сто своих овец пасла вдова...
 Но сыт не будешь сказочным итогом
 И не придашь его своей судьбе.
 Немало жертв приносится в борьбе,
 Чтоб утверждалась правда понемногу.
 Чтоб, без забот живущего на свете,
 Коснулась бая общая беда;
 Чтобы с земли, присвоенной мечетью,
 Народ прогнал ишана навсегда;
 Чтобы народ,
 Как труженик и пахарь,
 Давно мечтавший о счастливых днях,
 Все то вокруг забрал себе без страха,
 Что дал богатым, якобы аллах;
 Чтоб тем, везущим хлопок для завода,

¹ Хорезмский поэт, считавшийся покровителем силачей и земледельцев.

² Аяз-бий — герой народных сказок.

Тем — трем дехканам на кривой арбе
Светило ярче солнце с небосвода
В их ныне изменившейся судьбе.
Те женщины, старуха с молодой,
Что коноплю молотят день-деньской, —
Они должны на равных быть с тобою,
Чтоб распроститься навсегда с тоской,
Чтоб подголоски баев не кричали:
Мол, лишь мужчине дан алахом ум.
Чтоб девушек с печальными глазами
Не продавали под базарный шум,
Чтоб каждому
Открылась вера в счастье...
Не сыщется в борьбе простых путей.

Взгляни на этих маленьких, вихрастых,
Играющих с собаками детей:
Облепленные грязью, в тучах пыли,
Одетые в последнее рваньё...
Чтоб счастливы детишки эти были,
Чтоб поняли призвание свое,
Чтоб им наука двери открывала,
Чтоб в них огонь познания не гас, —
Нам предстоит с тобою
Труд немалый.
Но это будет уж другой рассказ...

...В краю, где возле вспененных потоков
Под бедняком от жажды падал конь,
Где солнце с неба
Землю жгло жестоко,
Хоть душу и не грел его огонь,
Где правило жестокосердье хана,
Где бай в соху впрягал людей, как скот,
Где слышались стенанья непрестанно, —
Жил нищий, обездоленный народ.
Там был бесправным и забитым всякий,
Кого трудом сгибало до земли.
Соседи именем «каракалпаки»
Народ тот несчастливый нарекли.
Но чтобы он познал иную долю,
Чтоб братство утвердил в родном краю,
Чтобы, увидев равенство и волю,
Поверил в автономию свою, —
Сын батрака,
Терпевшего невзгоды,
Однажды лихо оседдал коня.
И вожакom свободного народа
Он стал по праву с памятного дня.
Не ради ли того простого факта,
Не ради ли октябрьской зари
Шли молча по Владимирскому тракту
Кандалники, смутьяны, бунтари?
Застенки Петропавловки, чухотка,
Суды, расстрелы, каторжные дни —
Не просто в этот перечень короткий
Вместить все то, что вынесли они...

V

Вновь пену на скаку роняли кони.
 По сторонам, казалось, тальники
 Не стынут над водой в полупоклоне,
 А мчат с конями наперегонки.
 Мчат,
 От возка на шаг не отставая,
 По бездорожью, слепо, наобум...
 Как в ясном небе туча грозовая,
 Вершиной вдалеке темнел гуджум.
 Он врос корнями в глубь речного склона —
 Под склоном Кегейли стремилась бег.
 Каналы чиста, там, под пышной кроной,
 Нашел однажды Аллаяр ночлег.

Батрак-подросток,
 Он не мог сначала
 Заснуть, хотя и был почти без сил:
 То птичья суета ему мешала,
 То ветер над верхушкой голосил.
 От боли телу не было покою,
 Но забыть не стало отступать...
 Скончавшаяся тою же зимою
 Во сне явилась Аллаяру мать.
 «Вставай, вставай!
 Беги скорее, ну-ка!» —
 Ему кричала на бегу она.
 По дереву скользила вверх гадюка,
 И освещала дерево луна.
 В гнезде птенцы попискивали жалко,
 Как будто гибель чувствуя свою.
 И мать, схватив с земли большую палку,
 Ударилась скользкую змею.
 И та, недавно вившаяся грозно,
 Упала со шлепком на твердь земли...
 В то утро Аллаяр проснулся поздно.
 Все на работу без него ушли.

VI

Дорога вьется вдаль, подобно ленте,
 Дорога утомительно пылит.
 — Так как же встретили тебя в Ташкенте? —
 Спросил один настойчивый джигит. —
 Прием ташкентский, знаете, недаром
 Особый вызвал интерес у нас... —
 И он плеча коснулся Аллаяра —
 И Аллаяр продолжил свой рассказ.
 (Когда в ТуркЦИКе о своем прибытии
 Он доложил осеннею порой,
 То в перерыве там за чаепитием
 Была беседа именно такой):
 — ...И Куйбышеву Фрунзе, не помешкав,
 «Каракалпак» на русский перевел.
 «Все верно?» — обратясь ко мне с усмешкой,
 Рукой он по спине моей провел.

Но Куйбышев, меня опережая,
 Сказал: «Конечно. Верного верней.
 Давно я о народе этом знаю,
 Еще с далеких кокчетавских дней.
 Он интересен мне своей судьбою,
 Сложна его история была...»
 «Близки каракалпаки с Бухарою,—
 Добавил тут Ходжаев Файзулла¹.—
 Никто не знал в веках
 Так много гнета,
 Как этот скромный трудовой народ.
 А с просьбою к нему подступит кто-то —
 Он гору для просящего свернет.
 Еще и на арбу ее уложит,
 Была бы только та арба крепка...—
 И улыбнулся тут же мне: — А может,
 Я ошибаюсь, Аллаяр-ага?»...

...И вскоре предоставлена народу
 Навеки автономия была.
 О радость завоеванной свободы!
 Как ты и неумна и светла!
 Союз рабочих и дехкан нетленен,
 И вечно славен трудовой народ.
 И юрта счастья,
 Как предвидел Ленин,
 Коснулась алым куполом высот.
 Она меж черных талов гордо встала,
 Над миром распрямилась
 В полный рост.
 Над ней луна восторженно сияла,
 Над ней кружились хороводы звезд.
 И, ликоваьем оглашая дали,
 Турткуль столицей края стал тогда.
 Гостей на курултай в него прислали
 Сама Москва, Ташкент и Кзыл-Орда.
 И много слов
 Октябрьских, почетных
 К народу обратили моему.
 И улыбнулись люди в шапках черных
 На берегах Арала и Аму!

VII

Аул, аул!
 Раздоры в нем не робко,
 А яростно вскипали испокон:
 У каждой юрты — собственная тропка.
 У каждого семейства — свой закон.
 В ауле каждом — собственные баи,
 У баев — собственные батраки.
 Тучнели баи, жиром заплывая,—
 От голода качались бедняки.

---

¹ Активный участник свержения бухарского эмирата, революционер, впоследствии председатель ЦИК Узбекской советской республики.

Возьмем, к примеру,
 Юрту волостного:
 За нею — сад, за садом — тучный скот.
 Порою бай не в силах молвить слова,
 А все туда же — возглавляет род,
 Чтоб исполнялись сильного желанья,
 Чтоб процветали все его дела.
 И только о своем преуспеванье
 Всю жизнь печется вдумчивый мулла.

У этого не считаны заботы,
 А у того — несметны табуны.
 Тут голодают вдовы и сироты,
 Там тешат богатея три жены.
 Богатому в тени почет и место,
 Бедняк в пыли печатает следы.
 Там спор межродовой
 Из-за невесты,
 Тут драка над водой
 Из-за воды...

Теперь аул, бывшее забывая,
 С другими отношеньями знаком:
 Бедняк в глаза бесстрашно смотрит баю,
 В глаза, как бы заплывшие жирком.
 И коль ты здесь по собственной охоте,
 Коль честная ведет тебя тропа,
 Сойди с коня вон там,
 У поворота,
 Где за волами катится арба.
 Сойди — и в глухомани незнакомой,
 Где знать не знали про свои права,
 Увидишь ты и флаг над батрачкомом,
 Услышишь ты и смелые слова.

Былые молчуны теперь речисты —
 И часто споры длятся много дней.
 Распределяют землю активисты,
 В галоп бросают взмыленных коней.
 Перебирая четки втихомолку,
 Ишан пророчит гибель всем вокруг.
 Блестят глаза у бая, как у волка,
 Который в яме очутился вдруг.
 Чтоб горе победить под вечным небом,
 Народ у знатных
 Отнял власть и плеть.
 Но и теперь еще нельзя без гнева
 На злобных этих хищников смотреть.

У Аллаяра был дружок сердечный:
 В работе — кто другой ему под стать?
 Характер — и травинку у овечки
 Батрак Утен не смог бы отобрать.
 Не все еще у бая было скрыто.
 И как-то ночью, проявляя прыть,
 Он взял с собой
 На кладбище джигита,
 Чтоб там свое богатство схоронить.

Но оставлять свидетелей — не дело:
Утен с той ночи сгинул без следа.
И лишь потом нашли дехкане тело
На дне пересыхавшего пруда...

Но вот, воспоминаниям не внемля,
Вдруг Аллаяр поднялся в полный рост.
— Отец! —

И, соскочив с возка на землю,
Пошел к арбе, вкатившейся на мост.
— Отец! —

Но тот нуждается в подмоге.
И сын плечом уперся неспроста
В арбу — и та скатилась на дорогу
С трухлявых бревен старого моста.
— Отец! —

А старику глаза от света
Ладонь прикрыла, словно козырек.
— Отец!

— Ты, Аллаяр? Да ты ли это?
Жив и здоров, как вижу, мой сынок.
Я думал мы увидимся едва ли...
Куда же вы спешите столько дней?
Коней, гляжу, в дороге вы загнали —
Эх, нам в артель бы этих вот коней!
Давненько, Аллаяр, ты не был дома.
Соседи мне покоя не дают:
К родителям, мол, надо и «обкому»
Заглядывать на парочку минут.
Но краем управлять в такую пору
Не просто — это ясно даже мне...
— И все же я в аул заеду скоро!
Так и скажи соседям и родне! —
Махнул отец рукою Аллаяру.
И тот махнул в ответ.
Под гром копыт
Возок зеленый мчит гнедая пара,
Пыль вдоль дороги на Чимбай висит.

Из города возку навстречу дети
Бегут веселой, шумною гурьбой.
И лозунги «Да здравствуют Советы!»
На кумаче алеют над толпой.
И вскрикивают люди возбужденно.
И — там папахи,
Тюбетейки — тут.
И в синем, красном, желтом и зеленом
Красавицы в толпе чего-то ждут.
И понимаешь, как отныне будет
В любом из уголков родной земли.
Как хорошо, что трудовые люди
Свою свободу осознать смогли!
Как хорошо,
Что солнце с небосвода
Смотрело на бурлящую толпу!
...Так Ленин дал народу власть народа,
А вместе с ней — счастливую судьбу!

Моя автономия

I

История — в нее не без причины
 Вошли этапы огненной борьбы.
 Сегодня Время — бег автомашины,
 А не скрипенье дедовской арбы.
 И ныне в «Волге» мчащейся легко нам.
 Мы — это прибывший издалека
 Поэт московский Михаил Луконин,
 Водитель, я да Жодмурза-ага.
 В ушах у нас —
 Осенних ветров вздохи.
 Сады вокруг нас
 Богатствами полны.

По сторонам асфальтовой дороги
 Комбайны возвышались, как слоны.
 Мы мчались по земле своей Отчизны.
 И, словно с другом главное деля,
 О радостях большой и мирной жизни
 Листвой шептали небу тополя.
 Арбузные бахчи лежали немо,
 Маня водителя
 К себе свернуть.
 Белел хлопчатник — словно это с неба
 На землю опустился Млечный путь.
 И лунные на нем играли блики,
 Смягчая и полуночную тьму
 На перекрестке
 Двух пустынь великих —
 Вблизи цветущих берегов Аму.
 То под конями, то под ветерками
 Старинными дорогами пыля,
 Шумит листвою, лопочет родниками
 Моя каракалпакская земля.

Встречается Аму с простором синим,
 Чтоб разделить с ним вечную судьбу.
 А человек и грозный бог пустыни,
 Как встарь, между собой ведут борьбу.
 В любое время года —
 В тишь и в грозы
 Они ее ведут, мой друг.
 И все ж
 В охалке принесу тебе я розы,
 Когда сюда ты в гости завернешь.
 Цветы когда-то сумрачного края...
 Теперь другие здесь и ширь и высь.
 Не то чтоб край пришел к земному раю,
 Но все-таки всмотришь, мой друг;
 Всмотришь:
 И здесь приметы времени повсюду,
 И здесь свершений больше что ни год.
 По-новому живут сегодня люди —
 И степь сама по-новому живет.

Узда плотины на реке отныне —
И вволю жаждущим полям воды.
И даже в мертвой некогда пустыне
Шумят сегодня щедрые сады.
Поля под величавым поднебесьем
Раскинулись бескрайне там и тут.
И вольно славит человека песня,
И гордо славит человека труд.

И словно бы не в беге,
А в полете
Неудержимо рвущийся вперед,
Олень подрагивает на капоте —
К себе нас в гости хлопкороб везет.
И мы вдвойне поездке этой рады:
Ведь, только что закончивший дела,
Он тем гордится, что его бригада
Возглавить «красный караван» смогла.
Когда ж итоги нынешнего года
Хозяйски станет подводить страна,
Каракалпак, дехканин, сын народа —
Он все свои наденет ордена.
Во все дворцы получит приглашенья
И на Москве-реке и на Неве.
Везде ему почет и уваженье:
В Нукусе,
И в Ташкенте,
И в Москве.
Везде себя он ощущает нужным.
Что без него любое торжество?
И суть такой общенародной дружбы —
«Один за всех и все — за одного!»

Светлы во имя Родины свершенья.
И у нее всегда ты на виду
Не по национальному деленью,
А по неутомимому труду.
Она оценит на своем приволье,
Кто робок до поры,
А кто — герой.
Так в юрте братства общее застолье
Посланцев всей земли роднит порой.
Роднят дела, исполненные света.
Роднят мечты — мечты одной семьи.
И нам видны грядущего приметы
На древних берегах Амударьи.
И смысл деяний наших одинаков:
Жить и работать, счастья не тая.
Так расцветай в краю каракалпаков
И крепни, автономия моя!
Ты —
Наша гордость, юность и свобода.
Ты, —
Ставшая для многих птиц гнездом, —
Большое право малого народа
Идти широким ленинским путем.
Ты многими талантами богата.
И я строками светлыми горжусь,

Прочтенными перед людьми когда-то
Лукониным, приехавшим в Нукус:

«Как расцветающая ветка,
Как всходы хлопка,
Как весна,
Как творчество и как разведка,
В тебе такая новизна!»

II

...Вновь осень по дорогам и по тропкам
Через поля шагает там и тут.
И вновь вокруг горы большого хлопка
Тележки вездесущие снуют.
У клуба дети в шумном карауле:
Им без кино, мол, не прожить и дня.
Слышны моторы в нынешнем ауле,
Где мотоцикл вытеснил коня.
Совхозные дома белеют чинно.
Вдоль улиц —
Тополей застывший строй.

Остановилась пыльная машина
У дома, осененного листвою.
И дети обступили «Волгу» эту.
И дед от хлева поспешил к крыльцу.
— У нас в гостях известные поэты! —
Сказал хозяин старику отцу.
— Наслышан я давно об Ибрагиме.
А это кто? Неужто Жолмурза?
— Там оказался этот русский с ними.
Мы с Мишею, отец, с войны друзья!
Мы с ним в одних траншеях были рядом.
И, словно бы на память о войне,
С тех пор осколки одного снаряда
И в нем навек засели
И во мне.
Из ПТР мы с ним на поле боя
Двум танкам вражеским влепили в бок...
Луконин усмехнулся:
— Мы с тобою
От третьего пустились наутек!
— Потом, — сказал хозяин чуть потише, —
Мы с ним в одну влюбились медсестру.
— Смотри, — заметил друг, — жена услышит,
И мы придемся здесь не ко двору.
Вздыхнул старик:
— Счастливые вы, дети!
Да будет ваша жизнь всегда светла!
Хвала аллаху, где ж сегодня это
Судьба вас неожиданно свела?
— Такие встречи для солдат желанны.
Под небом полуденной синевы
Сегодня перед «красным караваном»
Читал стихи писатель из Москвы!
— Пусть вечно б над землей они звучали! —

Старик прищурил мудрые глаза.—
 Не будем же томить гостей речами!
 Веди их в дом наш, братец Жолмурза! —

Под шиферную крышей дом совхозный
 Красуется в саду немало лет.
 А рядом в юрте
 До ночей морозных
 Живет на воле старый Даулет.
 ...Каракалпаки чутко внемлют слову
 И любят говорить по одному.
 А что вкусней барашка молодого
 И чарки обжигающей — к нему!
 Всех за столом объединить не просто.
 Но не было минуты тишины:
 Звучали шутки,
 Раздавались тосты,
 Шла речь о хлопке и о днях войны.
 И Михаил Кузьмич, вздыхая часто,
 Так говорил:
 — Судьба не всем одна!
 И никогда не выбирает счастье —
 Большая ты иль малая страна.
 Пусть мало вас под этим небосводом,
 Каракалпаки!
 Вам в пути большом
 Завидуют великие народы
 Из тех, что там, вдали, за рубежом.
 В семье единой счастье нам не чуждо,
 Нам друг без друга издавна нельзя.
 Я предлагаю тост за нашу дружбу,
 За вашу автономию, друзья!

Сказал старик в ответ:
 — Сквозь все невзгоды
 Мы шли и шли немало лет подряд,
 Чтоб стать свободным, трудовым народом.
 И стали им —
 Ты прав, наш русский брат.
 Пойми же, гость наш русский,
 Что недаром,
 Что словно бы минувшему в ответ
 Не как-нибудь — «аулом Аллаяра»
 Аул наш называют много лет.
 Был этот человек из лучших лучшим —
 О том прекрасно помнит Жолмурза.
 Какой бы с ним
 Ни приключился случай —
 Ни про один нам забывать нельзя.
 Времен тех отзвуки не умолкают:
 Ведь это не огонь с водой в борьбе —
 В борьбе схлестнулись
 Баи с бедняками,
 Как два барана на одной тропе.
 Те и другие победить готовы...
 К нам слухи поползли
 Со всех концов,

Что Аллаяр к матросу Шайдакову
 Увел своих товарищей-бойцов.
 А вскоре сам он
 В наш аул нагрянул,
 Где близок был любому бедняку.
 И маузер в коробке деревянной
 Висел у Аллаяра на боку.
 Висел, собою богачей пугая,
 Нас — от несправедливости храня.
 Я жил тогда в поденщиках у бая,
 Но Аллаяр поставил в строй меня.
 Мою шапчонку он,
 Свершая чудо,
 Украсил алой маленькой звездой:
 «Борись с врагами трудового люда!» —
 И с тем увел в сраженья за собой.
 Где грохотали выстрелы, копыта,
 Где смерть
 Свистела у виска подчас,
 Мы разгромили хана Джунаида —
 Бежал он волком раненым от нас.
 По воле ж автономии народной
 Как честный большевик и как герой
 Главой Каракалпакии свободной
 Стал Аллаяр той памятной порой! —
 Луконин заворочался на месте,
 Вздохнул, добавил сказанному в лад:
 — О нем я слышал в прошлые приезды,
 Он с Лениным встречался, говорят.
 Работал.
 А потом, хоть и не сразу,
 Как бы исчез из виду невзначай... —
 И гость наш, замолчав на этой фразе,
 Стал хмуро дуть на свой горячий чай.
 — Ну, что ж, —
 Сказал хозяин смуглолицый. —
 Учился он от мест родных вдали.
 Работал Аллаяр в Москве-столице,
 Откуда к нам его приветы шли.
 Я помню:
 Он от Ленина когда-то
 Вернулся с автономией для нас.

Конечно же, фантазией богатой
 Был порожден народный этот сказ:

III

Октябрь, принесший нам заветную свободу,
 Все выше поднимал людей — и потому,
 Чтоб встретиться с вождем,
 Посланцы всех народов
 Со всех концов страны приехали в Москву.

Пришлось им одолеть и трудности и дали.
 Зато какой почет
 Им послан был судьбой:
 Коврами им в Москве дорогу устлали,

Над площадью для них звучал курантов бой.

Посланцы всей страны вождю сказали:
«Здравствуй!
Ты каждому из нас понятен и открыт.
Достойней и щедрей в своем богатом царстве
Нас встретить бы не смог и сказочный Джамшид.

Простившись с нищетой, забитостью, испугом,
С тобой и за тобой пошедшие на бой,
Отныне мы навек
Равны друг перед другом,
Поскольку мы навек равны перед тобой.

Октябрьский гордый свет
Над нами вспыхнул юно,
Чтоб мы в Москву могли сойтись со всех концов.
Над нами небеса — как свод единой юрты:
Ты в этой юрте стал для каждого отцом»,

И Ленин отвечал:
«Живите вольной жизнью
В сплетенье трудовых и дружественных уз.
Пусть станет навсегда оплотом коммунизма
Проверенный серпа и молота союз».

И в этом с Ильичем
От всей души согласны,
Посланцы всей земли с вождем сверяли шаг.
Так звезды вокруг луны сияют в небе ясном —
И среди этих звезд был наш каракалпак.

Советуясь во всем и с теми и с другими,
Чтоб вдруг не умалить
Хоть чьи-либо права,
На шелковых листках чернилами златыми
Сам Ленин выводил высокие слова.

Учитывал Ильич десятки разных мнений,
Сводил их,
Разделял,
Давал им нужный ход.
С народами совет держал великий Ленин.
И встал каракалпак — настал его черед.

Он встал, как нам потом об этом рассказали...
Но некто, выждав миг,
Когда вернулась тишь,—
С козлиной бородой, с совиными глазами:
«Позвольте! — шевельнул усами, словно мышь.—

«Каракалпаки» — было прозвищем от веку,—
Усмешка на лице то вспыхнет, то замрет,—
Они же от туркмен, казахов да узбеков,
По-моему, ведут
Не столь уж славный род.

Мы все тут собрались для общего совета.

И даже если что сказал я и не так...»
 Но Ленин перебил:
 «Что возразит на это
 Присутствующий здесь один каракалпак?»

Тогда-то Аллаяр и встал достойно с места,
 Чтоб не для слов пустых
 Открыть на людях рот:
 «Родни у нас вокруг немало, как известно,
 И все же мы не род, не племя, а народ!

Что, возвратясь в аул,
 Скажу я нашим людям?
 Что привезти смогу на родину свою?
 И потому-то, коль дозволено мне будет,
 Я песню вам, друзья, правдивую спою».

«Пускай поет!» —
 Вокруг решили честь по чести.
 «Прошу вас!» —
 Раздались в тиши слова отца.
 И чистые слова каракалпакской песни
 Взметнулись к потолку Кремлевского дворца.

И, не считая прочь несущихся мгновений,
 Певец то вдохновлялся, то изнемогал.
 Казалось, шли века
 Невзгод и унижений
 Перед глазами тех, что наполняли зал.

Казалось, тут сплелись
 Преданья и рассказы.
 Но песня подошла, однако же, к концу.
 Под сводами дворца, очнувшийся не сразу,
 Зал аплодировал искусному певцу.

«Родной Ильич!
 Твоим вниманьем мы согреты! —
 Сказал наш Аллаяр.—
 Ты справедлив. Так вот,
 Коль кто-то повторит сейчас же песню эту,
 То, значит, мой народ — лишь племя или род...»

И люди в краткий миг сумели оживиться,
 Послышалось вокруг: «Находчивый джигит!»
 И Ленин оглядел смеющиеся лица
 И улыбнулся сам:
 «Кто песню повторит?»

И слово взял узбек:
 «Что может быть чудесней,
 Чем двух земель полет — бок о бок сквозь века?
 Но даже мне не спеть каракалпакской песни,
 Хоть эта песня мне, как никому, близка.
 В нее десятки лет история вписала
 И впишет их еще, когда придет черед.

Поверь, Ильич,
Хотя каракалпаков мало
Осталось по числу, — они большой народ!»

И слово взял казах:
«Касались поднебесья
Слова двух языков, звучавших сквозь века!
И все же мне не спеть каракалпакской песни,
Хоть песня эта мне особенно близка.

Мы знали много бед.
Мы вместе ждали чуда.
Народ каракалпаков всем другим под стать.
Казахи говорят:
«Не видит и верблюда
Лишь тот, кто ничего не хочет замечать!»

И слово взял туркмен.
Он, почесав в затылке
И кашлянув в кулак, сказал:
«Наверняка
Той песни не спою я трепетно и пылко,
Хоть красками ковра и мне она близка.

Узорами ковра близка мне сокровенно
И общей мерой бед, волнений и забот.
Клянусь тебе, Ильич,
Достоинством туркмена,
Что в черных шапках люд — древнейший наш
народ!»

И слово взял киргиз:
«В моих родных пределах
Двум близнецам сказал родитель без затей:
«Вы в шапках, сыновья, —
Тот в черной, этот в белой, —
Ходите, чтобы я мог различать детей».

Вот так, Ильич, и мы.
Конечно же, по праву
Миротлюбиво жить как раньше, так и впредь
Близ Алатау — нам, а им — у Каратау...
Но братской песни той и мне сейчас не спеть!»

Тут русский с украинцем,
Попросив вниманья,
Посланцам всей страны поведали о том,
Что в летописях их живут упоминанья
О «черных клобуках» — народе кочевом.

И поддержали нас все во дворце огромном,
Поскольку все смогли там истину постичь.
Республика моя доньине автономна
С той памятной поры —
Так повелев Ильич.

Прощание

А памяти все нет и нет покоя:
 Вновь возникает явственно вдали
 То дерево,
 Шумящее листвою
 На берегу отлогом Кегейли.
 Ни одного пугающего звука
 Вокруг...
 Не видел юноша батрак,
 Как в лунном свете серая гадюка
 Ползла, стараясь спрятаться в ветвях.
 О эта вороватая смекалка,
 Уменьше злобу затаить свою...
 «Вставай скорей! Смотри!» —
 И палкой, палкой
 Колотит мать коварную змею.
 И вновь и вновь
 Всплывает перед взором
 Один из стылых предвесенних дней,
 И коршун в небе, и «Ущелье воров»,
 И трупы тех расстрелянных парней.
 И слышен голос их:
 «Высокой целью
 Да озарятся честные пути!
 Нам тяжело...
 И под скалой ущелье
 Спешите, люди, поскорей пройти...»
 И тот листок бумаги со словами:
 «Жив, Аллаяр?
 Привет большевику!»
 А прежде мир веселыми глазами
 Оглядывал с коня он на скаку.
 Оглядывал —
 От сини небосвода
 До розовой закатной полосы.
 А Бабаджан перед толпой народа
 Смеялся и подкручивал усы.
 И говорил о чем-то, откровенен.
 И одобрителный катился гул.
 И все вокруг кричали:
 «Ленин! Ленин!»
 И шапки вверх подбрасывал аул.
 И хлопок высился горой, белея.
 И дыней наслаждался Даулет.

Все ближе
 Подходил он к Мавзолею —
 Боец и созидатель новых лет.
 И здесь,
 С вождем народов по соседству,
 Здесь,
 На земле, для ленинца святой,
 Любовью к жизни наполнялось сердце
 И самой сокровенною мечтой.

Заря в полнеба
 Над Кремлем алела.
 Пора поэме подводить итог:
 Мой Аллаяр взволнованно, но смело
 Уже ступил на мраморный порог.

Прощай, мой дядя,—
 Честный, строгий, нежный.
 Запальчивости юной не тая,
 Они в тебе бурлят — твоя надежда
 И вера неизбывная твоя!
 И к этой жизни,
 Что ликует ныне,
 Они пробились сквозь огонь и тьму.
 Есть сердцу милый край,
 Где с морем синим
 Великая встречается Аму.
 Мы знаем,
 Если сад зацвел неплохо,
 То будут и плоды и семена.
 Навеки, Аллаяр, твоя эпоха
 В твоих потомках будет продлена.
 А сам ты усмехнешься, вспоминая,
 Как длились рядом с Лениным часы,
 Как, сунув под язык
 Щепоть насвая,
 Смеялся Бабаджан, крутя усы.

Заключение

Я не преувеличу возраст предка:
 В степи каракалпаки родились,
 Была мне прапрабабкой массагетка,
 Мать сорока прабабок Томирис¹.

Путь моего народа долог, труден —
 Его когда-то начал печенег.
 Мой прадед был упрямый чернолюдин,
 Он шапки не снимал своей вовек.

Когда его отец, в бою сраженный,
 С коня на землю черную упал,
 Он сыну завещал, чтоб шапки черной
 Тот с головы ни разу не снимал.

И — это может подтвердить ученый —
 С тех пор во все века на белый свет
 Каракалпак рождался в шапке черной,
 Чтя свято прапрадедовский завет.

Он в жизни горя повидал немало:
 Стал черным взгляд, как степь черна кругом...

¹ Томирис — отважная царица массагетов, древних предков каракалпаков.

Но черной шапки все же не снимал он
Ни перед ханом, ни перед врагом.

Идя своей дорогой грозвою,
Успел он очень много потерять,
Но шапку не терял — лишь с головою
Ее могли с караалпака снять.

И только раз караалпаки сами
В печальные для всей планеты дни
С голов склоненных свои шапки сняли,
Когда входили в Мавзолей они.

Склонились негибаемые люди
В любви и уважении к тому,
Кто навсегда в караалпакской юрте
Сумел рассеять вековую тьму.

Перевели с караалпакского Р. Казакова и Вл. Савельев.

ЕЛКА ДЛЯ ВЗРОСЛОГО, ИЛИ ПОВЕСТВОВАНИЕ В РАЗЛИЧНЫХ ЖАНРАХ

5

После премьеры «Русского вопроса», за ужином, Симонов почему-то напомнил мне обмен репликами в пресс-кемпе и спросил:

— Старик, что ты тогда имел в виду, говоря о корреспонденциях, сводках и дезинформации? Какая, собственно, разница? Писать-то правду нужно всегда.

Я задумался. Видит бог, писать правду нужно всегда!

Но на войне бывает по-всякому. Можно и нужно, например, распространять ложные сведения, чтобы дезинформировать противника. Готовишься наступать — публикуй в газетах — от дивизионных до фронтовой — статьи о тактике обороны, о строительстве укреплений.

Разве не так поступил Жуков еще на Халхин-Голе? Он даже приказал в переговорах частей со штабами варьировать на разные лады оборонительную тему. А потом неожиданно ударил по неприятелю¹.

— Но ведь в таком случае мы одновременно обманываем и своих людей.

— Да, это так. Но дезинформация — все-таки более гуманный способ боевых действий, чем какой-либо другой. Мы не несем потерь при этом. Наоборот, я думаю, она сберегла нам немало жизней. Все воюющие стороны пользуются этим средством во всех масштабах, вплоть до стратегического. И так ведется из века в век. Мы ведь не можем односторонне отказаться от применения бомбардировочной авиации, хотя что может быть разрушительнее такого способа ведения войны. Откажемся, значит, обессилим себя и укрепим врага. Какой же нам резон отказываться от дезинформации противника?

— Все-таки я хотел бы когда-нибудь сличить наши сводки с фактами, которые я наблюдал своими глазами.

— Например?

— Ну, скажем: когда мы оставили город по сводке и в действительности.

— Можно, конечно, сделать и такую работу, но в чем будет пафос этого сравнения? Если в фактической справке — пожалуйста. Процесс уточнения исторических событий, оценок, календарных

Окончание. Начало см. «Знамя» № 5 за 1980 год.

¹ Впоследствии Г. К. Жуков рассказал обо всем этом в своей книге «Воспоминания и размышления».

дат — беспрерывен. И спустя столетия ученые находят новые данные, вносят поправки в, казалось бы, установленное окончательно. Такая деятельность естественна и необходима. Но если речь идет о разоблачении, то это, дорогой, просто смешно.

— Даже смешно? Любопытно, почему? Ведь противнику хорошо известно, когда он взял город или село.

— А потому, что на войне существует давний закон: не подтверждать противнику его данных. Само понятие «противник» в нашем споре — весьма емкое. Противник — это командир полка, который завязал бой на окраине населенного пункта и поспешил сообщить, что уже взял его; противник — это и командующий армией, куда через дивизию пошло донесение, и дальше, до самого бункера Гитлера. А тот сидит и гадает, истерически допрашивает генералов, действительно ли взят этот город или населенный пункт, играющий важную роль на военной карте. Вместе с ним гадают и командующий армией и штабы. Им необходимо подтверждение. Допустим, один за другим едут туда и не возвращаются офицеры связи. Что там происходит? Бывает и так, что бои за город идут и недели и месяцы. В каждом подобном случае нужно хорошо разбираться. Корреспондент должен писать правду и только правду, но часто, исходя из интересов военной секретности, редакция вправе зашифровать место и время действия, даже его масштаб, или повременить с опубликованием материала. Если не соблюдать всех мер разумной предосторожности, то можно нанести вред своим же войскам. Нельзя не считаться с тем, что война — особая, чрезвычайная форма человеческого существования. Понятие военной тайны законно и необходимо.

— Пожалуй, все это верно.

— Поэтому я и спросил тогда, о чем идет речь — о дезинформации противника или о вранье, продиктованном политическими интересами.

— Ты знаешь, — сказал Симонов, — у большинства корреспондентов при союзных армиях в отличие от политических обозревателей газет не было особых поводов для вранья. Все-таки они находились в боевой обстановке, и враг у нас был общий.

— Согласен. Гуману напускали в редакциях реакционных газет, оправдывая задержку с открытием второго фронта. Врали о силе сопротивления гитлеровцев на Западном фронте и прочее. Но все шлюзы для лжи они открыли сейчас. Тот американец на седьмом этаже болтал уже вполне в духе реакционной прессы.

Пусть читатель не подумает, будто я как-то возвышаю свои позиции в этом разговоре с Симоновым. Я пишу правду. Симонов умел хорошо слушать. Мы потому и не ссорились, что охотно выслушивали друг друга. А что касается этой беседы, то я ведь задолго до войны начал работать в «Красной звезде» и кое-какие военные проблемы знал, пожалуй, получше, чем мой собеседник. Впоследствии я обнаружил, что это мое преимущество оказалось временным. Уже после войны Симонов наверстал упущенное. Прочел работы военных теоретиков, наших и иностранных, штурмовал уставы, наставления. Прилежно и хватко готовился он к созданию эпопеи «Живые и мертвые».

Не сразу Симонов стал тем Симоновым, которого знают миллионы людей в нашей стране и за рубежом. Он рос, взрослел, впитывал жизнь, как губка, жадно читал, ценил опыт и знания друзей, совершенствовал себя и свое художественное мастерство.

Я встретил его совсем еще молодого, и большую часть его жизни знал не безучастно. В кипении страстей и жизненных бурь он достиг зрелости — многое приобрел, а что-то утратил. Но цельной осталась его благородная и деятельная натура бойца партии.

Когда-то я заказал для «Нового мира» портретную галерею советских писателей — Горького, Серафимовича, Фадеева, Шолохова, Гладкова и других. Кажется, она и сейчас висит в редакции. Художник Яр-Кравченко сверх программы нарисовал и Симонова, молодого, красивого. В редакционную экспозицию портрет, разумеется, не вошел, и автор презентовал его мне.

Спустя двадцать с лишним лет Симонов в кругу семьи и близких людей праздновал свой день рождения. Я принес ему в подарок этот портрет с самодельными виршами, написанными фломастером на обратной стороне рисунка:

Каким ты был, таким остался...
 Знакомый фильм-сюжет.
 И я бы с гордостью поклялся,
 Глядя на славный твой портрет,
 Явившийся из дальних лет:
 Каким ты был, таким остался.

— Что передать военным журналистам из пресс-кемпа, если я встречу кого-нибудь из них? — спросил Симонов перед отъездом в США.

— Спроси, как у них сейчас действуют средства связи? Не выходят ли из строя на материалах «холодной войны»? Но главное поручение — другое. Поцелуй за меня Бетт Дэвис, если будешь в Голливуде.

Была такая киноактриса в США, очень красивая, но далекая от ампула «секс-бомбы», серьезная, умная. Это ведь всегда видно на сцене и на экране — что представляет собой актер не только в роли, но и в жизни. Мне нравилась Бетт Дэвис. Я помню многие ленты с ее участием, особенно «Мрачную победу» и «Все начинается с Евы». Последний фильм, где она снялась, шел в Москве еще на исходе семидесятых годов под названием «Игра в карты по-научному». Она исполняла в нем роль старой богатой женщины. А в ту пору, о какой я пишу, была молодая, очаровательная.

С давних времен, когда речь шла о чем-то малореальном или неожиданном, не предусмотренном обычными условиями жизни, мы говорили: «Ну вот, опять начались поцелуи с Бетт Дэвис» или: «А не хочешь ли ты поцеловаться с Бетт Дэвис?». Привязались ко мне такие речения и произносились уже механически. Но на этот раз смысл их как будто придвинулся вплотную.

Когда Симонов вернулся из США, я еще в машине спросил:

— Ну как, видел Бетт Дэвис?

— Видел.

— Поцеловал?

— Конечно! Она, правда, удивилась, но я ей объяснил: просьба друга. Тогда, обидевшись, она сказала, что я мог бы это сделать и по собственному желанию...

В мире задували ветры «холодной войны». Скрипели перья реакционных журналистов в Западной Европе и в США. Мосты не проваливались под лжецами, и их отличные средства связи не выходили из строя. Они уже тогда морочили голову добрым людям, пугая их «советской угрозой», «красными агентами» и так далее.

Потом закружился бесовский хоровод маккартизма, и, кстати, Бетт Дэвис была в числе тех, кто с открытой душой выступил против инквизиторов XX века. Такого ее «ампула» я, скажу по чести, не предвидел. И очень ему обрадовался.

Шли годы, наступило время разрядки. Терпеливо и упорно строили мы ее здание. Но враги мира ни на минуту не складывали своего оружия. И снова скрипят продажные перья. И снова командуют Макферсон и Гульд. Пьеса «Русский вопрос» не стареет.

Когда мы с Симоновым вместе проводили досуг — у меня ли, у него ли, в других домах, его всегда, конечно, просили читать стихи. Он охотно откликался на эти просьбы, как и все поэты, которых я знал. Любил читать не только свои, но и чужие стихи. И почти всегда, в конце такого чтения, он обращался ко мне с вопросом и заранее знал ответ. Он спрашивал: «А теперь что прочесть?» Я отвечал: «Мое любимое», — не называя заглавия. И он неизменно читал «В корреспондентском клубе»:

Опять в газетах пишут о войне,
Опять ругают русских и Россию,
И переводчик переводит мне
С чужим акцентом их слова чужие.

Шанхайский журналист, прохвост из «Чайна Ньюс»,
Идет ко мне с бутылкою; наверно,
В душе мечтает, что я вдруг напьюсь
И что-нибудь скажу о «кознях Коминтерна».

Потом он сам напьется и уйдет.
Все, как вчера. Терпенье, брат, терпенье!
Дождь выступает на стекле, как пот,
И стонет паровое отопленье.

Что ж мне сказать тебе, пока сюда
Он до меня с бутылкой не добрался?
Что я люблю тебя? — Да.
Что тоскую? — Да.
Что тщетно я не тосковать старался?

Да. Если женщину уже не ранней страстью
Ты держишь спутницей своей души,
Не легкостью чудес, а трудной старой властью,
Где, чтоб вдвоем навек, — все средства хороши,

Когда она — не просто ожиданье
Чего-то, что еще, быть может, вздор,
А всех разлук и встреч чередованье,
За жизнь мою любви с войною спор,

Тогда разлука с ней совсем трудна,
Платочком ей ты не помашешь с борта,
Осколком памяти в груди сидит она,
Всегда готовая задеть аорту.

Не выслушать... В рентген не разглядеть...
А на чужбине в сердце перебои.
Не вынуть — смерть всегда таскать с собою,
А вынуть — сразу умереть.

Так сила всей по родине тоски,
Соединившись по тебе с тоскою,
Вдруг грубо сердце сдавит мне рукою.
Но что бы делал я без той руки?

— Хелло! Не помешал вам? Как дела?
Что пьем сегодня — виски, ром? — Любое.—
Сейчас под стол свалю его со зла,
И мы еще договорим с тобою!

Не лучшее, наверное, стихотворение Симонова, а, действительно, одно из самых моих любимых. Разве мы всегда любим лучшее? Но теперь я хочу сказать о другом — о небольшом и тоже давнем произведении английского автора.

В рассказе Честертона «Странное преступление Джона Боулной-за» действует некий мистер Кэлхоун Кидд. Его физиономия иссушена служебным рвением и обрамлена иссиня-черными волосами и черным галстуком-бабочкой. «Он представлял в Англии,— пишет автор,— крупную американскую газету «Солнце запада», или, как ее шутливо называли, «Восходящий закат». Это был намек на громкое заявление в печати (по слухам, принадлежащее самому мистеру Кидду; он полагал, что солнце еще взойдет на западе, если только американцы будут действовать познергичнее)».

В начале восьмидесятых годов Белый дом с крайней энергией взялся за изменение современного политического мироздания. Но солнце по-прежнему всходит там, где ему положено от века. А свет правды по-прежнему идет оттуда, где политику не диктуют своекорыстные интересы бизнеса.

Мистер Кэлхоун Кидд пришел в рассказ из жизни. Хорошие писатели определенно кое-что понимают в ее течении.

Поэма из тюрьмы, или Еще раз о 28 героях-панфиловцах

1

Жарким июньским днем 1951 года мы поехали на аэродром встречать Назыма Хикмета. Семнадцать лет он был узником турецких тюрем и последние тринадцать лет провел в заключении без перерыва. За поэта вступились миллионы людей. Газеты разных стран били тревогу. Отдаленный гул докатывался до стен тюрьмы в Бурсе.

Уступая разгневанной общественности, турецкие власти выпустили Хикмета на свободу. Он тайно бежал из Турции, опасаясь нового ареста, и вот теперь мы, радостно возбужденные, переговариваемся, то и дело задираем головы вверх, высматриваем в воздухе летящую точку. И кто-то сказал:

— Истинный поэт — дар небес.

И кто-то дополнил или поправил:

— И как небесная влага, он сливается с землей...

А третий подвел итог:

— Очень красиво говорите, братцы! Смотрите, дар небес как раз уже сливается с земной твердью.

Самолет рулил в нашу сторону. Я ожидал увидеть турка, смуглолицего, с глазами-маслинами, может быть, даже в феске.

Но из самолета вышел светловолосый, голубоглазый человек с красивым и бледным лицом. Единственное, что внешне принадлежало в нем Востоку, это мягкие, округлые жесты, то, как он сложил ладони у сердца, оставаясь на последней ступеньке лестницы, приставленной к «дугласу».

Весь тот первый день и вечер допоздна мы провели вместе с Хикметом. Я в ту пору редактировал международный отдел «Литературной газеты». На ее страницах мы вели яростную кампанию за освобождение поэта, печатали его стихи, подробности его биографии.

И хотя за ужином милый Борис Горбатов, поблескивая стеклами очков, уже вербовал Назыма в болельщики футбольной команды «Шахтер», Хикмет все еще оставался во власти пережитого. Он хотел знать, как к нам попадали его стихи. С какого языка мы переводили, с турецкого или с французского? Кто переводил? Перепечатывала ли иностранная пресса эти наши материалы? Он спрашивал, изумлялся и снова спрашивал.

Назавтра он приехал к нам в редакцию. Я водил его по «иностранным» кабинетам, рассказывал о нашей работе, знакомил с людьми, а к концу этой экскурсии припас сюрприз. «Вот,— говорю,— хочу тебе представить человека, который, собственно, и вызволил тебя из кутузки. Шучу, конечно, а все же...»

Высокий худощавый парень стоял перед нами. Он и был тем самым сотрудником, который непосредственно отвечал в отделе за материалы о Хикмете. Парень этот лишь недавно поднялся с университетской скамьи, был еще «зеленым», поначалу держался в редакции обособленно, отчужденно, тянуло от него этаким эгоцентризмом.

Но на наших глазах происходило чудо. Порученная ему «борьба за Хикмета» меняла его буквально на глазах. Он вплотную прикоснулся к чему-то большому. Он увидел, как сто стран — лучшее, что в них есть,— поднялись на защиту одного поэта. Он предметно ощутил общественную функцию литературы. Не умозрительно, а конкретно утверждал он и свою причастность к тому высшему типу отношений между людьми, что зовутся интернационально-социалистическими.

Он был очень молод, и Хикмет при всей реальности тюремного заключения казался ему существом полусказочным. Когда я шепнул этому юноше: «Хикмет скоро будет в Москве»,— он просто обомлел.

И теперь вот поэт, узник Бурсы, еще недавно отдаленный границей, расстояниями, решетками, запорами, огромным чужим миром, протягивал ему свою руку — парень дрожал от волнения. Живой Назым Хикмет, да еще какой! Не согбенный, а статный, не с потухшими глазами, а с твердым, пытливым взглядом. Красивый и даже нарядный, в красном широком шарфе, повязанном на шее, как галстук. И только бледный, очень бледный.

— Вот, Назым,— говорю я,— это тот, кто отвечал у нас в газете за рубрику «Свободу Хикмету!». Но мало того. Он перевел несколько твоих стихотворений и сейчас, наверно, прочтет хотя бы одно...

— Спасибо, брат,— откликнулся Хикмет и полуобнял молодого человека.

Я легко представил себе, что творилось в душе у моего юного сотрудника. Чужедальнее, незнакомое, но ставшее родным, вдруг вырвавшись из пестрого, бешено вращающегося клубка событий, пересекло моря и горы, придвинулось и стало рядом, вплотную.

— Читай, брат,— сказал Хикмет.

Мы уселись, кто на стульях, кто на столах отдела «Литературы и искусства за рубежом», и парень дрогнувшим голосом произнес первую строчку... Он пошел красными пятнами, горло у него пересыхало, дважды пил он воду, но дочитал прекрасное стихотворение до конца. Мне оно очень нравилось, и я уже хотел показать Хикмету заранее приготовленный номер «Литературки», где оно было напечатано.

— Ну как, хорошо? — обратился я к Назыму, гордый так, будто сам был автором перевода.

— Плохо, брат! — сказал Хикмет. — Очень плохо. — И я понял, что только сейчас и именно в эту минуту начинаю с ним знакомиться.

Подлинный смысл старинного выражения «ни жив, ни мертв» я тоже понял только тогда, поглядев на молодого переводчика. Его пошатывало. Он прислонился к шкафу, набитому газетными вырезками, чтобы не упасть.

— Плохо,— повторил Хикмет без тени неловкости и без всяких извиняющихся ноток интонации или жестов.

Переводчик молчал. Я попытался обратить все в шутку:

— В Болгарии, когда говорят «да», то отрицательно качают головой. У вас, в Турции, когда хотят похвалить, то говорят «плохо», так, что ли?

— Нет, не так! — с ужасающей твердостью отклонил Хикмет мою попытку увести дело в сторону.— Очень плохо! Разве я мог так написать?

В этом стихотворении речь шла о голодовке в тюрьме, и поэт, согласно переводу, говорил:

Не хочу умирать я, и, если
За решеткой до смерти замучат меня палачи,
Все равно не умру!
Буду жить среди вас.
Буду жить —
В Поля Робсона песне,
В звонких стихах Арагона,
В смехе докеров Франции — моих сыновей...

— Разве я мог написать о стихах Арагона «звонкие»? Никогда. Какие угодно, брат, только не звонкие. Откуда взял эти «звонкие»? У меня такого не было. Пожалуйста, бери «строгие», «твердые», «четкие». Русский язык — локомотив. Он повезет, вывезет любой нюанс. Звонкие — так можно сказать про стихи Северянина, но не Арагона.

Если бы разверзлась земля и у наших ног пролегла трещина или ударил гром и молния сожгла бы листок бумаги в руках у бедного переводчика, он и все, кто сидел вокруг, не смогли бы выказать большего волнения, чем в ту минуту, когда Хикмет сказал свое «плохо».

Как? Ты только недавно покинул тюрьму, бежал из родной страны, вчера прибыл в СССР, а сегодня уже ругаешь перевод своего стихотворения? И сделанный кем? Человеком, бившимся на страницах газеты за твое освобождение! Нет, это уж слишком, брат! Где же твоя вежливость? Мог бы и похвалить для начала. Или в крайнем случае промолчать, или пробормотать что-нибудь неопределенное. Нельзя же так сразу, напролом.

Но таким был Хикмет. Таким он оставался всегда — прямым, честным, открытым. Шло время, я узнал его близко и хорошо. Но тогда, в тот день, я, удивляясь и радуясь, слушал, как он с величайшей укоризной, но без всякой злости продолжал разносить этот перевод, так доверчиво предложенный ему в редакционной комнате, где молодые ребята готовили материал для рубрики «Свободу Хикмету!». А оказавшись на свободе, Хикмет твердил:

— Как ты мог написать такое, брат? «Докеры Франции — моих сыновей». Я так не сказал. Докеры Франции — не мои сыновья. Сознательный рабочий есть сын Ленина, не турецкого поэта. Я сам — сын Ленина. Докеры Франции — мои братья.— И Хикмет обвел нас серьезным, внимательным взглядом.— Я не писал «сыновья», где ты взял эти «сыновья», брат?

Шел скоротечный и блестящий урок политики и словесности...

Мы двинулись дальше по этажам, оставив нашего переводчика в состоянии, близком к обморочному.

В коридоре я сказал Хикмету:

— Здорово ты его...— и сделал рукой секущее движение.

— Не здорово,— ответил Хикмет,— совсем, совсем дружески.

Нет, никогда мне не забыть этих первых хикметовских дней в Москве. Мы и потом встречались с ним — и у него дома, и у меня, и при общем деле. На моей книжной полке стоит рядок книг с его автографами.

2

Однажды, кажется, в день своего рождения, Хикмет созвал друзей. К концу пиршества, когда люди разбились на оживленно беседующие группки, завязался у нас с Назымом долгий разговор о минувшей войне.

Только что Пабло Неруда прочел свои новые стихи, и это было как бы ритуалом богослужения неведомой религии. Он читал тихо, нараспев, молитвенно воздев короткие, пухлые руки и слегка раскачиваясь. Теперь он сидел с торжественным лицом Будды. Помню еще в этом тесном маленьком кружке добрейшего Володю Стеженского — работника иностранной комиссии Союза писателей. В соседней комнате докипало застолье — гостей было много...

Хикмета интересовали подробности Московской обороны. Война еще была близко, за спиной. Я рассказывал, Хикмет неторопливо переводил Неруде, задумывался, снова спрашивал, а потом неожиданно сказал:

— Ты первый написал о двадцати восьми героях-панфиловцах. Но, знаешь, брат, кто был второй? Наверно, я.

Я ахнул. Уже второй год Хикмет в Москве, а я вот так, случайно узнаю поразительную вещь. Оказывается, существуют его никому у нас не известные стихи, посвященные двадцати восьми героям Дубосекова.

— Где они, эти стихи? — спросил я взволнованно и торопливо.

— Не знаю, брат, не знаю... Я написал их в Бурсе, в тюремной камере, осенью сорок первого года. Я начал писать тогда историю XX века и назвал ее «Человеческой панорамой». Переправлял ее за ограду частями, в письмах, на отдельных листках, разными способами и разным людям. Вот так, брат. Поэмы нет у меня, как ее теперь собрать? Ищи ветра в поле! — твердо, совсем чисто по-русски выговорил Хикмет.

Он горевал, конечно, думая о судьбе книги, развеянной по всему свету бурей его жизни. А вместе с тем что-то и нравилось ему в этой коллизии. Она была ему по плечу. И то, что он сам разбил книгу вдребезги, а осколки ее разлетелись на все четыре стороны света. И то, что, может быть, люди по одной строфе будут узнавать облик поэта, как естествоиспытатель по одной кости представляет себе исполинский рост мамонта.

Мы несколько раз и позже возвращались с Хикметом к стихам о двадцати восьми, но перемен в их судьбе не было. Между тем «Человеческой панораме», частью которой они были, он отдал десять лет жизни в заточении.

И вся она не исчезла.

Три первые ее книги были найдены, собраны и в 1962 году изданы на русском языке. Еще раньше, до побега Хикмета из Турции, в Советский Союз попали его небольшие поэмы, озаглавленные здесь самими переводчиками: «Симфония Москвы», «Зоя», «Габриэль Пэри». Они были переведены Павлом Железновым, Маргаритой Алигер, Никитой Разговоровым.

Но оказалось, то были не замкнутые, отдельные поэмы, а части единой главы четвертой книги «Человеческой панорамы». Это выяснилось только после приезда Хикмета в Москву. Прошло немало времени. Давно уже нет на земле Назыма — отчетливо помню день его похорон на Новодевичьем.

Давно уже не видно его красиво посаженной головы, не слышно его прекрасного обращения «брат», но стихи его, живые стихи слетаются к его могиле. В Турции обнаружена часть архива Хикмета, а в нем текст всей четвертой книги, а в ней строфы о двадцати восьми героях. В переводе Музы Павловой они не раз звучали по радио, а напечатаны впервые в переводе Бориса Слуцкого.

Нет, не пеплом развеялись по миру стихи Назыма, а стайей птиц, что поднялись на крыло в дальний перелет, а потом вернулись к родному гнездовью.

Теперь остался один вопрос. Как же Хикмет, сидя в тюрьме, узнал о подвиге двадцати восьми, да не только о самом факте, но и в подробностях?

Советский ученый Акпер Бабаев, исследователь творчества Хикмета, говорит по этому поводу:

«Очевидно, он узнал о них по радио, поскольку трудно себе представить, чтобы в тюрьму далекого города Бурса мог быстро попасть газетный лист. Факты, приведенные в стихах, достоверны. Очень вероятно, что Назым Хикмет прослушал по радио очерк Александра Кривицкого, опубликованный в газете «Красная звезда».

Простое сопоставление стихов Назыма и очерка подтверждает это предположение. В конце 1941-го и в начале 1942 года этот очерк неоднократно передавался по советскому радио на русском и иностранных языках. Я сам в то время работал на бакинском радио и помню, как он несколько раз передавался на Турцию».

В свое время я, видимо, не спросил Хикмета об источнике его стихов, иначе их сюжетная структура, о которой говорит Бабаев, не показалась бы мне неожиданностью. Известие о подвиге двадцати восьми гвардейцев распространилось тогда по всему миру и могло достигнуть Хикмета разными дорогами.

Утерянные стихи я представлял себе в виде нескольких строф — искра факта высекала короткое лирическое раздумье. Так получилось у Михаила Светлова, когда он узнал о схватке возле Дубосекова. Марк Лисянский положил свои стихи на песенный лад. Николай Тихонов написал эпическую поэму, последовательно воспроизведя драматический ход событий 16 ноября 1941 года. На тот же путь вступил и Хикмет.

И это поражает.

Значит, находясь в заключении, он регулярно слушал передачи из Советского Союза и даже их записывал. Да, так оно и было. «Ежедневно три раза в день слушаю последние известия», — сообщал Назым в записочке из тюрьмы в 1941 году своему другу турецкому прозаику Кемалю Тахиру. Здесь, по-видимому, речь идет об официальных передачах радио Анкары. Но у Хикмета был еще и тайный приемник с наушниками. Он мог пользоваться им ночами. Тогда, очевидно, он и услышал тот давний мой очерк.

В стихах есть неточности: панфиловец Сенгирбаев назван Сунгурбай, а Москаленко превратился в Масленко. У Хикмета фигурирует Петелино как боевой рубеж двадцати восьми панфиловцев. Это название написано правильно, но употреблено не к месту. Полк Капрова, где служили герои, занимал оборону на линии высота 251 — деревня Петелино — разъезд Дубосеково. Но двадцать восемь гвардейцев находились ближе к разъезду, и его именем окрестился их бой с танками противника — бой при Дубосекове. Эти неточности объяснимы, можно, пожалуй, и удивиться: их мало. Ведь под рукой у Хикмета не было печатного источника.

Вот и все. Я был счастлив, дорогой Назым, написать о тебе эти несколько страничек.

В 1941 году, когда я сдавал в набор свой очерк, я и не думал о турецком городе Бурса и ничего не знал об узнике его тюрьмы. Знал другое. Тогдашние реакционные правители Турции только и ждали падения Москвы, чтобы бросить страну в войну на стороне Гитлера, не опоздать к дележу добычи... А как обернулось дело!

Хикмет и тогда верил в нашу победу и писал о ней стихи. Тридцать лет их считали утерянными. Но талантливые стихи, как и истинная вера, остаются с людьми.

Живые и мертвые, или Коли воевать, так по-военному

1.

В тот вечер мы с Симоновым снова и снова говорили о войне, то есть сначала о том о сем, а потом все о ней и о ней. Я рассказал ему между прочим то ли истинное происшествие, то ли красноречивый анекдот, слышанный мною еще мальчишкой в доме отца. Будто отправился на фронт первой мировой войны некий делопроизводитель, или, как теперь говорят, счетный работник. Был он наскоро обучен и произведен в прапорщики, и, пока ехал к передовой позиции, а затем представлялся командиру полка и далее, все было тихо.

Но когда спустился в окоп и пошел с вестовым к офицерскому блиндажу, началась артиллерийская дуэль. Противник бил по русской линии тяжелыми снарядами. Забушевал ад, раздались вскрики раненых. Все вокруг заволочло черным дымом. У делопроизводителя глаза полезли на лоб. Не помня себя, он вскочил на бруствер окопа и, протирая руки вперед, завопил в ревущую тьму:

— Сумасшедшие, что вы делаете, здесь же люди сидят!

Трогательный, добрый рассказ, он выразительно характеризует войну как явление грозной бесчеловечности. Это так!

Ну, а что делать, если опасный и жестокий враг напал на твою страну, покушается на ее честь и свободу, грубо попирает ее государственные интересы, а тебя, ее защитника, и твоих близких хочет убить, втоптать в землю. Что тогда?

«Коли воевать, так по-военному» — такова формула Ленина. Краткая, точная, бесконечно емкая, она охватывает все слагаемые той драматической формы жизнедеятельности людей, что зовется войной. В дни боевой страды она изгоняла из нашего обихода все, что ей противоречило и мешало победе над фашизмом.

Но, очевидно, и писать о войне нужно по-военному. Не сразу объяснишь, что это такое. Скажем так: в нашей стране война не нужна никому, а это значит, что и вялый пацифизм и ремаркистские проповеди у нас нелепы и смешны, как плод сознания испуганного и незрелого.

Такой пацифизм — это палочка, которой постукивает слепой, мечтая добраться до дома во время землетрясения. С другой стороны, агрессивная «позиция силы» с ее оруженосцами — военными «суперменами», наподобие героев расхожих американских романов, немыслима в советской литературе иначе как объект безжалостного обличения.

Наша война — это вооруженная любовь к Отечеству, верность заповедям интернационализма. Вне ленинского учения о войне и ар-

мии в современном мире невозможно до конца определить суть столкновения сторон, природу воюющих армий и социальные характеры людей, одетых в солдатскую и офицерскую форму. Приходилось читать талантливые произведения, обескровленные их внутренним тезисом: война есть война, она из века в век будит одни и те же чувства.

Утверждение «вечных категорий» на войне внеисторично, валит в одну кучу войны религиозные, кабинетные, династические, гражданские, справедливые и несправедливые. Солдат-наемник, забитый рекрут или боец-гражданин — можно ли уравнивать чувства этих людей разных эпох и общественных формаций?!

Художественное познание человека на войне — одна из сложнейших задач литературы.

Не зная сути военных процессов — больших и малых, писатель остается во власти эмпиризма, случайных или ложных представлений. Военное дело, может быть, больше, чем любое другое, требует профессионализма. Больше потому, что в его сфере расплата за дилетантизм очень уж велика.

Да, действительно, писать о войне нужно по-военному. Я перечитал заново три романа Константина Симонова: «Живые и мертвые», «Солдатами не рождаются», «Последнее лето». Они соединились в одном издании под названием первого из них, и читатель получил законченную работу писателя, отдавшего ей пятнадцать лет труда.

Роман «Живые и мертвые» посвящен первому, самому трагическому для Советской страны периоду второй мировой войны. После выхода в свет этого произведения Константин Симонов написал, что его основа — это «моя собственная память человека, видевшего эту войну от начала и до конца. Я думаю написать обо всем, что я видел вплоть до падения Берлина, но начинать надо с начала, даже если об этом начале тяжело вспоминать».

Первыми днями войны начинается трилогия, а когда автор ставит точку, там, невдалеке, герои его угадывают границы Восточной Пруссии. «Освобождение России заканчивается. Дальше Европа», — говорит генерал Бойко.

Стратегия, разработанная гитлеровским генеральным штабом, предусматривала разгром Советского Союза в ходе одной-единственной операции. В орбиту «Плана Барбаросса» входили действия лишь до рубежа Днепр—Западная Двина. Дальше предполагалось преследование наших «полностью сокрушенных армий». И вот, когда мы теперь говорим о собственных просчетах в первоначальный период войны, следует почаще вспоминать этот первоначальный, но уже решающий просчет противника. Советская военная доктрина уберегла нас от таких роковых ошибок. И прежде всего она предвидела как неизбежность затяжной характер этой навязанной нам войны. Предвидела ее упорство и ожесточение.

В нашей литературной критике было немало споров по поводу «правды высшей» и «правды окопной». И получалось так, что хотя «высшая» объективнее, вернее, а все же «окопная» задушевнее, человечнее. Но это споры схоластические. Нет на войне двух правд. И из окопной щели наши люди видели небо Родины и ее идеалы. Кто думает иначе, пусть клянет свою судьбу, лишившую его внутреннего зренья. Потому что наша победа была не чудом вроде библейских, а закономерной победой нового общественного строя.

Если даровитый писатель понимает и принимает ленинскую основополагающую концепцию справедливой войны, объемлет ее масштабы, видит в человеке на войне не изолированного, а общественного индивидуума, то и правда его произведения будет единой и полной. В противном случае — талантливые или бездарные, но разрозненные, а подчас и искаженные картины эпизодов войны, без целостного

правдивого выражения ее существа. Тут-то и открывалась в критике искусственная возможность всяческого деления правды «от лукавого».

В трилогии Симонов стремился создать целостное представление об Отечественной войне. Повествование его хронологично, и поэтому особенно отчетливо мы можем проследить, как кристаллизуется устойчивость, долговременность всего, что легло в основу и образовало преимущества советской военной доктрины.

2

При чередовании кровопролитных боев, отступлений, встреч и расставаний персонажи эпопеи еще не могут разобраться в событиях, а иной раз и в самих себе. Люди страдают, радуются, а между тем делают свое дело. Нелегкий опыт жизни подсказывает им решения. Многое тревожит, мучает. Но преобладающее чувство — вера в победу.

Сцена встречи полковника Серпилина с группой солдат-артиллеристов окрашивает атмосферу всей первой части эпопеи. Мы явственно видим пять почерневших, тронутых голодом лиц, пять измочаленных, грязных, исхлестанных ветками гимнастеров, пять немецких, взятых в бою автоматов и — пушка, последняя пушка дивизиона, не по небу, а по земле, не чудом, а солдатскими руками перетащенная сюда с границы, из-под Бреста, за четыреста с лишним верст. Нет, врет, господа фашисты, не будет по-вашему!

Кто так рельефно видит эту горстку артиллеристов и ее вожака — старшину Шестакова в фуражке со сломанным пополам козырьком и черным околышем? Кто убежден: «Не будет по-вашему» — Серпилин или сам автор? Повествование объективированное, но лирической герой Симонова присутствует почти везде, то сливаясь с одним или другим действующим лицом, то отходя на короткую дистанцию, чтобы пристальнее всмотреться в человека или событие.

Мы вступаем в многоплановый, многолюдный мир романа. Мы слышим повелительный фальцет Серпилина, видим его худую спину, костистое лицо, видим маленького седобрового батальонного комиссара Шмакова, видим, как на дороге, по которой мчится грузовик с Синцовым, выскакивают, словно черти из преисподней, танкисты в черных шлемах, со злыми глазами, как их командир капитан Иванов властно пресекает панику, наводит порядок в прифронтовом лесу.

Нас пронзает прекрасно написанная сцена трагической гибели генерала, летчика Козырева, и те, кто воевал тогда в сорок первом, могут понять: «В душе Козырева не было предсмертного ужаса, была лишь тоска, что он никогда не узнает, как все будет дальше».

Ведущая тема трилогии — исполнение долга. Она стягивает в один узел социальные, философские, исторические проблемы. Посмотрите, как туго стянут он в «Живых и мертвых».

Какой художник не стремится проникнуть в тайное тайных духовного и связать свое ощущение человека в его самых сокровенных движениях мысли и сердца с характером его поступков? У Симонова над всеми чувствами героев превалирует сознание долга. Он знает: на войне негоже служить вполонину. Хороший солдат, какого бы ни был ранга, воюет без остатка, выкладывается до конца.

Условия человеческого существования на войне таковы, что очень часто собственная личность не имеет значения вне того дела, которое предстоит сделать. Так рассуждает большинство героев эпопеи. Суровой простоте размышлений отвечает стилистика речи автора и персонажей. Симонов подчеркнуто ровен, даже суховат, а иногда и скуповат чрезмерно.

Удачи автора на главном направлении его эпопеи возникают там, где прекрасная идея служения долгу завладевает всем существом героев, возвышается до всеобъемлющей категории, а сознание и чувство слитно формируют поступки людей.

Такое слияние ума и сердца, когда идея разжигает в душе человека истинную страсть, достигнуто в образе Серпилина, и мы не устаем восхищаться цельностью этого, теперь уже незабываемого характера.

Особенность дарования Симонова состоит, между прочим, в том, что герои, имеющие точные признаки реальных прототипов, удаются ему, пожалуй, лучше, чем собирательные образы, рожденные вымыслом. Школа художественного очеркизма, пристрастие к дневниковым формам служат ему хорошую службу. И Серпилин в этом смысле не одинок. Мелькнул на несколько мгновений лысый офицер-танкист под Борисовом, а хорошо запомнился.

Тонко и уверенно написан сложный Львов, надолго останется в памяти точный портрет Батюка. Во всех этих случаях, да и в некоторых других тоже, мы знаем имена существовавших в жизни прототипов — одних назвал нам автор, о других мы, современники, догадываемся сами.

Симонов хорошо знал многих военных. Иных он перенес в роман со всей их жизненной почвой, как пересаживают с корнями деревья, не вырванными из материнского кома земли. Такие люди «принялись» в трилогии, органически выросли в нее. Любимый характер писателя — человек внешней строгости и внутренней доброты.

Противоречие между скупой манерой поведения и душевной щедростью автор использует охотно. Момент узнавания сути человека, неожиданность, с какой внешне грубоватый или «застегнутый на все пуговицы» уставос человек вдруг открывается своей до времени скрытой теплотой, составляет повторяющийся (может быть, слишком часто) признак людей, симпатичных автору.

«Чем больше души вкладывал он в какие-нибудь слова, тем угрюмее и неприветливее он говорил их». Это о Малинине — политруке роты, отличном коммунисте.

А это о майоре Туманяне — стойком боевом офицере: «И командир полка рад, только не имеет привычки показывать».

Многие люди трилогии наделены этой чертой характера. Спроста ли такая однотипность? Скорее всего автор хотел сказать, что армия и война не располагают к шумной трате чувств, а требуют раньше всего дела и дела. Он прав, конечно, по существу, хотя художественное воплощение этой мысли могло быть и более разнообразным, а сдержанность или тем более угрюмость далеко не всегда гарантируют добрые качества души.

Как бы там ни было, любимые герои Симонова ценят в людях способность к действию, умение без лишних слов сделать порученное им дело. Синцов думает о командире полка Ильине: «С таким человеком, как Ильин, личные отношения — результат деловых. Справишься с делом, растает и лед. А не справишься, словами не растопишь».

Этой меркой автор прямо или косвенно меряет почти всех, кто воюет и действует в его романе. Член Военного совета армии Захаров размышляет о новом командире: «Хорошее в Бойко то, что живет он только делом и никто не может угодить ему ничем, кроме хорошо сделанного дела, и никакие привходящие обстоятельства не могут расположить его к человеку или оттолкнуть — только дело».

Я хочу найти причину появления таких однотипных характеристик. И, мне кажется, нахожу ее. Общие непреложные условия, в которые ставит человеческие массы война, неминуемо вырабатывают и какие-то схожие черты.

Это сама война то шлифует, то пересоздает характеры, отделяет их, требует сменить одно другим, хочешь того ты или нет. Человек входит в войну и сам становится войной. Она захватывает его целиком.

Но ведь и эти жесткие условия жизни не отменяют, естественно, великого разнообразия душевного склада людей. И если скупость на краски — это некий самозапрет, то он и мстит иногда автору.

3

Говорю о трилогии и невольно вспоминаю время, когда Симонов ее писал, а еще раньше долгие годы обдумывал. Попутно скажу, что совместная наша работа с ним в журнале кончилась в 1958 году. Он переехал на временное жительство в Ташкент, работал там почти два года разъездным корреспондентом «Правды». Я же еще длительный срок исполнял обязанности главного редактора «Нового мира» и потом перешел на работу в журнал «Знамя».

Бессчетно за это время мы говорили с Симоновым о войне, начиная с ее тяжкого быта и кончая проблемами стратегического масштаба.

Но почему «за это время»?

Сколько помню наши общие дни и ночи, да и позже, когда встречались уже не ежедневно, не так часто, мы всегда обсуждали военные вопросы. И в тесных редакционных комнатах «Красной звезды», и во фронтовых командировках, и после, в заново переоборудованных по нашему вкусу кабинетах «Нового мира», окрашенных в горячие цвета (генеральный секретарь Союза писателей Александр Фадеев пришел, посмотрел, сказал: «Роскошно живете!» — вызвал работника Союза писателей Мишу Тараканова и повелел: «Сделать у нас не хуже»), и спустя несколько лет в совсем уже мирной «Литературной газете».

О чем бы ни говорили — о судьбах Отечества, о любви, о книгах, о мужской дружбе, которую ценили необыкновенно, романтизировали, ставили выше всего на свете, сразу же после верности идеалам партии и уж, во всяком случае, выше родства по крови, о кодексе мужской чести и о нашей готовности соблюдать его во всех испытаниях жизни, — какими бы прихотливыми путями ни шел наш разговор, он неизменно сворачивал на войну, она была в нас. А когда Симонов начал писать роман, то необъятная тема войны стала у него вполне целенаправленной.

С 1956 года, целых пятнадцать лет, Симонов работал над трилогией «Живые и мертвые». Я читал рукописи этой эпопеи по мере ее создания, читал в отрывках и целыми ее романами, в первых вариантах и после авторских переделок.

Работая в «Знамени», я снова встретился с романом уже в качестве члена редколлегии журнала. Автор и редакция готовили его к печати. Однажды я сказал Симонову:

— Слушай, старик! Вчера, читая сцены Серпилин — Баранова, я вдруг услышал, что они говорят вполне одинаково.

— Но это хорошо, они ведь женятся, не так ли? — схитрил Симонов, уже понимая, что я хочу сказать.

— Да, конечно, я понимаю, ты повенчаешь их запросто. Но выбор Серпилина меня удивляет. Они говорят на одном языке не в смысле унисона чувств, а в совпадающей лексике. Не кажется ли тебе, что Серпилин женится на Серпилине? Если прочитать их реплики вразбивку, без указаний местоимений — «он», «она», — то никто не разберет, где мужчина, где женщина. Серпилин суховат, жестковат, обладает «командирским характером», как писали в военных аттестациях, но

и Барановой я подписал бы такую же, не моргнул бы глазом. Правда, Серпилин органичен, а она как бы пародийна.

— Что же делать? — спросил Симонов, и на лице его изобразилось ну прямо-таки страдание. — Почему ты мне преподносишь дулю, когда нет уже времени ни для чего. Не мог раньше сказать?

— А ты сам того не видишь, не знаешь? Так я тебе и поверил. Прекрасно все знаешь.

— Знаю. Но неужели все это так бросается в глаза? Я считал, что им не повредит сходство характеров, а значит, и речи.

— Еще как повредит! Ты заставляешь Серпилина жениться по любви, выращенной в инкубаторе твоего — внимание, сейчас будет грубость — неразвитого воображения! — Я свирепел и раскалялся: — Серпилин не может любить эту женщину, пресную, как маца.

— Как мацони! — подхватил Симонов, желая сбить градус моего монолога.

Я на мгновение остановился, чтобы пристроить в один ряд созвучия, и пропел: «Он при каждом моционе ел мацу и пил мацони». Симонов одобрительно кивнул и добавил: «Был он просто лаццарони». Но я прекратил эту суету, продолжая гнуть свое:

— Она, эта женщина, нужна была слизняку и карьеристу Баранову. Но зачем она Серпилину? Сделай ее грешницей, нашедшей наконец мужчину, который нуждается не в ее опеке и руководстве, а в ее женском обаянии, в этом вечном колдовстве. Она должна захороводить Серпилина, а не читать ему отрывки из медицинских наставлений. И тогда они будут счастливы.

— Но тогда исчезнет их сходство.

— Что с того? Появится единство их противоположностей. Плохо ли?!

— Да и не плохо бы, — обезоруживающе улыбнулся Симонов, — но, кажется, поздно.

Он смертельно устал от своей трилогии. Пятнадцать лет не шутка. Ему удалось объемные характеры Серпилина, Батюка, Львова и других... Он художественно зримо изобразил движущие силы войны, решая задачи невероятной сложности, все еще кипело вокруг, отсвечивало пламенем и чадным дымом военного костра, сталкивались верования и заблуждения живых людей. Он затронул в романе коренные стороны жизни страны, рассказал о них смело и выразительно.

И на все его не хватило.

4

В 1978 году в книге Симонова «Сегодня и давно» я прочел: «Мой недостаток — неумение давать резкую речевую характеристику» — и обрадовался; он никогда не боялся признавать свои просчеты и слабости, был силен трезвостью самооценок.

Стал читать дальше и огорчился: «Но мне кажется, что избытие разнообразных речевых характеристик иногда идет и во вред прозе». Вот тебе и раз! Откуда взялось у Симонова это желание генерализовать собственные недостатки?

Читаю еще дальше и снова радуюсь: «К некоторым слабостям своим я уже, видимо, привык и уже воспринимаю их не как слабости, а как особенности». Bravo!

Вот в одном этом абзаце интервью литературоведу и критику Л. Лазареву для журнала «Вопросы литературы» отразился характер человека — естественная страсть художника к самоутверждению, сомнения и размышления, а главное, необходимость быть искренним, сказать правду без боязни уронить себя в глазах читателя.

Когда-то в примечании к роману «Крестьяне» Бальзак заметил: «Описывать сражения следует не так, как это делается в сухих реляциях военных историков, которые вот уже три тысячи лет твердят нам только о левом и правом фланге или прорванном центре, но молчат о солдате, его геройстве и страданиях».

Советская литература уже со дня своего рождения нарушила это молчание «Разгромом», «Железным потоком»... В трилогии Симонова мы видим сложные взаимосвязи боевой жизни войск, кропотливой работы штабов, живой деятельности политорганов, напряженных будней тыла — всего, из чего складывается военная организация социализма, видим не просто батальные сцены, а народ, его страдания, его героизм.

Война у Симонова пахнет бензином и копотью, горелым железом и порохом, строчит пулеметом, и падает в снег, и снова поднимается под огнем на локтях и на коленях, и с хриплым «ура», с матерщиной, с шепотом «мама», проваливаясь в сугробы, идет и бежит вперед, оставляя позади себя пятна полушубков, шинелей, плащ-палаток на дымяном, растоптанном снегу или выгоревшей траве.

Мы видим, как заправляется огромная машина армии всем, что ей предстоит за недолгий срок перед операцией переварить в себе. Мы видим, как возникают десятки различных приказаний, влекущих за собой разнообразные действия и переживания людей.

Симонов многое знал о войне, любил армию и ее людей. Любовь эта прочная и давняя, еще с Халхин-Гола, где он получил боевое крещение, а может быть, и еще раньше — с Рязани, где жил он мальчишкой в расположении пехотного училища, в семье краскома.

Но знаний и опыта, вынесенных непосредственно из военных лет, ему не хватало для трилогии. Автор — враг приблизительности. Уже в мирные дни он записал рассказы сотен людей на тысячах страниц. Перечитывая все три романа, я легко представил себе, какой огромный труд пошел на создание этой эпопеи Отечественной войны.

Всякая война — это часть целого, имя которому «политика». Ленин говорил: «Война сама по себе не изменяет того направления, в котором развивалась политика до войны, а лишь ускоряет это развитие». И в согласии с общим значением этой мысли, исходя из долголетнего опыта «философа-практика» на поле боя, симоновский генерал Кузьмич просто замечает: «Война есть ускоренная жизнь».

Соответствие войны и политики, их диалектическая взаимосвязь и подчинение первого фактора второму выражены всем строем трилогии во времени, пространстве, движении. А еще, кстати, и в том, с каким неподдельным уважением пишет Симонов характеры комиссаров, политических вожаков, посланцев партии в войсках, — умницы-сердцеведа Захарова, вернейшего из верных Малинина и других. Особенно удался автору Федор Левашов, перешедший из трилогии в отдельную повесть и ее заглавие.

Идет военное время, а вместе с ним движется и трилогия. Сколько всего произошло с тех пор, как мы открыли ее первую страницу. И вот уже Таня, маленькая докторша, едет дорогами разгрома гитлеровцев под Сталинградом. «Все, что она видела, сегодня делилось на «наше» и «ихнее». «Наше» было живое, «ихнее» — мертвое. Мертвая проволока, мертвые окопы, мертвые люди в снегу, мертвые брошенные орудия и машины».

Опасный враг, жестокая война, законно наше торжество... Проходит год, и Серпилин полон этим чувством. Вспомним, как он, оставив Таню и Синцова на краю дороги, стоит у реки, закинув руки за спину, и размышляет о ходе операции, ощущает, что он просто счастлив — так славно идут военные дела.

Серпилин погиб, не завершив операции, а самое последнее, чему обрадовался,— известию о Минске: бой на окраинах. Автор дал Серпилину легкую смерть — внезапную, а потому, в сущности, прекрасную, такую, когда человек не успевает ужаснуться мысли о собственном конце. И в этом намеренно или нет, не знаю, но очень явственно обозначено время войны, совсем не то, в какое так трагически умирал генерал Козырев в «Живых и мертвых».

Мгновенно расстался с жизнью Серпилин на страницах «Последнего лета», но как медленно и даже величаво уходит он, да и уйдет ли вовсе из жизни остающихся жить? Какое большое место он занял в судьбе окружавших его людей! Ритм романа в этой главе замедляется, словно бы в шаг траурной процессии. Чутко услышаны все отголоски ухода Серпилина, и этим очень точно угадана наша нравственная необходимость проститься с ним неспешно, в глубоком раздумье. Образ Серпилина — человека, которому суждена в нашей литературе долгая жизнь,— завершен достойно.

В последней части трилогии большое место занимают два персонажа — Ильин и Бойко. Помните, как Ильин говорит Синцову: «Всего немного не поспел ты к красивому бою». Говорит так, по-военному, зная, что Синцов поймет, какой смысл вкладывает он, Ильин, в этот эпитет.

«Красивый» — значит достигнута высшая цель всякого боя — разгром противника, «красивый» — значит наших потерь гораздо меньше, чем у противника. «Красивый» — значит исполнено, как задумано, и вовремя приняты решения, каких потребовала менявшаяся обстановка.

«Красивый бой» — надо же сказать так... Ах Ильин, «военная косточка»! Теперь можно утверждать, что без Ильина, младшего лейтенанта, сначала начальника штаба батальона, а потом, уже ко времени Белорусской операции, командира полка, без Бойко, хладнокровного и методичного Бойко, назначенного на пост командарма, не было бы трилогии в том ее замысле, какой окончательно стал ясен только после ее завершения.

Скажем о них обоим мыслями того, чьей оценкой они так дорожили: «Вот они, молодые командиры полков,— подумал Серпилин, с удовольствием глядя на Ильина, который еще летом сорок второго года казался ему прирожденным военным...— Хорошо бы довоевал, и ничем не зацепило».

Многообещающий Ильин и Синцов стоят в нашем сознании на разных этапах единой Отечественной войны. Синцов и его злоключения — сорок первый год. Ильин и его уверенность победителя — год сорок четвертый.

Теперь о Бойко. Вспоминая о его возрасте, Серпилин думает «в эту минуту не о себе и о нем, а о чем-то намного более важном, имевшем отношение не к старости и молодости, не к себе и к нему, а к войне, к армии, ко времени, в которое живем и еще будем жить».

Зоркое наблюдение! Именно в нем, в этом размышлении, Серпилин достигает вершин своей духовной зрелости. Ему и раньше приходилось задумываться над своим возрастом, случалось сопоставлять свои годы с молодостью способных командиров. «Бывало,— пишет автор,— думал он об этом с завистью, а сейчас с другим чувством — с облегчением, что ли, что вот есть в свои тридцать пять лет такие, как Бойко».

Далеко глядит Серпилин. Он истинный сын времени и воспитанник истории. Он живет кровными интересами общества. И в сознании своей общности с делом народа находит источник собственного счастья. Он человек действительный, сущий, не кажущийся. Таковы и его друзья.

Бойко и Ильин не погибли, они дошли до Берлина. И хотя этот путь их остается за чертой трилогии, у нас нет сомнений — так было.

Они живы и сейчас. В этих персонажах смогут узнать свою молодость многие военачальники наших дней. Они и сейчас работают в армии, восприняв ее новую технику и новое искусство. И эта наша уверенность оправдана, ибо хотя роман как будто хронологически не дописан, на самом деле он доведен до логического конца.

После смерти Серпилина и всего, что с ней связано в заключительном романе трилогии, могло идти уже только количественное наращивание. Реальный же мир действующих лиц, их связей, весь этот разлив событий вошел в берега. А Ильин и Бойко, именно они как бы от лица всех людей трилогии пошли дальше. Пошли исполнять свой долг, под родным знаменем воевать по-военному.

Так и написал свою трилогию Константин Симонов — по-военному. Написал уже в ту пору, когда, как и миллионы людей на земном шаре, стал солдатом мира.

Три тома «Живых и мертвых» стоят на моей полке. На первой странице дарственная надпись:

«Милый Саша! В этой трилогии частично отражены некоторые мысли из твоей, как ты выразился, «статейки». Кроме того, в этой трилогии частично отражены некоторые дорогие мне черты одного из моих старых друзей. Костя. 17—I—73 г.»

Щедро написано. В дружбе он и был щедрым. На мой взгляд, объективной истине тут соответствует лишь то обстоятельство, что в наших долгих, многолетних беседах о войне мы говорили не только на уровне припоминания фронтовых эпизодов, но обсуждали проблемы тактики, оперативного искусства и главным образом воинской психологии. Эта сфера духовной жизни человека резко своеобразна и сложна. Без ее знания трудно, почти невозможно писать о войне.

Симонову вроде бы нравились мои очерки и статьи на военные темы, он говорил мне об этом, и однажды я возразил:

— Ах, да оставь ты, подумаешь — статейка...

Он открыл огонь:

— А ты, оказывается, еще и притворщик. Тогда пиши романы!

— Мои статейки — это мои романы!

— Вот это другое дело.

Случай из жизни, или Казус сравнительного анализа

1

Четырнадцатого апреля 1962 года газета «Известия» напечатала отрывок из романа «Живые и мертвые». Спустя пять месяцев другая газета — «Литература и жизнь» — откликнулась на эту публикацию статьей одного известного критика. Он сравнивал те места в отрывке, где речь шла о времени культа личности, с анализом этого периода в моих работах на военные темы. Сравнивал к невыгоде романа.

Хорошо помню утро, когда, разбуженный падением пачки газет в почтовый ящик и характерным звяканьем его прихлопнутой крышки, я извлек ежедневную порцию прессы, стал ее просматривать и вскоре наткнулся на эту самую статью. Надо было действовать без промедлений.

Отложив все утренние процедуры, я сел к столу, быстро написал письмо в редакцию «Литературы и жизни», вложил в конверт, наскоро оделся и повез письмо к месту назначения. В редакции было пустынно. Уборщица выметала вчерашний мусор. В этот час на месте был только технический персонал. Я вручил конверт секретарю главного редактора, вернулся домой и принялся завтракать.

Зазвонил телефон. Это был Симонов.

— Читал «Литературу и жизнь»? — спросил он.

— Читал.

— Что думаешь об этом?

— Уже ничего не думаю.

— Не понял.

— Написал письмо в редакцию, оно уже там.

— Спасибо.

— Написал, что поддерживаю автора рецензии и благодарю за справедливость сравнительного анализа в мою пользу.

Симонов даже крякнул от удовольствия:

— Вот молодец. Этого я от тебя и ожидал. Сейчас и я им напишу.

— Ты уже позавтракал? — невинно осведомился я.

— Да.

— А я писал до завтрака.

— Твоя взяла, два ноль в твою пользу.

Наш «счет» мы вели неизменно.

Оба письма появились одновременно, в ближайшем же номере газеты. Я привожу только свое, поскольку именно в нем, что вполне естественно, кроме ответа по существу, раскрыта и природа этого самого «сравнительного анализа». И кроме всего прочего, в нем нет фамилии автора статьи, ныне уже покойного.

Вот это письмо:

Уважаемый товарищ редактор!

Искренне благодарю за положительную оценку моего очерка «Красное число в календаре» в статье «Времена меняются».

К сожалению, я не могу ограничиться этой благодарностью, а вынужден еще и протестовать против попытки хвалить меня за счет отрицательной оценки того места в новом романе К. Симонова, где речь идет о пьесе А. Корнейчука «Фронт». Дело в том, что мнение К. Симонова об этой пьесе мне неизвестно. Уверен, неизвестно оно и вашей редакции. В романе К. Симонова разговор о «Фронте» ведут два генерала. Необходимость видеть разницу между высказываниями персонажей произведения и точкой зрения самого автора не является чрезмерным требованием к критике.

Любопытно и другое. Я не обнаружил сколько-нибудь существенной разницы между своей оценкой пьесы «Фронт», горловщины и тем, что говорят на эту тему два генерала в романе К. Симонова. Они беседуют друг с другом, делятся сомнениями, размышляют вслух. Если бы я умел писать романы, возможно, мой публицистический анализ пьесы «Фронт» принял бы форму того диалога, который я с удовольствием прочел в новом произведении К. Симонова.

И вот вместо того, чтобы безмятежно радоваться хорошим словам по поводу моего очерка, я огорчился явно несправедливыми упреками в адрес своего товарища.

Я надеюсь, Вы напечатаете это письмо. Много места оно не займет, а свою пользу, наверно, даст, если, как сказано в статье «Времена меняются», размышлять «об упущениях в воспитании юношества».

В своем примечании редакция «Литературы и жизни» расценила опубликование наших писем как исправление собственной ошибки.

Говорят, на каком-то институтском конкурсе афоризмов первую премию получили такие:

«Мышление имеет большое будущее» и «У приятельских отношений серьезные перспективы».

Мне нравится этот прогноз, если под приятельскими отношениями подразумевать мужскую дружбу, ту, которая прославлена клятвой Герцена и Огарева на Воробьевых горах, ту, что побуждает выручить товарища в бою, в беде, разделить с ним радость жизни или быть счастливым просто от сознания того, что в этом городе есть человек, который тебя понимает и любит. Он знает о тебе, а ты о нем — все. Вы понимаете друг друга с полуслова и убеждены, что ваша дружба никогда и ни в чем не заставит вас поступить непорядочно, нарушить нормы вашей нравственности.

Вы сошлись в деле, на работе. Вы не мухи на оконном стекле — встретились, пожужжали и разлетелись. Вы не собутыльники, хотя и не возглашаете с испугом «чур меня», увидев на столе бутылку вина. Вы делаете общее дело, связаны общей верой, общими принципами. Вам нравится, как ваш друг говорит, спорит, вы поддержите его в трудную минуту, не ожидая его просьбы, вы охраняете его интересы, как свои собственные и даже еще решительнее. Если у вас неприятности, вы у него у первого ищете совета. Вы знаете его слаботи, но никогда не сыграете на них, даже если вас развела неожиданная размолвка или ссора.

Вероятно, ваш друг не идеальный человек, впрочем, как и вы сами. Но почему-то вам кажется, что вдвоем вы приобретаете какое-то новое качество — то, какого не существует у вас порознь.

Но бывает, что прекращается совместная работа, изменились какие-то обстоятельства, условия жизни, друзья стали видаться реже, у них возникают новые связи, новые друзья. Я предпочитаю старых. Не страшно, если вы не встречаетесь так часто, как прежде. Не виделись полгода, а встретились — и будто не лежат между вами время и расстояние. Первые две реплики — и все, как было...

Это и есть мужская дружба. Если у друга неладно, помочь ему — дело мужской чести. И тут самое главное — быстрота реакции, скорость. Недаром по городу мчатся кареты «скорой помощи», если человек заболел. А если грустит, печалится, если несправедливо и горько обижен? Скорее на помощь! Не нужно долго размышлять, когда есть повод спешить на выручку друга. Размышления сушат порывы сердца. Спешить нужно еще и затем, чтобы не оставить другу времени для отчаянных сомнений в тебе, в твоей твердости и решимости помочь.

Такие сомнения — самое тягостное, самое горькое и в дружбе и вообще в жизни. Вы всегда знаете, чего можно ждать от недруга, и хладнокровно встречаете его козни. Но измена друга, даже его промедление в час, когда он вам нужен, ранят сердце. После такого удара человек черствеет — «кому верить?», замыкается в себе — «я никому не нужен», а иногда меняет взгляд на людей — «все такие!». Седеют голова и сердце.

К счастью, знаю это из вторых рук. Так сложилось — я не нуждался, за одним исключением, в существенной помощи друзей, тьфу-тьфу, не сглазить бы. Но близость друга, ощущение его постоянного уважения ко мне, веры в меня, ласково-насмешливой похвалы или участливого порицания — я остро нуждался в дружеском прикосновении, как в теплоте самой жизни.

Настоящая мужская дружба рыцарски благородна. Все то, что исходит из ложного правила солидарности — «хоть сопливые, а свои»,

или «наших бьют!», или пресловутое «ты мне — я тебе» — всё это барахтанье в жизненной тине, ничего общего не имеющее с истинной мужской дружбой.

То же самое и групповщина в литературных отношениях. Она основана на «взаимовыгодных интересах», полезных в международной и прочей торговле, но, по существу, слепа и глупа. Культуры чувств в таких отношениях не бывает, а так, озираются люди исподлобья: «пока сошло, посмотрим, что дальше будет». Групповые интересы встают над убеждениями, совестью, вкусом человека, он должен безоговорочно подчиняться некоей «орденской» дисциплине — «своих хвалю, чужих ругаю».

Сотрудник одного литературного журнала спросил у меня:

— Вот вы с Симоновым — друзья. А могли бы вы возразить против публикации его произведения у вас в журнале?

Я от души рассмеялся:

— Как раз на прошлой неделе отказался от его очерка о Норвегии, было у нас в портфеле кое-что получше. Автор согласился, позвонил в другой журнал, там очерк взяли.

Прошло время, и Симонов вручил мне небольшую книжечку — «Норвежский дневник». Наверно, он был не очень ею доволен, хотя и прибавил туда многое в сравнении с тем, что когда-то предлагал своей редакции. В предисловии автора сказано, что вот, дескать, был в Норвегии впервые и недолго и поэтому «пишу о ней с некоторой робостью, вполне отдавая себе отчет в недостаточной широте и разносторонности изложенных здесь впечатлений».

Но не буду забегать вперед. Цитату из предисловия я, конечно, не помнил. Да и вообще забыл о существовании «Норвежского дневника» в книжном варианте. А дело было так.

Эта главка — «Случай из жизни» — была уже написана и перепечатана, когда я неожиданно обнаружил у себя, на обширной полке с симоновскими книгами, этот самый «Норвежский дневник». Вот, подумалось, возможны еще сюрпризы в собственном доме!

Ну, а какая там надпись? Может быть, кисло-сладкая или в форме «реванша» за отвергнутый очерк, да и вообще, есть ли она?.. Снял с полки книжку, открываю, сразу попадаю на предисловие — все написано правильно и честно. А на оборотной стороне первой страницы, оставшейся за пальцем, просвечивают синие чернила. На титульном листе написано: «Дорогому Саше — с благодарностью за то, что он не стал печатать сие в «Новом мире». Твой Костя. 10/II.1956 г.».

Таков Симонов.

Подобное бывало не раз, случались расхождения и более серьезные. Но, дорожа дружбой, ни тот, ни другой из нас не считал для себя уроном признать собственную ошибку.

Продолжение прозы,

или

Еще несколько слов все о том же

1

Поколение, к которому принадлежал и сам Симонов, и те, кто был чуть моложе его, искали и находили в его предвоенной поэзии и стихах военной поры, в его драматургии и прозе характеры цельные, мужественные, целеустремленные, верные своему призванию, своему человеческому и гражданскому долгу.

О своей влюбленности в симоновское творчество и о том, как оно шло вровень со всей его жизнью, хорошо рассказал однажды известный артист Кирилл Лавров:

«Я давно, задолго до того, как стал артистом, любил писателя Симонова. Во время войны, как все, зачитывался его стихами, многие знал наизусть. Когда служил в армии на Курильских островах, первая моя роль в самодеятельности — Боб Мэрфи из пьесы Симонова «Русский вопрос». Поступал в Киевский театр имени Леси Украинки — читал симоновское стихотворение «Красная площадь». Наконец, в Ленинградском БДТ сыграл Чарльза Говарда в спектакле «Четвертый» и на премьере познакомился с автором, Константином Михайловичем Симоновым. Это роль острохарактерная, почти гротесковая.

Вдруг совершенно неожиданно Константин Михайлович говорит мне, что режиссер Александр Борисович Столпер собирается снимать «Живые и мертвые» и меня (меня!) пригласят на кинопробы. Но ведь нет ничего общего между «акулой капитализма» из спектакля «Четвертый» и Синцовым из «Живых и мертвых». И кинематографического опыта у меня почти не было. Хотя ни на что я не мог надеяться, сердце мое затрепетало.

Потом началась работа...»

Я одним из первых смотрел ее итоги.

Железным резцом врезана война в народную память. Сколько лет прошло с того июньского утра?.. Но вот кольнет тебя в сердце что-то, и вдруг выплывет откуда-то из прошлого, словно из текучего тумана, придвинется к тебе война — сама она со всем ее грохотом и воем, со сводками, донесениями, со страхами и надеждами, с отчаянием и великой верой. Так было и на этот раз. Три с лишним часа на широком экране бушевал сорок первый год в картине «Живые и мертвые».

Давно известно: кино — самое важное и самое массовое из искусств. Но оно также и самое «загадочное». Люди редко задумываются над технической «тайной» превращения молочно-дрожащего луча из проекционной будки в картины жизни, полные движения, страсти или тихого раздумья.

Да и тайна эта в век электроники и атома не столь уж велика. Ее объяснит любой школьник. Но она продолжает поражать с новой силой, особенно в последние годы, когда кинематограф стал успешно осваивать монументальную форму экранного романа. Мы видели уже такие фильмы — отечественные и иностранные — и с чувством удивления и признательности поняли вновь, какие возможности таит в себе это искусство.

Всякий раз, когда речь идет о киноинсценировке известного произведения литературы, критиков так и тянет сличать первоисточник с его кинематографическим перевоплощением. Мне не кажется это занятие плодотворным. Обычно оно носит характер не столько исследовательский, сколько следовательский, — какие куски романа или повести остались закадровыми, что представлено в фильме точно «по оригиналу», а что с отклонениями. Установить такое механическое несоответствие не составляет труда в любом случае. И вот начинается экзекуция режиссера: а почему нет того да почему нет этого?

Но если мы говорим о перевоплощении, то подобные вопросы остаются праздными. Метод скрупулезного сличения романа с фильмом — это, в сущности, попытка судить произведение одного вида по законам другого.

Кинематография не подсобное искусство по отношению к литературе. Она обладает художественным суверенитетом и собствен-

ными формами выражения. Вот почему я не перечитывал «Живых и мертвых» ни до, ни после того, как смотрел фильм, снятый по роману. Главное — идейно-эмоциональный итог обоих произведений совпадает.

Народная драма войны возникает на экране в образах сильных и достоверных. Они полным голосом сказали об испытаниях, выпавших на долю советских людей в первый год войны. Здесь многое — и горькое, рвущее душу недоумение бойцов, с тоской глядящих на небо, где еще так мало наших «ястребков», и размышления старого рабочего о пресловутом «факторе внезапности», амнистирующем ход событий, и первые, еще робкие, но уже пугающие Серпилина мысли о Сталине; здесь душевное смятение Ивана Синцова, стиснувшего зубы перед стеной недоверия, в чем-то понятного на войне, но не переставшего от этого быть мучительным для честного человека; здесь и сильная рука поддержки, протянутая ему такими прекрасными коммунистами, как Калинин.

И над всем этим залитое кровью лицо нашего бойца — солдата СССР, копящего в себе волю все перетерпеть, вынести, но одолеть врага.

Фильм масштабен. Обилие эпизодов не размыло в нем связного повествования о целом годе войны. Приметы этого времени точны и убедительны, начиная с фронтовой дороги к Березине и кончая боями под Москвой.

Не знаю, намеренно ли это сделано, но генерал, прибывший с Волоколамского участка фронта в столицу принимать пополнение, необыкновенно похож на Ивана Васильевича Панфилова — прославленного командира дивизии, где служили двадцать восемь героев. Такая же у него резко обрубленная щеточка темных усов, тот же короткий полущубок с перекрестьем ремней, та же приземистая, ладная фигура. Может быть, просто совпал типаж — а для меня он лишний штрих достоверности.

Масштабы фильма не только во времени, какое он охватывает, хотя можно точно определить координаты: Западный фронт, июнь — декабрь 1941 года. Они в другом, и прежде всего в воздухе, которым дышат герои картины.

Мы знаем талантливые произведения, обескровленные их подкожным тезисом: война есть война и советский солдат может-де заснуть на посту так же, как и древнеримский легионер. Заснуть он, конечно, может, но все дело в том, что он видит во сне и наяву. Да — я это уже сказал, — и из окопной щели наши люди видели небо своей Родины и ее идеалы.

2

Как это необъяснимо странно, когда краткий перерыв между двумя частями возвращает тебя в зал, отрывая от экрана, где только что кипела война с ее трагическим чередованием окопной шутки и предсмертной судороги, равнодушных облаков и черно-красного следа, прочеркнутого в них зажженным самолетом, гибельной трусости и изумляющей сознание отваги.

Мне кажется, по быстроте вовлечения в глубокое «сопереживание» кинематограф не знает равного себе искусства. И еще по непрерывности, цепкости его плена — ведь редкую книгу прочитываешь сразу.

Даже при одинаковой оценке фильма каждый уносит с экрана что-то особенно ему дорогое. Я до сих пор вижу умирающего командира дивизии полковника Зайчикова. Он лежит на носилках в лесу, в окружении. Ему сказали: знамя дивизии спасено. Старшина Ковальчук вынес дивизионную святыню на себе.

Полковник шевельнул губами: «Где оно?» Ковальчук расстегнул ремень, уронив его на землю, и, задрвав гимнастерку, разматывает обернутое вокруг голого тела полотнище. Он прихватил его за край и растянул, чтобы комдив видел его все, будто на древке.

Глядя на знамя, комдив заплакал. Он плачет так, как может плакать обессиленный и умирающий человек — тихо, не двигая ни одним мускулом лица, слеза за слезой медленно катится из его глаз.

А рослый Ковальчук, держащий знамя в больших, крепких руках и глядящий поверх него в лицо лежащего на земле командира, тоже заплакал, как может плакать здоровый, могучий, потрясенный случившимся мужчина — горло сжалось от подступивших слез, а плечи и сильные руки, держащие полотнище, ходят ходуном от рыданий.

Я видел, сначала в романе, а теперь на экране, в гуще молодого ельника противотанковую пушку-сорокапятимиллиметровку — пушку дивизиона, принявшего бой с фашистами под Брестом. И возле нее — пять артиллеристов, вижу их уже не мысленным взором, а как бы наяву. На экране они стереоскопичны, кажется, можно пожать им руки.

Я смотрю вместе с Серпилиным на этих молодых парней. Он не видит меня, но я резко, отчетливо вижу и ребят, и его самого, его дрогнувший тяжелокаменный подбородок, его глаза, в которых и скорбь и восхищение.

И я вместе с ним в который раз даю клятву до самой смерти не забыть ничего из того, что видели своими глазами и Иван Синцов, и Федор Серпилин, и Константин Симонов, и все, все мы, кто был на той войне.

Я вижу грузовик с раненым Синцовым и случайными его спутниками — бойцами, движущийся в неизвестность. Они растерянны. Картины тяжкого отступления теснятся в их сердцах. Недолго и до паники. Но вот на дорогу так же, как и в романе, словно черти из преисподней, выскакивают наши танкисты со зло поигрывающими желваками — в черных шлемах, с автоматами в руках.

Властный приказ поворачивает машину на просеку, в лес, туда, где всем распоряжается капитан Иванов — «на моей фамилии вся Россия держится». Его прекрасно сыграл артист Ефремов.

Он в прожженном на боку комбinezоне, с перевязанной рукой, с немецким автоматом на груди, с черным от усталости лицом и грозно горящими глазами. Капитан наводит здесь порядок. Он собирает пехотинцев, рассеянных в лесу, потерявших свои части, выбирающихся из окружения. Он приводит людей в чувство. Он — сама твердость, этот человек с хриплым голосом и неумолимым взглядом. Он — сама стойкость армии, готовый исполнить свой долг до конца, дорогой наш капитан Иванов!

Я вижу верстовые столбы. Они возникают из наплыва в наплыв. За ними меняются пейзажи: то осенняя глинистая земля, то скованная морозом дорога, то снежная метель, пробитая пламенем горячей деревни. Меняются и цифры на изогнутых железных дощечках этих столбов. До Москвы — 110 километров... 90... 80... 70... 40... Сорок километров до Москвы. А потом я вижу эту череду столбов, но уже в обратном направлении. Это наступает наша армия, гонит врага от Москвы.

И в колонне бойцов идет Иван Синцов на Запад, и ты повторяешь про себя звучащие за кадром слова: «Им надо было заставить себя привыкнуть к простой, но трудной мысли, что как бы много уже ни оставалось у них за плечами, впереди была еще целая война».

Синцов на экране поразительно таков, каким, например, мне хотелось бы его видеть. Игра Кирилла Лаврова, размышления которого стали началом этой главы, так естественна, что перестаешь оценивать актера — высшее, чего он может желать. Синцов в его исполнении живет сложной внутренней жизнью. Не вся она возникает во внешнем действии, но зритель не перестает ощущать ее в своем воображении.

О Серпилине — Папанове существует уже целая литература. По моему, он не очень удачно входит в фильм — слишком говорливым и прекраснодушным. Так, правда, длится недолго — только в первом эпизоде встречи с Синцовым и Вайнштейном. И то, что на самом деле Серпилин внутренне шире, а внешне скупее, актер успешно подтверждает дальше.

Конечно, Синцов и Серпилин — главные герои. Но и большинство эпизодических персонажей выступает в фильме точно и броско. Прасковья Куликова — пожилая нянечка из больницы, просящая Малинина зачислить ее в батальон санитаркой, старшина Ковальчук, спасший знамя, пять бойцов-артиллеристов со своей пушкой — все они и многие другие подлинны до мелочей. Нельзя не запомнить водителя Петра Золотарева, его облик, его ответы Серпилину. И даже то, как он произносит самое простое: «Есть, товарищ генерал», — превосходно по интонации.

Искусство никогда, наверное, не утолит свою жажду эксперимента. И, конечно, большой талант, подлинное новаторство могут опрокинуть привычные вкусы, сделать открытие там, где, казалось бы, и нет «белых пятен». Но если уж выбирать между честной, хотя и вполне традиционной работой опытного мастера и ухищрениями ложной значительности — с чистым сердцем и радостью проголосовать за первое.

Я смотрел этот фильм давно. Но очень хорошо помню свои ощущения в зрительном зале. Фильм уже тогда сказал мне о долговременности «Живых и мертвых». Роман эпичен. Таким же вышел и фильм. Это вам не «Бабетта идет на войну». Это наша боль, наши слезы, наша вера. Так далась народу та тяжелая година, что трудно вато нам выкраивать из нее сюжеты для буффонадных комедий или туманных абстракций. Когда ставишь фильм для живых, нужно думать и о мертвых. Тех, кто во имя жизни пал на войне.

Поездка в Сухуми,

или

Что такое пульмонология

1

Такие вагоны в старину назывались пульмановскими. В узком купе сосредоточен весь комфорт начала века. Массивные дверные запоры из меди, такие же ручки, угольники оконной рамы, крючки, защелки.

Все медное, желтое, медовое, будто золотое. Все начищено, надраено и сияет нестерпимым блеском. Медный обод плафона на потолке, окруженный протуберанцами света, кажется маленьким солнцем. Поручни, занавеси, покрывала двух диванов — красно-бархатные. Золото и бархат окружают здесь пассажира.

А куда ведет эта загадочная дверь с витражным стеклом и сверкающей медной ручкой? В умывальник, где тихо журчит вода и властвует аромат дорогого мыла. В купе томно постанывает калорифер, уютно и покойно. Ездили в таких вагонах только очень богатые люди. Билет стоил дорого.

В послереволюционную эпоху цена на все три класса пассажирского движения как-то подравнялась. Разница между жестким, мягким и пульмановским стала небольшой. Просто в эту золото-бархатную обитель было трудно достать билеты, да и вагоны эти с течением времени выходили из строя. Их обновляли, ремонтировали, реставрировали, но встречались они все реже и реже. Им на смену шли новые, чистые, удобные, в них не было никаких завитушек, все было циркульным, геометричным, никакого бархата, медь уступила место латуни, и они становились все более похожи на процедурный кабинет в хорошей поликлинике.

Весной 1974 года я собрался в Сухуми на празднование столетия со дня рождения Дмитрия Гулиа, создателя абхазской азбуки, основоположника литературы этого прекрасного народа. Ехали мы именно в таком старом пульмановском вагоне вместе с Симоновым и его женой, искусствоведом Ларисой Жадовой.

Повар поездного ресторана, высокий пожилой абхазец с горящими глазами и маленькими усиками профессионального обольстителя а-ля Адольф Менжу (был когда-то такой популярный киноактер, играл в чаплинской «Парижанке»), узнав, с какой целью мы направляемся в Сухуми, пронизал меня взглядом и спросил: «Какое ваше любимое блюдо?»

Не задумываясь, я ответил: «Картошка во всех видах». Красавец повар исторг из-под бровей две молнии и потребовал подтверждения: «Это правда?» Я поклялся. Позже он принес нам в вагон большое блюдо свежеподжаренной картошки с луком и сказал: «От имени юбилейного комитета». Симонов, взглянув на золотисто-коричневую гору картофеля, рассмеялся:

— Узнаю железный вкус одного моего знакомого! — И с этими словами вытащил из чемодана бутылку молдавского хереса. Я предпочел глоток более крепкого, и мы славно поужинали.

Что касается «железного вкуса», то в этом определении подразумевалась еще и сцена из трилогии «Живые и мертвые», когда Гурский угощает обедом Синцова, приехавшего с фронта в Москву, и, взглянув на поднос приблизившейся к ним официантки, восклицает: «Картошечка! Молодец Д-диночка. Вот теперь вижу, что ты меня действительно помнишь...». Синцов похвалил и кету и картошку, потому что все это действительно было вкусным и потому, что хотел сделать приятное Гурскому, который просто просиял при виде этой картошки».

Роман печатался в журнале «Знамя», и, прочитав эту сцену, я сказал Симонову:

— Вот, старик, место, где ты поистине достиг вершин мастерства в репродукции характера и вкусов прототипа.

— Прекрати травлю! Пойдем поедим где-нибудь свежеподжаренной картошечки с огурцом.

Я обрадовался:

— Конечно. Только у меня дома. Ты что, не знаешь, в столовых и ресторанах ее теперь так не жарят. У них сейчас разные скороварки, картошка почему-то выходит из них либо мокрая, либо серая. Из фритюра она тоже по непонятной причине извлекается бледной, испуганной, а когда готовят ее «а-ля Пушкин», то она получается со-

всем черной. А почему? — Я распаялся все более и более: — Повара спешат. Картошку готовят с утра на весь день — какая уж тут свежее-поджаренная. Ах, картошка, картошка — «пионеров идеал». Теперь их идеал грейпфруты, мамыши из магазинов этот фрукт мешками несут. Не понимаю, по-моему, лучше, вкуснее и здоровее хорошо приготовленной картошки нет ничего на свете. А ты знаешь, что есть ровно сто способов приготовления картофеля?

— Вкус и железный и постоянный, — прервал мою тираду Симонов. — Пойдем!

Мы пошли ко мне домой, нажарили «как надо» на подсолнечном масле сковороду картошки и, выложив к ней соленые огурчики, наелись этим несравненным блюдом досыта.

Симонов уже был болен, но в дни нашей сухумской поездки болезнь его находилась в состоянии ремиссии, то есть ничем себя не проявляла, не беспокоила. Пневмония коварна. Она часто подкрадывается в облике «орз» — острого респираторного заболевания и, если его не вылечить, может перейти в воспаление легких. Если крупозное, то в старые времена от него умирал каждый четвертый.

Так ушли из жизни скрученные тяжким недугом Герцен, Лесков... Антибиотики заставили болезнь отступить, но дело в том, что ее обязательно нужно лечить до конца, иначе она становится хронической и любая простуда может привести к обострению. А тогда весь лечебный процесс приходится начинать сначала.

Та самая охрана экологической среды, о которой мы часто поминем как о чем-то полуабстрактном, имеет прямое отношение к росту легочных заболеваний. Запыленность воздуха, выхлопные газы, курение, сидячий образ жизни, не говоря уже о переохлаждении, особенно весной и осенью, прямиком ведут к этим недугам. Невылеченный бронхо-легочный процесс оставляет в организме тлеющий очаг инфекции — он может привести к роковым последствиям.

Но болезни эти вполне излечимы при обоюдном внимании к их ходу — больного и врачей — и строгом исполнении лекарственных предписаний. Многое зависит от ранней диагностики. Пневмонию или бронхит легко принять за обычную простуду — покашливание, насморк, недомогание.

Несколько лет тому назад изучение и лечение болезней легких было выделено в особую область медицины — пульмонологию. Это произошло немногим раньше того времени, когда мы, покачиваясь на мягких вагонных рессорах, мчались в Сухуми и я рассказывал Симонову о принципах этой теперь самостоятельной медицинской сферы.

Дело в том, что я сам, и это установлено документально, стал жертвой небрежного диагноза. Вовремя не распознанное воспаление стало затяжным и, чтобы оборвать его, понадобились длительные усилия такого знатока своего дела, как доктор Вячеслав Петрович Малыгин — ныне главный терапевт Военно-Морского Флота. Я с трудом привыкал к необходимости «беречься» и был просто убит, когда узнал, что с Симоновым приключилась такая же беда.

Ах, как тяжело было привыкать к «щадящему» режиму, несмотря на то, что за его нарушения болезнь лупила меня нещадно. Так нелегко расставаться с затянувшейся молодостью человеку, который до тех пор ничем и никогда не болел, никогда не лежал в больнице.

Я знал, что Симонову этот щадящий режим будет еще труднее. Здоровые люди обычно верят в свою физическую несокрушимость, полагая, что ей не будет износа «до скончания веков». Увы, как и большинство теорий исключительности, рушится и эта.

После ужина в купе я подробно рассказал Симонову о том, что нового внесла эта самая пульмонология в лечение бронхо-легочных недугов. Тема тоскливая, особенно после хереса, и, выложив ему все свои с такими хлопотами накопленные сведения, я спросил:

— Понял все?

— Понял,— мрачно ответил Симонов,— все понял. Значит, теперь проводники нашего вагона зовутся пульмонологами.

Мы в ту же секунду забыли про всю медицину, дружно втроем расхохотались и потянулись к хересу.

2

В Сухуми Симонова встречала вся местная власть. Ко мне подошли наши общие друзья, грузинский поэт Карло Каладзе и Георгий Гулиа — сын того, кто стоял у истоков абхазской литературы. В Сухуми празднично, возбужденно, зажигательно.

Юбилейные дни текли своим чередом, а мы с Симоновым, встречаясь то здесь, то там, вспоминали, как славно проводили время двадцать лет назад в этом городе, в доме у почтенного старца Дмитрия Иосифовича Гулиа.

Однажды его сын Георгий все крутил и крутил на патефоне пластинку «Хороши весной в саду цветочки». Дмитрий же Гулиа не мог пересилить голосистую певицу своим слабым надтреснутым тенорком и все отмахивался рукой от хриплых звуков патефона, словно отгонял от себя звон комариной стаи.

Отец Гулиа на фотографиях казался высоким, даже огромным мужчиной в своем парадном бешмете с газырями. На самом деле он был человеком ниже среднего роста, а в старости тщедушным и хилым.

Теперь он, не слыша собеседников, умоляюще повторял, обращаясь к сыну:

— Георгий, не надо, не надо.

Но музыкальный отпрыск был неумолим. Я встал, решительно подошел к широкой тумбе, приподнял патефон и вместе с крутившейся пластинкой отнес его в соседнюю комнату. Когда вернулся, Симонов и Дмитрий Иосифович говорили о языковедческих исследованиях академика Марра и были обоюдно счастливы.

Как давно и как недавно это было! В тот раз в Сухуми я почему-то остро почувствовал ход времени. Я еще не считал себя ни пожилым, ни пожившим. По-моему, и Симонов держался того же ощущения. Но тут вдруг странно обозначилось движение лет. Мы гостили в этом городе два десятилетия назад, а человека, который был так интересен нам и радушен, давно нет в живых, его имя носит лайнер, плывущий где-то в океане, а на городской площади стоит ему памятник.

Двадцать лет! А ведь еще раньше была такая долгая война, а потом почти целое десятилетие послевоенной жизни, а в Сухуми мы были только в тысяча девятьсот пятьдесят четвертом году, и уже с тех пор прошло двадцать лет. А познакомились мы с Симоновым еще до войны.

Что же это такое? Значит, за плечами у нас огромное пространство жизни, а мы, по-моему, как-то и не заметили того. Я если и оглядывался назад, то не на свои годы, а просто в историю и бродил там среди руин древних цивилизаций, вздрагивал, увидя опасную ухмылку Суллы на римском форуме. Меня захлестывали движение, топот и звон на дорогах наполеоновских походов. Я грелся у костров войны двенадцатого года вместе с партизанами Дениса Давыдова, всматривался в грозные видения гражданской войны. Картины сменялись кар-

тинами, но своя жизнь долгое время казалась бесконечной. Прекрасное заблуждение. Без него труднее жить. Но, внимательно взглядыаясь в Симонова, увидел, что он уже не молод и болен.

Уезжал я из Сухуми вместе с Карло Каладзе. На его машине мы решили ехать в Тбилиси. Прощались с Симоновым, опять вспомнили старые деньки, заговорили о славной семье Гулиа, о проблеме отцов и детей, и, чтобы не впасть окончательно в элегическую нирвану, я сказал:

— Но, по правде говоря, Дмитрий и Георгий Гулиа — это начало и конец абхазской литературы.

В остротах мы не «жалели» друг друга и уж, конечно, не искали в них буквального смысла. Дмитрий Гулиа дал своему народу азбуку. Сын его Георгий стал русским писателем. А абхазская литература процветает, представленная хотя бы таким крупным прозаиком и поэтом, как Баграт Шинкуба.

Но острота есть острота.

— Лихо! — одобрил ее Симонов. — Смотри не брякни этого Георгию.

— Уже брякнул, ему первому, он устоял, даже улыбнулся.

— У него порода устойчивая, — сказал Симонов, — да еще долгодетная. Нам бы такое.

В глазах его, или мне так показалось, мелькнуло что-то похожее на неуверенность, горечь тронула губы, какой-то холод набежал на лицо...

Задолго до этого дня, еще в пору, когда мы работали в «Литературной газете», был у нас с Симоновым один разговор о смерти, единственный за все время нашей дружбы. Во время войны, на фронте ни разу в долгих беседах мы не касались этой темы. Думать, конечно, думали. Но чтобы вслух — никогда. И не потому, что намеренно зажимали себе рот. А почему — сам не знаю.

И вот в «Литгазете» такой разговор состоялся, но был он по тону вполне шутейным, хотя потом и оставил в сознании отпечаток серьезного.

Начал его я, сказав по какому-то поводу, что предпочел бы, грубо говоря, «отдать концы» раньше, чем он.

— Это почему же? — встрепенулся Симонов, как будто речь шла о чем-то заманчивом, чего и он не хотел бы лишиться или получить во вторую очередь.

— А очень просто, — хладнокровно и сухо объяснил я, — жена в организационных делах беспомощна, а ты все устроишь мне по хорошему разряду:

— Фи! Зачем ты так! — поморщился Симонов.

— А что «фи»? Раньше люди об этих делах рассуждали спокойно, составляли завещания, предусматривая каждую мелочь. Это мы носимся как молодые козлята, задрав хвосты. Нет, я хочу раньше.

— Ладно, там видно будет, — вдруг решил Симонов. И добавил: — По правде говоря, я хотел бы жить долго.

— Что так? — удивился я.

— Понимаешь, у меня есть враги. Я не желаю им ничего плохого...

— Знаю, ты писал в стихах, что хотел бы их взять с собой даже в рай, чтобы и там повраждовать, иначе скучно будет.

— Ну вот, я им желаю дожить до глубокой старости, но сам-то хочу их пережить хотя бы на несколько дней.

— Серьезный аргумент! — подвел я итог. — Значит, по рукам.

В Тбилиси мы с Каладзе приехали уже ночью. Квартира его на улице Мачабели, 12, напротив здания под номером 13, где помещается Союз грузинских писателей. Так что, высунувшись из окна, можно переговариваться с членами секретариата.

Но мы предпочли более распространенную форму общения и вечером следующего дня были в гостях у Григола Абашидзе. Его жена, прекрасная Ламара, угощала нас блюдами с такими острейшими приправами, что каждое из них можно было считать выстрелом в желудок.

Жалели, что с нами нет Симонова, он обожал такую еду, несмотря на ее разрушительное действие. Но и я не в силах был отказаться от все более и более взрывчатых кушаний, поскольку, предлагая их, Ламара так музыкально мурлыкала: «Попробуйте, это не такое острое», — что вы всякий раз попадали на ее интонационный крючок.

Раздался телефонный звонок. Григол снял трубку, на другом конце провода кто-то, видимо, назвался, наш хозяин ответил «здравствуйте» и стал внимательно слушать, потом сказал «спасибо» и спросил, «а нельзя ли узнать, кто еще?», выслушал ответ, еще раз поблагодарил и повесил трубку, он нам ничего не сказал, и его непроницаемое лицо не выразило никаких эмоций.

Ламара продолжала очаровательно мяукать, ужин шел свспм чередом, а когда мы, сильно проперченные и прочесноченные, решили прощаться, Григол, желая задержать гостей, открылся: «Мне сказали, что подписан Указ. Мне присвоили звание Героя Социалистического Труда. И Симонову тоже, — добавил он, предупреждая мой вопрос. — Только это пока секрет. Указ будет опубликован через несколько дней». Мы с Карло вернулись к столу, сообщая провозгласили пышный тост и под сложный аккомпанемент восхитительного мурлыканья начали все сначала.

Рано утром следующего дня я прогулялся на телеграф и дал телеграмму Симонову в Кисловодск, в санаторий, куда он должен был выехать из Сухуми. Текст ее был таким: «все в порядке тире бычки в коробочке тчк поздравляю героя».

Через три дня я вылетел в Москву, и вскоре пришло из Кисловодска письмецо:

«Милый Саша, получив твою смешную телеграмму, долго (целый день) тужился над остроумным ответом. А потом вдруг вспомнил последний наш с тобой вечер в «Литературке», когда уже, как говорится, я отдал концы... (речь идет о его переходе на работу в Союз писателей. — А. К.) и мы с тобой с горя сели и выпили сколько могли (тогда). И, вспомнив, захотел тебя серьезно поблагодарить за все доброе, что связано у меня в жизни с тобой, а уже заодно и за твою смешную и добрую телеграмму. Будь здоров! Твой Симонов, Костя. 15.IV.74. Кислые воды».

Я прочел письмецо раз, другой, и что-то в нем меня странно расстроило. Несмотря на бодрый тон, оно показалось мне грустным, была в нем какая-то нотка подведения итогов, да и не приняты были у нас с Симоновым такие излияния и благодарности друг другу. Все ограничивалось рукопожатием, взглядом, без лишних слов.

Когда, спустя срок, мы встретились в Москве, Симонов был свеж, бодр, весел, и я ни в чем не нашел подтверждения своей тревоги.

Искушение остроты, или Несколько объективных слов

1

Острота насчет отца и сына Гулиа требует и серьезного разговора. Еще в 1947 году Георгий Гулиа приехал в Москву и привез рукопись «Весны в Сакене». Она понравилась мне своей свежестью, новой интонацией. Может быть, стакан был и не слишком вместителен, но это был свой стакан. Молодой автор пил из него уверенно. «Весна в Сакене» была посвящена людям труда, не знающим праздности всю жизнь — с самого детства. Питье в стакане Гулиа было шипучим. Написана его вещь была нарядно, весело, с лукавым юмором.

Раньше других членов редколлегии «Нового мира» рукопись прочел Симонов (он получил ее в Сухуми). Но он сказал Георгию Гулиа: «Читать будет еще Кривицкий — так у нас в «Новом мире» заведено, решаем оба, на равных правах». Это не было сущей правдой, но Симонов хотел оставить для разговора с Гулиа возможность уточнить свое в целом положительное мнение. Одно дело — чтение в Сухуми, где все почему-то кажется лучше, чем есть. И другое дело — в Москве... Одним словом, Симонов поступил, по-моему, правильно.

Гулиа, как он потом признался, очень боялся встречи со мной, опасался неожиданных решений и оценок.

Но все его страхи оказались напрасными. Мне его вещь искренне понравилась. Дали читать остальным членам редколлегии, решили печатать. Но, пригласив автора на заседание редколлегии, набросали ему множество замечаний.

— Согласны вы с замечаниями? — спросил я Гулиа.

— Да, с большей частью согласен, — ответил он.

— Хватит вам месяца, чтобы сделать поправки и дописать необходимые куски?

— Маловато, конечно, — сказал Гулиа, — но думаю, что уложусь. И ушел.

Это было утром.

А на следующий день вечером я его встретил в нашей редакции — он зашел, чтобы позвонить кому-то по телефону.

— Как вы устроились в Москве? — спросил я.

Дело в том, что редакция сняла ему номер в гостинице, чтобы он мог спокойно работать, и я хотел знать, все ли в порядке.

— Спасибо, хорошо.

— А вы уже начали работу?

Тут он огляделся по сторонам так, как оглядываются люди с нечистой совестью, и проговорил очень тихо:

— Я уже все сделал!

— Как?! И написали новую главу?

— Все сделал, все.

— Так почему же вы не принесли?

— Э-э... Мне сказали, что это несолидно...

— Так что же вы решили?

— Обождать месяц...

Я был поражен. Неужели действительно так и есть? Неужто он для «солидности» задерживает готовую рукопись? Или передо мной просто легкомысленный краснобай, рассказывающий небылицы.

— Вот что, — сказал я. — Берите мою машину и сейчас же привезите рукопись.

Никакой срочности в этом не было. Но я решил получить ответ на свой недоуменный вопрос.

Через полчаса рукопись Гулиа лежала на моем столе. Да, действительно, все исправления и дополнения в ней были сделаны. Как говорят, невероятно, но факт.

Должен сказать, что такая непостижимая оперативность Гулиа все же содействовала ускорению публикации его произведения.

...С тех пор прошло много лет. Мы с Георгием стали друзьями. Но сейчас, говоря о нем как о писателе, я не стану кривить душой. Считаю лучшими у него две книги: «Весна в Сакене» и «Сулла». Высоко ценю его дар исторического романиста. Уверен, что «Сулла» недооценен критикой как исторический роман. В отличие от большинства произведений этого жанра он краток. В этом смысле все исторические романы Гулиа больше похожи на «сжатую историю» в серии «проклятых королей» Мориса Дрюона, чем на словоохотливые, пухлые сочинения некогда популярного в России Георга Эберса.

Но не в этом, разумеется, дело. Автор, как бы это точнее сказать, ну, решительно идет к главной цели. Не тратит лишнего времени на историческую «костюмность», а стремится к сути, главным образом к сути Суллы. Используя первоисточники, дает свое истолкование характера этого человека, чья опасная ухмылка действительно заставляет вздрогнуть и через века. В большом отдалении исторические фигуры выглядят порой лишь как рабы своих капризов. На самом же деле в большинстве случаев существуют весьма сложные и по-своему логичные (во всяком случае, по логике того времени) мотивировки их поступков.

Гулиа ведет читателя через сложное сплетение элементов романтики с реализмом к полнокровному повествованию. Оно не стоит на месте. Эффектные эпизоды следуют один за другим, бурный водоворот событий влечет нас к центру напряженной интриги.

Автор смотрит на Суллу не со снисходительной точки зрения человека XX века, уставшего от своих исторических знаний. Между прочим, замечу: истинная достоверность такого рода знаний подчас сомнительна, бывает, что и подлинные знания не спасают от неловкостей. Очень я удивился, когда прочел в одной серьезной работе такую фразу: «Бедный, наивный Наполеон...»

Так вот. Спрятав такую скептическую улыбку, Георгий Гулиа как-то чудом трансформировался в современника Суллы. И таким образом получил возможность смело открывать в нем черты характера, мышления, психологии того времени, кое в чем поучительные для наших дней.

Что касается характера самого Гулиа, то хочу сказать о его удивительном оптимизме и тонком понимании юмора. Он на моих глазах сто раз умирал от смеха и все еще живой. Может быть, именно благодаря этому...

Новогодний тост, или История неотправленного письма

1

На исходе семьдесят шестого года развернул я «Литературную газету», и в глаза бросилась небольшая заметка Симонова. О чем он? Ого, да это, кажется, новогодний тост! Читаю:

«Я встречаю этот Новый 1977 год в Кисловодске... Мы, литераторы, все еще в долгу перед нашими медиками...»

Вот как, оказывается! А дальше?

«...И мне хочется сегодня поднять новогоднюю чарку, вместимость которой, разумеется, согласована с моим лечащим врачом, за наших медиков — и убеленных сединами и молодых людей самой доброй и самой ответственной в мире профессии. И добавлю к этому — именно от них, от людей, за здоровье которых я сейчас пью, именно от медиков, больше, чем от кого-нибудь другого, зависит, сколько новых годов доведется еще встретить в своей жизни любому из нас».

Не понравился мне этот тост, видимо, не ощутил я всего, что томило душу Симонова. Подумал так: живет в санатории, вокруг люди в белых халатах, врачи, сестры, нянечки, он захотел сделать приятное, обратился к ним со страниц популярной газеты.

Я сам, когда лежал в госпитале, писал в стенгазету пульмонологического отделения стихотворные тосты перед Новым годом в таком роде: «За старшую сестру Надежду, что доброй феей среди нас скользит, не поднимая глаз, но оставляет мне надежду».

В симоновском же тосте меня удивила серьезная целенаправленность в канун веселого праздника да упоминание о долгах литературы медицине. Я обвел заметку фломастером, отложил газету в сторону и решил написать Симонову по этому поводу письмо, скорее всего в юмористическом тоне.

Сразу не написал, помешали разные дела, потом как-то наткнулся на отложенную газету, перечитал ту заметку и стал писать. Вот письмо:

«Дорогой Костя! Я прочел в «Литературной газете» твой тост за медиков и чуть не расплакался. Значит, теперь будем первый бокал поднимать не за женщин, а за врачей?»

Но поразило меня в самое сердце твое утверждение, будто литература в долгу у медиков. По-моему, она вообще никому ничего не должна. Если бы человечество следовало идеям, проповедью которых литература занималась еще со времен Евангелия, не говоря уже об эпохе социальных романов, то дела людей шли бы куда лучше.

И разве гении литературы не обгоняли свое время, работая как настоящие передовики-стахановцы не только в следующем году, но и в будущих веках?!

Примеры, разумеется, тебе известны.

И разве не существовала во все времена литература утопическая, фантастическая, а теперь так и футурологическая? И разве Достоевский не в такой же мере писатель будущего, как и настоящего. И разве недостаточно его одного, существования его книг, чтобы снять с литературы обвинение в какой бы то ни было задолженности кому бы то ни было.

Скажу тебе по секрету: по-моему, литература поставила перед сознанием человечества столько образцов добродетели и целомудрия и так прославила его лучших представителей, что в обозримое время у него (человечества) не хватит еще ума, чтобы следовать этим примерам.

Сознание, черт возьми, отстает!

А вот медицина должна литературе, это бесспорно. И должна бесконечно много. Долг этот увеличивается. Подумай только, медицина не смогла сделать операцию Пушкину и тем спасти его жизнь, не смогла вылечить Белинского в прошлом веке и Чехова в начале нынешнего.

А сколько она задолжала нашим дням?! Как страшно то, что произошло со Светловым, с Твардовским, с Мишей Лукониным... Гос-

поди, да что там говорить! Долг медицины литературе все растет и растет. Он неоплатен. Любая другая отрасль жизни при таких долгах стала бы банкротом, а эта, о боже, оглядывается по сторонам как ни в чем не бывало.

Нет, старик, я сам болел, понимаю тебя, но легче признать «царские долги», чем мнимые долги литературы медицине. Ты что, забыл Амбруаза Паре, старого лекаря французских королей в романах Дюма, забыл чеховского военного врача Чебутыкина, иерархию медперсонала в «Спутниках» Пановой, трилогию Юрия Германа «Дело, которому ты служишь» с ее врачами во главе с милой Ашхен, сотни, буквально сотни эскулапов, изображенных российской литературой, не говоря уже о мировой. Да ты и сам начал свою прозу с «Маленькой докторши». И что же, всего этого мало? Неужто литература должна брать количеством и все наращивать и наращивать книги, поэмы, пьесы о врачах и санитарках?

Скажу откровенно, я просто не понимаю, откуда к тебе явилась эта мысль о долгах литературы. И кому? Медицине. Нет, старик, литература медицине ничего не должна, а медицина перед ней в долгу как в шелку. Твое признание мифического долга медицине не будет ратифицировано. Мне больше нравится смеляковское: «Если я заболелю,— к врачам обращаться не стану. Обращаюсь к друзьям...»

Желаю тебе хорошего 1977 года. Самое главное — не болеть.
Всегда твой Саша».

Не успел я поставить точку в последней строке, как позвонил Симонов. Я даже вздрогнул: такое было ощущение, что он стоял за моей спиной и ждал, когда закончу.

— А я письмо тебе только что написал,

— Читай.

— Лучше по почте отправлю, солиднее будет — почтальон звонит в твою дверь, ты расписываешься в тетради, получаешь «заказное», вскрываешь конверт — нетерпенье, ожиданье и, наконец... Тут есть какая-то динамика...

— Не морочь мне голову динамикой. Прочти. Я сегодня уезжаю.

— Приедешь — прочтешь.

— С ума сошел! Хочешь, чтоб я всю поездку думал, о чем это ты там написал... Читай, читай.

Я прочел.

Наступила пауза. Потом Симонов произнес, вздохнув:

— Это написано абсолютно здоровым человеком.

— Если бы!..

Письмо, прочитанное по телефону, осталось у меня. А медиков я прошу простить мою запальчивость. Они ведь и сами не прочь пошутить на литературные темы, иной раз весьма зло.

Недавно мой друг, профессор Полетаев Станислав Дмитриевич заметил: «Что же это получается, дорогой мой, писателей много, а читать нечего». А напиши о них чуть не так, они на расправу скоры, даже без местного наркоза. В свое время на нескольких собраниях так «соперировали» одну из повестей Солоухина, что он еле-еле встал.

Одним словом, прошу не принимать полушутливое письмецо к другу за отрицание заслуг и достижений современной медицины. Хотя недаром говорится: в каждой шутке есть доля правды. А заметки Симонова, его тоста я тогда все-таки не понял, не услышал в нем сигнала бедствия. Он ведь написал: «именно от медиков, больше, чем от кого-нибудь другого, зависит, сколько новых годов доведется еще встретить в своей жизни любому из нас».

Он встретил всего только два.

2

Странное совпадение. Ровно через три года с того дня — 1 января 1977 года, — как писалось то письмо Симонову, я прочел 1 января 1980 года в «Правде» статью Р. Федорова с подзаголовком «Новогоднее путешествие из фантастики в реальность», а в ней такие строки:

«Вы сами знаете, что, несмотря на успехи, медицина страшно отстала от общего прогресса страны. Медицина в неоплатном долгу у народа. И каждый недожитый день каждого гражданина СССР увеличивает этот долг».

Эту фразу произносит профессор Лавров из романа Александра Беляева «Лаборатория Дубльвэ». Герои его ищут пути продления полноценной жизни человека и утверждают:

«...Жить мы должны сто двадцать — сто пятьдесят лет и при этом почти до конца дней своих быть бодрыми, здоровыми, работоспособными, обладать светлым умом и твердой памятью».

Так было напечатано в «Правде».

Придет время, и эта сказка станет былью. Симонов мог бы жить в два раза дольше, чем прожил. И он и все мы — живые и мертвые. Нельзя ли поскорее, товарищи медики? Вы в долгу перед человечеством!

Чертов мост,

или

Как пишутся дневники писателя

1

Два объемистых тома дневников Симонова — «Разные годы войны» в суперобложке цвета стали, с прекрасными фотографиями. На одной я нахожу и себя. Краина Дрездена. На бампере «виллиса» сидит генерал Рыбалко. Он устал, скрестил ладони на палке, упертой в бетонную плиту. Он смотрит на проходящие мимо него танки, рядом стоим мы с Симоновым. А вокруг звенит, искрится, разливается запоздалая прищвинская «весна света».

На самых последних страницах второго тома, то есть в самом конце дневника, автор рассказывает об одном любопытном эпизоде.

Война кончена. В Берлине мы присутствовали на церемонии подписания акта о капитуляции гитлеровской армии.

Что же дальше? Все.

Под вечер десятого мая едем на машине в Прагу. Перед нами по этой дороге с боями прорвались в столицу Чехословакии танки Рыбалко. Он ведь еще возле Дрездена сказал нам:

— Держитесь танкистов. Не прогадаете.

Но мы тогда поехали в Берлин. И вот только теперь, после того, как генерал Иван Ефимович Петров задним числом растолковал нам смысл совета Рыбалко, мчались по его следам...

«Но как не спешим туда, в Прагу, — пишет Симонов, — по дороге довольно надолго останавливаемся перед каким-то разрушенным мостом, где из-за этого надо сворачивать с шоссе и делать трехкилометровый объезд лесом.

Перед мостом еще до нас скопился десяток легковых машин, и никто не едет в объезд, потому что там недавно проехала какая-то машина и по ней выстрелили и кого-то не то убили, не то ранили бродящие по лесу и еще не знающие о капитуляции немцы.

Война кончилась, и никому не хочется рисковать, хотя еще два-три дня назад никто из толпящихся здесь, у моста, офицеров или шоферов даже и не подумал бы считаться с таким ерундовым риском. Мы тоже топчемся, как и все, у моста в ожидании какого-то бронетранспортера, который откуда-то вызвали. Потом мой спутник, Саша Кривицкий, вдруг озлившись на это ожидание, на себя, на меня, на все на свете, говорит мне:

— Не будем ждать, поедем.

Я жмусь и ничего не могу с собой поделывать. Мысль об этих чертовых немцах, которые могут сейчас, после войны, стрельнуть по мне оттуда, из леса, угнетает меня. Кривицкий кипит, и мое положение в конце концов становится стыдным. Мы садимся в машину и выезжаем на лесную дорогу. Другие машины сейчас же вытягиваются в колонну вслед за нами. Я понимаю, что если бы не мы, то кто-то другой все равно, озлившись, сделал бы это через пять минут и мы бы поехали вслед за ними, как они сейчас едут за нами, но мне не легче от этой мысли, потому что я все равно боюсь.

Въезжаем в лес. В лесу тихо, и мы, не выдержав напряжения, сами начинаем стрелять по лесу из автоматов, из несущейся полным ходом машины. Проскочив лес, мы так и не можем дать себе отчета, стреляли там, в лесу, немцы или нет. Мы слышали только собственную отчаянную, испуганную стрельбу из автоматов. Нам стыдно друг друга, и мы молчим. Мы уже не можем вернуться к тому состоянию войны, в котором, конечно, боясь смерти, в то же время самую возможность ее мы считали естественной и даже подразумеваемой. И мы еще не можем без чувства стыда перед самими собой вернуться к тому естественному человеческому состоянию, в котором сама возможность насильственной смерти кажется чем-то неестественным и ужасным».

Написано все предельно честно, с той открытой беспощадностью к себе, какая свойственна людям мужественным и к тому же совестливым.

В машине мы не обсуждали происшествия, а в Праге, в гостинице «Алькрон», едва вошли в номер, провожаемые изумленными взглядами разбуженного швейцара и портье, Симонов заорал:

— Теперь скажи, какого черта ты рвался вперед? Мы же без нужды рисковали!

— Понимаешь, я хотел выпить чешского пива... А время шло. Где бы мы его нашли поздно ночью?

— Что же ты мне сразу не сказал, о чем хлопочешь? Возможно, я бы держался иначе.

— Старик, ты держался нормально. Просто не спешил. А у меня горло пересохло. Успокойся, я не храбрее тебя. Я все рассчитал. Подумал: конечно, в лесу были какие-то остатки частей противника, но какой же им резон обнаруживать себя, да еще ночью, на враждебной территории? Их цель пробираться к нашим союзникам или топтать «нах фатерланд», а там разбежаться. И делать это им нужно ночью. А если по лесу бродили одиночки, то зачем им обстреливать колонну машин? Для этого нужно быть полным сумасшедшим. Но даже сумасшедший знает, что по первой машине не бьют, это бессмысленно. Да и вообще, нет у них уже никаких надежд! А то, что говорилось у моста, с моей точки зрения, всего лишь слухи, как это часто бывает на войне.

— Но могли они не знать о конце войны?

— У них много раций, и уже неделя, как взят Берлин, наверняка слышали. Кроме того, из леса, конечно, вели разведку на чешские хутора — узнать новости и прочее. Так что мы ехали в полной безопасности.

— И ты все это рассчитал там, у моста? — Симонов уже давно улыбался.

— Нет, конечно. У моста я зверски хотел пива. Ну и соображал, как бы не заплатить за него слишком дорого.

— Тогда почему ты стрелял вместе со мной по лесу?

— Так, видишь ли, на всякий случай.

— Где же мы возьмем это проклятое пиво? Вообще говоря, было бы недурно...

— А я уже намекнул портье, сейчас, наверно, принесут.

Потом мы пили боровичку — портье перевыполнил заказ, поскольку в гостинице было совсем пусто. Только три дня назад из нее «выбрались» гитлеровские офицеры, и для персонала «Алькрона» мы были первыми людьми «оттуда», с востока.

Попивали, значит, боровичку с превосходным пивом, прекрасно беседовали, а потом, так и не ложась спать, разыскали водителя, устроенного на ночлег в роскошный трехкомнатный номер (портье, видно, рассчитывал именно у него разведать всю подноготную о двух его пассажирах), и поехали искать советскую комендатуру.

У всех людей разная память. Можно сказать и так: люди обладают избирательной памятью. И это, думаю, одна из главнейших особенностей индивидуального в человеке.

Хорошо помню, как мы поздно ночью попали в «Алькрон», как не спали за чешским пивом, как потом жили там вместе с членами чехословацкого правительства и там же познакомилась с великолепными чешскими поэтами — Незвалом, Тауфером, Пилларжем.

Но начисто забыл я эпизод у моста, нигде о нем не писал, никогда не вспоминал. А прочитав написанное Симоновым, поразился его состоянию в те минуты. Тогда я не заметил в нем и капли страха, наоборот, оценил его неторопливость, приписал ее желанию потолковать с офицерами других машин, узнать и оценить обстановку.

Сейчас я восхищаюсь глубиной его размышлений о жизни и смерти, его максималистскими требованиями к себе и в тех случаях, когда он никому не обязан был давать отчет в своих поступках и тем более в ощущениях. Это органическое свойство Симонова я бесконечно уважал, часто с ним сталкиваясь. В нравственной сфере он никогда не требовал от людей того, на что не был сам способен.

А потому требовал многого.

2

«Что касается писателей, то, по моему мнению, сразу же, как кончится война, им нужно будет привести в порядок свои дневники. Что бы они ни писали во время войны и как бы их за это ни хвалили читатели, — все равно на первый же день после окончания войны самым существенным, что они видели на войне, за войну, окажутся именно их дневники», — ответил когда-то Симонов в интервью американскому телеграфному агентству.

Если приведение «в порядок» означало для писателя также и публикацию дневников, то это само задание Симонов не выполнил. Дневники его появились в печати только спустя двадцать пять — тридцать лет после войны. Позже, вспоминая о том давнем интервью, он напишет: «Я хорошо понимал, как важно для писателя вести военные записки, и, пожалуй, даже преувеличивал их значение...»

На мой взгляд, такое преувеличение не просматривается, если говорить о писательской судьбе самого Симонова. Я читал его тысячестраничный дневник вскоре после войны в машинописном экземпляре и твердо убежден: этот документ и толкнул писателя к роману-эпопее.

Автор романа стоял на твердой почве. Идеино-эмоциональный итог войны владел душой, а память опиралась на систематический труд, вложенный в листки дневников,— где и в каких только тяжелейших условиях они не писались. Но и этого, насколько я знаю, оказалось недостаточно.

Понадобились встречи и беседы со множеством людей, чтобы восполнить пробелы собственного опыта, уточнить смутные факты, расширить границы личных представлений — иначе не написать эпической трилогии о войне. Но первым толчком, обещанием будущего стали, по-моему, дневники.

Тени из Дантова ада идут спиной — у них свернуты головы, и им не дано смотреть вперед. Мемуарист, чья жизнь окончилась до фактической смерти, увы, иногда похож на такую тень. Холодно перебирает он четки воспоминаний, всем существом обернувшись назад. Прошлое возникает перед ним без продолжения, как бы повисая в пространстве времени. Оно не смыкается с настоящим — звено к звену — для взаимодействия на поле жизни.

Лишь постоянная жизненная цель, словно путеводная звезда, освещает обращение к былому, зажигает среди его руин новые огни, наполняет все вокруг движением и чувством. Тогда мы с благодарностью пожимаем руку, тянущуюся к нам из прошлого, — она живая, в ее жилах пульсирует горячая кровь.

Таким свойством обладают мемуары великого Герцена — не устает их перечитывать из года в год. Отшумевшая эпоха накатывает волны своих страстей в иной век. Наслаждаешься тонкими наблюдениями и мудрыми размышлениями очевидца далеких дней. И такова магия художественности — ловишь на себе его пронизательный взгляд, а подчас ищешь ответа в его точных соображениях и оценках на вопрос, заданный современностью.

Казалось бы, после приближения к Герцену трудно говорить о мемуарах сверстника, человека, с которым вместе прошел долгую часть жизни. Но нет, Герцен поможет и здесь. Мы найдем у него точное определение написанных им воспоминаний: «Былое и думы» — не историческая монография, а отражение истории в человеке...»

Эта классическая формула подкрепляется и развивается другим замечанием Герцена: «Для того, чтобы написать свои воспоминания, вовсе не нужно быть великим человеком... прославленным художником или государственным деятелем. Вполне достаточно быть просто человеком, у которого есть что рассказать и который может и хочет это сделать».

Мемуары Бенвенуто Челлини интересны вовсе не тем, что он был большой художник, а самой сутью затронутых им сторон жизни. Знаменитые записки русского офицера Семилетней войны Болотова живут уже сколько времени. Без них не может обойтись ни один военный историк. На наших глазах возникла бесценная серия воспоминаний участников Отечественной войны — от представителей Ставки, командующих фронтами до рядовых солдат.

Приходилось слышать: мемуары не должны быть субъективными. Очевидно, подобные утверждения — результат какой-то терминологической путаницы. Мемуары не могут не быть субъективными. Отражение истории в человеке не может, естественно, миновать самого человека, его личность, взгляды, пристрастия, его собственный жизненный опыт. Но еще раз прав поэт — большое видится на расстоянии.

Проходит время, и историк сопоставляет одни мемуары с другими, поверяет их архивными материалами, документами, выстраивает объективированную научную монографию. Речь здесь не идет об амнистии мемуарного произвола. Герценовская формула отражения ис-

тории в человеке исключает легкомысленный подход к событиям общественной значимости.

Дневник Симонова — сложная мозаика из собственно дневников, более поздних воспоминаний и вмонтированных сюда писем, документов, полученных или найденных совсем недавно и прочно встающих в пазы предыдущего.

Есть свой интерес в этом свободном смещении времени, сопоставлении того, что случилось позже, с тем, первоначальным. Но скажу откровенно — мне милее всего дневники. Они неповторимы. Они первый шаг вслед первоисточнику событий и чувств. Воспоминания, лишённые дневниковой основы, всегда экскортируются воображением или фантазией,

3

Один прилежный читатель, проштудировав воспоминания Симонова, сказал укоризненно: «Вот уж не ожидал, как не стыдно, зачем он вставляет в дневник куски из своего романа «Живые и мертвые»... Почтенный человек, но, видно, плохо представляющий себе природу художественного творчества, доверился чистой хронологии.

Читая дневник, мы то и дело обращаемся к роману, с огромным интересом следим за тем, как трансформировались в нем поспешные записи военного времени. Мы как бы возвращаемся к процессу накопления, узнавания писателем в окружающем мире тех человеческих черт, какие составили впоследствии портрет генерала Серпилина из трилогии.

Симонов искал этого человека, он был ему нужен еще тогда не столько в качестве героя будущего произведения, сколько для укрепления собственной веры в нашу способность превзойти опасного противника по всем статьям военного мастерства.

Он находил эти черты в таких людях, как Утвенко, Горишный, Гуртьев, — я называю имена троих, но в дневнике их великое множество, офицеров разных степеней, чей облик мы достоверно узнаем в действующих лицах трилогии.

Читаешь в дневнике подробно записанную биографию Максима Евсеевича Козыря, знакомишься с его взглядами на жизнь, повадками, лексикой: «Что, они еще пушек себе требуют? Им и так уже дано больше, чем по закону божьему положено!» — и даже без санкции автора, мысленно восклицаешь: «Да ведь это вылитый генерал Кузьмич из трилогии!»

Только хронология тут, конечно, обратная. Мы не только без колебаний признаем в «дневниковом» Мехлисе «романного» Львова, но и видим, из каких реальных объемов писатель лепил сложный характер этого персонажа.

Мы знакомимся с прототипами героев симоновских рассказов и пьес. Манера разговаривать, услышанная автором у Еремина, комиссара артиллерийского полка на полуострове Рыбачий, перешла в пьесе «Русские люди» к капитану Сафонову.

Для тех, кто знал по фронту тихого и храброго военного корреспондента «Известий» Евгения Кригера, не составляет труда догадаться, откуда взялся в этой пьесе журналист Панин — в дневнике Симонов сообщает об этом всем.

А майор Васин в «Русских людях» — это отчим автора. Профессиональный военный, царский офицер, а потом командир Красной Армии, участник японской, германской и гражданской войн, пять раз раненный, отравленный газами, он был к началу Отечественной войны настолько недужным, что его ходатайство об отправке на фронт ни

к чему не привело. Он жил войной в тылу, в Перми, преподавал военное дело в эвакуированном московском институте.

Биография этого человека, посвященное ему стихотворение Симонова «Отец», письма автора домой и фраза из дневника: «...образ майора Васина на всю жизнь остался для меня чем-то гораздо большим, чем просто театральная роль» — приоткрывают завесу над сложным процессом формирования литературного характера, вводят в поэтические сферы психологии творчества.

А еще и объясняют многое в нравственной генеалогии самого автора: он рос в семье военного человека, знающего, что такое долг — и военный и гражданский.

Не раз вспомнит его в самых неожиданных случаях Симонов. Двадцатилетний писатель, корреспондент газеты получает на фронте орден Красного Знамени. Запись в дневнике: «Для меня, который еще мальчишкой, с трепетом глазел на комроты Синицына, чуть ли не единственного знакомого мне краснознаменца у нас в Рязани, где служил тогда мой отчим, получить самому такой орден очень много значило». Это 1942 год.

А спустя несколько лет в Белграде он присутствует на октябрьском приеме, устроенном Тито в только что освобожденной столице: «И вдруг под конец этого вечера за столом югославские партизанские генералы запели старую красноармейскую песню двадцатых годов, напомнившую мне детство, военный городок, пехотное училище в Рязани и тогдашних краскомов — сослуживцев отца по этому училищу».

Разнородные и календарно отдаленные друг от друга записи Симонова прочно «схвачены» связью времен, словно цементным раствором точного замеса. Эта связь, гораздо более разветвленная, чем только возвращение к первым красным офицерам, пронизанная нашим, кровным, советским, устремленным в будущее, держит дневники в современности, не дает им постареть.

4

Думая о былом, автору не обязательно поворачиваться затылком к дороге, по которой идешь. Пережитое, писал Симонов еще в ту пору, «было связано для меня с мыслями не только о прошлом, но и о будущем, о том, какой же будет в нашем сознании память об этой второй мировой, еще недовоеванной войне».

Точная эта мысль сродни герценовской формуле отражения истории в человеке и, видимо, объясняет нам решение Симонова соединить записи военных лет с новым знанием.

Мне очень понравилось то место в дневниках, где автор пишет, как он постепенно, на жестком опыте, узнавал природу войны, научаясь видеть в кажущемся хаосе цепь осмысленных действий, как перестал внутренне обмирать всякий раз, когда сила противника нарушала первоначальный план боя, как начал понимать, что трудности сопровождают всякое движение неприятеля.

Симонов пишет об этом фразами тяжелыми, как валуны, размышления его прорывают себе путь как бы во мраке ночи среди плохо знакомой местности. А ведь простое дело: речь идет о ситуациях, получивших классическое определение — трения на войне. Помню, как еще в довоенные годы мы, работники военной газеты «Красная звезда», горячо и не раз обсуждали это положение Клаузевица: «Все на войне очень просто, но самое простое и является трудным. Накопляясь, эти трудности вызывают такое трение, о котором человек, не видевший войны, не может иметь правильные понятия...»

Симонов прочел Клаузевица, как и работы советских военных теоретиков, после войны. И прочел хорошо. Я уже сказал, какую огромную работу проделал он в мирное время, чтобы только приступить к созданию романа-трилогии. Но из войны он вынес главное, добытое с боя,— вот это самое понимание ее сущности.

Да, драматизм заложен в природе войны, и трения в ее ходе неминуемы. Знание этой непреложности позволило Симонову написать о войне по-военному, мужественно.

Читая дневники, следишь за тем, как формировалась воинская психология самого автора. С живым интересом прочел я в дневнике следующие строки:

«Мы сидели на наблюдательном пункте и ждали, что вот-вот снова начнется. Ждали час, потом еще час... Потом Горишный вдруг сказал фразу, которая в первую секунду показалась мне странной: «Боясь, не пойдут они сегодня на меня».

Я не понял и переспросил. И он спокойно, как маленькому, стал объяснять мне, что его дивизию сегодня поддерживают восемь артиллерийских полков и чем больше он перебьет наступающих немцев, тем ему легче будет потом, когда самому придется наступать на них».

Ах, как хорошо сказал Горишный, истинных военных кровей человек: «Боясь, не пойдут они сегодня на меня»,— надо же так. И все точно, не для шикю сказано, и не оговорка, а ясный ход мыслей военного, командира дивизии. Дело-то происходит на Курской дуге. Как же не запомнить такой лаконичный и выразительный урок воинской психологии!

«И я запомнил,— пишет Симонов,— то утро и эту фразу, потому что она была связана с внезапным и острым ощущением, что немцы уже ничего не смогут с нами сделать».

Честно, правдиво вел дневник Симонов. Он признается в ошибках, страхах, незнании. Он на наших глазах проходит свои военные университеты, действуя и размышляя.

Теперь ясно: дневник потребовал колоссальной работы. Он вел ее невидимо для окружающих все годы войны, как пятистепенное дело в сравнении с корреспонденциями для газеты, стихами, пьесами, сценариями.

И он еще, подумайте, был недоволен собой. Писал своим старикам с фронта: «Никак невозможно догнать происходившие события. И не могу я добиться того, чтобы, возвращаясь из каждой поездки, записывать все касающееся ее... Получается работа очень громоздкая.

Только за первые шесть месяцев войны получилось около восьмисот страниц на машинке. Когда я все-таки к вам приеду, я привезу свои дневники. Тогда вы узнаете все подробности моей жизни...»

И вот все эти подробности узнали и мы, читатели. Дневники Симонова — это записки молодого человека на войне. Они и обращены прежде всего к сверстникам, но не к нам, его ровесникам, а к тем, кому сегодня столько лет, сколько было тогда автору. Константин Симонов, как и миллионы советских людей, став солдатом нашей Победы, рассказал молодежи об «огнях-пожарищах» вовек незабываемой войны. Страницы его дневников опалены тем давним огнем...

Дневники Симонова, оставаясь дневниками, то есть системной фиксацией личных переживаний и наблюдений, лишены камерности потому, что проникнуты обобщающей мыслью. Мы читаем и воспринимаем этот документ как явление большой прозы.

Психология творчества, или Что такое прототип

1

Хочу к месту рассказать о том, как и я сам стал прототипом. Вот уж не думал, не гадал... Впрочем, вернее будет сказать — не «как я стал», а «как узнал, что стал...».

Дело было давно, в пору, когда еще писался роман «Живые и мертвые». Мы вместе с Симоновым где-то были — то ли на просмотре какого-то фильма, то ли на совещании в Союзе писателей, точно не помню. Когда засобирались восвояси, он сказал:

— Хочешь встретиться с одним старым знакомым? Тебе будет приятно. И, надо признать, в целом ты неплохо к нему относишься.

Понятно. Начинался розыгрыш со многими неизвестными. Но я обожал сюрпризы Симонова. В них никогда не было подвохов. И они неизменно вели к «хэппи энд», счастливому концу.

Он любил озадачить друга, с интересом смотрел на его недоумевающую физиономию, но никогда не растягивал такую ситуацию, не давал ей произрасти во что-то большее, чем минутное удивление. Я знал, что мои «муки неизвестности» не будут длиться слишком долго, и счит нужным исполнить свою партию полным голосом.

— Ах, кто бы это мог быть? — запел я, обнажая притворность удивления, но все равно многократно повторяя, к удовольствию Симонова, этот вопрос. Понимая, что речь идет о «третьем нелишнем», а время обеденное, я согласился ехать хоть к черту на рога. Мы сели в машину, и, теперь уже к моему удивлению, Симонов сказал водителю: «Домой».

Значит, этот человек ждет нас у него на квартире.

Кто же это? Наш общий фронтовой приятель? Но кто?

Приехали на Аэропортовскую, вошли в дом, расположились в комнате направо, где тогда был кабинет хозяина. Из глубины жилья не доносилось ни звука. Входную дверь он открыл своим ключом. Похоже, в квартире вообще никого не было.

— А где же этот приятный мне человек? — уже непритворно удивляясь, спросил я.

— Вот здесь, — с торжествующей улыбкой ответил Симонов, указав на какой-то аспидного цвета ящик, водруженный на стол и полускрытый от меня стопою книг. Затем он нажал какую-то кнопку на его поверхности.

Вслед за тем я услышал шорох, легкое скрежетание и, наконец, невнятное бормотание какого-то ужасного заики.

— Что это? Кто это? — я откровенно забеспокоился. С каждой секундой дело приобретало совсем уж непредвиденный мною оборот. Никакого фронтового приятеля не было и в помине, обедом и не пахло, а магнитофон или диктофон, я еще не разобрался до конца, хрипел нечто невразумительное.

— Кто это там заикается? — раздраженно допрашивал я Симонова.

— Как кто? — невинно переспросил он. — Конечно, ты. Посмей сказать, что ты к себе плохо относишься. Ты встретился с тем, кого я тебе обещал.

— В данный момент я отношусь к себе как к большому дураку.

— А я тебя изображаю в романе неглупым субъектом, — возразил Симонов. — Неужели ты не узнаешь себя? Я наговорил на дикто-

фон диалог Лопатин—Гурский, и специально для тебя позаикался за Гурского. Похоже?

Так я, кажется, впервые узнал, что выступаю в роли прототипа. Правда, и до этого случая Симонов не раз говорил мне, что я себя найду в романе, но не было в его словах той наглядности с нажимом на некоторую особенность моей речи, какие были продемонстрированы с помощью диктофона.

Сказать серьезно, все эти сообщения меня не радовали и не огорчали. Я просто не придавал им никакого значения. Мое тщеславие здесь не присутствовало.

Зная кое-что о природе художественного творчества, я отдавал себе отчет в условности прототипического материала. Привлекая лицо из реальной действительности, писатель не копирует его характер, жизнь, а в меру своего понимания отбирает в чертах этого человека то, что необходимо произведению.

В «случае Гурского», персонажа «Живых и мертвых» и «Так называемой личной жизни», есть одна подробность, отличающая прототип от большинства его собратьев, фигурирующих во множестве произведений мировой литературы. Начнем прямо с большого. Разница масштабов только подчеркивает исключительность положения, в котором оказался автор этих строк.

Любовница, брошенная соседом Льва Толстого по Ясной поляне, неким Бибиковым, и кончившая жизнь под колесами товарного состава, не знала, естественно, что ее имя — Анна — и сама ее смерть будут отданы художником молодой супруге петербургского сановника Каренина.

Аптекарь Жуан — прототип Омэ из «Мадам Бовари» Флобера — и не подозревал, что будет перенесен в число действующих лиц знаменитого романа, и впоследствии сожалел, что его создатель не спросил у него мелкие подробности происходившего в жизни.

Годун из пьесы «Разлом» Бориса Лавренева вошел в нее под своей фамилией и был хорошо известен автору — они вместе работали после Февральской революции в штабе Московского военного округа. Годун погиб в Октябрьских боях в Москве, не ведая, что выйдет на театральную сцену в пьесе, причисленной ныне к советской драматургической классике.

Бывает и так, что прототипом считают и того, кто им не является. Такой казус произошел с повестью Н. Лескова «Зенон златокузнец». Ее содержание относится к третьему веку христианства в Египте. Тема взята, как объяснял автор, из апокрифического сказания. Но московская духовная цензура усмотрела в одном из персонажей повести, как говорится, вылитый портрет московского митрополита Филарета Дроздова.

Как ни опровергал это предположение автор, как ни уверял, что в повести нет и места «сопоставлениям с русскими нравами и положениями», запрещение печатать повесть осталось в силе. Она увидела свет позднее, в петербургском издании.

Но и там пришлось Лескову затенить резко сатирические черты патриарха. Вот ведь как бывает! А может быть, и впрямь митрополит Дроздов?.. И что если сходство действительно существует, но возникло оно не в силу отчетливой воли автора, а в конце концов просто потому, что писатель ведь ничего не выдумывает...

Во всяком случае, связи и отношения между автором и прототипом бывают весьма разнообразными и сложными. Катастрофическими они оказались для одного лица в романе Н. Вирты «Одиночество». Автор развел Леньку с братом, партизаном Листратом, поставил их во враждебные лагеря. Имена этих персонажей были подлинными, собственными, и когда роман прочитали «на месте происшествия», в Дво-

риках, то обвинили реального Леньку в тайной работе на банду Антонова, исключили из колхоза да еще с возгласами: «Что написано пером, того не вырубишь топором».

Хлебнул горя Ленька, еле-еле выручил его автор, доказывая законность сочетания браком подлинной жизни прототипа с писательским вымыслом, в результате чего появляется на свет тот, кто впоследствии именуется литературным героем, персонажем художественного произведения. Пока юридические органы не вникли в литературоведческие тонкости, не признали права писателя на творческое соединение действительности и воображения, Леньке пришлось туго.

Не знала и дочь Пушкина — Мария Александровна, по мужу Гаргунг, что арабские завитки ее волос на затылке «удивительно породистые», как заметил Л. Толстой, увидев ее в Туле на балу у генерала Тулубьева, и весь ее облик послужат великому писателю моделью для описания наружности Анны Карениной — не характера, не жизни, а лишь внешнего вида.

А вот Наташа Ростова, как хорошо известно, почти целиком списана со свояченицы автора «Войны и мира» — Татьяны Берс, сестры его жены. Но это «почти» многое значит. Оно отвергает натуралистические зарисовки прототипа и утверждает сложный путь создания художественного образа.

Никто не окликал этих и многих других таких же людей: «Эй, прототип, как живешь, как дела?» Никто из них не знал своей литературной судьбы. И только я, едва ли не один во всей мировой литературе (надеюсь, самоирония просматривается), оказался в роли прототипа, заранее ознакомленного с ролью, которую ему предстоит играть.

Многие читатели, особенно те, кто имеет какие-либо основания считать себя литературным прототипом, издавна склонны требовать тождества героя произведения с «человеком из жизни» и даже принимают энергичные попытки сличения.

Среди старинных друзей Л. Толстого был Василий Степанович Перфильев, одно время занимавший пост московского губернатора.

По свидетельству Т. А. Кузьминской — той самой Танечки Берс, — в дни, когда вышел из печати роман «Анна Каренина», в аристократических кругах Москвы распространился слух, что Степан Аркадьевич Облонский очень напоминает Перфильева. Лев Николаевич не опровергал этой молвы. Прочитав в начале романа описание Облонского за утренним кофе, Перфильев говорил Толстому.

— Ну, Левочка, цельного калача с маслом за кофеем я никогда не съедал. Это ты на меня наклепал.

Эти слова очень насмешили Льва Николаевича.

2

Мое преимущество перед многими прототипами было неоспоримым. Во-первых, я был предупрежден, а во-вторых, заранее отказывался от зловредного желания прототипов или их окружения скрупулезно сверять соответствие литературного изображения тому живому человеку, которого автор заклал на жертвенном алтаре своих творческих планов.

Впрочем, был такой случай, когда я пытался горячо защитить свои интересы прототипа и предстать глазам читателя именно так, как мне хотелось.

Георгий Гулиа от времени до времени публиковал в газетах и журналах «Рассказы моих друзей», миниатюры, где ему подчас хорошо удавалось передать лексику, а посчастливится, и внутреннюю суть

одного из своих многочисленных приятелей. Как-то он предупредил меня, что хочет написать «мой рассказ», только еще не знает, какой.

Я страшно заинтересовался этой перспективой и решил взять дело в свои руки, не пускать его, так сказать, на «творческий самотек».

При каждой встрече с Гулиа я не давал ему и рта раскрыть, рассказывая разные истории из своей жизни, одну забавнее другой. Не могу утверждать, что они носили саморекламный характер. Говорят, мне свойственно чувство самоиронии. Если это действительно так, значит, именно оно не давало мне возможности «расфуфыриться».

Наоборот, в некоторых из этих историй я представлял в положении опростоволосившегося человека или как жертва розыгрыша. Но все они были сюжетны, в основе каждой лежало приключение. Я просто хотел облегчить Гулиа его задачу, предлагал ему вещь как бы в готовом виде.

Гулиа то кивал головой, то смеялся, хохотал, то безудержно хвалил меня как рассказчика. Велико же было мое удивление, когда в его книге под таким же заглавием — «Рассказы моих друзей» — я прочел какую-то скучную историю — я и не помнил ее толком и уж, во всяком случае, готов был поклясться, что никогда ее автору книги не рассказывал.

Что после этого можно сказать об отношениях между автором и прототипом?

В одном талантливом произведении о войне повествование ведется от имени героя, человека известного, да еще и пишущего самолично. И вот этот живой герой потребовал признания его в качестве соавтора. Была образована в Союзе писателей комиссия, специально для разбора этой претензии под председательством Всеволода Иванова, я был его заместителем. Мы, разумеется, дружно отвергли притязания героя. Ему потребовалось время, чтобы понять свою до удивления смешную неправоту.

Иные знакомые спрашивают меня:

— Гурский из романа Симонова «Так называемая личная жизнь» — это вы?

Я отвечаю:

— Гурский — это Гурский.

Другие интересуются подробностями:

— Вы не обиделись на Симонова за то, что он привел Гурского к гибели, геройской, правда, но — к смерти?

Однажды на такой вопрос человека, мне несимпатичного, я в сердцах ответил:

— А почему вы решили, что я жив?

Он отпрянул в испуге.

Но обычно отвечаю так: Симонов писал художественное произведение, а не мою биографию, и судьба его героев зависела уже не от хода реальной жизни прототипа, а от логики развития замысла и сюжета.

3.

Вышла в свет моя книга «Как ловят крабов в Сан-Франциско». Я повез ее Симонову. Он сказал: «Я наверно, напишу о ней рецензию, — и спросил: — Не возражаешь?» Я огрызнулся: «Конечно, возражаю!» Он хмыкнул и улыбнулся: «Мы все такие же!»

Через несколько дней он позвонил, сказал, что уезжает в Кисловодск. Я послал ему туда еще одну такую книгу с запиской: «Этот экземпляр получше написан, более художественно». А вскоре получил письмо:

«Сашенька! Книжка прочитана сперва по худшему экземпляру, потом — страницами — перечитана по лучшему, оба лежат передо мною, а написать про нее почему-то не получается. Не знаю, может, пройдет какое-то время, и я отцеплю себя от Лопатина, Лопатина от Гурского и тогда сумею написать нормальное критическое произведение про твою книгу шестидесятих—семидесятих годов. Но сейчас мной владеют сороковые и разные запоздалые мысли — почему мы с тобой подружились тогда позднее, чем, казалось, могли бы, и вообще, как все было тогда. Потому, что ведь — и на Лопатина, и на Гурского я грузил многое наше дальнейшее, одного тогдашнего бы ведь не хватило и хватить не могло.

Приехал я сюда как выжатое, перекрученное полотенце, потому что, сидя в больнице и еще до этого, все пригонял и пригонял в один роман все лопатинские вещи, написанные с разрывом в двадцать лет. Наверное, помогало постоянство во взгляде на войну, на себя, на тебя, на других. Относительное, конечно, но все-таки постоянство.

Что до тебя, то, наверное, из-за этой работы живу сейчас с ощущением, что написал про тебя все, что мог и хотел. И если буду писать что-то еще — напишу хуже. А этого не хочу.

Мне совестно, что, взявшись за гуж, оказался не дуж, но, наверное, в данном случае со статьей о твоей книге надо послушаться внутреннего своего голоса: что бы я сейчас ни написал о тебе — будет тех же щей, да пожиже влей — по сравнению с только что доведенным до конца.

Безотносительно же к тому, что я только что тебе выложил как на духу, несколько слов про твою книгу — лично для тебя. Мне не нравится в ней только название — есть в нем что-то ненужно пробойное — не по внутреннему масштабу этой книги, которая, по сути и через очерки, и через памфлеты, и через рассказы — дневник жизни, прежде всего умственной жизни крупно думающего человека.

Композиция книги со многими отличными, как в старых павловских секретерах, секретами. Так вдруг в один из секретов закладывается из сороковых годов феномен (здесь в машинописной копии пропуск.— А. К.), а Конев оказывается по соседству с Субботиным и очень точно укладывается в масштабах одной важнейшей мысли. Так же точно укладывается анализ ремаркизма рядом с «воевать — так по-военному». По всей книге много интересных людей, интересных потому, что о них интересно подумано, что и есть главное.

Были у меня, конечно, и личные эмоции, когда читал добро и точно написанного Захара¹. Да и не буду врать, когда читал про самого себя — счастлив ли я. Спасибо тебе за дорогой для меня привет со страниц этой книги.

Обнимаю тебя.

Твой предусмотрительный² Костя.

30.IX.78.

Кисловодск.

Р. С. А пульмонологи, как я всё больше убеждаюсь, это специалисты по спальным вагонам дальнего следования. И только».

¹ Захар Аграненко — кинорежиссер, общий наш приятель, ныне покойный.

² Эпитет «предусмотрительный» относится к тому, что Симонов оставлял у себя копии отправленных им писем. Оригинал этого его письма не дошел до меня. Я в те дни переезжал с квартиры на квартиру, и оно, видно, затерялось на старом адресе. Симонов, случайно узнав о том, разволновался и прислал мне машинописную копию со вставками своей рукой.

Прототип — это человек, что становится, сам о том не ведая, семечком, из которого вырос персонаж, изображенный в романе. В ходе повествования автор может терять его подлинные черты и наращивать на первоначальную завязь новые пласты характера, может снова возвратиться к первооснове, к прототипу, но никаких обязательств следовать за ним во всех мелочах он не дает. Вот и хорошо!

Страницы эпилога, или Жизнь и литература — все вместе

1

Однажды, когда я жил в Доме творчества писателей в Переделкине, Симонов позвонил туда по телефону и сказал: «Я окончил «Мы не увидимся с тобой». Хочу, чтобы ты прочел».

Он привез рукопись. Я вызвался прочесть ее быстро, к утру завтрашнего дня. Помолчав, Симонов сказал: «Не надо, не спеши. Я приеду через три дня».

Я прочел повесть, перевернул последнюю страницу и сразу же начал читать сначала. Она показалась мне грустной. Смерть Гурского взволновала. О нет, я не видел себя в нем. Просто подумал о том, какой льготный срок дала мне судьба. Остаться живым на такой войне и жить уже больше трех десятилетий после всех возможных шансов погибнуть, какие в изобилии предоставляло то военное время...

Я подумал, что фронтовики, оставшиеся жить, обязаны погибшим чем-то большим, чем самое высокое поклонение их памяти. Обязаны еще и верностью — всегда, везде, до конца, железной верностью, без компромиссов и отступлений — идее, которую защищала наша армия в той незабываемой войне.

Мне не нравятся слова песни, призывающие работать и «за того парня».

Какая-то ложная мысль. Она может показаться верной только «с налету». «Тот парень» никому ничего не остался должен. Он совершил свое сполна. Работать нужно не «за него», а за себя, и работать хорошо.

Спустя срок, когда повесть была уже прочитана в редакции «Знамени» и вот-вот должна была уйти в набор, Симонов позвонил мне:

— Хочу чем-то дополнить эрудицию Гурского. Лопатин с ним говорит то о положении на фронте, то о делах семейных, а надо в конце концов где-то напомнить, как хорошо Гурский знал военную историю и как понимал мировое значение перехода нашей армией границ третьего рейха.

Я порылся на своих архивных полках, достал истертый на сгибах номер «Красной звезды» с моей передовой — «Красная Армия в Германии» — и позвонил Симонову:

— Большой эрудиции я не нашел, но запиши на всякий случай, — продиктовал ему два небольших отрывка из той старой статьи:

«После первой мировой войны немецкий генерал Вильгельм Гренер цинично признался: «Удивительнее всего то, что наши враги приписывали нам чрезмерную гениальность... Нам известно, что и сейчас в Америке верят, будто мы с удивительным искусством подготовили для войны весь немецкий народ». Эту фразу сейчас не мешает вспомнить тем зарубежным обозревателям, которые пространно толкуют о «планомерном» отступлении немцев и готовы рассматривать наступление советских войск как нечто такое, что входит в «божественные планы» немецкого командования. Красная Армия перед всем миром растоптала авторитет фашистского оружия, и она не желает терпеть никаких попыток — откуда бы они ни исходили — умаления своей исторической победы».

— Решительно написано, и цитата из Гренера хороша, — заметил Симонов. — Но здесь как-то глухо обозначено календарное время. «Растоптала авторитет их оружия» — так можно было сказать и тогда и еще раньше, например, после сражения на Курской дуге, а Гурский погиб на том берегу Шешупы, когда мы вступили в Восточную Пруссию, и наверняка предвидел дальнейшее... Нет ли чего другого?

— А вот, — скользнул я глазами по газетному листу, — из той же статьи, но с более точным обозначением календарного времени: «Дело идет к развязке. Когда-то давно спесивый генерал-фельдмаршал Мольтке, почитаемый как «жрец военного искусства», уверял: «Появление перед Берлином неприятельской армии невозможно». Ныне Красная Армия появилась перед Берлином».

— Вот это, кажется, то, что нужно. Когда Мольтке это написал или сказал?

— В 1914 году.

— Я, наверно, возьму из отрывка только фразу Мольтке. Не возражаешь?

— Это нужно спросить у Мольтке...

— Вот именно, — засмеялся Симонов.

Приехав в полк, откуда Гурский отправился «на тот берег» Шешупы, Лопатин взял тетрадь в черной клеенчатой обложке, испещренную записями убитого друга. Он вынул карту из тетради...

Читаю в повести:

«Вдоль тонкого синего изгиба реки шли крупные черные точки и толстые тире государственной границы с Германией; недалеко от изгиба Гурский поставил карандашом крестик, обозначив им местопребывание командного пункта полка. На обороте карты, тоже карандашом, было написано: «Появление перед Берлином неприятельской армии невозможно». Мольтке младший, 1914 год». Наверно, Гурскому по дороге к границе пришла на память эта цитата для будущей корреспонденции». Наверно!

Когда я прочел повесть, Симонов снова приехал для разговора. Мы сидели в узкой темноватой комнате Дома творчества, сидели скромненько, без рюмки спиртного, без бутылки пива, ему все это уже запрещалось.

Сидели, вспоминали нашу жизнь. Она шла рядом, ни много ни мало — двадцать лет, Именно столько мы проработали вместе, бок о бок. Почти каждый день вместе, часто не расставались до глубокой ночи.

Позднее, с того времени как Симонов уехал на жительство в Ташкент, мы, естественно, встречались реже. Иногда не виделись подолгу. Но всякий раз, когда сходились, ощущение было такое, будто только вчера не успели что-то договорить.

Мы очень хорошо знали друг друга. Так хорошо, что, казалось, могли взаимно читать наши мысли. В нашей дружбе было много истине прекрасного. Мы часто спорили, но ни разу не поссорились всерьез. Однажды возникло недоразумение, вначале принятое нами в преувеличенном, ложном масштабе. Симонов сказал:

— Давай условимся ничего не загонять внутрь. Как бы ни было обидно на первых порах, объясняться немедленно.

— А, знаешь, почему лошади не кончают самоубийством?

— Сейчас узнаю,— отозвался Симонов.

— Они не выясняют отношений.

— Но мы не лошади,— педантично заметил Симонов.

Я поспешил согласиться.

2

...Тогда в Переделкино мы сидели, говорили, смотрели друг другу в глаза. Симонов выглядел смертельно уставшим. Он теперь почти всегда казался таким. Бывало, он и раньше уставал от множества дел «под завязку», от длительного напряжения.

Но приходила пора законного отпуска, он уезжал в Кисловодск, целыми днями бродил по горам (успеть за ним в этом было не просто, знаю по собственным перебоям дыхания на тех тропках), попивал кисленькое винцо в тогда еще деревянном сарайчике на «Храме воздуха» (повар Гиго, выходя к нам, неизменно поднимал бокал «за человечность!»), и нам это очень нравилось, поскольку мы не знали, что этот его тост, призывающий к чуткости и гуманизму, прежде всего относился к ОБХСС) и возвращался в Москву статным красавцем с ровным загаром на и без того смуглом лице.

Теперь Симонов почти всегда выглядел бесконечно изнуренным, человеком «на пределе». Сердце сжималось от тоски. Но «мерехлюндию» мы в свои отношения не пускали. Мужчинам не положено распускаться.

Я перечислил ему свои замечания. Он записывал, кое-что оспорил, чему-то обрадовался.

— Вот и все,— сказал я.

— А как насчет Гурского?

— У меня замечаний нет.

Симонов улыбнулся:

— А если взаправду? Так сказать, отстраненно. Давай выкладывай.

— Нет замечаний,— повторил я и после некоторого раздумья добавил: — Разве вот тут, о его матери... То место, где Лопатин у нее обедает,— и я объяснил, что именно мне не понравилось.

В первой же публикации Симонов эти абзацы вымарал, но зато из числа других моих замечаний, которые в Переделкино, казалось мне, одобрил, принял немногое.

Я пошел проводить его к машине. Что-то толкнуло нас друг к другу, мы обнялись и поцеловались, кажется, неожиданно для обоих. Такой формы изъявления дружеских чувств у нас не водилось. Я вернулся в свою узкую комнату, сел к столу, придвинул листок бумаги, на котором выписал абзац из симоновской рукописи:

«Мертвые на осклизлой, растоптанной, мокрой земле, в грязи, в налитых водой колеях, на дне затопленных дождями ходов сообщений и окопов, в наполненных грязной жижей кюветах у дороги. Все это он видел, видел не раз и знал, что вспоминать сейчас об этом

под шум шедшего за окном дождя не надо, нельзя. И все-таки вспоминал и боялся смерти, хотя хорошо понимал и умом и опытом, что сегодня ночью ничто ее не обещает, кроме одной из тех глупых случайностей, избегая которых надо было на второй же день войны ехать из Москвы не в Минск, а в Ташкент».

Через несколько минут Лопатин наденет плащ-палатку, оставит эту каморку и пойдет в дождь вместе с Мишей Велиховым туда, где был убит Гурский.

Ему, Лопатину, нужно написать о смерти друга и, подобно тому, как Гурскому надо было видеть своими глазами первые метры завоеванного плацдарма на том берегу, по ту сторону границы, так и Лопатину нужно своими глазами видеть клочок земли, орошенный кровью близкого человека. Так повелевал долг военного журналиста, долг дружбы.

— Пошли? — протягивая ему плащ-палатку, спросил Велихов.

— Пошли...

Больше мы ничего не знаем о судьбе Лопатина. Она осталась за чертой последней страницы повести...

В тот день в Переделкине, после отъезда Симонова, я задумался над концом повести и вдруг резко, до ужаса отчетливо увидел судьбу Лопатина. Он пошел навстречу собственной гибели, он не вернется, и ничего в его жизни уже не будет, не он не увидит больше Гурского, а они больше не увидят друг друга, никогда и нигде.

Не знаю, хотел ли автор такого истолкования, не могу себе от- дать отчета в том, насколько оно отвечает логике развития сюжета, но и сейчас наваливается на мою грудь тоска, мертво глядит прямо в лицо, когда вспоминаю, какое тягостное предчувствие охватило меня, когда я подумал о скорой смерти Лопатина, совсем скорой — за порогом каморки, откуда вышел он в серый, долгий дождь.

В те мгновения я увидел в нем Симонова. Утверждение этого тождества так же рискованно, как и попытка слить Гурского с его прототипом, а может быть, еще более. Но в те минуты я меньше всего размышлял о литературоведческих проблемах.

Мне было до слез жаль Лопатина и Гурского. И я гордился ими, моими верными друзьями. С ними я честно прошел великую войну. А как счастливы мы были в ее последний день!

Помнишь, Лопатин, берлинский май, Карлсхорст и церемонию подписания акта капитуляции гитлеровской армии?

Помнишь, как у фельдмаршала Кейтеля прыгали лицевые мускулы, а его монокль на тонкой витой черной тесьме вываливался из орбиты прищуренного глаза и падал на мундир? Помнишь, как за спинами фельдмаршала, генерала и адмирала — делегатов разбитого вермахта — стояли навтыяжку их рослые адъютанты и беззвучно плакали?

А у нас на сердце пели, заливались майские соловьи Победы. Красная Армия дошла до центра Европы. История давала завоевателям урок на будущее.

Мы потихоньку вышли из зала, где бойцы хоззвезда накрывали огромный стол для торжественного ужина, и на ночь глядя помчались в Дрезден, а оттуда через Судетские горы на Прагу.

Помнишь, Костя, усаживаясь на жесткое сиденье «виллиса», ты крикнул громко, от полноты чувств, от счастья Победы, сумасшедшего запаха сирени, крикнул во всю мощь своих здоровых легких: «Ну, теперь жить и жить!»

Помнишь, Костя?

Но нет, не откликается друг. Нет его. Мы не увидимся с тобой...

В заглавии повести «Мы не увидимся с тобой» Симонов, мне кажется, вспомнил строчку из своего стихотворения сорок первого года без названия:

Мы не увидимся с тобой,
А женщина еще не знала;
Бродя по городу со мной,
Тебя, живого, вспоминала.

Но чем ей горе облегчить,
Когда солдатскую судьбою
Я сам назавтра, может быть,
Сравняюсь где-нибудь с тобою.

В этих двух строфах я вижу весь ход финала повести «Мы не увидимся с тобой». Симонов думал о нем еще в начале войны, в сорок первом году.

3

Я писал о нем в «Литературной газете» в день похорож:

Он славно жил. В дни войны воевал честно, бесстрашно, писал безотказно, неистово. Он поспевал всюду на день, два или хотя бы на несколько часов раньше, чем любой из нас, корреспондентов «Красной звезды». В годы мира работал за двоих, за троих, иногда и за целое учреждение. Ему принадлежала только половина рабочего дня. Вторую — он отдавал хлопотам за других. Всякое ведь бывает в жизни. Тому нужно помочь и другому, чаще всего совсем незнакомым людям, тем, кто ищет справедливости и не должен быть разочарован в этих поисках.

Мы работали с ним вместе в «Красной звезде», «Новом мире», «Литературной газете» — несколько лет я был его начальником, потом он моим. Эта перемена не внесла ровно никаких изменений в наши отношения. Для него, как и для главных героев его книг, дело стояло на первом плане. Но я не знал более милого и заводного человека, чем Костя Симонов, на дружеских пирушках.

Он славно жил в непрерывном круговороте дней и дел. Он был необходим всем, и все были нужны ему. Идеичность соединялась в Константине Симонове с подлинной интеллигентностью, а этот сплав обладает свойствами легированной стали. Он был прост, прям и благороден, держал свое слово. Мой отец характеризовал таких людей коротко: «порядочный человек». Мы скажем: «истинно партийный человек». Он был человеком долга и подчинил исполнению долга все свое существо.

К болезни своей он относился иронически, не думал, не верил, что она так серьезна, и понял это только в последнее время. Совсем недавно мы говорили по телефону. В ответ на мои слова беспомощного участия он горько усмехнулся — я хорошо расслышал этот смешок — и сказал: «Ничего, будем высоко держать голову, пока темные воды не сомкнутся над нею».

Воды сомкнулись.

Признанный, знаменитый, немного грустный, он славно жил. Но как мало.

Ох, как мало!

Точка в конце, или Мы не увидимся с тобой

1.

Повести из цикла «Записки Лопатина» соединились и вместе с последней из них — «Мы не увидимся с тобой» — образовали роман «Так называемая личная жизнь». Повести эти возникали трудно, а составили цельное произведение, приобрели новое качество и форму легко, словно намагниченные части, неудержимо влекомые друг к другу, чтобы слиться в нераздельное целое.

В один из дней 1979 года Симонов завез и оставил для меня объемистую новую книгу. Я вернулся домой и прочел на титульном листе:

«Прототипу от просто — типа. Саше от Кости. 1941—1979».

Вечером он позвонил по телефону:

— Ну, как надпись?

— Да, уж...

— Теперь я тебе не должен?

— Наоборот, за мной сдача.

У нас издавна существовал «личный счет» — кто кому должен острогу, за кем, так сказать, ход. И мы оба прекрасно помнили движение игры. Блистательное остроумие надписи на книге было превосходным ответом на мои «бычки в коробочке».

— Значит, я просто тип?

— Так!

— Значит, ты прототип?

— Ну, в этом я еще не уверен.

— Значит, мы бычки в коробочке?

— Вот это точно.

— Значит, все в порядочке?

— Пожалуй.

Он был доволен. Цельный человек, он жил сполна каждой минутой. Порой мог радоваться меткой реплике едва ли не так же, как новому произведению. Любил полноценное проявление таланта, характера, убеждения, в какой бы так называемой мелочи оно ни обнаруживалось.

У него было хорошее настроение. Он радовался выходу новой книги, и он также радовался своей находке — удачной надписи на ней. Мелочей не замечает фанатик или тот, кто живет «начерно», ожидая «беловика» в неопределенном будущем.

— Так все в порядочке или нет? — настаивал он на точности ответа.

— Ну, не все, кажется.

— А что такое?

— Не болей, и будет все в порядочке.

— Болезнь — это форма жизни, — говорит после паузы Симонов.

— Не самая лучшая...

— Знаешь, она дает возможность сосредоточиться, подумать о том, о чем никогда и не думал...

— Сосредоточение я признаю только как военный термин: «сосредоточить войска на плацдарме», «на исходных рубежах»... В остальном следует, по-моему, рассредотачиваться. Люблю дробное внимание, лучше видишь жизнь и не забываешь своих обязанностей, не

говоришь: «Простите, важное дело не позволило мне...» Сосредоточенность можно оставить гениям и маньякам.

Я уводил разговор в сторону, в шутку, в пустоту. Не хотел поддерживать его сосредоточения. Он со своим звериным чутьем на интонацию, нюансировку слова, легчайшее ударение прекрасно все понял.

— Значит, ты бычок в коробочке? — вернулся он к прежнему.

— Угу!

— Значит, я просто тип?

— Да еще какой, — вступенулся я, — ты лучший просто тип из всех возможных!

— Ну, обнимаю тебя.

— Обнимаю.

Он повесил трубку. Я долго сидел, держа свою возле уха.

Она издавала тягостные гудки отбоя. В голове медленно кружилась одна-единственная фраза, мысль, возникшая в тайной печали, афоризм, сложившийся насильственно: «Болезнь есть форма жизни».

Всемирно известный ученый, хирург Сергей Сергеевич Юдин писал в своих «Заметках о творчестве»: «...если нас огорчает и даже ужасает невозвратность однажды утраченного счастья, однократно полученной жизни, единственного друга или милой сердцу, то стоит уничтожить этот риск мгновенной потери содержания целой жизни — и пропадет все величие и святость жизни, ее прелесть, доблесть души и правда земли».

Как это грозно сказано!

И дальше хирург подкрепляет свои рассуждения образной мыслью Белинского: «Трагическое — это божья гроза, освежающая сферу жизни...»

Мудро, грозно, трезво-безжалостно, неопровержимо. И лишь бедное человеческое сердце не в силах согласиться с этой мудростью.

2

Сиж у своей ёлки и думаю, сколько еще полузабытого и дорогого может сверкнуть неожиданным огоньком на ее ветвях, стоит только потянуть ниточку из клубка памяти. Я не раз уже писал: память есть бесценный дар человеку, возвысивший его над всем сущим. Храбрица памяти — пантеоны бессмертия, рассеянные по всей земле. Только память сближает череду бесчисленных поколений и свивает эту бесконечную нить осмысленного существования.

Когда-нибудь не станет кладбищ и надгробий. В огромных залах будут вечно жить голоса ушедших, перевезенных Хароном на тот берег. Мемориальному компьютеру посетитель укажет имя, время жизни и смерти близкого или чужого человека, и умопомрачительная техника даст возможность вызвать из небытия его голос, услышать рассказ прожитой жизни, заветы, поучения.

Каждый человек оставит после себя историю своей жизни и размышления об ее итогах, и каждый сможет выслушать этот рассказ или получить его репродукцию.

Миллиарды жизней будут запечатлены вплоть до конца света. Но пока он не наступит, ничто не исчезнет из коллективной памяти человечества. Все останутся в ней — и праведники, и злодеи, и мы, грешные, люди своего времени, со всем нашим несовершенством, но верные долгу и веселые, оттого, что, как там ни крутить ни вертеть, а дела человечества идут хорошо.

Достаточно посмотреть на политическую карту мира сразу после Октябрьского рубежа и потом, в наши дни. На этой карте вырос лес красных флажков, территория социализма расширилась. Время идет не даром. Через кровь и пот, социальные обвалы и политические землетрясения, но идет же, и не назад, а вперед и в правильном направлении. И никакие изъяны нашей жизни не в силах бросить тень на идею, ради которой сражались, падали и вновь поднимались люди на баррикадах, во всех наших войнах, справедливых и святых.

Миллионы людей защищали Советскую власть с оружием в руках. Как это было? Сколько бы мы ни писали о том времени, а все мало. Оттуда, с тех Октябрьских дней, с гражданской войны идет история нашего государства и его вооруженной защиты. На том рубеже началась и советская литература.

Наши отцы пришли в этот мир, чтобы положить первые камни в основание Советского Союза. Ленинский «человек с ружьем» стал на охрану первых шагов революции. В гражданской войне — красные против белых всего мира — формировалась и крепла наша армия.

В стихотворении «Красные и белые» Симонов взволнованно излив чувства советского человека, столкнувшегося с социальным неравенством, с расовой ненавистью в США — с тем, что за океаном называют «черной проблемой».

Я шкурой знал, когда сквозь строй прошел там,
Знал кожей сжатых кулаков своих:
Мир неделим на черных, смуглых, желтых,
А лишь на красных — нас,
и белых — их.

На белых — тех, что, если приглядеться,
Их вид на всех материках знаком,
На белых — тех, как мы их помним с детства,
В том самом смысле. Больше ни в каком.

С детства я помню белых, захвативших ненадолго мой родной Курск, помню улицы, оцепеневшие в безмолвии, ночные выстрелы и страшные слухи о расстрелах рабочих железнодорожных мастерских в Горелом лесу и зверствах в подвалах контрразведки. Помню острое чувство своей мальчишечьей веры в то, что братья, мои старшие братья, воюющие где-то там, за горизонтом, в шлемах с красными звездами, скоро придут и прогонят этих полупьяных надменных офицеров со стеками в руках.

Миллионы людей защищали Советскую власть, как родную мать. Помню день, когда Красная Армия, сломав вал деникинского наступления на Москву, вновь вступила в наш город. Но оркестры играли траурные марши. По главной улице двигались крестьянские дровни — сколько их было, тридцать, сорок? Они медленно везли тела людей, замученных контрразведкой. За каждой упряжкой шли женщины, матери и сестры, в монашески черных платках, с истерзанными лицами. Иные сидели прямо на похоронных дрогах, обняв распростертыми руками мертвых сыновей и братьев.

Вскоре, как всегда неожиданно, откуда-то из огня и грома, ночью свалился в дом брат Роман. Всего на сутки, проездом. С фронта на фронт. Какой была эта ночь — никогда не забуду. Мне разрешили не спать, остаться вместе со взрослыми, и до рассвета мы слушали рассказы брата, а мама сидела и тихо улыбалась сквозь слезы.

Спустя много лет я прочел у Алексея Толстого монолог конармейца Дмитрия Емельянова:

«Империалистическая война — позиционная, окопная, потому что в ней прорыва не было, умирали с тоской,— рассказывал он, расставив ноги посреди комнаты и вынув из ножен лезвие шашки.— Революция создала конную армию... Понятно вам! Конь — это стихия... Конный бой — революционный порыв... Вот у меня — одна шашка в руке, и я врубаюсь в пехотный строй, я лечу на пулеметное гнездо... Можно врагу вытерпеть этот мой вид? Нельзя. И он в панике бежит, я его рублю, у меня за спиной крылья... Знаете, что такое кавалерийский бой? Несется лава на лаву без выстрела... Гул... — Глаза его блистали как сталь...»

Я вспомнил Романа. Тогда, ночью, его серо-голубые глаза казались мне стальными.

Не любовь к опасностям и смертельным приключениям вела бойцов Красной Армии. Они ведь недавно поднялись из окопов той, чужой им войны. Новый строй не желал никаких вооруженных столкновений. Социализм хочет и может решать все свои проблемы в условиях мира. Социализму нужен мир. И именно поэтому нам и навязывали войны.

Шли годы. Я вырос и сам пошел на войну — она получила название Отечественной. И опять шел бой красных с белыми, на этот раз с белыми в обличье гитлеровского вермахта. Я видел, как горели их танки на южном фланге Курской дуги.

Эта война заслонила во мне картины прошлого — так я и не написал ничего путного о своих братьях-комиссарах, о той войне и той бессонной ночи в Курске.

История находит возможность напомнить брату о брате. В конце прошлого года в одиннадцатой книжке «Военно-исторического журнала» напечатана подборка документов «1-я Конная армия в разгроме Деникина». В предисловии очень кратко рассказана история этого легендарного кавалерийского формирования и, между прочим, указано, что 16 января оно было передано в состав Кавказского фронта.

В середине февраля 1920 года в ходе Егорлыкской операции Первая Конная армия, пройдя в лютый мороз по безлюдным заснеженным Сальским степям свыше ста пятидесяти километров, внезапным ударом на стыке Донской и Кубанской армий белых овладела важной станцией Торговая (Сальск).

Затем, взаимодействуя с 10-й армией и отдельной кавалерийской бригадой, она разбила конную группу генерала Павлова (десять—двадцать тысяч сабель) и Кубанский пехотный корпус белых в районе станции Егорлыкская. Это привело к отступлению деникинцев на Новороссийск и ликвидации сопротивления на Дону и Кубани.

Вот документ:

«Из разведывательной сводки Полевого штаба Первой Конной армии в штаб Кавказского фронта».

Он подводит итог этой важнейшей операции Гражданской войны и заканчивается так:

«В течение недели генерал Врангель производит эвакуацию семей офицеров за границу на пришедших в Новороссийск английских пароходах, что указывает на безнадежное положение белых».

Начоперодарм 1-й Конной Зотов. Военком Кривицкий».

Какой же это Кривицкий? Брат, я знаю, был комиссаром дивизии Первой Конной. А тут, по документу, — военком полевого штаба всей армии.

Публикация в «Военно-историческом журнале» подготовлена заместителем директора Центрального Государственного Архива Советской Армии В. Дроботом. Узнаю его телефон, звоню: так и так, не можете ли назвать имя и отчество Кривицкого?

— Подождите,— говорит,— документы еще у меня под рукой.— И после небольшого перерыва: — Какое имя и отчество вас интересуют?

— Роман Юрьевич.

— Так точно. Он самый.

Звоню вдове брата, Ларисе Лариной. Она уже, увы, немолода, и это самое меньшее, что можно сказать о ее возрасте. Но и сейчас, не сомневайтесь, красивая женщина, в свои восемьдесят лет. После обмена семейными новостями:

— Лара,— говорю,— что же это ни вы, ни я ничего не пишем о Романае?

— Я не знаю, почему вы не пишете. А я давно всю писанину бросила. У меня дети, внучка и было, как вы знаете, много всего прочего. Я теперь только старая большевичка, бабушка и мать. Хватит с меня!

А. между тем Ларина — детская писательница. Ее повесть «Трое с одной улицы» была когда-то широко известна. На экранах шел одноименный фильм. Она написала двадцать книжек для детей.

— Лара,— прошу,— может быть, хоть что-нибудь напишете о Романае? Для меня...

— Да нет,— отвечает,— я ничего не помню, устала.— И вдруг я почувствовал — что-то дрогнуло в ее сердце.— Хотите, я напишу, как мы встретились с Романом в первый раз?

Через неделю она прислала мне несколько исписанных листков почтовой бумаги. Вот они:

«Это было летом 20-го года. Черниговский Уком партии направил меня на работу в Звенигородку. Вокзал был далеко, и мама взяла извозчика. Не успели мы выйти из экипажа, как к нам подошли двое в кожанках и пригласили «пройти с ними». Выяснилось, что чекисты приняли меня за буржуйку. А как же, извозчик и платье (из джутового мешка, но в прошивках) — выглядело очень эффектно.

Молодые люди в кожанках тщательно осмотрели мой немудреный багаж. И не нашли ни золота, ни денег. Но сердце у меня сжалось, ведь в сумочке лежал мой маленький браунинг, выданный мне в Умани, когда я была в ЧОНе. Сумочкой не заинтересовались, браунинг не обнаружили. Позвонили в Уком партии, проверяя, не «липа» ли мое командировочное удостоверение или, как тогда говорили, мандат.

Меня отпустили. Я попрощалась с мамой и пошла искать подходящий поезд. На путях стоял только один. Я спросила, куда он поедет, и из открытых дверей одной из теплушек мне прокричали:

— В Умань!

Мне это и нужно было. По пути к месту назначения.

— Кто у вас комиссар? Позовите его.

— Товарищ комиссар! Тут вас кличут.

В проеме показался военный без шлема, в гимнастерке цвета хаки, в красных галифе. За поясом маузер в деревянной кобуре. Начищенные сапоги. Все это я заметила сразу. Потом подняла глаза и увидела симпатичное лицо совсем юного человека, большеглазого шатена с волнистой шевелюрой. Он спрыгнул. Я показала ему мандат, попросила подвезти.

Он покачал головой. И отвел меня немного в сторону.

— Понимаешь, товарищ,— сказал он, смутясь, как мальчишка,— баб, то есть, извини, женщин, прости, пожалуйста, девиц не разрешено брать с собой в воинский эшелон.

— Но я ведь не баба, а член партии...

— Понимаешь, товарищ, тут такое дело. Мои буденновцы скажут, что вот комиссар себе нашел, а нам что, нельзя?

Вид у него был смущенный, но тут кто-то из теплушки крикнул:

— Бери, комиссар, мы не против!

Он еще раз посмотрел на мой мандат, потом на меня. И я очутилась в теплушке. Кроме нас, там было только двое бойцов с пышными чубами, тоже в галифе, один в ситцевой красной, другой в синей рубахе. Они сели у двери, спиной к нам, спустив ноги наружу. Большую часть теплушки занимала кавалерийская упряжь — седла, уздечки, попоны. Все было сложено, кажется, в строгом порядке.

Поезд тронулся.

И потом в течение всего долгого пути — состав останавливался чаще, чем шел, — они, доставив обед или чай, неизменно садились к нам спиной. Судя по всему, комиссара очень любили. И хотели дать нам возможность поговорить всласть.

Первое время мы молчали. Потом он спросил, что я делала до сих пор. Я рассказала о ЧОНе, об облавах на бандитов и о том, как один «замиренный» бандит в меня влюбился.

Посмеялись. Я не решалась спросить, куда и зачем они едут. Но он сам сказал, еще раз взглянув на мой мандат, что в эшелоне его бойцы и едут они в Первую Конную, которая частично стоит в Умани.

Звали комиссара Роман Кривицкий, и было ему двадцать лет. Выяснилось, что он очень любит стихи, но что читать ему сейчас недосуг.

А я была буквально влюблена в поэзию и сама потихоньку сочиняла довольно посредственные стихи.

Перебивая друг друга, мы читали наизусть Блока, Бальмонта, Брюсова, Гумилева, Сашу Черного. Читал он великолепно. Особенно ему нравились сатирические стихи Саши Черного.

Путешествие длилось три дня. В последний вечер, когда отцепили паровоз, мы гуляли по путям. Буденновцы пели. Из одной теплушки неслось: «По Дону гуляет казак молодой...», из другой — «По передку Сагайдашный, що променяв жинку на тютюн та люльку...»

И вдруг, когда мы отошли довольно далеко от поезда, мой комиссар начал читать «Мцыри»:

Таких две жизни за одну,
Но только полную тревог,
Я променял бы, если б мог.

Увиделись мы только через десять лет. И поженились».

— Позвольте, Лара, — обратился я к ней, прочитав эту сцену, написанную так просто и живо, что я легко представил себе недавнего гимназиста и одного из комиссаров той армии, о которой мы, кажется, уже сто лет поем: «Никто пути пройденного у нас не отберет, мы Конная Буденного, дивизия, вперед!» — Позвольте, — повторил я, — вы ведь тоже служили в Первой Конной, как же вы пишете, что увиделись только через десять лет?

— А так же. Из Звенигородки меня по партийной мобилизации вместе с группой молодых коммунистов отправили в Белую Церковь и дальше, в Первую Конную, на польский фронт. Вот так!

— И что же, в Первой Конной вы с ним не встретились?

— Вы знаете, Саша, Первая Конная — это вам не фойе Колонного зала Дома союзов. Я работала при политотделе армии по линии куль-

туры, ну, концерты, спектакли, плакаты и так далее. А когда приехал высококое начальство, даже варила вареники с вишнями, единственное, что умела, мама меня выучила. А его отчаянная дивизия не выходила из боев. Однажды подошел ко мне в политотделе армии какой-то комиссар, бритый наголо, видно, после тифа, еле стоял на ногах от слабости, а я его, дура, не узнала, прошла мимо. Он смертельно обиделся. Это уже потом выяснилось, через десять лет...

И ожил мой Роман, придвинулся из той дальней дали.

Потом совсем неожиданно из темноты в полосу света шагнул невысокий плотный человек с круглой головой, посаженной на короткую шею, в очках с металлической оправой и любопытствующими глазами, так и впивающимися во все, что стояло, сидело, двигалось, блестело или серело перед ним. То есть я представил себе этого человека в его позднейшем образе. А тогда, в гражданскую, он, конечно, был другим и, наверно, совсем не плотным, и шея его была еще тощей, и, может быть, он еще не носил очков, не знаю.

Тем временем юная Лариса, тряхнув золотистой копной волос, запрягает бричку. «Н-но! Поехали!» — кричит она паре лошадей, щелкает кнутом, и бричка увозит ее вместе с этим молодым человеком в ночную тьму. Она везет сотрудника газеты «Красный кавалерист» Бабеля в расположение конармейского полка, только-только выведенного из боев на недолгий отдых...

— Почему именно вы?

— Но я ведь была культпросветной единицей, да и сама сотрудничала в этой газете.

— А почему запрягли и кнутом размахивали?

— Какой вы бестолковый, право. Я же бывала и ездовым и возила «по своей линии». Кто ж повезет? Бойцы нужны на фронте, а не возле политотдела.

— Но почему вы за столько лет ни разу ничего мне не рассказали?

— Так вот, живем текущими делами...

Иду по Арбату. В магазине «Искусство» вижу превосходно изданный живописный альбом — «Легендарная Первая Конная», а в нем фотографии ее первых командиров и комиссаров. Листаю... Роман! Он в гимнастерке, то ли выгоревшей, то ли полотняной, но белой-белой, с тремя красными «разговорами» на груди, похожими на те, что украшали кафтаны русских витязей и своей вызывающей яркостью словно подтверждали открытое, грозное предупреждение «иду на вы!». Он не то что молод, он просто юн, этот всадник революции, как и многие его товарищи.

Как быстро уходит время! В Москве живет его дочь. Маленькой я называл эту прелестную голубоглазую девчущку «Ирка-трусиха». Она всего боялась. Даже странно при таком отце. Теперь она инженер водного хозяйства, стало быть, охраняет экологическую среду и решительно никого не боится. Ее муж — инженер-строитель.

У брата есть еще одна дочь, Римма, от первого брака с Ниной Ломакиной, дочерью курского священника, тоже конармейкой. Римма живет во Фрунзе, преподает в университете, не знаю, какой предмет, может быть, и историю: «И вот вестготы врываются в Галлию...»

А сквозь туман прошлого все еще мчится в кавалерийской лаве брат Роман. В его руке над головой сверкает клинок. В небе реет красный флаг. Над степью гремит: «Мы не сынки у маменьки в помещи-

чем дому, выросли мы в пламени, в пороховом дыму». Тугой ветер свистит в ушах, берет в подхват и разворачивает алое полотнище. Корма земли летят из-под копыт. И из-под танковых траков. Это показались танки-«тридцатьчетверки». Огонь и маневр, спрессованные в стальной параллелограмм. Они неотвратно несутся вперед, стреляя «с хода». Но это уже другая война.

Время, пространство и движение смешались в клубок воли и страсти. «Всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться».

Так сказал Ленин. Так вечная память сливается с живой любовью и верой.

Человеку трудно. Он хотел бы жить одновременно и в прошлом, и в настоящем, и в будущем. Ощущение былого и того, что еще предстоит, свойственно ему одному на земле.

Писатели-фантасты предупредили нас: если человек с помощью воображаемой «машины времени» перенесется назад, в прошлое, и будет там жить по своему разумению, то, нарушив даже в чем-то малом движение и взаимосвязь событий, которые сложились по формуле «причина—следствие» и протянулись сквозь века, он рискует натворить бог знает что, перевернуть вверх дном историю.

Увы, в прошлом ничего нельзя изменить. Это можно сделать лишь в пору, когда оно существует еще как настоящее. Изменять мир можно только в настоящем, а тем самым влиять и на характер будущего. Впрочем, правильно понять минувшее не означает ли это вместе с тем и изменить кое-что или даже многое в современности?

Здравствуй, прошлое и долг каждого из нас в настоящем!

Петрусь Бровка

РАЗГОВОР С ДРУЗЬЯМИ

Мне хлеба надобно немного.
Гульбы не жажду никакой.
Мне нужно нынче, судя строго,
Одно лишь — воздух да покой.

Одно лишь — песни над хлебами,
Одно лишь — верх добра над злом,
Одно лишь — разговор с друзьями,
Одно лишь — память о былом.

Толока

(ИЗ ПРОШЛОГО).

Никому не одиноко
В день такой в родном селе:
Деревенская толока —
Что аврал на корабле.

И работа
Отчего-то
Даже тяжестью легка!
Ах, толо́ка-толока́,
Общий труд, к руке рука.

От рассвета до заката
Труд — за совесть, не за страх.
Для соседа хата, хата
Вырастает на глазах.

Глянут, веря и не веря:
Неужели впрямь конец?!

И на всех, как пир, вечеря —
Бульба, хлеб да варенец...

Шли охотно — чай, не к барам! —
На толоку-толоку,
Чтоб за дело взяться с жаром
На покосе, на току.

День такой забитым людям
Радость праздничную нес!
...Потому-то и нетруден
Был им первый шаг в колхоз.

Соль

Призадумайся, дружище, —
Намекнуть тебе позволю:
Что должно быть в хлебе, в пище?
Скажешь сам: конечно, соль!

«Хлеб да соль». Мы их совместно
Вспоминаем неспроста.
Есть без соли трудно, пресно,
Пища вроде как пуста.

Взять хоть рыбу, друг-товарищ:
Не солить нельзя никак!
Щи сготовишь, кашу сваришь,
Ан без соли — тот же брак.

Без нее что блин овсяный,
Что картошка — преснота...
...Ах, как наши партизаны
Маялись в лесах тогда.

Мнилось: харч безоружен...
Что ни утро — в рейды, в бой,
А потом — к кострам, на ужин,
Партизанскою тропой.

С котелками, после варки,
Лишь мечтать могли бойцы
Как о сказочном подарке
О щепоточке сольцы.

Так вот бедствовали сами,
Знать не зная в те года,
Что буквально под ногами
Соль была — была всегда.

Да! До соли на Полесье
Вглубь — всего-то метра три!
Аж не верилось той вести...
А сегодня — посмотри:

Мы, пласты вздымая эти
Из распахнутой земли,
Огурцы хоть все на свете
Засолить вполне б могли!

Нарочь, Нарочь...

Нарочь-озеро! Робею:
День твой ладно ль мной воспет?
Красотой горжусь твоею.
Нарочь, Нарочь — синь да свет.

Сыновья твои веками
Лили здесь и кровь и пот,—
Горд я теми рыбаками,
Что вставали на господ.

Сколько нам, поэтам, пыла
Было дарено тобой!
Всех-то букв вполне б хватило
Плес засеять голубой.

Но с твоим величьем вровень
Мог звучать не всякий стих:
Этот смыт, тот похоронен
В перекатах волн твоих.

Лишь достойное осталось.
В нем — твой дух, и звон, и зов...
Над тобой не меркнет алость
Этих песен-парусов!

Противлюсь бедам и напастям:
Ну, а случись, они придут,—
Глядь, уж с поддержкою, с участием
Сверхчуткий некто
Тут как тут.

Он речь струит — сплошное масло.
А сострадает как, ах-ах!
Но скрыть пытается напрасно
Злорадный блеск
В своих глазах.

Плетет, плетет — и хуже яда
Его сочувственный бальзам...
Такой поддержки
Мне не надо.
Управляюсь как-нибудь и сам.

Не только слух, не только зренье —
И сердце станет пусть судьей,
Когда свой труд,
Свое творенье
Ты сам на суд выносишь свой.

Грешу невзвешенностью слова:
Не раз поспешность подвела...
Но помню скульптора такого,
Что много лет лепил орла.

То так, то сяк — все не годится,
Все — вновь. Увяз в своем орле!
Уж нет ваятеля... А птица
Осталась об одном крыле.

Где цвет живой, где — мертвый, серый?
Что — истина, а что — вранье?..
Есть чувство правды,
Чувство меры.
Но ведь у каждого — свое!

Сидит себе лесная птаха
На самой тропке,
На виду...
Я рад, что в ней не вызвал страха:
Не трону, верит,
Обойду.

Перевел с белорусского Валентин Корчагин.

ЛИХОРАДКА В КРОВИ

РОМАН

5

К открытию конференции вестибюль отеля «Купол» был празднично украшен. Под красно-белым полотнищем со словами: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ДЕМОКРАТЫ», между мраморными колоннами выстроились девицы из графства Кишау, которые раздавали брошюры под названием «Рецепты ста блюд из репы». Неподалеку от них какой-то делегат с дымящейся сигарой в орту взгромоздился на плечи своего коллеги, пытаясь прикрепить к свисающему с потолка резиновому ослу, надутому гелием, плакат, агитирующий за Саймона. Претенденты на разные второстепенные должности дарили свои заранее отпечатанные автобиографии и шариковые ручки всем и каждому. То тут, то там возникали скоротечные стихийные митинги.

В номерах третьего этажа составители избирательной программы сражались за каждое слово, тщательно избегая формулировок, хотя бы отдаленно напоминающих конкретную позицию по тем или иным вопросам.

На четвертом этаже члены мандатной комиссии — одиннадцать приверженцев Саймона и два Каллагана — с загадочным видом выслушивали претензии на спорные делегатские места и затем, учтя все обстоятельства, голосовали одиннадцатью голосами против двух за то, чтобы предоставить место стороннику Саймона.

В коридорах отеля делегаты, лоббисты, фотографы, радиожурналисты, кинохроникеры, рассыльные и разносчики сплетен толкались, словно в пригородном поезде в часы пик. Кто-то сказал, что у Саймона сердечный приступ. Кто-то сказал, что жена Каллагана подала на развод. Кто-то сказал, что Чарли Харт-старший благословил кандидатуру Арти Смита из Багвлиа. Кто-то сказал, что в комнате 1012 полным-полно красоток и все голые.

На пятом этаже в штаб-квартире Каллагана восторженные манекенщицы одаривали всех алыми гвоздиками, а ветчины и виски было столько, что можно было накормить и напоить всех голодных политических деятелей христианского мира.

На седьмом этаже, в штаб-квартире Саймона меню состояло из холодной индейки и виски. Добросердечный сенатор, трезвенник-баптист (по крайней мере на людях), время от времени прикладывался к бутылке с домашней сарсапарелевой настойкой.

Чарли Харт-старший занимал апартаменты на десятом этаже. Восседавая в кресле-коляске, он уклонялся от докучливых репортеров и приветствовал когорты своих постаревших и раздобревших соратников. Тут же мельтешились эмиссары из всех лагерей, то поднося зажженную спичку к его сигаре, то подливая ему в бокал и дружно хохоча над его остротами. Претенденты на мелкие должности вели крупную игру, толкая и пиная друг друга, лишь бы сфотографироваться рядом с Мудрецом из графства Сампан, который награждал их улыбкой, обдавая при этом гнилостным запахом изо рта.

Один раз стены задрожали, словно от землетрясения, и ошеломленные репортеры увидели сенатора Саймона, который со злым лицом промчался по коридору, спеша подавить мятеж в одной дрогнувшей духом делегации.

Батчер и Брокер, толстячки-бодрячки, бессменные, а вернее, сменяющие друг друга кандидаты на пост ревизора и налогового чиновника, сняли два смежных номера на двенадцатом этаже и бегали по коридорам, совершая церемонию пожатия рук. Трудно сказать, какое количество миль преодолели они, забегая ко всем кандидатам поочередно и желая победы каждому.

Берт Босворт, после похорон судьи Гафффея забросивший свою страховую контору ради предвыборных дел окружного прокурора, холодно оценивал возможности людей, толпившихся у стола с закусками в штаб-квартире Каллагана. Последние девяносто шесть часов он почти не спал; ни одна мельчайшая деталь предвыборной тактики не укрылась от его внимания. Больше всего его беспокоила делегация Роутона, в которой главенствовал сторонник сенатора участковый капитан Винс Спозатто, и Босворт лез из кожи вон, чтобы город назвал своим кандидатом Каллагана и отдал ему большинство голосов.

— Берт,— прошептал Микки Бирс, подойдя к Босворту,— есть новость... Один из наших мальчиков пронюхал, что вчера в ресторане Спозатто был нарушен второй пункт уголовного кодекса.

— Что еще за второй пункт?

— О запрете продажи спиртных напитков несовершеннолетним. Морщины на лице Босворта разгладились.

— Молодец, Микки!— Он поманил к себе Кетчама, еще одного роутонского капитана, старого соперника Спозатто.— Джиггс, есть дело...

В другом конце комнаты пресс-агент Каллагана удерживал за пуговицу репортера «Герольда» Фила Стимсона.

— Видели когда-нибудь такой энтузиазм, Фил?

— Да, народу здесь больше, чем в благотворительной столовой,— отозвался тот.— Но что это? Энтузиазм, вызванный виски или самой персоной Дэна?

— Вам придется съесть дохлую ворону после выборов,— сказал пресс-агент.— Неужели вы не видите, какой восторг вызывает Дэн у людей? Они знают, что он истинный борец за правду. Не так ли, Джиггс?— обратился он к подошедшему к ним Кетчаму.

Кетчам, который исполнял отдельные поручения Каллагана, связанные с выборами, еще несколько лет назад невзлюбил сенатора Саймона за то, что тот помешал ему получить должность почтмейстера Роутона.

— Политика — это бизнес,— сказал Кетчам.— Вот чего не могут уразуметь сторонники реформ. Они думают, черт побери, что выбо-

ры — это семейный обед, на котором можно назвать кандидатуру какого-нибудь симпатяги, и в глаза не видевшего избирательного участка. Они произносят речи о добропорядочности и ждут, что толпы избирателей бросятся голосовать. Смешно!

— Люди стремятся к переменам, — примирительно произнес пресс-агент. — Странник реформ — это просто человек, мечтающий о новой метле.

— Ты думаешь, что делегатам есть дело до новых метел? — Кетчам раздраженно отшвырнул сигару. — Они готовы отобрать у слепца палку, не то что вышвырнуть чью-то метлу! Послушай меня. На конференцию избираются из года в год те же люди. И заботит их только одно: кто выйдет победителем и как бы оказаться на его стороне. Тот, кто проиграет, ничего не может им дать. Поэтому, улещивая избирателей, я не говорю им, что делаю это по доброте душевной. Я только объясняю, почему Саймон не может победить, и не отвлекаю их от дармовой выпивки.

— Вы считаете, что Каллаган получит сорок процентов голосов? — спросил репортер «Герольда».

— Сорок процентов?! Послушайте, приятель, из тысячи делегатов конференции восемьсот проголосуют за Каллагана! Это точно.

Увидев Винса Спозатто, капитана пятого избирательного участка, своего смертельного недруга, Кетчам нахмурился. Насмешливо улыбаясь, он спросил:

— Вынюхиваете, как у нас дела, Винс?

— Где мы можем поговорить? — спросил Спозатто.

Они прошли в ванную, и Кетчам, заперев дверь, пустил душ, чтобы никто не мог подслушать, и уселся на край ванны. Спозатто устроился на стульчаке. Оба капитана внимательно изучали друг друга, словно при игре в покер.

— Что вы хотели? — спросил Кетчам.

— Меня послал Саймон. Нужно что-то предпринять в отношении старого Чарли Харта. Он созвал на сегодняшний вечер пресс-конференцию и собирается одним махом прикончить и Алекса и Дэна.

— Блефует, мерзавец. А кого он хочет?

— Никто не знает. Нужно объединиться.

— По рукам! Список Каллаган — Саймон.

— Вы что, ополоумели? Что скажете относительно списка Саймон — Каллаган?

— Ха! Из-за этого не стоило приходить сюда.

— Место почтмейстера будет вакантно. Алекс считает, что именно вы должны заняться почтой, Джиггси.

— Я вам не Джиггси, вы, иммигрантская судомойка из Неаполя! Вот что я вам скажу: вы связались с живым мертвецом. Саймон еще до августа протянет ноги.

Спозатто поднялся.

— Обождите, пока Харт сделает свое заявление. Тогда мне придется собирать вас по косточкам.

— Сперва подберете ваши собственные. Птичка принесла мне весть, что один из ваших барменов вчера продавал спиртное несовершеннолетним. Это может стоить лицензии и оставить вас не у дел.

Челюсть у Спозатто отвисла. Опытный боец, он не тратил времени на проявление злобы или ответное обвинение.

— Говорите, я слушаю, — сказал он.

— Я не ожидаю, что вы с места в карьер отмежуетесь от Саймона. Конечно, я понимаю, что вы должны поддерживать свою репутацию...

— Чего вы хотите?

— Чтобы ваши мальчишки перекинулись на сторону Дэна и мы получили большинство в роутонской делегации. Ведь это сущее безобразие, что любимый сын города не имеет в нем большинства голосов. И еще необходимо, чтобы кандидатуру Дэна поддержало и графство Роутон.

В три часа дня Дэн Каллаган торопливо переодевался в своих апартаментах, меняя насквозь промокшую от пота рубашку. Руководитель его предвыборной кампании Босворт, сосредоточенный и мрачный, сидел на краешке стула и что-то записывал в блокнот. Джиггс Кетчам вытянулся на кушетке.

— У тебя есть ключ от зала заседаний? — спросил Босворт.

— Есть, — отозвался Кетчам. — В полночь я встречу там с кинемехаником, и мы заправим ленту в проекционный аппарат.

— Проследи, чтобы никто не ворвался в будку, когда начнется показ фильма. Это будет сюрпризом для всех, и, конечно, парни Саймона начнут ломиться в дверь.

— Мы будем наготове. Встретим их пожарными шлангами.

Постучав, вошел один из помощников Каллагана.

— Простите, что помешал, Дэн. Представители графства Кишау через несколько минут начинают собрание. Они по-прежнему твердо стоят за Саймона, но мы уговорили их выслушать тебя. Конечно, Саймон выступит тоже. Иди скорее.

— Какой в этом смысл? — отозвался Каллаган. — Известно, что Кишау всегда голосует за Саймона.

— Надо пойти, Дэн, — произнес Босворт.

— И, черт возьми, — вмешался Кетчам, — обязательно поговори о репе.

Каллаган рассмеялся. Надев помятую куртку, он небрежно провел расческой по шевелюре.

— Вот что я вам скажу, ребята: я вымотался! Замечаю это всякий раз, когда выступаю. Аудитория плохо меня слушает.

— Чепуха, — успокоил его Босворт. — Говори все, что обычно. И еще выдай им про орошение пустынь морской водой. У них в графстве засуха.

— К черту орошение! — рявкнул Кетчам. — Говори о репе!

— И дай Саймону выступить первым, — сказал пришедший за ним помощник.

— Не наваливайтесь на меня, ребята! — отозвался Каллаган. — Я и так без сил.

Каллаган выступал перед враждебно настроенной делегацией графства Кишау, когда дверь распахнулась, и сенатор Саймон, румяный, со сверкающими глазами, потрясая над головой руками, словно боксер, выигравший бой, начал шумно прокладывать себе путь к столу президиума.

— Когда я шел сюда, — с усталой улыбкой продолжал Каллаган, — мне советовали говорить о репе. Но мои познания о репе стоят ровно столько же, сколько обычные предвыборные обещания. Поэтому я не желаю морочить вам голову репой. Скажу только, что могу гарантировать моим сторонникам победу в ноябре. Я еще ни разу не проигрывал на выборах. Но было бы печально, если бы я мог обещать вам только это. Какова же цель настоящей кампании? — Он сделал паузу. — Мне думается, что цель эта — прогресс. Ученые научились пользоваться энергией, полученной от солнца; медицина вот-вот

победит раковую болезнь; инженеры разрабатывают планы ирригации морской водой всего юго-запада, а мои советчики рекомендуют мне говорить о репе.— Он подбоченился.— Не понимаю, может быть, они думают, что мы страшимся двадцатого века?

Саймон, сидевший позади оратора, обменялся улыбками со своими друзьями и, когда Каллаган закончил речь, вышел вперед.

— Из самых достоверных источников я услышал, что мой оппонент ничего не смыслит в репе. Но разве это новость для кого-нибудь? Не огорчайся, Дэн. Если ты здесь проиграешь, не теряй надежды, мой мальчик. В молодые годы и меня, бывало, преследовали неудачи, и я вылетал из ведомости на получение государственного жалованья. Так вот, ныне все любят исповедоваться. Сознаюсь и я, что провел много счастливейших дней в графстве Кишау,— вы все знаете, это моя родина, и смею надеяться, что мне-то уж кое-что про репу известно. Недавно я завтракал с президентом и уверен, обрадую вас,— на столе была репа. Президент спросил меня: «Алекс, о чем мечтают добрые люди твоего графства?» «Они мечтают о дожде, господин президент,— ответил я.— В Кишау многие труженики разоряются из-за того, что уже несколько недель нет дождя». И президент сказал: «Почему же ваш губернатор не объявил графство районом бедствия, чтобы я мог помочь им за счет государственных фондов?» — Саймон улыбнулся, развел руками и продолжал: — Бестактно (я же был его гостем) жаловаться президенту, что мы страдаем из-за того, что наш губернатор — республиканец. Я только сказал: «Господин президент, наш губернатор — человек очень осторожный. Он никогда ничего не обещает. Он никогда не объявит, что в графстве создано чрезвычайное положение». Выступивший передо мной оратор сказал, что он ни разу не проигрывал на выборах. Но так как он баллотировался всего раз, то может гордиться личным рекордом. Одна мысль об этом Непобедимом приводит меня в трепет.— Саймон развел руками.— Возможно, подобное легкомыслие здесь неуместно. Продавец обязан расхваливать свой товар, хотя бы и тухлый, а кандидат стоит столько, сколько голосов он получит. Зачастую это — единственное, что его характеризует. Исходя из собственного опыта, скажу, что поражение укрепляет позвоночник. Друзья мои, скромность не позволяет мне говорить о себе, но так как я должен скоро вернуться в Вашингтон, чтобы договориться с министром обороны об увеличении заказов на поставку репы для наших солдат и матросов, я не могу обещать вам, что сразу же включусь в предвыборную кампанию. Могу гарантировать одно: если вы проголосуете за меня, вы проголосуете больше чем за победу. Вы проголосуете за опыт!

Вернувшись в свои апартаменты, Алекс Саймон застал там газетчиков.

— Утверждают, что за Каллагана восемьсот делегатов. Что вы скажете на это?

— Смею думать, что это — сильное преувеличение. Вооружайтесь вашими блокнотами и карандашами, мальчики.— Он оттянул пальцами красные подтяжки.— Если мой конкурент так уверен, что за него восемьдесят процентов делегатов, я сделаю ему предложение: если он получит голосов больше, чем я, я отдаю ему свои. Естественно, я ожидаю того же и от него,— в случае, если больше голосов получу я.

Ларри Космо, сборщик денежных средств на проведение предвыборной кампании Каллагана, опутывал в штаб-квартире лоббиста по имени Мак-Картон, который проверял у буфета щедрость хозяев.

Космо занялся политикой не только потому, что эта деятельность могла оказаться полезной для его страховой фирмы. Ему было одиноко и тоскливо в холостяцкой квартире, и он старался приходить домой как можно позже. Вот он и стал заполнять свои вечера политикой.

Подойдя к Мак-Картону, Космо взглянул на жетон со словами: «Я ПРОТИВ ЗПД!»¹, который лоббист носил в лацкане пиджака. Взгромоздив свой сто с лишним кило на стул перед стойкой бара, он спросил:

— Как дела, Элмер?

Элмер Мак-Картон был членом приходского церковного совета и помощником вице-президента фонда Хоббарта. (Девяностолетний мистер Хоббарт владел банками, фабриками, заводами и самой крупной в штате фирмой по производству бетона.)

— Существую.— Мак-Картон обвел внимательным взглядом переполненную людьми комнату.— А как у вас?

— Да вот, продаю Дэна дешевле его истинной стоимости; разве угадаешь капризы рынка? Это напоминает мне, сэр, рассказы моего дедушки о Неподкупном Джоне Хукере, который так часто торговал своим голосом, что на выборах, когда назвали его фамилию, машинально, словно перед судом, ответил: «Не виновен».— Космо подтянул ремень.— Но Неподкупный Джон, сэр, был по-своему честным человеком и никогда не кусал руку, кормящую его...

— Да, в те времена лоббистам было проще,— усмехнулся Мак-Картон.— Теперь наши законодатели считают, что брать взятки некрайсиво. Никаких взяток! А голоса на выборах хотят иметь.

— Очень трогательная мысль. Как только Дэн будет избран, я предложу отчеканить медаль в честь Элмера Мак-Картона, благороднейшего из лоббистов. Но, говоря о фонде Хоббарта, я хочу, чтобы вы знали и, конечно, чтобы это дошло до слуха всех делегатов, с которыми вы знакомы, что Дэн искренний друг этого прекрасного филантропического учреждения.

— Я заметил, что в дни конференций в друзья лезут все, кому не лень. Но откуда Дэн возьмет средства на строительство школ, больниц и шоссе? Увеличит подоходный налог?— Мак-Картон пожал плечами.— Конечно, я не против первоклассных бетонированных дорог, в особенности если строительство будет финансироваться из федеральных фондов. Но асфальт! Вот на чем обкрадывают налогоплательщиков!

— Элмер,— твердо сказал Космо,— Дэн за снижение налогов, он сторонник бетона и настоящий боец.

Мак-Картон рассмеялся.

— Так же, как и Саймон. Но с Саймоном все куда проще. Мы знаем его позицию. А что нам известно о Дэне?

Космо взял с блюда сэндвич с ветчиной.

— О Дэне нам известно одно — он сравнительно молод, а значит, будет еще не однажды выставлять свою кандидатуру и поэтому не захочет портить себе карьеру, наступая кому-нибудь на любимую мозоль. А что может предложить семидесятилетнее чудо-дитя с седьмого этажа? Одной ногой он уже в могиле и никуда и никогда больше не будет баллотироваться. Знаете, что происходит с выборным лицом, когда оно начинает ощущать приближение смертного часа? От одного этого должны трепетать все уважающие себя налогоплательщики.— Космо подлил себе в бокал виски.— Оно начинает заботиться об увековечении своей памяти, сэр, вот что оно начинает делать! Если

¹ ЗПД (сокр.) — закон против расовой дискриминации при приеме на работу.

Саймона изберут, наш штат, как рождественская индюшка, будет нашпигован разными ботаническими садами имени Саймона, кукольными театрами на открытом воздухе имени Саймона, не говоря уж о мраморных изваяниях его жены, детей, внуков и даже его старого кобеля. Представьте себе, как увеличатся налоги!

— Ну, а как Дэн смотрит на принятие закона против расовой дискриминации при приеме на работу? Радикалы и добренькие агитируют за этот закон. Не то, чтобы я был против него в принципе. Черт возьми, все мы верим в равенство. Но ЗПД всегда приводит к беспорядкам. Какой-нибудь ассенизатор с начальным образованием начинает требовать, чтобы его повысили в должности.

— Элмер, вы затронули важный вопрос. Дэн отлично разбирается в нем.

— Значит, он против ЗПД? А мне казалось, что кто-то говорил, будто...— Мак-Картон задумался.— Я хотел бы получить твердые гарантии.

— Постараюсь их вам представить. Если, конечно, в ответ мы получим кое-какие гарантии от вас...

— Ладно, буду с вами откровенен, Ларри. Я жду, что скажет сегодня вечером старый Чарли Харт. Ходят слухи, что он поддерживает Джекки Юбенкса.

— Я бы не проглотил такую новость, не посолив ее предварительно,— поморщился Космо.— Эти брюзгливые старые политиканы меняют свою точку зрения каждые пять минут.

— Вернемся к сути, Ларри. Имеете ли вы большинство среди делегатов конференции?

— Элмер, Элмер,— укоризненно покачал головой Космо.— Никогда не спрашивайте женщину о ее возрасте. Никогда не спрашивайте политического деятеля, сколько делегатов стоит за него. Даже если он это знает, чувство собственного достоинства вынудит его преувеличить. Если бы политик говорил то, что он думает, все ученые мужи, гадалки и предсказатели, да и половина газетчиков остались бы без работы.

— Я слышал, будто кто-то утверждал, что за Дэна будет подано восемьсот голосов... Все же я хочу послушать, что скажет Харт. Пока он находился в Капитолии, все шло чинно и благородно. Однако, если вы убедите меня, что у Дэна правильный взгляд на ЗПД...

— По рукам, только не забывайте о нашем уговоре, Элмер.— В игривом тоне Космо послышались твердые нотки.— Имеются три рода друзей. Одни бывают друзьями до конференции, другие становятся ими во время конференции и третьи — после конференции. Каждый добропорядочный американец имеет право сидеть на заборе, сколько ему заблагорассудится, но если он засидится и вдруг закричит: «Папа, я хочу домой!» — может случиться, что папы поблизости не окажется и он грохнется оземь.

В четыре часа Каллаган созвал срочное совещание. Присутствовали Берт Босворт, Ларри Космо и Джиггс Кетчам. На страже у двери стоял Микки Бирс.

— Джиггс,— проскрипел Босворт,— не понимаю, как вы могли сделать такую глупость — заявить, что мы получим восемьсот голосов. Просто не понимаю...

— Я не думал, что этот пройдоха репортер побежит к Саймону, черт побери! — воскликнул Кетчам.— Я не знал, что у Саймона возникнет идея вызвать Дэна на этот дурацкий спор, чтобы проигравший очистил поле битвы. Конечно, я понимал, что Саймон

хочет избежать первичных выборов, но не думал, что он зайдет так далеко...

— Никто из нас не думал, — кивнул Космо. — Однако есть выход. Вот мое предложение, Дэн. Заяви, что ты не принимаешь вызов Саймона, не считая для себя возможным лишать избирателей права голосовать за любого кандидата, которого выдвинет конференция.

Каллаган мрачно затряс головой.

— Я не уверен, что хочу увильнуть от вызова. Я должен рассчитаться с Алексом за то, что он выставил меня дураком перед делегатами Кишау. Если он надеется заполучить должность благодаря своим остроумиям, ему придется придумать их еще сотню. Во всяком случае, я уверен, что большинство проголосует за меня.

— Боюсь, что в этом уверен только ты один, — прорычал Босворт. — Ты прислушиваешься только к своим сторонникам, и то лишь когда они говорят то, что тебе по душе, а выборы — это скачка с препятствиями.

— Я не позволю Саймону блефовать и запугивать меня. Это вопрос принципа!

— Что еще за «принципы»?!

Каллаган рассмеялся.

— Ладно, Берт, ты же понимаешь, что я хочу сказать. Саймон не знает, сколько он получит голосов. Так же, как не знаем и мы. Но чутье мне подсказывает, что нужно принять вызов Саймона. Ребята, Чарли Харт запугал вас до смерти. В этом ваше несчастье. — Каллаган вызывающе посмотрел на них. — Если я отступлю, распустят слух, что мы забуксовали. Я приму вызов!

— Ладно, — угрюмо произнес Космо. — Ты псих, но психи обычно долго живут в политике. — Он потер подбородок. — Что ты скажешь о Мак-Картоне?

— Он ставит меня в затруднительное положение с этим ЗПД...

— Вот именно! Не забывай, это все же партийная конференция, а не благотворительный базар. Однако, если ты погладишь его по шерсти, это вовсе не означает, что ты обязан пустить его и фонд Хоббарта в губернаторскую резиденцию. Ты будешь сам себе хозяин. Это напоминает мне историю с мэром Роутона Бринкерхуфом. В те дни Роутоном командовала организация, на восемьдесят процентов состоявшая из сводников и шулеров, она купила и мэра. Так вот, однажды репортер спросил Бринкерхуфа, у которого мозгов было чуть поменьше, чем у борова, и чуть побольше, чем у Алекса Саймона, кто будет новым начальником полиции, а он им в ответ: — «Не знаю, ребята, я еще не получил указаний».

— Оставь свои побасенки, Ларри, — перебил Босворт. — Дэн, на этот раз имеется много серьезных возражений против ЗПД. Мы можем подсказать нашим людям в комиссии по выработке программы, чтобы они обошли ЗПД молчанием. Пусть Ларри воздержится от своих анекдотов и скажет Мак-Картону, что ты будешь придерживаться программы. Нам нужны его голоса.

Дверь растворилась, и в комнату просунулась голова пресс-агента.

— Дэн, вас просят к телефону Мэтт Кинан.

— Не могу, не могу! Слишком много людей дает мне советы!

— Кинан говорит, что дело срочное.

— У него все срочное.

— Поговори с ним, Дэн, — посоветовал Босворт.

Дэн проковылял к параллельному аппарату. В трубке раздался жесткий голос Кинана.

— Каллаган, что вы собираетесь предпринять в связи с вызовом Саймона?

— Я приму его, Мэтт.

— Вы рехнулись! На этой конференции вы не можете побить его! Большинство делегатов избраны на собраниях участков, где преобладают его сторонники. Ваша единственная задача — набрать четыреста голосов, чтобы попасть в кандидаты. Саймоном мы займемся на первичных выборах.

— Я не могу отступить. Это дело чести.

— Речь идет о выборах! Что вам важнее — быть избранным или ваша честь?

— Осторожнее, Дэн,— сказал Космо.— Могут подслушивать.

— Во всяком случае, Мэтт, всю кашу заварил ваш человек,— сказал Дэн.— Если бы он не передал Саймону шутку одного из моих ребят, мы бы не оказались в таком положении.

Кинан пожал плечами.

— Если я когда-нибудь встречу политического деятеля, который бы в ошибках винил себя, а не кого-нибудь другого, я готов носом катить бильярдный шар до самого Белого дома. Мой репортер собирал материал. Между прочим, этим способом он зарабатывает себе на жизнь. «Герольд» на вашей стороне, но это вовсе не означает, что вы являетесь его редактором...

— Кинан прав, Дэн,— сказал Босворт.— Ты можешь побить Саймона у избирательных урн, но не на конференции.

— Сволочи, так-то вы уверены во мне! — буркнул Каллаган.

— Ваше несчастье в том, что вы за деревьями не видите леса,— продолжал Кинан.— Все вы там, в «Куполе», словно зайцы во хмелю. Принимаете за истину свои собственные дурацкие измышления.

— А почему вы уверены, что знаете больше? — разозлился Каллаган.

— Я нахожусь в миле от вас и живу в другом мире. И кроме того, слежу за телепередачами. Черт побери, телезрители лучше вас знают, что происходит в вашем сумасшедшем доме! Каллаган, если бы кто-нибудь из ваших людей смотрел телепередачи, вы были бы непобедимы.

— Я хочу расквитаться с Саймоном!

— Я тоже не против. Но это вам не кулачный бой. И теперь вы уже не принадлежите себе. Подумайте о тех, кто поддерживает вас. О том, сколько они поставили на вас!

Каллаган оглядел присутствующих. Воцарилось тягостное молчание.

— Давите на меня, чтобы я отступил? — Каллаган скривил губы.— Но ведь меня поднимут на смех, если...

— Наконец-то вы заговорили по-деловому,— прогрохотал Кинан.— Каллаган, вы в порядке. Завтра вечером вы будете благодарить меня.

— Ладно, Мэтт, ваша взяла. Когда в следующий раз увидите меня по телеку, сообщите, как я выгляжу.— Окружной прокурор положил трубку и хмуро заметил: — Наступит день, когда я тоже буду сидеть в стороне и давать советы.— Он вынул из кармана ореховые скорлупки и принялся подбрасывать их на ладони.— Где Уинквист?

— Не знаю,— пожал плечами пресс-агент.

— Наверное, держится за руки со своей Полли,— усмехнулся Каллаган.— Ладно, давайте подумаем об ответе Саймону...

Боб Уинквист встретился с Полли в кафетерии отеля «Купол», чтобы наскоро перекусить.

— Устали? Набегались за день?

— Нисколько. А как вы?

— По-прежнему мальчик на побегушках. Весь день заискивал перед делегатами.— Боб поправил очки.— Вечером отправляюсь с Босвортом на торг с одним профсоюзным лидером. Я учился в юридической школе с его сыном. Правда, с тех пор я виделся с ним всего два три раза, но считаю, что это знакомство может оказаться полезным...

— А сколько голосов контролирует ваш профсоюзный босс?

— Кто его знает... Эти бонзы, спекулирующие голосами, обманывают политических деятелей с незапамятных времен.— Официантка принесла сэндвичи и кофе. Когда она отошла, Боб продолжал: — Я хочу пригласить вас и ваших родителей четвертого июля на озеро Онтонка. Там у нас охотничий домик.

— О, Боб, старики с радостью согласились бы, но папа завален работой, и к тому же только стихийное бедствие может помешать им участвовать в традиционном пикнике демократов по случаю Дня независимости. Но вы можете пригласить меня одну,— добавила она с улыбкой.

— Считайте, что это уже сделано. К четвертому июля вода в озере прогреется, и можно будет купаться. Проведем день, как в добрые старые времена. Хотя немного поживем дикарями.— Он оглядел шумный кафетерий, переполненный делегатами, и планы поездки вдруг показались ему утопией.— Не дожусь, когда минует завтрашний день. Я измотан, Полли. До предела. Так же, как и Дэн, только он слишком устал, чтобы понимать это.

— Меня удивляет, что он отказался принять вызов Саймона,— заметила девушка.

— Это счастье, что отказался. Чему вы удивляетесь?

— Я считала его игроком. Если бы он принял вызов Саймона и выиграл, то избежал бы борьбы на первичных выборах.

— Безупречная стратегия. За исключением одного момента. Вы забыли про бывшего губернатора, старого Чарли Харта. Говорят, он хочет выставить свою кандидатуру.— Боб посмотрел на часы.— Через десять минут мы его услышим. И может статься, что ничего хорошего не узнаем,— хмуро добавил он.

— Уже семь часов, вы готовы? — обратился репортер к Чарли Харту-старшему.— Операторы телевидения на месте.

— Где мой сын? — засветился улыбкой Чарли Харт.

Долговязый мужчина лет тридцати протолкался сквозь толпу.

— Я здесь, отец.

— Поставь бокал и сядь,— приказал Харт-старший и обернулся к репортеру.— Я буду читать мое заявление медленно.

Чарли Харт-младший послушно сел возле отца. Бывший губернатор повернул лицо с выдвинутой вперед, как у бульдога, челюстью к объективу телевизионной камеры и начал:

— Много воспоминаний пробуждает во мне эта возможность обратиться к моим друзьям в нашем штате, и я очень хотел бы поговорить о добрых старых временах, но сегодня нас зовет к себе будущее, а не прошлое... И все же будущее должно уделить мне несколько мгновений для того, чтобы я еще раз мог поблагодарить всех вас за то, что вы помогли мне тащить государственную телегу, когда я управлял нашим штатом. И хотя время было трудное, друзья мои, еще более трудные времена впереди. Неудивительно, что я готов по-прежнему служить вам, но...— он обвел взглядом свое кресло-коляску,— здоровье ушло от меня. Старость должна уступать место молодости. Все внутри тебя вопиет: «Нет еще! Нет еще!», но в душе понимаешь, что

так оно есть и так должно быть... И вот несколько лет назад я отошел в сторонку. Все же чувство благоговения к должности, которую я некогда занимал, не покидает меня, а, напротив, растет с годами. Друзья мои, мне сказали, что на конференции, открывающейся завтра, будут предложены по крайней мере три кандидата на пост губернатора. У них есть на это полное право, но я, в свою очередь, тоже имею право, больше того, считаю своим долгом высказаться во имя интересов народа... Но сперва я хочу внести ясность: лично я не имею ничего против любой из трех кандидатур, хотя меня опечалило, что наш старейший сенатор пытается добиться своего избрания всякими уловками. Я хочу сказать, что на конференции должна вестись открытая борьба, а не закулисный торг, и, кроме того, я выражаю уверенность в том, что, несмотря на наши споры, мы сохраним единство в партии. Именно в интересах единства я обращаюсь к вам сегодня. Я сожалею, что мне приходится сделать это заявление, но печальная истина заключается в том, что сенатор Саймон имеет не больше оснований баллотироваться, чем я. Я старик, и он старик, и настало время старикам перестать болтать о великом будущем нашего штата и отдать это будущее в руки новых лидеров. Алекс, пришла пора нам с тобой стусеваться! Поэтому посиди дома в своей качалке и грызи фисташки! Это тебе не во вред.— Бульдोजья челюсть Чарли Харта выдвинулась вперед.— А теперь несколько слов об окружном прокуроре. Он гроза квартирных воров и способен пробить кулаком стену. Отлично! За это мы воздадим ему должное, но не отдадим наших голосов. Не забывайте, друзья мои, что до последних лет он никогда не занимал выборных общественных должностей. Мистер Каллаган, посмотрите на себя со стороны! И потом скажите нам— не слишком ли рано вы решили взобраться так высоко, и еще скажите, не считаете ли вы, что губернаторский пост заслуживает большего, чем вы можете предложить?.. Что касается третьего кандидата, Арти Смита из Багвлия, то о нем нельзя сказать ничего плохого. Но, к сожалению, и ничего хорошего не скажешь.

Полив грязью всех трех кандидатов, бывший губернатор горделиво улыбнулся и взглянул на сына. Телекамеры выжидающе нацелились на Чарли Харта-младшего. Репортеры приготовились ринуться к телефону. Старик продолжал:

— Итак, предстоящая конференция должна избрать не только человека, который способен одержать победу на выборах, а того, кто имеет опыт руководителя и хорошую репутацию,— качества, необходимые для столь ответственного поста. Друзья мои, человек, которого я имею в виду, посвятил всю свою сознательную жизнь служению обществу, и хотя он не является активным кандидатом, однако я уверен, что его патристические чувства и бескорыстие не позволяют ему не откликнуться на призыв. Я предлагаю в губернаторы уважаемого члена Верховного суда Роутона его честь судью Сэмсона Гофмана.

Судья Гофман вскочил с кушетки, лежа на которой смотрел телепередачу. Стоял жаркий июньский вечер, и судья был в майке и трусах. Элоиза отбросила вязанье и уставилась на мужа.

— Сэм, они хотят тебя!

— Не подходи к телефону! — поспешно воскликнул судья.— Сейчас начнут трезвонить репортеры.

— Успокойся,— сказала Элоиза Гофман.— Бери пример с меня. Если бы ты видел, какой ты смешной в трусах, то не слишком бы мнил о себе.

— Элоиза,— ответил судья, поморщившись,— мне нечего мнить о себе, потому что суть заключается в том, что мне выпала сомнитель-

ная честь стать приманкой, при помощи которой Чарли Харт надеется загнать конференцию в тупик. Расчет простой: благодаря его престижу за меня будет голосовать какое-то количество делегатов, и это лишит и Алекса и Дэна возможности получить необходимые сорок процентов голосов. И тогда в подходящий момент Чарли предложит своего подлинного кандидата, и не нужно быть магом, чтобы угадать, кого он держит про запас: бывшего знаменитого баскетболиста, а ныне выдающегося молодого адвоката Чарли Харта-младшего!

Элоиза смотрела на мужа в полном недоумении. Это чувство она испытывала всякий раз, когда он принимался объяснять пружины сложного механизма, который назывался политикой.

— Но если Чарли Харт хочет выдвинуть кандидатуру своего сына, почему он не скажет прямо?!

— Да потому что сейчас это бессмысленно! Но после пяти или шести безрезультатных туров голосования делегаты конференции так устанут, что согласятся на любую кандидатуру, лишь бы выбраться из тупика. После четырнадцати-пятнадцати часов сидения в душном зале даже Чарли Харт-младший покажется подходящим кандидатом.

— Но ведь он не победит в ноябре!

— Человек в тридцать лет может рискнуть проиграть первый раунд. Хорошая реклама для более серьезных попыток в дальнейшем.

— Сэм, ты неисправим,— произнесла Элоиза тоном воспитательницы, журущей шаловливого питомца.

— Если бы Чарли Харт выдвигал мою кандидатуру всерьез, он не откладывал бы этого до последнего момента и предварительно побеседовал бы со мной.

— Если ты так уверен, дорогой, почему же ты вскочил с кушетки, как ужаленный?

— Разве? Видимо, потому, что человек всегда живет надеждой.

— Так может говорить только кандидат! Завтра же закажу себе платье к балу по поводу твоего избрания губернатором.

— И совершенно напрасно,— улыбнулся судья Гофман.— Вспомни, что гласит конституция штата: «Во время исполнения обязанностей ни один судья не вправе выдвигать свою кандидатуру на другую административную должность». Если на приглашение Чарли Харта я отвечу «да», какой-нибудь шустрый адвокат-республиканец завтра же потребует объявить мой пост вакантным. Стоит ли короткий час славы неизбежной головной боли в случае неудачи? — Судья Гофман потер подбородок.— Даже если Чарли Харт всерьез выдвинул мою кандидатуру, я уже высказался в поддержку Каллагана.

— Разве ты чем-нибудь обязан ему?

— Нет. Моя поддержка Дэна — просто детская попытка рассчитаться с Алексом Саймоном. Помнишь, что он мне предложил? И ведь чтобы стать федеральным судьей, мне нужно было всего лишь отложить слушание дела Харта!

— Конечно, помню! — воскликнула Элоиза.— И еще я помню, что защитник потребовал отвода суда! О, Сэм! Мне кажется, ты отказал ему, чтобы Алекс Саймон не думал, что может купить тебя.

— Ты слишком близка к истине, дорогая,— с несчастным видом подтвердил судья.— Боюсь, что я отказал защите именно по этой причине. А Харту теперь грозит электрический стул... А ведь защита имела все основания требовать отвода... У меня скверно на сердце, скверно.— Он принялся вышагивать по комнате.— Не понимаю, как я мог позволить Алексу безнаказанно предложить мне такое... Я должен был доложить об этом...

— Да, но ведь ты считал себя обязанным ему!

— Я убеждал себя в этом. Но, говоря честно, просто боялся проиграть, начни я бороться с Алексом... Что касается Нормана Харта, то...

- Но ведь присяжные признали его виновным!
- А не повлияли ли на их решение показания Бирса?
- Но Верховный суд разберется, не правда ли?

— И, слава богу, очень скоро. По закону обжалование смертного приговора рассматривается Верховным судом вне всякой очереди.

Раздался звонок. Элоиза направилась было к телефону, но тут же остановилась.

— Чуть не забыла... Но знаешь, Сэм, в телефонном звонке есть что-то манящее...

Он деланно рассмеялся.

— Ладно, я подойду. Сэм Гофман слушает,— сказал он в трубку.

— Судья, говорит Хоукинс из радио-пресс-центра конференции. Вам, конечно, уже известно заявление Чарли Харта?

— Да.

— Судья, мы хотели бы задать вам несколько вопросов. Предупреждаю, что ваши ответы будут непосредственно передаваться в эфир.

— Приступайте, мистер Хоукинс.— Гофман прикрыл трубку рукой.— Элоиза, начинается. Сейчас меня будут пытаться. Включи-ка приемник.

— Судья,— спросил репортер,— вы ожидали этого заявления?

— Нет, не ожидал.

— Вот как? — скептически сказал репортер.— Но теперь вы являетесь кандидатом, не так ли?

— Я не добиваюсь выдвижения.

— Но вы дадите согласие, если будет выдвинута ваша кандидатура?

— С моей стороны, было бы самонадеянно предполагать, что это произойдет.

— Предположим, что произойдет.

— Я не могу этого предположить.

До слуха судьи донесся шепот репортера, советуемого кем-то. Наконец он услышал:

— Судья, вы согласны с утверждением бывшего губернатора, что ни Каллаган, ни Саймон не победят в ноябре?

— По-моему, он этого не утверждал.

— Судья, разве вы не являетесь кандидатом в Федеральный суд после смерти Гафффея?

— Допускаю, что моя кандидатура рассматривалась.

— Вы никогда не обсуждали этот вопрос с сенатором Саймоном?

— Думается, я не обязан рассказывать о том, что я делал и чего не делал.

— Обещал ли вам мистер Каллаган какой-либо пост в случае его избрания?

— Нет! — громко и сердито отрезал судья Гофман.

— Вот как? — снова совещание шепотом.— Судья, наше время истекло. От имени радиослушателей благодарим вас за беседу.

Судья Гофман положил трубку.

— Что скажешь, Элоиза?

— Ты очень хорошо вышел из положения, Сэм.

— Хотел бы видеть этого прощелыгу репортера у себя в суде! Интересно, есть ли специальные школы, где их обучают настырности?!

— Это его работа, дорогой. Пока ты с ним разговаривал, меня не оставляла мысль о чудесах современных средств связи. Вот ты стояла там, а я сидела и слушала по радио тебя и твоего инквизитора и подумала: если мир будет вовлечен в атомную войну, мы сможем наблюдать в телевизор, как нас будут уничтожать. Представляю, сколь сенсационной была бы такая передача!

— Женам политических деятелей не позволено делать саркастических замечаний, Элоиза! Неужели тебе никто не говорил, что жена человека, занимающего общественное положение, должна лишь разливать чай высокопоставленным гостям и заниматься «крещением» воздушных лайнеров? Неужели тебе никто не говорил, что у Рузвельта было больше хлопот из-за умной и обладающей даром речи жены, чем из-за реформ, которые он пытался провести?

— Ага, значит, ты все-таки решил выдвинуть свою кандидатуру?!

— Ты еще хуже, чем этот парень с радио!

Элоиза улыбнулась.

— А вы, политики, похожи на женщину, которая никак не может решить, какую шляпку ей выбрать. Не знаю. Я хотела бы понять все это. Хотела бы понять смысл этой конференции.

— Все очень просто.— Судья Гофман улегся на кушетке.— Перед конференцией стоят две задачи. Первая: выбрать подходящих кандидатов. Кандидат не может считаться подходящим только по той причине, что изъявляет желание стать губернатором. Не забывай этого. Сегодня, часа в три ночи, многие делегаты вскочат с постели, охваченные дрожью, обезумевшие, с головой, распухшей от вечерней выпивки и от сплетен, которые, возможно, они же сами и распустили, у каждого из них возникнет ослепительное предчувствие: именно он и станет тем человеком, который поведет партию к победе! Именно он и выведет конференцию из тупика! Означает ли это, что он является подходящим кандидатом? Отнюдь. Чтобы быть подходящим кандидатом, человек должен обладать всеми положительными качествами и ни единым отрицательным. Какова его религиозная принадлежность? Семейное положение? Общественная репутация? Кто его недруги? Фотогеничен и телегеничен ли он? Избирателей (подумать только!) иногда интересуют даже его умственные способности! На все эти вопросы может дать ответ лишь конференция. Конференция должна отобрать из числа претендентов, страстно желающих послужить народу, самого подходящего, и если погода жаркая, то выбор займет, конечно, значительно меньше времени, чем в прохладный день. В самом деле, трудно представить себе, сколько шушеры бывает избрано из-за жары! А когда все кончится, другая шушера, не столь удачливая, вернется домой, тая зависть и обиду до самой могилы. Но я отклонился, Элоиза. Так вот, я не думаю, что являюсь подходящим кандидатом. Во всяком случае, я не самый подходящий.

Снова зазвонил телефон. Судья Гофман раздраженно передернул плечами.

— На этот раз, Элоиза, ответь ты. Скажи, что меня нет. Скажи, что я пьян. Нет, придумай что-нибудь похуже... Скажи... скажи, что я зарегистрировался как член республиканской партии.

В штаб-квартире Саймона телевизионный техник налаживал аппаратуру для трансляции официального ответа сенатора на речь Харта. Его неофициальный ответ был нецензурным.

— Услышав несколько минут назад выступление Чарли Харта, я очень удивился,— начал Саймон,— потому что мне казалось, что когда-то я присутствовал на его похоронах. Чарли, поздравляю тебя с возвращением в ряды живых. Возможно, что ты единственная мумия, принимающая участие в общественной жизни, и я, конечно, не буду задавать нескромных вопросов о том, где ты пропадал до сих пор. Бедный старый, покрытый паутиной Чарли! Его аргументы так же хрупки, как перышки колибри. Не стоило бы, друзья мои, бывшему политическому лидеру подсказывать вам, что вы должны делать. Вы управляете здесь всем! Вы и господь бог, а не Чарли Харт! Народ не-

навидит самоуверенных людей! Что касается намеков, сделанных этим самоуверенным в мой адрес, будто я пытаюсь избежать борьбы на первичных выборах и поэтому хочу вытолкать с конференции моих соперников, то я попрошу его придерживаться фактов. Конференция, как бескрайняя степь, широко открыта для всех. Первичные выборы, дорогие друзья, можно сравнить с увертюрой, задача которой расшевелить избирателей, и, если бы это зависело от меня, то мы бы пришли к выборам с первоклассным оркестром. Но это зависит не от меня и не от Чарли Харта. Это зависит от вас, и любое ваше решение будет правильным, ибо народ всегда прав. Поэтому я надеюсь получить вашу поддержку, и если вы не можете отдать мне свои голоса, то по крайней мере молитесь за меня. Я нуждаюсь в ваших молитвах больше, чем в ваших голосах.

Куда ни сунься в этом отеле, думал Боб Уинквист, всюду заметно, что выступление Харта положило начало цепной реакции неуверенности. Никто не знал сил, стоявших за Гофманом, никто не знал, согласится ли судья выставить свою кандидатуру, но некоторые делегаты начинали поговаривать, что отложат окончательное решение до прояснения обстановки.

В кабинете профсоюзного лидера Боб был свидетелем того, как Босворт пытался склонить того к поддержке окружного прокурора.

— Мне кажется, что выиграет Гофман... Имея за собой политическую машину Харта, он может...— твердил седовласый ветеран профдвижения.— Вы уже беседовали с судьей?

— Дэн пытается связаться с ним.

— Почему бы Дэну не выступить с судьей Гофманом по одному списку?

— Что ж, Дэн готов объединиться хоть с самим дьяволом, если дьявол согласится занять второе место. Саймон находится в еще более отчаянном положении. Он согласен даже на Джекки Юбенкса.— Драчливый маленький руководитель выборной кампании окружного прокурора невесело улыбнулся.— Единый список! Конференция — это борьба соперников, кто кого, и каждый думает, что именно он имеет шансы на победу.

Профсоюзный босс поморщился.

— Судья и Дэн — это был бы хороший список. Иначе Дэну не победить.

— Он победит.

— Черта с два вы бы обхаживали меня, будь вы уверены в этом!

— Хотелось бы проучить сукина сына,— сказал Босворт Уинквисту, когда они вышли из помещения профсоюза.— Но, черт возьми, он прав.— Босворт умолк и горько рассмеялся.— Чему вы научились за последнее время, Боб?

— Тому, как обходиться двумя часами сна в сутки.

— Что ж, вам за это воздастся, если Дэн добьется своего.— Берт Босворт яростно протолкался сквозь группу людей, загораживавших дорогу.— Ради Дэна я готов плясать на раскаленных углях. После войны, когда мы оба лежали в госпитале, я... я хотел покончить с собой... Дэн остановил меня...— Он замолчал, явно смущенный.— Мне кажется, нам повезло, что Кинан убедил его не принимать вызова Саймона. Меня он не слушал.

Боб подумал вдруг, что Босворт, не имеющий никакого состояния, должно быть, получит жалование из выборных фондов Каллагана. Возможно, из тех денег, которые жертвовал он... Ирония судьбы...

В штаб-квартире Каллагана они увидели толпу, заполнившую переднюю комнату. В гомоне голосов Боб услышал, как кто-то окликнул его, и, оглянувшись, увидел Полли Гофман.

— Я всюду ищу вас, Боб. Выйдем.

Они уединились в коридоре, и Полли сказала:

— Звонил папа. Просил передать, что собирается встретиться сегодня вечером с Чарли Хартом и откажется от предложения выдвинуть его кандидатуру.

— Понимаю, как ему трудно было принять такое решение,— кивнул Боб.— А что вы думаете по этому поводу?

— Папа умница, что не дал вовлечь себя в эту авантюру. Возможно, когда-нибудь он...

— Полли, а это сообщение было предназначено мне? Не Дэну?

— Можете сказать и Дэну.— Улыбнувшись, она добавила: — Папа считает, что это повысит ваши акции среди помощников Каллагана, если именно вы сообщите ему приятную новость... Ну вот, теперь вы больше не мальчик на побегушках.

— Разве? — усмехнулся он.

— Вы герольд! Неужели вы еще не почувствовали себя выше на метр?

Он обнял ее за талию.

— Я не хочу быть слишком высоким. Мой рост кажется мне сейчас самым подходящим.

Рядом остановились трое подвыпивших делегатов.

— А ну-ка поцелуйте ее! — радостно воскликнул один из них.

— Именно это я и люблю делать в коридорах гостиниц,— сказал Боб и, поцеловав Полли под аплодисменты всех троих, неохотно отпустил ее.— Пойду сообщу им решение вашего отца.

В десять часов вечера по «Куполу» разнеслась весть, что при обсуждении той части программы, в которой говорилось о проблеме сегрегации, голоса членов подкомиссии по гражданским правам разделились. В десять тридцать стало известно, что было принято компромиссное решение и по этому вопросу на конференции дебатов не будет. В десять сорок пять в штаб-квартире Саймона кончилось виски, и в течение десяти ужасающих минут любители выпить на даровщинку были вынуждены довольствоваться джином. В одиннадцать пятнадцать хор девушек «Репка» из графства Кишау в полном составе отправился на вечеринку в 906-й номер. В одиннадцать тридцать Арти Смит из Багвиля объявил, что при некоторых условиях он может согласиться на единый список с кем угодно в качестве кандидата на второе место. В одиннадцать сорок пять Батчер и Брокер, соискатели на должности и государственное жалование, все еще продолжали поздравлять всех и каждого, и в плохо освещенном закоулке поздравили даже друг друга.

Моечные машины смывали с мостовых и тротуаров обрывки плакатов, жетоны и вымпелы. В подвале, под залом, в котором должна была открыться конференция, Джиггс Кетчам вместе с электриком колдовали над радиотрансляционной системой.

Открытие конференции было назначено на девять часов утра, и председатель партийной организации демократической партии штата Дэйв Редстоун начал заседание минута в минуту, чем привел в замешательство делегатов, большинство которых еще завтракало. Столь необычная пунктуальность объяснялась настойчивостью телевизион-

ных компаний, ограниченных временем: к вечеру в пятницу они должны были освободить каналы для передачи объявленного заранее чемпионата по боксу. Общественное мнение, как заявили владельцы телекомпаний, не потерпит преимущественного права конференции и уже проявляет недовольство тем, что из-за конференции была отменена трансляция финала автогонок. Опасались даже, что весь штат может перевернуться на сторону республиканцев, если телезрителям не дадут посмотреть бокс.

Работа конференции началась с выступлений священнослужителей, которые являлись зарегистрированными делегатами, они обратились к господу богу с молитвой о ниспослании благословения конференции. Потом делегатам был представлен их выдающийся земляк, бывший министр США, уехавший из Роутона еще мальчишкой. Он произнес короткую речь на тему «Мир и процветание» и закончил призывом спасти американский образ жизни, голосуя в ноябре за демократов. К десяти тридцати в зале стало трудно дышать. Шуршали газеты, которыми обмахивались делегаты. Скрипели кресла. Шаркали ноги. Все шепотом переговаривались между собой, и в зале стояло ровное жужжание, словно приглушенно рокотали турбины на океанском лайнере. Партийные функционеры с отличительными значками в петлицах, с важным и таинственным видом торопливо бежали с помоста в зал и обратно, выполняя какие-то поручения. На галерке воинственные сторонники Каллагана, собранные Кетчамом и проникшие в зал по поддельным пропускам, поддерживали нелегкое перемирие со столь же воинственными сторонниками Саймона, собранными Винсом Спозатто и прошедшими сюда по таким же поддельным пропускам. Конфетти, серпантин и пустые пакеты из-под кукурузных хлопьев дождем сыпались сверху на головы делегатов. Под балками потолка покачивались воздушные шары.

Горячие выступления ораторов не достигали ушей делегатов, дававших в это время интервью репортерам, беседовавших с приятелями или слушающих по портативным радиоприемникам сообщения о результатах игр футбольных команд основной лиги.

После перерыва председательствующий сделал безуспешную попытку ускорить ход конференции, предложив заменить выступления отдельных делегатов отчетами комиссий, но тут же был ошкан: должен бы знать, что политический деятель продаст что угодно — не только партийную лояльность, но мать родную, — но никогда не откажется от возможности лишней раз появиться в телепередаче.

В три часа один из партийных лидеров демократов, Горацио Клаппер, говорун из графства Блоджет, шагнул к микрофону так решительно, словно с самого рождения ждал этого момента. И начал с таким пылом, что не верилось, что сумеет довести свою речь до благополучного конца. Но вскоре стало ясно, что говорить он может без передышки весь день.

Сперва он яростно обрушился на республиканскую партию и республиканцев и, даже не вспотев, уничтожил добрую половину из них, затем принялся разглагольствовать о Рядовых Гражданах, Красавице Америке и людях Этого Великого Штата. Десятью минутами позже, осушив стакан воды и сняв пиджак, он обрел второе дыхание и продолжал говорить, оглядываясь через плечо на портреты Кулиджа и Гувера, после чего обратился за моральной поддержкой к Томасу Джефферсону, Франклину Рузвельту и Гарри Трумэну. Возгласы «ура», рукоплескания и топот потрясли старое здание до самого фундамента. Оратор сошел с трибуны взмокший, с развевающимися полыми рубашки, вылезшей из штанов.

В восемь часов вечера объявили о начале выдвижения кандидатур. В ответ раздался восторженный вопль изнемогих от духоты людей.

Аудитория щурилась под лучами юпитеров, а духовой оркестр из пятнадцати человек, упрятанный в раковину перед ораторской трибуной, принялся исторгать громоподобные звуки маршей. Потные, грязные, охрипшие делегаты вскочили с мест. Руководители кампании, хоть и уверяли, что получают значительно больше голосов, чем необходимые четыре сотни, делали отчаянные попытки склонить на свою сторону колеблющиеся делегации и ежеминутно передавали по портативным рациям в свои штаб-квартиры хорошие или дурные вести.

Охрипший председатель тщетно барабанил по столу молотком, призывая зал к порядку.

Наконец один из делегатов вышел на трибуну и выдвинул на пост губернатора сенатора Алекса Саймона.

Стихийная демонстрация (обошедшаяся всего в тысячу долларов — за оркестр, бумажные колпаки клоунов, красивых танцовщиц и за розы для дам) продолжалась минут десять. Затем три страдающих ларингитом джентльмена поддержали выдвинутую кандидатуру, но из-за таинственной порчи репродукторов никто не расслышал ни слова из их выступлений.

Представитель делегации графства Сампан обратился к конференции с просьбой дать выступить Чарли Харту-старшему. Председательствующий на одном дыхании скороговоркой произнес: «Ктозаетопредложениеговорит«да»никтонеказал«нет»предложениеипринято»,—и сын Чарли Харта-старшего вывез в кресле-коляске своего отца на помост. Бывший губернатор сообщил собранию, что судья Гофман настоятельно просит конференцию не выдвигать его кандидатуру, и далее сказал, что некоторые из общих замечаний, высказанных им вчера вечером, были неправильно поняты и поэтому он желает внести ясность. Он не утверждал, будто некоторые лица не победят на ноябрьских выборах, а лишь имел в виду, что они не смогут победить без его поддержки, которую он охотно окажет, если будет к этому призван. За проявление столь высокого сознания своего партийного долга он был награжден орденом.

Слово для выдвижения кандидата получил представитель делегации Роутона. Восемью минутами позже оратор произнес магические слова:

— Итак, я называю вам нашего будущего губернатора, возлюбленного сына Роутона, первого гражданина и борца за правду — окружного прокурора Дэна Каллагана...

Двери в зал распахнулись настежь. Духовой оркестр справа и оркестр волынщиков слева промаршировали по проходам и исполнили «Вот и я, Капитолий». Ликующая толпа начала размахивать флагами. Руководители избирательной кампании, мечущиеся среди делегатов, принялись дуть в рожки и свистульки. Кто-то запустил под потолок небольшой фейерверк.

Минут через пятнадцать, когда порядок восстановился, погас свет и со стропил развернулся полотняный экран. Луч света из проекционной будки прорезал темноту. Из репродукторов загрел марш. Началась демонстрация фильма «Дэн Каллаган, избранный народа». На экране возникло звездно-полосатое знамя и затем псывилась фигура Дэна Каллагана, улыбающегося в затемненный зал.

Операторы запечатлели Каллагана, пожимающего руку старой даме, торгующей газетами у Капитолия; Каллагана, весело смеющегося с группой ребятшек, гоняющих мяч на улице; Каллагана в домашней обстановке, в кругу семьи, рядом с женой и детьми; Каллагана — в военной форме; в зале суда; в церкви... Когда зажегся свет, делегаты, повскакав с мест, восторженно завопили, затопали ногами и засвистели. Двадцать или тридцать мегафонов разносили по залу: «ПОБЕДИМ С

ДЭНОМ! ПОБЕДИМ С ДЭНОМ! ПОБЕДИМСДЭНОМПОБЕДИМСДЭНОМПОБЕДИМСДЭНОМПОБЕДИМСДЭНОМПОБЕДИМСДЭНОМКАЛЛАГАНОМ...»

Творилось нечто невообразимое.

Боб Уинквист, сидевший в ложе делегации Роутона, испытывал противоречивые чувства. Он был утомлен. Понимая, что все происходящее — просто безумие, он все же невольно стал поддаваться ритму маршей и вою фанфар. Какое имеет значение, что большинство участников этой неистовой вакханалии — одряхлевшие, лысеющие, пожилые люди, энтузиазм которых объясняется только тем, что они рассчитывают на определенные блага после выборов и уже наутро поймут, какими болванами были накануне... Он сам был одурманен и утомлен этим бедламом... Но что из этого? Какое это имеет значение?!

Из мегафонов неслось: «ПОБЕДИМСДЭНОМПОБЕДИМСДЭНОМПОБЕДИМСДЭНОМКАЛЛАГАНОМ...»

Бедлам продолжался еще минут пятнадцать. Наконец председателю удалось восстановить порядок. После этого голосование явилось пустой формальностью. Буря утихла. Дэн Каллаган получил пятьсот семьдесят голосов, сенатор Алекс Саймон четырехста семнадцать, Арти Смит из Багвлия — два.

Сенатор Саймон и окружной прокурор Дэн Каллаган сделали заявление о своем согласии на выдвижение их кандидатур (причем выступление сенатора все время прерывалось из-за неисправности радиотрансляционной сети) и торжественно обещали вести честную борьбу и оберегать единство партии. Затем началось выдвижение кандидатур на пост вице-губернатора. Были выдвинуты Джекки Юбенкс и Чарли Харт-младший, которым предстояло противостоять друг другу в этих скачках. Арти Смит из Багвлия уступил им дорогу.

Кандидаты на меньшие должности продолжали борьбу уже при общей апатии, и в четыре часа утра конференция закрылась.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Первичные выборы в штате

«Я противник закулисной политики, но, признаюсь, перед первичными выборами и я, бывает, грешу. Принято считать, что первичные выборы являются проверкой доверия рядовых членов партии. На деле же популярность кандидата среди них так же влияет на результаты выборов, как чих певички из хора. Я скажу вам, кто побеждает на первичных выборах. Тот, кому удастся доставить к избирательным урнам больше больных стариков и старух! Говорят, что избиратели слишком заняты добыванием хлеба насущного, чтобы тратить время на участие в выборах. И слава богу! Подобное безразличие идет на пользу не только политическому деятелю, оно является величайшим после изобретения аспирина благом, так как способствует сохранению душевного спокойствия населения. Если бы избиратели прислушивались к завиральным предвыборным речам кандидатов, то поняли бы, что иной кандидат разбирается в вопросах, которые обещает решить, не лучше их самих. И все же первичные выборы являются хорошей разминкой перед генеральными выборами, по крайней мере, для новичков. Что же касается меня, старого слуги народа, то я скорее соглашусь стать вице-президентом, чем приму участие в первичных выборах. Аминь, брат мой, и если не можешь отдать мне свой голос — молись за меня!»

(Из неофициальных высказываний сенатора Алекса Саймона).

После конференции оба кандидата в губернаторы отправились на несколько дней отдыхать, но уже утром четвертого июля окружной прокурор встретился со своими помощниками для выработки плана подготовки к первичным выборам, которые должны были состояться в сентябре. Сенатор же спал допоздна, набираясь сил для послеполуденного пикника, устраиваемого демократами по случаю Дня независимости. Он тяжело храпел и видел во сне зеленые пастбища, океанское взморье и дни своей юности.

Судья Гофман работал дома, у себя в кабинете. Услышав звонок, он отнес пустую кружку из-под пива на кухню и направился в прихожую. Открыв дверь, он недоуменно уставился на смутно знакомого посетителя.

Пришедший был явно смущен.

— Здравствуйте, господин судья. Я — Оскар Темпл. Я был свидетелем на процессе Харта... — пробормотал он, запинаясь. — Можно к вам?

— Ах, да, да, помню! Вы сосед Нормана Харта. Заходите. — Гофман провел посетителя в гостиную. — Позвольте предложить вам пива?

— Спасибо, благодарю. — Оскар Темпл встревоженно огляделся. — Можно поговорить с вами наедине?

— Мы одни, мистер Темпл. Жены нет дома. Присаживайтесь. Темпл робко пристроился на краешек стула.

— Не знаю даже, с чего начать...

Озадаченный судья улыбнулся, пытаясь ободрить гостя.

— Дело вот в чем, господин судья, — заговорил наконец Темпл. — Я не уверен, что человек, который выходил из дома Харта перед пожаром, был именно Норман Харт...

— Мистер Темпл! Вы же категорически заявили об этом на предварительном следствии и подтвердили на суде!

— Да, да... — На лице Темпла появилась несчастная улыбка. — Но теперь я не вполне уверен... Если бы вы только знали, господин судья, как трудно мне было решиться прийти к вам. Ведь я знаю, что полагается за лжесвидетельство и все такое прочее...

— Если, давая показания, вы твердо верили, что говорите правду, вас не могут обвинять в лжесвидетельстве.

— Конечно, верил! Могу поклясться на десятке библий.

— Не знаю, что и сказать вам, мистер Темпл... Вы виделись с адвокатом Харта или с окружным прокурором?

— Нет, сэр, я пошел прямо к вам.

— Понимаю. — Собираясь с мыслями, судья Гофман принялся набивать трубку. — Дело вышло из-под моей юрисдикции, мистер Темпл. Оно находится на апелляции в Верховном суде. Вопрос в другом... Бывает, что свидетели меняют свои показания после суда. Это не порочит их доброго имени, но суд, как правило, неодобрительно относится к подобным казусам. Ведь судебное разбирательство должно быть доведено до конца. А если свидетели будут то и дело менять свои показания, правосудие никогда не сможет прийти к какому-нибудь решению. — Глядя на унылое лицо Темпла, судья Гофман понял, что своими объяснениями еще больше напугал его. — Даже если Верховный суд примет ваше запоздалое заявление, я не уверен, что ему будет придано значение.

— Но я не могу молчать!

— Понимаю. Но должен задать вам один вопрос. Может быть, кто-нибудь из родственников Нормана Харта попросил вас изменить показания? Хочу предупредить, мистер Темпл, что если нечто подобное имело место,— повторяю: е с л и,— это обязательно всплывет при расследовании, которое назначит Верховный суд. В таком случае вас ждут очень большие неприятности.

Напуганный Темпл яростно замотал головой.

— Я должен подумать над вашим сообщением,— сказал судья Гофман.— Где я смогу разыскать вас сегодня?

— Я хотел уехать с семьей за город...

— Тогда я позвоню вам вечером. Пока что хочу предупредить: ни с кем ни слова об этом.

Гофман провел расстроенного гостя до дверей и, провожая взглядом понуро удалявшуюся фигуру, стал раздумывать над сногсшибательной новостью.

Остерегаясь поспешных выводов — слишком частые встречи со свидетелями, меняющими свои показания, сделали его до некоторой степени скептиком,— судья все же не мог отрешиться от мысли об искренности Темпла. Однако если даже допустить, что Темпл на самом деле усомнился в верности своих показаний, это еще не доказывает, что действительно не Норман Харт вышел из дома перед пожаром. И Верховный суд вправе не назначать нового судебного разбирательства из-за сомнений, возникших у одного из свидетелей после суда.

В памяти судьи всплыли картины процесса. Он увидел вскочившего с места защитника, кричавшего на весь переполненный зрителями зал: «Отвод! Требую отвода!»... Вспомнил звучавший в его душе шепот искусителя: «Сэм, ты же знаешь, что отвод суда никак не отразится на судьбе обвиняемого... Люди делали вещи и похуже и прожили жизнь, гордясь собой...» А слова Элоизы про гордыню? Да, да, но что есть гордыня? Что явилось причиной, лишившей Алекса Саймона возможности самодовольно потирать руки при мысли, что он подкупил судью? Гордыня или тщеславие? И как сказало все происшедшее на судьбе забытого всеми обвиняемого? Разве можно быть уверенным, что недопустимые показания не оказали влияния на присяжных? А если Норман Харт невиновен?..

Судья Гофман в волнении ходил по кабинету. Харт не мог быть невиновен. Не мог! В конце концов есть же другие звенья в цепи. Хотя бы флакон с кодеином...

На одной из стен так называемого зала совещаний в штаб-квартире Каллагана в отеле «Купол» висела крупномасштабная карта штата, утыканная большими разноцветными кнопками. На противоположной стене красовался огромный цветной фотопортрет кандидата. Посередине зала стоял длинный деревянный стол, за которым в это утро восседали окружной прокурор, Берт Босворт, Ларри Космо, Боб Уинквист и пресс-агент.

Перед ними лежал отчет об опросе избирателей-демократов, присланный Мэттом Кинаном. Судья по отчету, Саймон шел значительно впереди.

— Взгляни, Ларри. Почти половина поддерживающих Саймона даже не знает, что он сенатор! Все дело в привычности его имени. Иногда я просто не понимаю, что происходит!

— Ничего нового,— раздраженно заметил Босворт.— Избиратели пользуются своим правом быть плохо информированными и при этом иметь собственное мнение относительно всего на свете. Им лень разужать, который из двух кандидатов более достоин... Наша первейшая задача — привлечь к Дэну внимание.

— Каков же рецепт, господин доктор? — снисходительно улыбаясь, спросил Космо.

Босворт бросил на него яростный взгляд.

Вот и начинается драчка за место у трона, подумал Боб Уинквист.

— У меня есть несколько предложений по поводу агитационной литературы, — выпалил Босворт. — Если мы хотим, чтобы ее вообще читали, мы должны... Вот что! Надо издать несколько сот тысяч комиксов с Дэном Каллаганом в роли героя и распространять их в тех местах, где люди поневоле вынуждены читать. В парикмахерских, в косметических салонах и тому подобное.

— Отлично, — без энтузиазма произнес Космо. — Но ведь это стоит денег. Я уже потратил восемьдесят четыре процента наших средств и хотел бы придержать остальные шестнадцать на крайний случай. Иначе тебе, Дэн, придется пойти с протянутой рукой, а это не только неприятно, но и рискованно. Если кандидат доведен до такой крайности, он неизбежно оказывается в положении человека, который одному жертвователю обещает то, что уже обещал другому. Самое безопасное для тебя вообще никому ничего не обещать. Лучше всего иметь своим представителем вралю, вроде твоего покорного слуги, пусть он и обещает налево и направо все, что угодно. Так-то, Берт. Что касается парикмахерских и косметических салонов... Извини меня за невежество, но во что это нам станет?

— Надо подсчитать.

— А я хочу сказать о расходах на радио в нашем бюджете, — вмешался пресс-агент. — Радио, правда, вымирает, но автомобилисты еще слушают его по дороге на работу и обратно. Но они не желают слушать политических речей. Им подавай развлекательную программу. Почему бы не придумать специально для Дэна какое-нибудь шоу, а Дэна сделать ведущим? Запишем на ленту серию утренних и вечерних передач и...

Дэн расхохотался.

— Ну, хватит, наслушался! Пока что я отправлюсь в сортир.

В это время Боба Уинквиста позвали к телефону, он прошел в соседнюю комнату, где четыре решительных дамы-волонтерки, несмотря на праздничный день, трудились под большим портретом Вашингтона и флагом Соединенных Штатов. Пробравшись между загромаждавшими комнату картонными коробками с предвыборными листовками, Боб взял трубку. Звонил Гофман.

— Извините, что оторвал вас от дел, Боб. — Голос судьи был мрачен. — Меня только что навестил Темпл.

— Темпл? Свидетель?

— Да. Он заявил, что не уверен в том, что перед пожаром видел именно Нормана Харта.

— Что?! Нашел подходящее время сомневаться, черт его побери!

— Вы выражаете мои собственные чувства, — хмуро отозвался судья. — Не могу решить, что делать. Сообщите о звонке Темпла Дэну... Значит, мы не увидим вас и Полли на пикнике?

— Нет, сэр. Мы поедem на озеро Онтонка. — Боб положил трубку и направился в мужскую уборную.

— Дэн!

— Что случилось, Роберто? — отозвался тот из кабины.

Уинквист проверил, нет ли в туалете еще кого-нибудь. Эта предвыборная кампания, подумал он, вынуждает его играть глупую роль конспиратора.

— Звонил Гофман. К нему приходил Темпл. Он не уверен, что человек, который вышел из дома перед пожаром, был именно Харт.

— Вот так номер! Бьюсь об заклад, это старый хрыч Чарли обработал Темпла. Чувствуется его рука.

— Гофман не знает, как быть. Ведь дело уже не в его юрисдикции.

— Мне приходилось встречаться с такого рода свидетелями, да и вам тоже. Завтра или через неделю он будет клясться, что это был Харт. Слава богу, что он не скурвился на процессе! Я поговорю с Гофманом на пикнике.

Когда Дэн вышел из кабины, в туалете появился человек. Заправляя на ходу рубашку и застегивая брюки, Дэн, самоуверенно улыбаясь, проковылял к незнакомцу.

— Я Дэн Каллаган,— прогрохотал он.— Баллотируюсь в губернаторы. Надеюсь, что могу рассчитывать на ваш голос.

На пикнике, устроенном демократической партией по случаю Четвертого июля в загородном парке, была обычная толчея должностных чинов, бывших должностных чинов, претендентов на должности, служащих муниципальных учреждений, служащих штата, а также лиц, состоящих на федеральной службе, поставщиков, подрядчиков, их жен и друзей.

На лужайке возле американских горок тянулись длинные ряды столиков, взятых устроителями пикника напрокат у владельцев ресторанов и кафе. Справа находился выложенный кафелем плавательный бассейн, где кандидат в члены правления университета, визжа от хохота, отбивался от парней из молодежной демократической лиги, которые пытались сбросить его в воду. Его приятель, с фотокамерой наготове, собирался запечатлеть эту уморительную картину, рассчитывая, что фотография может оказать решающее влияние на избрание его друга. Поодаль бейсбольная команда муниципальных служащих в традиционном праздничном матче противостояла команде, составленной из судей. Член Верховного суда штата с битой в руках приготавливался отбивать мяч, а главный инспектор канализации Роутона действовал в качестве рефери. Для игроков выкатили бочонок с пивом, другой, для зрителей, стоял у импровизированной трибуны. Дразнящие ароматы исходили от очагов, где над тлеющими углями медленно вращались наизнанные на вертела мясные туши. Группа жен готовила винегрет в огромных алюминиевых лоханях. Другие расставляли по столам горчицу, кетчуп, соль, перец и бумажные стаканчики.

Позади очагов была сколочена трибуна, ее украсили флагами и оборудовали громкоговорителями, чтобы выступления ораторов были слышны, несмотря на скрежет вагончиков на американских горках.

По обе стороны дорожки, ведущей от трибуны к очагам, были разбиты шатры, в которых желающие могли принять участие в различных играх и тем самым пополнить партийную казну. Победителям вручались призы: пирожные, кексы и пудинги — дар верноподданных жен-демократок.

Дэн Каллаган, нацепив маску с восковым носом и моржовыми усами, в невообразимом жилете с черно-белыми квадратами и в черном котелке, посасывая пиво, подносимое доброхотами, вел игру в три скорлупки.

Сенатор Саймон в сомбреро, черной шелковой рубашке, с черным шнурком вместо галстука и в белых парусиновых штанах, заправленных в ковбойские сапоги, сражался со старыми друзьями, бросая подковы. У скамьи стояла его гитара с перевязью: сенатор любил веселить приятелей своими забористыми балладами.

Под широким пляжным зонтом чета Гофманов играла в бридж с другим членом Верховного суда и его женой. Ларри Космо в белом спортивном костюме на молнии и утконосой кепке оживленно договаривался с представителем графства Блоджет о том, чтобы его фирма вела страховые дела графства.

Короче говоря, настроение у всех было самое безмятежное.

В полдень участники пикника, усевшись за столы, с аппетитом набросились на еду.

Дэн Каллаган, поглотивший изрядное количество пива, шаткой походкой приблизился к судье Гофману, который направлялся за второй порцией мяса.

— Сэм, я хочу поговорить с вами.

— Слушаю вас, Дэн.

— Отойдем в сторонку. Я хочу поговорить с вами о Темпле. Я уверен, за всей этой историей стоит Чарли Харт.

— Вам это известно?

— А с чего бы Темпл начал сомневаться в своих показаниях?

— На меня произвела впечатление его искренность.

— А во время процесса его же искренность произвела впечатление на присяжных.— Каллаган рыгнул и вытер рот кулаком.— Очнитесь, Сэм! Вы же знаете, что Чарли Харт хочет прижать меня. Темпл — это его фортель. Он добивается пересмотра; пусть, мол, люди подумают, что я сфабриковал дело Харта или же что я так плохо работаю, что недостойн быть на государственной службе.

— Честно говоря, я сомневаюсь, чтобы Харт имел какое-то отношение к Темплу.

— Тогда могу сообщить вам новость: налоговое управление предъявило иск Темплу. А директор налогового управления — человек Харта. И если вы думаете, что дядюшка Чарли не нажал на него, вы просто остолоп.

— Мне кажется, у вас нет оснований так волноваться. Вы-то при чем, если свидетель изменил показания?

— Легко говорить! Вы не баллотируетесь в губернаторы. Саймон жаждет моей крови! Он сделает все, чтобы очернить меня! — В голосе Каллагана послышались вызывающие нотки.— Я не прошу вас об одолжении, хочу только предупредить. Вы будете выглядеть круглым идиотом, если влезете в эту аферу. Да и что это вам даст?

— Дэн, я еще не решил, что делать. Но я считаю неуместным ваше обращение ко мне по поводу этого дела и не потерплю замаскированных угроз!

— Берегитесь, Сэм! Не сверните себе шею.

Судья Гофман оглядел нетвердо стоявшего на ногах прокурора. Черные пряди волос свисали Каллагану на лоб, глаза помутнели.

— Вы выпили и не понимаете, что говорите!

— Черт побери, Сэм, я борюсь за свою политическую жизнь!

— Лучше побеседуем завтра, когда вы протрезвеете.

— Кто бы это говорил! Сколько выпили сегодня вы?

Судья Гофман подавил желание обрезать окружного прокурора. Сжав губы, он повернулся и зашагал прочь.

Спустя час Дэн Каллаган, тяжело дыша от выпитого и съеденного, велел Микки Бирсу подать машину и взгромоздился на сиденье рядом с ним.

— Никогда ничему не научусь,— буркнул он.— Вечно переедаю и перепиваю на этих чертовских сборищах! Поезжай-ка в объезд. Хочу скорее домой.

Они уже минут двадцать тянулись в длинном хвосте машин. Дав газ, Микки резко вывернул на боковую улицу, но и там было не свободнее.

— Может, воспользоваться сиреной? — предложил Бирс.

— Давай,— отозвался Каллаган.— Иначе мы и к утру не доберемся.

Завывая сиреной, черный седан помчался по осевой линии. Встречные машины стали жаться к обочинам.

Они въехали в трущобы Боксер-сквера.

— Наш Боксер-сквер ничуть не изменился, Микки,— с горечью произнес Каллаган.— Взгляни на эти мышеловки. Клянусь тебе, когда я буду в Капитолии, я выколочу средства и уничтожу эти трущобы, чтобы люди могли жить по-человечески. Правда, Саймон пока впереди. Но я прижму его, как его еще никогда не прижимали. Я должен победить! Господи, я должен победить!

Громко скрипнули тормоза, машину занесло, и Микки Бирс, отчаянно выругавшись, резко свернул в сторону, чтобы не наехать на мальчишек, игравших на мостовой. Каллаган услышал женский визг. Дети, замершие было на мгновение при виде неожиданно появившегося из-за угла автомобиля, кинулись врассыпную. Машину вынесло на тротуар, крылом она задела мальчика-негра лет шести-семи...

Бирс словно окаменел за рулем. Каллаган выскочил из машины и заспешил к лежавшему на земле ребенку, но его опередила женщина. Она бросилась перед мальчиком на колени и, словно обезумев, завопила. Каллаган тронул ее за плечо.

— Я Дэн Каллаган, окружной прокурор. Позвольте помочь вам...

Женщина не отвечала. Каллаган вернулся к машине.

— Вызови по радио «скорую помощь»!

— Боже мой, хозяин...— Бирс взял в руки микрофон.— Но ведь я включил сирену... Они должны были посторониться...

— Да, сирену ты включил... Знаешь, какая теперь начнется ката-асия? Представляешь, какую бучу подымет Саймон?! От меня пахнет пивом, Микки?

— Слегка.

Пальцы Каллагана сжали плечо следователя, словно клещами.

— Микки, слушай меня. Мы спешили по делу. Один из твоих осведомителей сообщил о торговце марихуаной, которого нужно было взять с поличным, когда он будет передавать свой товар. Твой осведомитель, а ты единственный, кто знает его в лицо, должен был показать этого парня. Времени оставалось в обрез, поэтому ты включил сирену. Так как сегодня праздник, мы не могли вызвать специальную команду.

— А как осведомитель мог сообщить мне?

— В танцевальном павильоне есть телефон. Он знал, где ты находишься. И, послушай; чтобы не выдать осведомителя, мы не можем разглашать никаких подробностей ни о торговце марихуаной, ни о том, куда мы ехали.— Вид у Каллагана был жалкий.— Я делаю это ради тебя, Микки. Иначе я должен отстранить тебя от работы, может быть, даже уволить. Ладно, вызывай «скорую»...

Вокруг лежащего ребенка собиралась толпа. Каллаган протолкался к пострадавшему.

— Не волнуйтесь, с мальчиком все будет в порядке. Я вызвал «скорую помощь». Я приглашу лучших докторов...

— Уходите...— закричала женщина.— Уходите...— Она склонилась над сыном.— Джорджи...— рыдала она.— Джорджи...

— Мы уже начали беспокоиться. Ну, как доехали? — встретил судья Гофман молодых людей, вернувшихся после проведенного за городом уикэнда.

— Очень хорошо,— ответила Полли, поцеловав сперва отца, затем мать.— А теперь сядьте, перестаньте суетиться. Мы должны вам кое-что сообщить... Посоветовавшись с гороскопами и прочими мудрыми советчиками, мы решили официально объявить о нашей по-

молвке. Свадьба состоится после ноябрьских выборов. Видите ли, я выхожу замуж за политического деятеля и...

— Если вы, конечно, согласны,— пробормотал Боб.

— О, Полли, родная! — вскричала Элоиза Гофман, сжимая дочь в объятиях.

— Боже, неужели нынешние молодые люди еще спрашивают согласия родителей? — расцвел судья Гофман.— У меня сохранилась бутылочка шампанского... Правда, оно не заморожено...

Вернувшись с бутылкой и бокалами, он разлил шампанское.

— За ваше счастье! — Он с гордостью оглядел дочь и улыбнулся.— Вы получаете в жены прелестную девушку, Боб.

— Да, сэр.

— Ради бога, не зовите меня «сэр». Иначе я заявлю протест против вашего брака.

— Боб, мы очень рады принять вас в нашу семью,— сказала Элоиза, раскрасневшаяся и счастливая.

— Я тоже рад быть с вами... Вы не знаете подробностей о Дэне? — вдруг спросил он.— Надо ему позвонить... Этот несчастный случай...

— Конечно, конечно, обязательно позвоните! — В голосе судьи послышались сердитые нотки.— Я схватился с ним на пикнике. Из-за Темпла... — Он умолк, задумчиво глядя перед собой, затем продолжал: — Буду откровенным, Боб, я все время сомневался, даже до сегодняшнего визита Темпла, не повлияли ли на присяжных показания Бирса... Да, я отклонил требование защиты об отводе суда... На это были причины...

— Расскажи им, Сэм,— попросила Элоиза.— Расскажи. Полли твоя дочь. Боб наш зять. Расскажи им про Алекса...

Судья Гофман молчал.

— Расскажи, Сэм...

— Довольно мерзкая история,— заговорил наконец судья с убитым видом.— Несколько месяцев назад Алекс Саймон предложил мне вакантное место федерального судьи... При условии, если я затяну процесс Харта, чтобы Дэн не сделался известной фигурой и не получил признания конференции.

Полли вскрикнула и подошла к отцу.

— Папа, и ты отказал Саймону?! Я горжусь тобой!

Судья взял дочь за руку.

— Я не только отказал Саймону, но, чтобы не затягивать процесс, отклонил, может быть, и справедливое требование защиты об отводе суда...

— Но разве ты никому не сообщил о том, на что тебя толкал Саймон?

— Нет. Я ведь многим ему обязан. К тому же у меня не было доказательств. Меня могли бы счесть клеветником... А может, я просто испугался. Теперь же... Судья, который заявит, что несколько месяцев назад его пытались подкупить, сам подставляет себя под законное обвинение о нарушении долга... Я обязан был сразу же доложить о происшедшем... — Гофман поник.— Меня могут с позором лишить должности. Пожалуйста, не подумайте, что я хочу вызвать вашу жалость. Но мне пятьдесят шесть лет. Мои сбережения в банке весьма скромны. Я хотел бы обладать достаточной смелостью, чтобы даже теперь, сейчас рассказать в газетах о том, на что толкал меня Алекс Саймон, но...

— Папа, но ты же не виноват...

— Прошу тебя, не ищи мне оправданий. Я их нашел более чем достаточно. Меня тошнит от них...

Боб Уинквист пытался собраться с мыслями. Он взглянул на Полли. У нее дрожал подбородок, глаза увлажнились. Боб сочувствовал судье.

— Вас задели за самое... за самое больное место... Но... но ведь Саймона можно привлечь к ответственности. Или даже вынудить отказаться от участия в выборах.— Боб принялся вертеть в руках бокал.— Если, конечно...

— Если что? — вспыхнула Полли.— Если отец пожертвует своей репутацией? Положением?

— Полли, прошу тебя..— мягко остановил ее судья.— Несмотря на оду, которую я сложил в честь своей скорби, я больше думаю сейчас о Нормане Харте, чем о себе... Уверен, что Боб понимает меня. Да, Норман Харт может быть виновен, несмотря на заявление Темпла. Но весь вопрос в том, если выразить его классической формулой, был ли суд над Хартом беспристрастным? — Судья Гофман с несчастным видом улыбнулся жене и дочери.— Веселенький вечер я вам устроил...

— Родной мой, я рада, что ты им все рассказал! — воскликнула Элоиза.

Судья Гофман задумался.

— Я обязан информировать Верховный суд, что отклонил требование об отводе присяжных по личным мотивам. Конечно, я должен буду раскрыть эти мотивы...

— Позвольте мне высказать одну мысль...— сказал Боб.— Впервые, письменное заявление, которое Темпл собирается подать... Если Верховный суд на основании его заявления сочтет необходимым назначить пересмотр дела, никаких разговоров о вас при этом не будет. Второе, сэр. Если вы считаете, что изменение Темплом его показаний свидетельствует о невинности Харта, вы заблуждаетесь. Секретарша, которая ждала ребенка... Отношения с женой...

— Боб прав, Сэм,— сказала Элоиза.

— Вижу, тут собрались великие законники. Однако я говорил не об этом, а о том, что сделал бы на моем месте честный человек...

— Извини, дорогой,— твердо произнесла Элоиза,— но я не стану сидеть сложа руки, пока ты будешь чернить Сэма Гофмана. Правда, он вечно пачкает ковры и выбивает трубку в мой лучший фаянс, но он вовсе не так плох, как пытается изобразить себя!

Судья Гофман горько улыбнулся.

— Я бы хотел быть достойным твоих похвал, Элоиза, но пока не заслужил их... Да, пожалуй, нужно поступить так, как советует Боб: велеть Темплу написать заявление и ждать решения Верховного суда. Надеюсь, что мой приговор будет отменен. Так или иначе, я добьюсь пересмотра дела. Обещаю вам это. Сейчас Темплу звонить уже поздно. Свяжусь с ним утром. Затем посоветуюсь с адвокатом Харта. Боб, надеюсь, вы не подумаете, будто я недооцениваю вашу скромность, но я, естественно, не хочу пока, чтобы Дэн узнал о предложении, сделанном мне Алексом...

— Не беспокойтесь, сэр. Что касается заявления Темпла, я почти убежден, что сумею уговорить Дэна не опротестовывать его.

— Это очень существенно.— Судья Гофман устало поднялся с места.— Пойду лягу. День был утомительный. Ну, Боб, еще раз примите мои поздравления. Будьте счастливы.

— Спасибо, сэр.

— Я буду рад,— тихо произнес судья Гофман,— если вы станете звать меня просто Сэм... Полли, могу ли я рассчитывать на поцелуй невесты? — Он дипломатично кашлянул.— И твой, Элоиза?

Спустя неделю после пикника в штаб-квартире Саймона три родные пожилые дамы, основательницы новой организации под названием «Домохозяйки за Саймона», вручили семидесятилетнему кандидату почетную грамоту в знак признания и благодарности за службу и преданность женщинам вообще и домохозяйкам в частности. Одна из них дрожащим фальцетом произнесла первую в своей жизни речь:

— Сенатор Саймон, эта почетная грамота вручается вам организацией «Домохозяйки за Саймона» в честь того, что вы сделали для прославления работающих женщин, домохозяек и вообще всех дочерей Америки. Мы смиренно явились к вам и обещаем свою верность в трудные дни избирательной кампании, которая вас ожидает, и благодарим за многолетний опыт руководителя, который вы привнесете в управление нашим штатом в качестве губернатора...— Краснея, дрожа и забыв дальнейший текст речи, она протянула ему папку.

Приняв дар, Саймон галантно раскланялся. Голубые глазки его поблескивали.

— Это большая честь для меня. Уважаемые дамы, как истинное сокровище я вечно буду хранить эту почетную грамоту.— Он осторожно оттеснил ораторшу, чтобы она не загоразживала его от фотокорреспондента, затем пожал ей руку и улыбнулся в объектив. Сверкнула лампа-вспышка.

Несколькими мгновениями позже, сопровождаемый помощниками по предвыборной кампании, Саймон направился в свой кабинет.

— Так, так, так... Прошло сравнительно безболезненно.— Он обернулся к помощнику по имени Эрл Форст, подрядчику, который во время пребывания Саймона в должности члена дорожной комиссии штата построил отличное четырехрядное шоссе длиной в тридцать миль через болото к тюрьме штата.— Кто эти старые карги, Эрли? Подруги твоей тещи?

— Алекс, хотите верьте, хотите нет, но мы не создавали организации «Домохозяйки за Саймона». Эти дамы создали ее сами и зарегистрировали по всей форме.

— Ужасно,— произнес Саймон.— Куда ни ткнешь пальцем, всюду организации, общества, и у всех своя программа, не разберешь, где липа. И все же такая преданность согревает мое старое сердце.— Он протянул Форсту почетную грамоту.— Возьми, Эрли, это тебе. Небольшой сувенир за верную службу.

— Что мне с ней делать? — пожал плечами Форст.

— Храни ее вечно, мой мальчик.— Саймон вытащил из кармана горсть фисташек и задумчиво продолжал: — Во время предвыборной кампании кандидат не должен оставаться без добровольных помощников. Я слышал, какая-то благотворительная организация выделила миллион долларов на изучение проблемы волонтеров, чтобы выяснить, откуда они берутся и куда исчезают, когда надобность в них отпадает. Важная проблема. Ведь эти добровольцы иногда так же неуловимы, как снежный человек. Они появляются в начале кампании и испаряются после нее, ничего не требуя за свои труды. Изумительное решение проблемы рабочей силы! Трудно переоценить их энтузиазм и готовность к любой тяжелой и нудной работе. Приятно сознавать, что в стране, населенной одними вождями, все еще существуют рядовые индейцы.— Он хлопнул Форста по спине.— Но хватит социологии, Эрли. Ребята, к делу! Нашли мне пилота?

— Есть подходящий парень, Алекс. Если вы еще не отказались от своей затеи.

— Конечно, нет! Больше им не придется называть меня немощным! На маленьком самолете я облечу все ярмарки штата, все коровьи выгоны, и дети, увидев мою красно-бело-синюю птичку, будут кричать: «Дедушка Саймон прилетел! Ура! Сегодня в школе не будет занятий!» Благослови, господь, их маленькие алчные душонки! Я закормлю мармеладом каждого из них. Никогда не забывайте, что сегодняшний школьник завтра станет избирателем!

— Вы задумали тяжелое дело, Алекс. В ваши годы..

— Ничего! Я еще в силах пожать пятьсот рук в день, а это главное.

— Хорошо бы обнаружить какой-нибудь скандалчик в окружной прокуратуре!

— Кампания только начинается. Нам еще представится возможность схватить Каллагана за руку.— Саймон сел, распустил ремень, сбросил башмаки.— Начнем совещание, ребята! Как вы представляете себе предстоящую кампанию — с шумом и дракой, чтобы я бил этого вертлявого Каллагана своими козырями, или, наоборот, я должен вести все тихо и спокойно, делая вид, что его вообще не существует, и не затрагивая никаких спорных вопросов?

— Вы знаете мою точку зрения,— проговорил один из его помощников.— Чем меньше официальных заявлений, тем лучше. Я верю в молчание. Молчание — золото.

— Без хорошо поставленного шоу не соберешь зрителей,— сказал второй.— А для этого нужна драчка. Я считаю, что мы ни на минуту не должны давать Каллагану передышки.

— Этим мы создадим ему рекламу,— возразил первый.

— А что вы скажете о серии статей в газете по поводу свидетельства на процессе Харта? — вмешался Форст.— Того самого Темпла, который подал заявление в Верховный суд? Следовало бы снять с него побольше сливок. Как вы считаете, Алекс? Какого черта Каллаган выставил свидетеля, который не уверен в своих показаниях? Избиратели захотят получить ответ на этот вопрос!

Саймон сидел с закрытыми глазами и блаженно улыбался.

— Обожаю слушать вас, ребята. Что крепче всего сплачивает старых друзей?! Именно выборы! Я вспоминаю кампанию, которые мы провели вместе, и у меня навертываются слезы. Эта дружба, ребята, самое дорогое для меня в политической жизни. Я знаю наш штат, как свои пять пальцев. Я помню сложенные из камня лачуги в Кишау и те дни, когда я получал пятнадцать центов в час, работая в льдохранилище. Вот это были денечки! Бекон с бобами каждое утро, ловля лягушек в сырой траве, рыбалка, удочки из ивовых прутьев, субботние покупки в городе, старики, храпящие в тени, девочки, которых я дергал за косы... — Он прервал себя: — Боже мой, ребята, я напугал вас? Уж не решили ли вы, что я впал в детство?

— Все же подумайте, Алекс,— сказал Форст,— может быть, не стоит вам брать на себя такую нагрузку? Я говорю о самолете. Это потруднее, чем верхом на норовистой кобыле.

Саймон выпрямился в кресле.

— Вы просто боитесь, что я не выдержу. Вижу это по вашим глазам! Думаете, меня может хватить кондрашка?.. — Он стукнул кулаком по столу.— Враки! Не будет этого! Я здоров, как бык, и готов любить тысячу девиц подряд! Я буду жить вечно! — Он усмехнулся.— Ну, почти вечно... Поэтому не бойтесь, не бойтесь! Я пожму пятьсот, шестьсот рук в день. А ну, дайте-ка мне сигару!

В дверь просунул голову секретарь.

— Сенатор, вас спрашивает миссис Томас. Отказывается сказать, по какому делу, хочет поговорить с вами конфиденциально.

— Вот вам и первая девица! Как она выглядит?

— Негритянка, сэр,— хихикнул секретарь.

— Что ж, я человек широких взглядов И если она привлекательна... Ладно, ребята, выметайтесь.

Саймон застегнул ремень и сунул ноги в ботинки. Вошла посетительница, и он учтиво поклонился.

— Миссис Томас, если не ошибаюсь, я когда-то знал отца вашего мужа. Преподобного Генри Томаса из баптистской церкви.

— Нет, сенатор, вы ошибаетесь,— улыбнулась женщина.

— Очень жаль, очень жаль. Присаживайтесь и поведайте мне ваши заботы. Я всегда к услугам своих избирателей.

— Спасибо. У меня действительно заботы. Но я постараюсь быть краткой, сенатор. Мой муж,— продолжала она,— инвалид войны. Безработный. Мы не можем позволить себе нанять адвоката, поэтому я решила прийти к вам.

— Очень хорошо, правильно сделали. У вас неполадки с пенсией по инвалидности?

Миссис Томас покачала головой.

— Нет. Я не совсем ясно говорю... Наш мальчик Джорджи, ему шесть лет... Тот самый мальчик, которого сбила машина мистера Каллагана.

— Ах, да, да! Как он себя чувствует, маленький Джорджи?

Миссис Томас едва сдержала слезы.

— У него сломаны два ребра и нога.

— Ужасно. Он еще в больнице?

— Нет, дома,— сказала миссис Томас с дрожью в голосе.— Я видела, как все произошло. Дети играли на улице... Где им еще играть?— Она стиснула руки.— Доктора говорят, что у Джорджи все будет в порядке... Только разве можно знать это наверняка?.. Но я не поэтому пришла к вам. Я пришла из-за того, как со мной обращаются. Уж не помню, сколько раз я ходила в прокуратуру, в полицию, но меня гоняют с места на место. Конечно, мистер Каллаган очень, очень добрый человек, он говорит, чтобы я не беспокоилась об оплате врачей и все такое прочее, но я не могу добиться ответа на мой вопрос...

— Какой вопрос, миссис Томас? — наклонился к ней Саймон.

— Как какой? Ведь должен же кто-то понести ответственность? Куда они мчались с включенной сиреной? В газетах я читала, что на какую-то облаву.— Она нервно рассмеялась.— Какая еще облава! От него за милю разило пивом.

— От кого?

— От мистера Каллагана.

— Почему вы не заявили об этом, когда на место происшествия прибыла полиция?

— Меня там уже не было. Я уехала со «Скорой помощью» в больницу.

— А почему вы не заявили потом?

— Почему? А кому больше поверят — окружному прокурору или мне? — Она опустила глаза и уставилась в пол.— Я вовсе не желаю выставлять себя мученицей, сенатор, но хочу постоять за свои права. За права Джорджи. Я знаю, за кого они нас считают. Подумаешь, маленький негритенок... У меня тоже есть гордость, как и у белых, и она грызет меня изнутри. Меня гоняют туда-сюда только потому, что я черная. Я иду в полицию, пытаюсь добиться, чтобы они проверили, почему мистер Каллаган ехал так быстро и сколько он выпил, а сержант кричит, чтобы я не совала нос в чужие дела. Я возвращаюсь на работу, а управляющая отводит меня в сторонку и шепчет, чтобы я не принимала всего этого близко к сердцу. Может, она напугана, а мне нечего бояться!

— Возможно, в ваших словах о расизме окружного прокурора и есть доля истины,— с надеждой произнес Саймон.— Я слышал, что когда ему было девять лет, он пытался утопить маленького еврейского мальчика. А недавно на конференции демократов не без его участия из партийной платформы было исключено требование поддерживать закон против расовой дискриминации при приеме на работу.

— И этот человек хочет, чтобы мы за него голосовали?!

Саймон сунул в рот фисташку.

— Миссис Томас, давайте поразмыслим вместе... Я должен скоро уехать в Вашингтон, но думаю, что сумею помочь вам...

Десять минут спустя сенатор Саймон звонил адвокату Редстоуну.

— Дэйв,— сердечно произнес он,— надеюсь, что я сумел помочь вам в комиссии по регулированию торговли между штатами? Я ясно дал понять некоторым людям, сколь высокого я о вас мнения.

— Я очень ценю это, Алекс,— ответил Редстоун.— Дело, мне сказали, наконец сдвинулось с места. Я был по этому вопросу на прошлой неделе в Вашингтоне.

— Искренне сочувствую вам. Нет ничего хуже Вашингтона летом. Жарища. Столпотворение на улицах. Каждый учитель из Канзаса лезет в столицу поглазеть, как работает конгресс. Наиболее нервные члены конгресса так раздражаются из-за этих нашествий туристов, что даже перестают читать газеты во время заседаний. Как понимаете, это уже предел! Лично я не знаю, зачем вообще посещать конгресс во время этих дьявольски скучных словоблудий, а тем более посторонним. Будь я одним из этих туристов-учителей, я бы бросил мимолетный взгляд на мемориал Линкольна и поспешил бы убраться вон из Вашингтона, пока с меня не сорвали куш в фонд помощи Дочерям американской революции.

— А вы, Алекс, кажется, в прекрасной форме! — смеясь, воскликнул Редстоун.— Вы потому и выставляете свою кандидатуру на пост губернатора, что хотите бежать из Вашингтона?

Саймон захохотал.

— Вот именно, мой мальчик, это доказывает, до чего он мне осточертел. Но ведь и проводить избирательную кампанию — это совсем не то же самое, что танцевать кекуок. Вчера, например, я получил от Лиги избирательниц один из этих банальных вопросников, размноженных на печатной машинке. Дикая чушь! Считаю ли я себя врагом греха? Как я отношусь к рекламным щитам на дорогах? Поддерживаю ли я предложение о создании площадок для детских игр?.. И вместе с тем, Дэйв, этот «мозговой трест в корсетах» умудрился-таки подsunуть мне бомбочку замедленного действия: какова-де моя точка зрения на введение обязательного страхования на случай потери здоровья... Соображаете, чем обернется для кандидата неправильный ответ? Потерей голосов! И что только воображают эти жонглерши чайными чашками! Дамы и политика... Нет, но как они рвутся командовать! Даже ночью, в постели... — Саймон помолчал, потом заговорил снова:— Да, Дэйв, есть у меня для вас хорошая новость, коль скоро мы заговорили о прекрасном поле. Я знаю одну даму, которой требуется опытный адвокат.

— Я слушаю,— настороженно сказал Редстоун.

— Ее маленький сынишка получил увечье — играл на улице и попал под машину. Это случилось четвертого июля.

— Но водитель, очевидно, приведет кучу доказательств в свое оправдание и категорически откажется удовлетворить иск. Обычная история.

— На этот раз не совсем обычная. Правда, в данном случае вопрос о денежной компенсации носит второстепенный характер. Дело в другом. Мальчишка, на его беду, черномазый, и наши чинуши го-

няют мамашу от стола к столу, из кабинета в кабинет. Ей надо помочь, поскольку я подозреваю, что существует договоренность замять это дело. Вы член Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения, и я уверен, что вы воспользуетесь возможностью доказать свою приверженность ее идеалам.

— Алекс, это... не тот ли мальчишка, которого сбил Каллаган?

— Вы, как всегда, проникательны, Дэйв. Я не ошибся, остановив свой выбор на таком адвокате.

— Минуточку, минуточку, Алекс! Я же председатель партийной организации штата. И вы знаете, что пока не пройдут предварительные выборы, я обязан занимать нейтральную позицию, не отдавая предпочтения ни вам, ни Дэну. Особенно в тех случаях, когда требуется предпринимать какие-то официальные действия.

— Но кто говорит об «официальных действиях»? К бедной женщине относятся несправедливо. Инцидент произошел во время увеселительной прогулки Дэна. А сейчас ее — только из-за цвета кожи! — третируют самым бессовестным образом. Это ужасно, Дэйв, и мне стыдно за вас, что вы до сих пор сами не сочли нужным вмешаться! Вы что, один из тех, кто произносит красивые слова о равенстве рас, а как до дела...

— Но Дэн же утверждает, что выполнял служебное задание — ехал кого-то арестовывать. Не верится, чтобы он посмел солгать.

— Не верится? Каллаган нечистоплотен. Фермеры говорят о таких людях, что они выдаивают соседских коров через щель в заборе.

— Насколько мне известно, Алекс, парнишка уже поправляется. Нет, я не хочу впутываться.

— Вздор, Дэйв, это ваш гражданский долг. Вы не имеете права смотреть сквозь пальцы, как Каллаган издевается над женщиной только потому, что у нее темный цвет кожи.

— Каллаган не позволит себе подобного. Во всяком случае, я надеюсь, что не позволит.

— Как сказать. Для начала его нужно заставить отказаться от публичных заявлений о своей невиновности. Эта женщина для нас — манна небесная. Я посоветовал ей зайти сегодня к вам в контору.

— Но, Алекс...

— И мне кажется, что сегодня же, скажем, во второй половине дня, она могла бы выступить на пресс-конференции. Я в это время буду уже в Вашингтоне — государственные дела! — но это не настолько далеко, чтобы я не услышал, как она начнет обвинять Каллагана, и не стал бы настаивать на самом тщательном расследовании. Пожалуй, я мог бы даже выразить свое удивление и возмущение в сенате. Чем я рискую? Законы об ответственности за клевету на выступления в конгрессе не распространяются.

— Алекс, но я собираюсь продолжать в Роутоне свою юридическую практику! А вы хотите, чтобы я взялся за явно безнадежное дело. Женщина, несомненно, вне себя, расстроена, огорчена и, вероятно, не сможет привести ни одного веского доказательства. Вы знаете, на чьей стороне мои симпатии, но до предварительных выборов официально я должен оставаться нейтральным.

— Иначе говоря, — сухо констатировал Саймон, — вы должны соблюдать профессиональную этику?

— Вот именно. Не сомневайтесь, если бы было возможно, я бы, разумеется, полностью был с вами. Как всегда.

— Я буду весьма разочарован, если вы откажетесь оказать мне некоторое содействие именно сейчас. Кстати, ваше ходатайство перед комиссией по регулированию торговли между штатами пока еще не окончательно рассмотрено, и боюсь даже предсказать, сколь-

ко еще вам придется ждать. Между тем, если я правильно понимаю, его благоприятный исход сулит вашим клиентам не один миллион долларов. Я мог бы еще раз кое-где поднажать, но на это понадобится время, а обстоятельства, возможно, потребуют, чтобы я не занимался ничем другим, кроме избирательной кампании. Вот почему, полагаю, мы оба заинтересованы в том, чтобы я получил некоторую передышку, и лучший способ добиться этого — напустить на окружного прокурора сию особу, то есть миссис Томас. Не столько ради меня, сколько ради торжества справедливости. Вы только подумайте, как возмутительно ее третируют! Подумайте также о крошке Джорджи. Ему всего лишь шесть лет, а он, бедняжка, так страдает! Еще неизвестно, поправится ли... А все потому, что наш окружной прокурор был в стельку пьян.

— Пьян?!

— Спросите у миссис Томас.

— Но машиной-то управлял не Каллаган!

— Но он находился в машине.

— Что ж, я, пожалуй, поговорю с миссис Томас.

— Я знал, я знал, Дэйв! Иначе вы и не могли поступить. Все, что вы услышите от нее, потрясет вас не меньше, чем потрясло меня. Я обязательно позвоню из Вашингтона, и вы расскажете мне, как прошла пресс-конференция. Позаботьтесь, чтобы все было чин чинном... Эх, если бы не моя занятость! Честное слово, я бы буквально вцепился в это дело...

Вечером того же дня телеграфные агентства передали из Вашингтона заявление сенатора Саймона:

«С огромным удивлением узнал я, что миссис Дороти Томас выдвинула против прокурора города Роутона серьезное обвинение. Мне трудно поверить в то, что прокурор и его водитель были пьяны и именно это явилось причиной несчастного случая. Тщательное расследование, хочу надеяться, позволит установить несостоятельность обвинений, с которыми выступила миссис Томас.

Вместе с тем я должен с сожалением констатировать, что расовая нетерпимость моего соперника становится притчей во языцех и все больше волнует избирателей. По словам миссис Томас, ей стало известно, что на последней партийной конференции Каллаган подбивал своих сторонников торпедировать мое предложение о поддержке закона против расовой дискриминации при приеме на работу. Я не могу поверить, что мой конкурент — расист. Я искренне убежден, что он имеет полное право выступить перед судом общественно-го мнения и оправдаться...»

В тот же вечер в доме Мэтта Кинана в кабинете хозяина собрались Каллаган и его встревоженные соратники.

— Прямо чертовщина какая-то! — воскликнул Кинан. — Эта самая Томас ухитрилась раскопать давным-давно забытую историю с бедным еврейским мальчиком. Вам было тогда девять лет, а она изображает вас духовным наследником Адольфа Гитлера! Во всяком случае, именно так преподносит эту историю мерзавец Саймон. Если бы только половину того времени, которое он тратит на демагогические заявления, он уделял деловому обсуждению всяких там законопроектов, я бы, пожалуй, согласился считать его не худшим из сенаторов. Я много размышляю над тем, как обеспечить постоянный приток свежих сил в общественно-политическую жизнь страны. Однажды я чуть было не начал в своей газете кампанию... знаете, за

что? Чтобы всех, кто занимает наиболее важные выборные посты, после второго срока ставить к стенке! Одно меня остановило: опасение, что после этого они будут окружены ореолом мученичества и какой-нибудь демагог предложит воздвигнуть им памятники. Опять деньги налогоплательщиков полетят на ветер.

— Полагаю, сэр,— добродушно хохотнул Ларри Космо, протягивая рюмку, чтобы ее наполнили коньяком,— полагаю, что всех таких людей после второго срока лучше производить в генералы. Посидев несколько месяцев в Пентагоне, они смогут тихо и мирно уйти в отставку и стать руководителями солидных корпораций.

— Нет, Ларри, пусть уж лучше останется так, как есть. А то не успеешь оглянуться, как у нас снова будет президент из военных. Ну хорошо, давайте ближе к делу. Прежде всего надо кое-что уточнить. Каллаган, вы, надеюсь, как стеклышко, не так ли? Вы действительно ехали по служебному делу, а не совершали увеселительную прогулку, как утверждает эта Томас?

— Мэтт, да как у вас язык поворачивается!

— Ладно, ладно! Мне ведь вовсе не хочется в один прекрасный день обнаружить, что меня одурачили.

— Никак не пойму,— раздраженно заговорил Каллаган,— ради чего она раздувает эту историю. Я оплачиваю счета за лечение мальчишки, послал ему игрушек на сотню долларов, хотя вовсе не был обязан это делать. Я же ехал по срочной служебной надобности, на служебной машине и, по существующему закону, не несу никакой ответственности, если даже в пути что-нибудь и случилось. Или она считает, будто ямышленно сбил мальчишку?

— Не знаю, что она считает, но хорошо знаю, что мы схватили за хвост тигра, и теперь кто-то должен пострадать.

— Он прав, Дэн,— подтвердил Босворт.

— Что, собственно, вы имеете в виду?

— Я имею в виду Бирса, Дэн. Ему придется отвечать.

Каллаган покачал головой.

— Я не могу предавать Микки. Мы столько пережили с ним вместе...

— Таковы законы политической игры, Дэн. Тот, кто стоит наверху, должен требовать от нижестоящих абсолютной верности, а нижестоящие не могут требовать ничего. Бывают моменты, когда политик обязан проявлять беспощадность.— В поисках поддержки Босворт бросил взгляд на Кинана.— Бирс слишком быстро гнал машину. Надо наложить на него хотя бы дисциплинарное взыскание или отстранить от работы, а месяцев через шесть восстановить. Я верно говорю, мистер Кинан?

— Совершенно верно, черт возьми! Нельзя допускать, чтобы кто-то из вашего ведомства, сбив человека, остался безнаказанным.

Возбужденный Каллаган прошелся по комнате.

— Что вы думаете, Роберто?

— Я согласен с Бертом.

— Ларри?

— Тоже.

— Это единственная возможность добиться избрания,— добавил Босворт.

Каллаган с подавленным видом опустил на стул.

— Я... я поговорю с Микки.

— Вот и хорошо,— одобрил Босворт.— Но и это еще не избавит нас от неприятностей. Не позже чем завтра от нас потребуют объяснений по поводу давней истории с еврейским мальчиком и плохого, как она утверждает, обращения с мадам Томас. Объяснить-то мы объясним, но дурной привкус все равно останется. Что если органи-

зовать большой митинг в защиту гражданских прав? Это в какой-то мере очистило бы атмосферу.

— Есть возражения? — без всякого энтузиазма обратился к присутствующим Каллаган.

— Шито белыми нитками, но ничего другого, кажется, не придумаешь, — заметил Кинан. — Однако меня больше всего беспокоит положение наших дел в провинции. Заявление Оскара Темпла изрядно вам навредило.

— Теперь Верховный суд должен определить, имеют ли какое-нибудь значение его прежние показания, — сказал Боб Униквист. — Мы с Дэном решили...

— «Мы с Дэном»? — воскликнул Каллаган. — Роберто просто вынудил меня согласиться с ним. Он настаивает на том, что мы не имеем права пройти мимо новых показаний Темпла. Впрочем, Роберто, наверное, прав, но я совершенно не уверен, что Темпл вскоре снова не изменит своих показаний.

— Вообще-то ваша деятельность на посту окружного прокурора производит самое благоприятное впечатление, — констатировал Кинан, — и мы всюду будем трубить об этом. Кто ликвидировал проституцию? Вы. К тому же у кого такая славная военная биография? У вас.

— Ну, ну, Мэтт! — запротестовал Каллаган. — Этого можно не касаться. Я же не собираюсь баллотироваться на пост президента Союза ветеранов войны. Военные заслуги нынче не в цене.

— Впервые слышу. Считаю, что использовать вашу военную биографию в предвыборной агитации вполне уместно.

— Пожалуй, нам действительно придется налечь на ваши военные заслуги, — подхватил Космо. — Вспоминаю время, когда мой двоюродный дедушка баллотировался в мэры маленького Пейстера, теперешнего пригорода нашего прекрасного Роутона. Дед так и не смог выдвинуться в крупные общественные деятели. Так вот. Все кандидаты в мэры, за исключением деда, были ветеранами печально-го конфликта, который иногда называют гражданской войной. Встречаясь на предвыборных собраниях, кандидаты из кожи вон лезли, стараясь перещеголять друг друга в патриотизме. Дед не любил бахвалиться и потому всегда оставался на бобах. В конце концов терпение у него лопнуло. Как-то на очередном собрании один из ветеранов, потрясая пустым рукавом, стал втолковывать присутствующим, какой он пламенный патриот, поскольку лишился на войне руки. Второй, в пику ему, заявил, что он еще больший патриот, так как потерял глаз и оглох на оба уха, а третий уверял, что если кто и патриот, так только он, свидетельство тому — полная потеря памяти и двух пальцев на левой ноге. Когда подошла очередь деда, он поднялся и сказал: «Не буду скрывать. я не участвовал в войне. Но если мы выбираем людей на те или иные посты по степени их физической непригодности, прошу помнить, что такого большого лишая, как у меня, никогда не было и никогда не будет ни у одного из кандидатов в мэры Пейстера». Дед, как обычно, провалился на выборах. — Космо вздохнул и побрел к столику, на котором стоял графин с коньяком. — У вас чудесный коньяк, Мэтт. Пожалуйста, не забудьте презентовать мне бутылочку к рождеству.

Кинан досадливо отмахнулся.

— Вернемся к делу. Примерно через неделю «Герольд» напечатает в пяти-шести номерах биографию нашего кандидата.

— Великолепно. Мэтт! — воскликнул Каллаган.

— Но я должен знать подробности вашей военной службы, в статьях речь пойдет прежде всего о ней. Расскажите вкратце, при каких обстоятельствах вы потеряли ногу.

— Это произошло, когда я вел разведывательную работу для Управления стратегических служб, и не подлежит разглашению.

— Война давно кончилась. Не забудьте, что я работал в той же организации. Существует уже целая литература о ее деятельности. Если вас беспокоит отсутствие официального разрешения, я завтра же получу его. Где это произошло?

— В Италии.

— Знаю, что в Италии. Где именно?

— В городе, о котором вы, наверно, даже не слышали.

— Век живи, век учись... Так где же?

— В Аргенте.

— Как, как?

— Мэтт, в конце концов... Это произошло во время бомбежки.

— Мистер Кинан, вы безжалостны! — вмешался Босворт.

— Помолчите... Что вы делали в Аргенте, Каллаган?

— Я.. беседовал кое с кем из руководителей партизан Турина.

— О чем?

— О координации действий против немецкой армии в Северной Италии.

— И бомбежка началась во время разговора?

— Примерно.

— Как это понимать? Началась бомбежка или нет?

— Мы собирались приступить к беседе.

— В доме? В лесу?

— В доме.

— И вас задело осколком?

— На меня рухнул потолок.

— А что произошло с остальными?

— Уцелели еще двое — американец и итальянец. — Каллаган скрипнул зубами. — Мэтт! Я.. я не могу продолжать!

— Иногда мне приходится быть самым настоящим сукиным сыном, Дэн, и вы не первый, кто обо мне так думает. Извините, что я копаюсь в том, о чем вы хотели бы забыть, но позже вы будете благодарить меня.

— Не печатайте этой истории, Мэтт, — попросил Каллаган. — Вы уже допустили ошибки в ходе предвыборной кампании. Это же вы отговорили меня на партийной конференции поймать Саймона на слове и принять его предложение. А теперь видите, как мне из-за этого приходится крутиться!

— Вы хотите убедить меня, что рассказ о ваших военных заслугах принесет вам вред?

— Ну, как хотите! Печатайте на первой полосе большими красно-бело-синими буквами¹. Может, вы еще ухитритесь записать на пленку мои стоны? Это тоже сыграет на повышение тиража.

— Черт возьми, Каллаган! Я добиваюсь не повышения тиража, я добиваюсь поражения Саймона! Пошевелите мозгами! Ухитрившись искалечить на улице негритенка, вы устроили себе плохую рекламу, а я пытаюсь организовать вам хорошую рекламу. Почему вы артачитесь?

Каллаган воздел руки.

— Хорошо, хорошо, Мэтт! Я ценю ваши усилия.

— Не мешайте мне издавать газету. Лучше побеспокойтесь о том, как нанести поражение Саймону.

— У меня тоже есть принципы, Мэтт. Не командуйте мною...

— Джентльмены! — начиная нервничать, вмешался Космо. — Если мы не будем держаться вместе, нас вздернут по отдельности.. Так

¹ Цвета национального флага США.

вот, мы договорились, что Дэн отделается от Бирса, и условились о проведении митинга в защиту гражданских прав... Что еще у нас на повестке?

Часов в одиннадцать вечера Каллаган постучал в дверь квартиры Микки Бирса. Ему открыли, и он прошел в комнату, где орал телевизор. Воздух здесь был наполнен застоявшимися кухонными запахами. На раскрытом окне вяло колыхались рваные занавески. Покрытый клеенкой стол был уставлен грязными тарелками с остатками ужина.

— Где твоя жена, Микки?

— Спит. А что?

— Дай чего-нибудь выпить. Да тебе и самому понадобится.

Бирс принес бутылку виски, стаканы и лед. Пока он разливал, Каллаган не сводил с него глаз.

— Микки, эта Томас скандалит.

— Знаю. Кто-то ее настраивает.

Каллаган одним глотком осушил стакан.

— Сколько у тебя денег в банке?

— В банке? Сотни две.

Каллаган помрачнел.

— Микки,— начал он,— мне и раньше приходилось причинять неприятности другим, но никогда еще я не чувствовал себя при этом так скверно, как сейчас. Я должен уволить тебя. Или хотя бы временно отстранить от работы. Все будет зависеть от того, как это воспримут. История с мальчишкой вызывает слишком много шума.

У Бирса от неожиданности отвисла челюсть.

— Кто-то должен нести ответственность, и козлом отпущения будешь ты.

Бирс опустил в кресло.

— Но ты... ты не можешь так поступить со мной!

— Думаешь, мне это нравится?

Бирс в отчаянии показал на дверь за своей спиной.

— Но у меня же больная жена, дети... По-твоему, я могу допустить, чтобы они голодали?

— Им не придется голодать. Я позабочусь и о тебе и о них.

Бирс зло усмехнулся.

— Да? А что я буду делать, если с тобой что-нибудь случится? Кто возьмет на работу сорокасемилетнего человека, да к тому же прощтрафившегося и выгнанного из прокуратуры? Кто? Ответь мне, кто?

— Но это же всего на несколько месяцев. Пока не пройдут выборы.

— Выборы! — Бирс с отвращением плюнул.

— Микки, но я в безвыходном положении!

Бирс отхлебнул прямо из бутылки.

— Хозяин, я столько сделал для тебя, столько сделал! Ну, хотя бы на партийной конференции штата... Это же я сообщил, что Спо-затто нарушает закон о продаже напитков! И тем самым до смерти перепугал его. Все ради тебя! А процесс над Хартом? Я дал показания о том, что Харт бросался на жену с ножом.

— Никто не просил тебя об этом.

— Как ты можешь так говорить? Ты же сам учил меня, как отвечать на соответствующие вопросы защитника, и заверил, что мне ничего не будет!

Каллаган выгтер о брюки вспотевшие ладони.

— Пойми, ведь всего на несколько месяцев!

— Я выиграл для тебя это проклятое дело! — Бирс опять хлебнул из горлышка. — Я выиграл его! Ты будешь губернатором потому, что я выиграл для тебя это дело.

— Хорошо, хорошо, согласен, ты сделал много, но все же...

— Много?! Да ты еще не выслушал и половины! Как, по-твоему, оказался в столе Харта флакончик с таблетками кодеина?

— Что, что? — встревожился Каллаган. — Повтори!

— Пожалуйста: флакон положил туда я.

— Ты?!

— Я, я, я! — Бирс поймал на себе яростный взгляд Каллагана и в страхе воскликнул: — Я же хотел тебе помочь!..

— Помочь?! — Жилы на шее Каллагана вздулись. — Какой же ты кретин!

— Я сделал это для тебя, хозяин.

У Каллагана вырвалось нечто похожее на стон, но он овладел собой и холодно, тоном, не допускающим возражений, сказал:

— Микки, ты сейчас же изложишь все это в письменном виде. — Не в силах больше сдерживаться, он перешел на крик: — Бери бумагу! Живо!

— Зачем тебе это?

— Я не могу покрывать тебя! Ты совершил преступление и сядешь в тюрьму.

Бирс судорожно вцепился в подлокотники кресла.

— Что ты, хозяин! В тюрьму я не сяду. Да, не сяду, если ты не хочешь, чтоб я рассказал, что ты велел мне заявить, будто мы сбили этого черномазого во время поездки по делам службы.

Каллаган медленно поднялся и сжал кулаки.

— Я шел к тебе и ненавидел себя за то, что должен поступить с тобой гнуснейшим образом, как ни с кем никогда не поступал. Но теперь я вижу, что ты слишком задираешь нос. Хорошо, пойди и расскажи. Посмотрим, кому больше поверят. Я был уверен, что мы действительно едем арестовывать какого-то человека. Не ты ли утверждал, что располагаешь всей необходимой информацией об этом человеке? То же самое ты сказал и журналистам.

На лице Бирса отразилась внутренняя борьба.

— Хозяин, — пробормотал он, — но я же хотел помочь... И тогда, и на суде.

— И подсунул сфабрикованные улики?! Ты понимаешь, что это может открыться! Представляю, как Саймон начнет носиться с этой историей. Ведь он будет всех уверять, что это я велел тебе подложить флакон. Да он прикончит меня одними только насмешками!

— Но ведь Харт все равно виновен! Уж я-то знаю, что говорю. Я понял это по его глазам, по тому, как он уклонялся от ответов на вопросы. Это всегда можно почувствовать. Не знаю, как это назвать, но просто чувствуешь... — Уже почти бодро Бирс добавил: — Да я бы никогда не подложил ему этого флакона, если бы не был уверен, что он виновен.

— И это все, что ты усвоил после Боксер-сквера? Черт бы тебя побрал! Ты нисколько не изменился с тех пор. Нисколько! Какое же ты дерьмо!..

— Это я-то дерьмо? — На лице Бирса появилась пьяная ухмылка. — А ты? Думаешь, ты-то сам ангел? Кто велел мне дать показания, что Харт напал на жену? А потом еще встал перед Гофманом и заявил, что ничего такого мне не приказывал!

Каллаган беспокойно прошелся по комнате.

— Я не приказывал тебе, Микки, я лишь сказал, что если защитник поинтересуется этим, ты можешь ответить. Большая разница, но что ты понимаешь в этом, доморощенный юрист?! И потом, если бы

Гофман нашел, что нарушены процессуальные нормы, он мог потребовать замены присяжных. Сделал он это? Нет. Он знал, что с юридической точки зрения я прав.

— Но и ты не чист на руку, и не только в данном случае...— Бирс глубоко вздохнул.— Хозяин, ты... выдашь меня... выдашь... Тогда ладно... Тогда мне придется рассказать, как ты потерял ногу в Италии.— Он выставил руки, словно готовясь отразить удар.— У меня нет выхода... У меня больная жена, детишки, и я не хочу, чтобы они оказались на улице.

Кровь отхлынула от лица Каллагана. Он ощупью нашел стул и опустился на него.

— Откуда ты это знаешь?

— Ты же сам рассказывал мне! Как-то вечером, вскоре после войны, когда мы с тобой налились, как свиньи. Ты упился почти до бесчувствия, и мне пришлось тащить тебя домой и помогать Лючии укладывать в постель.

— А я-то верил тебе!

— Я не хочу болтать,— дрожа от страха, продолжал Бирс.— Разве я желаю тебе зла? Ты только подумай, сколько я сделал для тебя! Разве я все это делал не ради твоей победы? Может, я не такой ловкач, как другие, но я предан тебе. И ничего не требую взамен. Только хочу быть при деле. Я же не становлюсь тебе поперек дороги. Не мешаю. Я когда-нибудь становился тебе поперек дороги? А насчет Италии... Я могу и помалкивать. Молчал же я до сих пор! Но и ты должен понять мое положение. Ты должен помочь мне удержаться на работе.

— Удержаться на работе?

— Ты уже забыл,— нервно рассмеялся Бирс,— с чего у нас начался разговор?.. Хозяин, это моя единственная просьба: я хочу быть при деле.

Каллаган провел рукой по лицу.

— Ну хорошо,— угрюмо ответил он.— Ты останешься на работе.

Бирс вытер рукавом сорочки вспотевший лоб.

— Хозяин.. Спасибо, хозяин..

Каллаган устало поднялся со стула.

— Ну вот, еще один жернов на мою шею... А тут еще наверняка предстоит пересмотр дела Харта... Что же придумать?..— Мучительно размышляя, Каллаган запрокинул голову, закрыл глаза и сплел руки на затылке.— Так... Так...— Он внезапно оживился.— Я первым поддержу ходатайство Темпла перед Верховным судом штата. Я скажу, что в связи с новыми показаниями Темпла как окружной прокурор настаиваю на новом рассмотрении дела Харта.— Каллаган улыбнулся.— Да, да, только так! Уинквисту это понравится, и он отвяжется от меня. Я скажу и Чарли Харту, что добиваюсь пересмотра дела... Вместе с Чарли мы, возможно...

3

Предвыборная кампания шла своим чередом, и в конце июля республиканцы провели конференцию, где без голосования, под шумное одобрение присутствующих кандидатом в губернаторы был выдвинут Фрэнк Гэспер. Он и сейчас занимал этот пост и, как и полагается, по меньшей мере трижды заявлял, что никогда не согласится на переизбрание.

Кандидаты от демократической партии продолжали усиленно поливать друг друга грязью. Саймон носился по всему штату на самолете и всячески поносил окружного прокурора Каллагана, подчерки-

вая его вину за происшествие, приведшее к несчастью с маленьким Джорджи. Сенатор требовал от прокурора назвать фамилию человека, которого тот якобы ехал арестовывать. И, кстати, вопрошал Саймон, наложил ли прокурор какое-нибудь взыскание на водителя машины?

Каллаган отвечал, что не намерен рисковать жизнью полицейских осведомителей только ради того, чтобы ублажить своего соперника. Больше того, добавлял Каллаган, несмотря на глубокое сожаление по поводу печального инцидента и желание сделать все возможное для Джорджи Томаса, он не находит возможным уволить честно и способного следователя.

Тем не менее нападки Саймона будоражили публику, и Каллаган мстил ему, используя любой повод. Он не раз выводил сенатора из себя, намекая на его возраст и здоровье. Эксперты в штаб-квартире Каллагана придирчиво изучали протоколы конгресса, анализировали, как Саймон голосовал в сенате, штудировали его давно забытые выступления, отыскивая нелепости, противоречия и высказывания, оказавшиеся с течением времени ошибочными. Все подобные места из речей Саймона, вырванные из контекста, доводились до сведения публики в форме дружеских писем «дорогому Алексу» — внешне наивных, а в действительности пропитанных злобной иронией и издевкой.

Пока Каллаган изощрялся в нападках на своего конкурента, его помощники без устали трудились над разработкой его избирательной платформы. Пресс-агент Каллагана составил программу из десяти пунктов, но затем решил, что если в ней останется пункта четыре, избирателям легче будет их запомнить. Целые сутки он мучительно размышлял, какими же должны быть эти четыре пункта.

Исходя из предпосылки, что успех выборной кампании зависит не только от политической программы кандидата, но и от внешнего оформления выборов и что надо превратить их в интересный спектакль, в котором с удовольствием примут участие избиратели, один из помощников Каллагана внес предложение организовать конкурс на угадывание результатов голосования, причем участвовать в нем могли только те, кто уже заявил о своей готовности поддержать кандидатов демократической партии. Они должны были предсказать, каким большинством голосов Каллаган победит Саймона. Избиратели, рискнувшие предположить, что победителем выйдет Саймон, расплачивались за свою глупость тем, что лишались права участия в конкурсе. Наиболее точно угадавший должен был получить специальный приз. Вначале предполагалось, что призом будет служить «кадиллак» последней марки, но позже ради экономии и придания конкурсу некоторой демократичности решили заменить «кадиллак» фургончиком «форд».

Другой работник штаб-квартиры наблюдал за составлением, печатанием и рассылкой в мужские парикмахерские и дамские косметические кабинеты двухсот тысяч экземпляров брошюры, в которой бойко излагались биография и программа Дэна Каллагана. Когда владелец типографии, где печаталась брошюра, прислал счет, Ларри Космо отказался его оплатить на том основании, что стоимость работы якобы завышена по меньшей мере на тысячу долларов. Хозяин типографии продолжал настаивать, однако после того, как Ларри с самым простодушным видом заметил, что уже есть неопровержимые доказательства, что именно Дэн Каллаган станет губернатором штата, стоимость заказа была тут же уменьшена на восемьсот долларов.

Еще один работник штаб-квартиры организовал «пресс-бюро текущей политики» — оно снабжало готовыми статьями все газеты штата. Написанные коротко и доходчиво, статьи затрагивали различные

местные темы, и обычно их печатали самые разные газеты, хотя в каждой из статей без особого труда просматривалась агитация в пользу Каллагана. Этот же работник организовал демонстрацию фильма, посвященного выступлению Каллагана на конференции демократической партии штата; фильм демонстрировался в тех женских клубах и масонских ложах, где кандидат не мог выступить собственной персоной.

«Герольд» опубликовал биографию окружного прокурора в шести номерах и рассылал оттиски всем желающим. После неожиданного заявления Каллагана о том, что он обратился в Верховный суд с просьбой о пересмотре дела Нормана Харта, в «Герольде» появилась редакционная статья. Представитель государственного обвинения, говорилось в ней, который нашел в себе мужество поставить интересы обвиняемого превыше всего и в ущерб самому себе требует пересмотра дела, безусловно, заслуживает всеобщего одобрения.

Наступил август, и проведенный Мэттом Кинаном новый опрос общественного мнения показал, что большинство избирателей все же намерено голосовать за сенатора.

Обсуждая результаты опроса с Филом Стимсоном, репортером «Герольда», Кинан мрачно заметил:

— Вся загвоздка, наверно, в шумихе, поднятой Саймоном вокруг обвинений, выдвинутых негритянкой. Старый болтун, нельзя не признать, весьма умело это использует. Он, собственно, ни в чем явно не обвиняет Каллагана, но делает такие намеки, что люди невольно начинают сомневаться в безгрешности нашего уважаемого прокурора. Как вы думаете, Фил, кто победит на предварительных выборах?

— Гм... Пока верх берет Саймон. Вашему кандидату приходится туговато. Каллаган, кажется, располагает большими средствами для финансирования своих не совсем скромных усилий. В наши дни деньги не мешают, но нужно уметь их тратить. Только расходы на оплату его выступлений по телевидению могут истощить самый крупный счет в банке. Молодой Уинквист, видимо, не жалеет своих денежек, должно быть, тоже помешался на политике.— Стимсон помолчал.— Можно ли надеяться, что наступит время, когда наше законодательное собрание примет сколько-нибудь приличный закон, ограничивающий расходы на избирательные кампании? Сомневаюсь. В существующем законе столько лазеек— нет, не лазеек, а дыр, что через них пройдет целое стадо «кадилаков». Взять хотя бы ту часть, где оговаривается, что сумма единовременного пожертвования в фонд той или иной организации, проводящей предвыборную кампанию, не должна превышать тысячи долларов. Идея замечательная— не допускать предвыборных махинаций и держать дьявола и нефтяных магнатов подальше от политики. Но что получилось на деле? Принимая этот закон, собрание «забыло» оговорить, сколько организаций и фондов могут жертвовать эту тысячу. Ну, чем виноват бедняга-кандидат, если его приятели создают новые организации и фонды быстрее, чем он успевает протестующе воскликнуть: «Я честный человек!»? По окончании кампании он с чистой совестью может составить требуемый тем же законом финансовый отчет о произведенных расходах. По всему штату расставлены сотни стендов с его портретами, он появлялся на экранах телевизоров чаще, чем реклама сигарет, газеты печатали платные панегирики в его честь, а он истратил всего-навсего девятьсот двенадцать долларов! Как-то ради интереса,— продолжал Стимсон, протирая очки,— я побывал в финансовых органах штата и обнаружил, что там уже зарегистрировано девять

благотворительных организаций, выступающих за избрание Дэна Каллагана. А ведь у нас еще не проведены даже первичные выборы!

— Как вы считаете, Фил, добьется ли Каллаган успеха?

— Думаю, что нет, если не придумает чего-нибудь сногшибательного. Вы же знаете старую истину, что избиратели голосуют не за кандидата, а за созданный им собственный образ. Так вот, Саймон создавал свой образ в наших краях целых пятьдесят лет.

— А вы сами-то за кого, Фил? За Каллагана или за Саймона?

— Я? — озадаченно переспросил Стимсон.— Почему я должен быть за кого-то?

— Почему? Бог мой, Фил, но обязан же человек иметь убеждения! — Кинан даже покраснел, разрываясь между желанием сказать то, во что глубоко верил, и опасением, что покажется слишком уж смешным и наивным в свои шестьдесят лет.— Как же иначе?

— Я не знаю, как можно выбирать между Саймоном, Каллаганом и нашим тупоголовым губернатором-республиканцем.

— Да, но выборы не танцульки, вряд ли удастся отсидеться в укромном уголке — на карту поставлено слишком многое. Я вполне допускаю, что где-нибудь поблизости, в каком-нибудь захолустном колледже, найдется десяток никому не известных профессоров, куда лучше подготовленных для управления штатом, чем любой из этих трех кандидатов. Но ведь никто из профессоров не баллотируется! В этом вся суть. Вы должны выбирать из тех, кто баллотируется, а не из тех, кого никто не выдвигал.

— Пожалуй, самым подходящим человеком был бы Гофман,— заметил Стимсон.— Но чаще всего самый подходящий человек как раз и не может добиться избрания.

— Гофман? Я не очень хорошо его знаю. Вот дочь его мне нравится. Работает в газете она безукоризненно. Но сам судья?.. Мне всегда казалось, что он ни рыба ни мясо.

— Ну, человек он спокойный, уравновешенный, хотя иногда и не соблюдает меры за бутылкой. По-моему, губернатор из него получился бы отменный.

— У Каллагана, признаться, есть свои недостатки. Он не всегда разборчив в выборе средств для достижения своих целей, но кто из нас без греха? Зато мне нравится его упорство и настойчивость. Такой губернатор никому не позволит командовать собой. Мы часто схватываемся с ним, главным образом потому, наверное, что я тоже порядочный сукин сын, а это, конечно же, объясняется моим положением. Редактор газеты, потрафляющий всем и каждому,— это не редактор, а сплошное недоразумение. Я давно уже работаю в газете и все же порой просто поражаюсь, что многие пугаются меня лишь потому, что я редактор «Герольда». А вот Каллаган меня не боится. После истории с негритянским мальчишкой мы посоветовали Каллагану выгнать со службы Бирса, который сидел тогда за рулем. Он было согласился, но на следующий день передумал и так и не отступился от человека, который поддерживал его в трудные времена. Вообще-то сумасшедший поступок: Каллаган, несомненно, потеряет из-за этого какое-то количество голосов. Но, говоря между нами, я восхищен им. И ей-богу, Фил, если у нас в штате есть еще кто-то, кто ненавидит Саймона не меньше меня, так это Каллаган.—Кинан помолчал и добавил: — Может, поближе к выборам нам дать подборку материалов под шапкой: «День из жизни кандидата»? Это было бы ему полезно.

4

Утром в последнюю пятницу августа, в тот день, когда должен был состояться митинг в защиту гражданских прав, Каллаган и его жена сидели за ранним завтраком. Дети еще спали.

— Во сколько ты вернулся домой вчера вечером? — спросила Лючия.

— Примерно в час.

— Подарок для Дэнни ко дню рождения купил?

Каллаган виновато взглянул на жену.

— Все время вертелось в голове, что должен выполнить какую-то твою просьбу, а какую — так и не вспомнил... Ну ничего, я поручу Микки сегодня же выбрать что-нибудь подходящее и привезти сюда. Дэнни завтра встанет и...

— Микки-то привезет, — перебила Лючия, запахивая халат, — но твой сын хочет, чтобы подарок был от тебя.

— Он и будет от меня, — ответил Каллаган, торопливо прожеывая пончик. — Деньги-то даю я! Самому мне просто некогда, Лючия. Сегодня я страшно занят. Кинан дает в газете подборку «День из жизни кандидата», и репортер Стимсон будет ходить за мной по пятам. Сама понимаешь, придется мне попыжиться... А что подарить Дэнни?

Лючия печально покачала головой.

— Человек выставил свою кандидатуру на пост губернатора... В одной-двух фразах он перекраивает всю систему налогового обложения, для реформы народного образования ему нужно пять минут, а что подарить сыну в день рождения, он не знает! Послушай, почему бы тебе не взять с собой этого Стимсона, когда ты будешь покупать подарок сыну? Захватите фотографа, — может, избирателям будет приятно узнать, какой ты любящий отец!

— Странно ты рассуждаешь! Я хочу стать губернатором не только ради себя, но и ради тебя, ради наших детей... Знаешь, Лючия, подарю-ка я Дэнни набор для рыбной ловли. После выборов мы с ним обязательно поедим на рыбалку.

— После выборов он снова пойдет в школу, некогда ему будет заниматься рыбной ловлей.

Каллаган сердито отодвинул тарелку.

— Когда это кончится? Что ни утро, то ссора! Ничего себе, хорошая зарядка на день! Я, разумеется, не назову свой характер ангельским, но как ты не поймешь, что у меня сейчас голова идет кругом! После предварительных выборов станет легче. С Фрэнком Гэспером я справлюсь шутя.

— Когда твою кандидатуру только выдвинули, ты тоже заявлял, что никаких затруднений не предвидишь.

— Да, но обстановка неожиданно изменилась. Сейчас мне приходится защищаться из-за этой миссис Томас.

С улицы послышался протяжный автомобильный гудок.

Усаживаясь в машину рядом со Стимсоном, Каллаган вдруг почувствовал прилив вдохновения.

— Боже мой, Фил! — воскликнул он. — Что может быть лучше этих ранних утренних часов, этих гулких пустынных улиц, этого запаха свежести!..

Стимсон буркнул что-то неразборчивое, и машина тронулась с места.

— Для меня, — проговорил он минуту спустя, — это слишком ранние часы...

Каллаган искоса взглянул на Стимсона.

— Ваши соглядатаи в законодательном собрании случайно не знают, когда Верховный суд вынесет решение по делу Харта?

— Вас это беспокоит?

— Я хочу, чтобы его дело пересмотрели.

— Но у вас же были бесспорные улики против него!

— Если Темпл сомневается в правильности своих показаний, Норман Харт имеет право требовать пересмотра дела.

— А может, вы просто-напросто хотите раскурить трубку мира со стареньким дядюшкой Чарли?

— Ну, знаете, Фил! — засмеялся Каллаган. — Готов спорить, что вы не поверите, даже если вам скажут, что дважды два четыре!

Через главные ворота авиационного завода, мимо охранника по одному и группами шли на работу люди. Стимсон поставил машину недалеко от ворот, на асфальтированной площадке, где их уже ждал профсоюзный организатор, принимавший деятельное участие в предвыборной кампании Каллагана, два активиста-добровольца и автофургон с радиоусилителем, из которого тотчас полилась бравурная мелодия. Профорганизатор поднялся на наспех сколоченную трибуну, помог взобраться туда Каллагану и обратился к остановившимся перед трибуной рабочим.

— Ребята, надо прямо сказать: нам здорово повезло. Несмотря на свою занятость, к нам приехал наш Дэн. Вряд ли надо представлять его, но я все равно скажу несколько слов и надеюсь, что он не будет возражать. — Профорганизатор вынул из нагрудного кармана газетную вырезку. — Вот тут, в «Герольде», подробно рассказывается, чем он занимался во время войны. Возможно, кто-то уже читал, но пусть послушают те, кто не знает. Так вот, в годы войны Дэн в одном итальянском городишке секретно встречался с итальянскими патриотами, которые сражались с фашистами на севере своей страны. Дэн помогал им, а значит, помогал тому, чтобы там было убито как можно меньше наших ребят. Ему было поручено важное задание, и он должен был его выполнить хоть умри. К счастью, умереть ему пришлось, но он потерял ногу, и вот теперь мы просто обязаны показать, как ценим его за все, что он сделал для нас. Ну, ребята, давайте как следует похлопаем нашему Дэну!

Из динамика вновь полилась музыка. Каллаган помахал собравшимся и обнял одной рукой профсоюзного организатора за плечи.

— А знаете, — заговорил Каллаган, — своей речью ваш Хэнк здорово подкузьмил меня. Мне хотелось сказать вам много добрых слов, но Хэнк так расхвалил меня, что даже неловко. Я понимаю, вы спешите на работу, поэтому буду краток. Правда, опоздаете вы на свои рабочие места или нет, вам все равно не избежать неприятностей, если ваш босс узнает, что вы слушали меня, поскольку все боссы — и те, кому принадлежат заводы, и те, кто стоит у власти, — недолюбливают меня. Им больше по душе дряхлый обманщик Алекс Саймон. Вот уж настоящий чистопробный шарлатан! Он вспоминает о вас только в дни предвыборной кампании. И вот еще что я скажу. Саймон не состоит ни в каком профсоюзе, а я состою и горжусь этим. Я хорошо знаю, что значит жить на зарплату, которая из-за всяких вычетов начинается таять еще до того, как попадает в руки.

— Дай им жару, Дэн! — крикнул кто-то.

— Я преподнесу им более страшное: правду! — Каллаган распустил галстук и провел рукой по вспотевшему затылку. — Я пришел сюда, чтобы сказать вам: если меня изберут губернатором, у вас будет только один хозяин — вы сами. И если наступит время, когда вам покажется, что я не выполняю своих предвыборных обещаний, дверь моего дома будет для вас открыта, я согнусь в три погибели и попрошу пнуть меня в задницу, да посильнее. Вот уж чего мой вовсе не до-

стопочтенный конкурент даже и обещать не может! Рискну высказать предположение, что он уже лет двадцать не видел собственных ног: ему мешают толстое брюхо.

Не ожидая, пока утихнет смех, Каллаган соскочил с трибуны и принялся пожимать руки всем, кто оказался поблизости. Профсоюзный организатор подал знак к аплодисментам, снова загремела музыка, и толпа сомкнулась вокруг окружного прокурора.

Минут пять спустя последние рабочие, спешившие на завод к семи тридцати, исчезли за воротами, но вместо них появились только что закончившие ночную смену. Каллаган снова взобрался на платформу и произнес ту же самую речь.

С завода Каллаган и Стимсон отправились на телевизионную студию, арендованную для съемки рекламных фильмов о кандидатах. Парикмахер усадил окружного прокурора в кресло и стал накладывать грим. Тем временем молодой бухгалтер рекламного агентства, вызвавшийся выступить в качестве режиссера-постановщика, готовил декорацию небольшой бакалейной лавки; профессиональный актер, приглашенный на роль бакалейщика, явно куда-то торопился и нервно курил сигарету за сигаретой.

— Ну, давайте попробуем,— предложил наконец постановщик.— Мистер Каллаган, я хочу, чтобы ваше лицо выражало сострадание. Этот человек, он бакалейщик, является жертвой бюрократии. Постарайтесь сыграть так, чтобы мы видели и чувствовали, что вы хотите ему помочь.— Режиссер надел наушники и подал знак оператору.

— Мистер Популос,— заговорил Каллаган, обращаясь к лавочнику.— Моя фамилия Каллаган, Дэн Каллаган. Я баллотируюсь на пост губернатора и осмелюсь попросить вас уделить мне немного времени. Мне хотелось бы выслушать ваше мнение относительно того, как улучшить управление нашим штатом.

Лицо актера оживилось.

— Конечно, конечно, мистер Каллаган! Вот уж никогда не думал, что человек, собирающийся стать губернатором, будет интересоваться моим мнением.— «Бакалейщик» жестом указал на полку с продуктами.— Меня приперли к стенке, мистер Каллаган.

— Кто, мистер Популос?

Актер, имитируя отчаяние, воздел руки.

— Бюрократы. Вы бы только посмотрели, сколько бумаг мне приходится заполнять! Ежемесячные отчеты для финансистов, занимающихся сбором налогов с торговли; справки для учреждения, взимающего налог с имущества... А я не могу заниматься писаниной, пока у меня в лавке есть хоть один покупатель, и вынужден тратить на это ночи. Раз в месяц ко мне являются инспекторы здравоохранения и ведут себя, как бандиты: хватают мясной фарш и тащат к себе в лабораторию, словно я подмешиваю в него опилки... Знаете, мистер Каллаган, я думаю, что мелкого торговца хотят задавить!

Каллаган важно кивнул:

— Это мнение уже высказывали мне сотни мелких бизнесменов, и я очень обеспокоен. Запомните мои слова, мистер Популос: я глубоко убежден, что мелкие бизнесмены — подлинная основа общества. И я клянусь, мистер Популос,— Каллаган поднял правую руку,— я клянусь, что если народ изберет меня своим губернатором, то все проблемы, волнующие мелкого бизнесмена, будут решаться в первую очередь. В управлении штатом основная роль принадлежит самому народу.

— Золотые слова! — радостно воскликнул актер, но тут же сделал вид, что колеблется.— Мистер Каллаган, я буду голосовать за вас, но что значит один голос...

— Каждый голос значит очень много, мистер Популос. Буду счастлив, если вы позволите считать вас моим другом.

В десять тридцать Каллаган и Стимсон в сопровождении фотографа «Герольда» приехали на Боксер-сквер. Прежде всего они нанесли визит священнику Клэнси, жившему в ветхом, грозившем вот-вот развалиться доме рядом с церковью. Когда Дэн появился на свет, отец Клэнси был молодым человеком, только что покинувшим стены семинарии, а сейчас за его спиной лежал длинный путь в семьдесят с лишним лет, заполненных непрерывной войной с подлинными владыками Боксер-сквера — невежеством, болезнями, нищетой, преступностью...

— Как поживаете, Дэн? — приветствовал он гостя.

— Тружусь,— с деланным смирением потупил глаза Каллаган.

— Я читаю о вас в газетах,— отозвался священник.— Да, вы действительно трудитесь... Как Микки? Выполняете мою просьбу заботиться о нем?

— Уже в десятилетнем возрасте мы с Микки были первыми кандидатами в исправительную колонию для несовершеннолетних,— обернувшись к фоторепортеру, произнес Каллаган.— Нашим идеалом был Аль Капоне. За два цента в неделю мы брались защищать ребят моложе себя, а ещё за цент разрешали им пользоваться уборной в школе. К счастью, тогда-то мы и встретились с отцом Клэнси. Однажды он застал нас, когда мы пытались очистить церковную кружку с пожертвованиями...

— Да, трудно складывается жизнь у ребят из трущоб,— покачал головой отец Клэнси.

— Так вот, Фил,— продолжал Каллаган, переводя взгляд на висевшее на стене распятие,— отец Клэнси не терял надежды вернуть меня и Микки на праведный путь. Его внимание всегда привлекали дети вроде нас — дети, до которых не доходили добрые слова и увещевания, дети, худенькие лица которых выражали такое ожесточение, какого не увидишь на лицах взрослых... До сих пор не понимаю, откуда он черпал терпение и силы... Фил, этот человек святой!

— Полноте, Дэн! — поморщился священник.

— Отец, я в таком долгу перед вами, что вряд ли смогу расплатиться.— Каллаган достал бумажник и вынул из него заранее выписанный чек.— Вот здесь некоторая сумма, она, конечно, не покроет всех нужд церкви, но я надеюсь, что эти деньги окажутся кстати.

— Мистер Каллаган,— засуетился фотограф,— вручайте чек, а я в этот момент щелкну.

Следующую остановку они сделали в квартире Майка Джакомози, которому сейчас было около восьмидесяти; Каллаган еще носился с другими мальчишками по улицам, когда Джакомози стал боссом избирательного округа, куда входил и Боксер-сквер.

Старик провел гостей в комнату, провонявшую табачным дымом и запахом нестираного белья. Усевшись рядом со своим протеже, хозяин принялся восторженно вспоминать, какой силой он был когда-то на Боксер-сквере.

— Да, да, я был героем для ребят... Дэн и его дружок Микки работали на меня. Все работали на меня!

— Верно, Майк,— подтвердил Каллаган, улыбаясь старику.

— А я ведь присматривался к Дэну. Я всегда присматривался к ребятам, которые верховодили уличными шайками.— Джакомоззи захихикал.— Дэн мог перекричать на улице всех и каждого. А как он врал! Мог смотреть прямо в лицо и врать, не краснея. Из всех сопляков, толкавшихся вокруг бильярдного зала, который принадлежал мне, из всей банды сопляков Дэну был самым толковым. Если начиналась какая-нибудь кампания, он не отходил от заведения. Увидит, бывало, очередного посетителя и орет: «Здравствуйте, мистер Бонветти... Здравствуйте, мистер Вилоуски... Здравствуйте, мистер Клейнгольд...» — Джакомоззи умолк, пытаясь извлечь из глубин слабеющей памяти еще какое-нибудь воспоминание.— Ну, а помнишь, Дэну, о своей драке с Микки?

— Мы постоянно дрались, так что я не знаю, о какой драке вы говорите, да это и не столь важно. Мы приехали...

Старик приставил палец к ноздре и высморкался, потом ткнул Каллагана локтем в бок.— И вот погляди-ка теперь на себя... Кандидат в губернаторы, а?! Как проходит кампания, Дэну?

— Плохо, Майк.— Каллаган подал знак фотографу.— Майк, мы хотим сделать снимок. Вы и я. Мы будем обсуждать вопрос о назначении пенсии по старости. Не возражаете?

— Конечно, конечно! Для газет? — Слезящимися глазами старик мечтательно уставился в грязный, покрытый трещинами потолок...

По дороге в редакцию Стимсон завез Каллагана в отель «Купол».

Босворт пребывал в отвратительном настроении: он только что потратил почти час, выпроваживая некоего безукоризненно одетого джентльмена, предлагавшего за восемьдесят долларов заколдовать сенатора Саймона.

— Прямо хоть специального работника нанимай разговаривать с такими психами,— возмущался он.

— Да, но всего за восемьдесят долларов заколдовать Саймона! — засмеялся Каллаган.— Не так уж дорого!

— За восемьдесят долларов...— мрачно повторил Босворт.— Да за хорошую идею я не пожалел бы любых денег. За что-нибудь такое, что могло бы по-настоящему зажечь, воодушевить избирателей. Хотя бы ненадолго, хотя бы на время предварительных выборов.— Он с усмешкой взглянул на Каллагана.— Ну, скажем, если бы ты объявил, что если тебя выберут, ты готов отправиться с любой миссией в любую страну. Или что берешься в одиночку установить во всем мире американский образ жизни. К сожалению, нам с тобой пока не до других стран. У нас по горло неприятностей здесь, в Роутоне, и все из-за этой Томас! А знаешь, кто ее устраивает? Адвокат Редстоун. И это председатель партийной организации штата! Но ничего, после предварительных выборов он станет экс-председателем. А почему бы,— спросил вдруг Босворт,— не пригласить эту Томас сегодня на митинг в защиту гражданских прав и не разыграть потрясающе трогательную сцену с поцелуями и объятиями примирения? Это повысит ваш престиж и исторгнет слезы умиления у зрителей. Но как это устроить?.. Силой, что ли, притащить ее туда? — Босворт помолчал, внимательно посмотрел на Каллагана и вдруг прищелкнул пальцами.— А ведь ее можно уговорить! Предложить стипендию ее парнишке для учебы в колледже и заранее внести соответствующую сумму в банк... Тысячи четыре долларов в солидных ценных бумагах. Этого будет вполне достаточно.

— Не знаю, что и сказать,— нерешительно ответил Каллаган.— Слишком уж она озлоблена. А потом четыре тысячи... До вечера нам не найти такой суммы.

— Пустим на митинге кружку по кругу. Хорошо, если бы для почина кто-нибудь сделал крупное пожертвование, скажем, тысячи две.— Босворт вопросительно взглянул на прокурора.— Уинквист?

Каллаган задумался.

— Тонкой работой это никак не назовешь, но чем черт не шутит,— пожал плечами Босворт.

— Может быть, может быть,— хмуро ответил Каллаган.— Как бы то ни было, действовать надо быстро.

— Вы хотели видеть меня, Дэн? — спросил Боб Уинквист.

— Садитесь, садитесь, Роберто.— Лицо Каллагана было озабочено.— Есть предложение пригласить миссис Томас в президиум нашего сегодняшнего митинга.

— Мне доводилось выслушивать и более нелепые предложения.

— Да, но ее мальчишка поправляется. Если какая-нибудь организация, ну, к примеру, Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения,— а вы ее член — объявит об учреждении специального опекунского фонда и внесет некоторую сумму, она, возможно, не откажется прийти. Я говорю о фонде для обучения ее сына в колледже. Для начала много не нужно. Может, тысячи две...

— Что вы на меня так смотрите? — удивился Уинквист.

— Но где же еще мы можем раздобыть такие деньги?

— Бог мой, Дэн!

— Вы уменьшите на эту сумму доходы, подлежащие налогообложению, только и всего.

— Да я не о деньгах. Слишком примитивно. В ходе этой кампании я на многое нагляделся. Но это...

— Не морочьте мне голову! Вы не жаловались, пока я не заговорил о вашем бумажнике. Хоть денег у вас куры не клюют, вы все же порядочный скряга.

— Спасибо на добром слове.

— Я пошутил, Роберто. Вы же моя правая рука. А какие у меня планы, какие планы! И вы занимаете в них далеко не последнее место. Вот поэтому, Роберто, все должно быть по-моему. Томас нужна мне на этом митинге.

— Я не могу, Дэн.

— Боже, вот что значат деньги! Я убедился, что легче вырвать у себя здоровый зуб, чем выколотить из вас доллар.

— Вот как? Тогда... Раз вы заговорили об этом... Должен признаться, что я уже спрашивал себя, не играю ли я в этой кампании роль дойной коровы? — Уинквист тут же спохватился и резким взмахом руки как бы перечеркнул свои слова.— Нет, нет, я не возражаю, но мне хотелось бы иметь хотя бы небольшое право...

— Дружище, не небольшое право вы хотите иметь — вы хотите командовать всем и всеми, включая меня. Черт возьми, вы хотите распоряжаться даже в прокуратуре! Вы не забыли, надеюсь, наши споры о Темпле?

— Нет, конечно. Но вы же сами теперь ходатайствовали перед Верховным судом о передаче дела Харта на новое рассмотрение. Тут уж вы никак не можете сказать, что это я уговорил вас.

— Вы хотите, чтобы победил Саймон?

— Разумеется, нет. Я стремлюсь помочь вам всеми доступными средствами, но...

— Вот вам и предоставляется такая возможность,— сухо перебил Каллаган.— Мне нужно во что бы то ни стало отвязаться от этой женщины. Понимаете? На карту поставлена моя политическая карьера.

Мы с Микки ехали вовсе не за тем, чтобы арестовать поставщика наркотиков...

— Но вы же заявили репортерам...— ужаснувшись, заговорил было Уинквист.

— Я помню, что я заявил репортерам! Роберто, все произошло так чертовски быстро! — Каллаган закрыл лицо руками.— Возможно, я оплошал. Но разве человек не имеет права оплошать хоть раз в жизни?

— Следовательно, все, что говорит миссис Томас, правда?

— Нет! — Каллаган обернулся к собеседнику.— Неправда, что мы носились в машине ради забавы! Неправда, что я был пьян! Но если бы и был, так что? Не я правил машиной, а Микки. Но и Микки... Что он, по-вашему, умышленно сбил парнишку? Я оплачивал счета больницы, оплачивал докторов... Такое могло произойти с кем угодно, но коль скоро произошло с человеком, выставившим свою кандидатуру на пост губернатора...

— Вы намерены и дальше утверждать, что ехали по служебным делам?

— А что другое я могу теперь утверждать? И разве вы не согласны, что кое в чем я все же прав? Надеюсь, вы понимаете, почему мне нужно, чтобы эта женщина присутствовала на митинге? Вы понимаете, как это важно?

— Уж теперь-то я ни за что не дам денег!

Уинквист смотрел на возвышающегося над ним Каллагана и видел, как тот подавлен.

— Роберто, но ведь это могло случиться с каждым! Я припомню тот вечер у Кинана, когда вы все требовали уволить Бирса... Вы когда-нибудь видели его жену? У него больная жена, дети... Где уж вам, богатому человеку, знать, что большинство людей едва сводит концы с концами! И по-вашему, я должен был бросить его на произвол судьбы?! Может, вы и могли бы поступить так, а я нет! Согласен, в этой истории с мальчишкой я вел себя неблагоразумно, но в главном я не отступаю от своих основных принципов!

— Что такое «основные принципы»? У кого вы позаимствовали подобные выражения? У Саймона?

— Послушайте, вы забываетесь, вы же работаете на меня.

— В таком случае я, очевидно, больше не работаю на вас.

— Знаете, Роберто, сейчас я несколько взвинчен, да и вы, кажется, не в себе.

— Не в себе?!

— Спокойно, спокойно! — Дэн умиротворяюще поднял руку.

— Все, Дэн. С меня довольно. Я сыт по горло. Еще со времени суда над Хартом я не переставал спрашивать себя, куда девалась моя способность возмущаться. Но сейчас... Я многого хотел, в том числе и вашей победы, но не такой ценой.— Под влиянием внезапно возникшего подозрения Уинквист вдруг спросил: — Послушайте, уж не вы ли посоветовали Бирсу дать такие показания?

— Какое у вас право так со мной разговаривать? Не слишком ли важную персону вы из себя корчите?

— Наоборот, я чувствую себя совершенным ничтожеством.— Уинквист поднялся.— Свои дела я приведу в порядок и сдам сегодня после полудня.

— Не торопитесь, Роберто. Остыньте. Не будем больше говорить о деньгах. Но предупреждаю: не вздумайте сделать что-нибудь такое, о чем вам придется сожалеть. Я твердо намерен стать губернатором, и вы могли бы быть рядом со мной. Судя по результатам опросов общественного мнения, Саймон пока опережает меня, но это не изле-

чит его сердца. Как и работа по восемнадцать часов в сутки, которую ему приходится вести в эти дни.

— Это что, входит в план вашей кампании — отправить его на тот свет?

— Входить не входит, но нянчиться с Саймоном я не собираюсь. Уинквист хрипло рассмеялся.

— Вы и с собой-то не в состоянии справиться. Как вы поступите, если Редстоун от имени Томас предъявит вам иск через суд?.. Вас допросят под присягой, и вы, конечно, не рискуете солгать.

— Я же сказал, что сожалею о случившемся. А иск... Что ж, такие дела частенько улаживаются и вне суда. Или вы, может, никогда об этом не слышали? Однако как бы там ни было, не забудьте, мой высоко нравственный друг, что вы дали слово не разглашать...

— О моем слове не беспокойтесь. Побеспокойтесь лучше о своем карточном домике, который все равно рассыплется, чего я с нетерпением буду ждать.

— Вы не будете ждать, вы будете ползти. На четвереньках будете ползти ко мне. Или вы тешите себя надеждой преуспеть в политике, рассчитывая только на себя? — Лицо прокурора искажала ярость. — Очнитесь! Единственное ваше достоинство — большие деньги.

— А вот это, наверное, правда, — усмехнулся Уинквист и направился к двери.

Окружной прокурор и Стимсон свернули с шоссе на боковую дорогу, ведущую к фабрике игрушек, расположенной в новом индустриальном районе в пятнадцати милях к югу от Роутона. Там работало тысячи четыре рабочих и служащих, и прокурор собирался поговорить с теми из них, чья смена заканчивалась в четыре тридцать. До этого он побывал в двух полицейских участках и посетил пожарную часть, где сыграл с пожарниками в карты. Как раз в это время поступило сообщение о пожаре, и кандидат в губернаторы, напялив каску, вместе с пожарниками помчался на место происшествия.

Теперь они со Стимсоном ехали дальше. Приемник в машине был включен, и они рассеянно слушали последние известия. Перечислив курс акций на бирже, диктор перешел к перипетиям предвыборной борьбы.

«...и фермеры стоят этих усилий. Сенатор Саймон подверг острой критике Дэна Каллагана, своего соперника на предварительных выборах, призванных определить кандидата демократической партии на пост губернатора. Саймон заявил: «Происшествие с маленьким Джорджем, приведшее к его увечью, наглядно показало, с-каким пренебрежением относится мой конкурент к простым людям. До каких же пор он вместе со своим телохранителем будет совершать подобные увеселительные прогулки? Если на наших улицах уже сейчас опасно появляться, что же будет потом? Что может натворить этот человек, если он станет губернатором? Тогда он будет носиться уже не с одним телохранителем, а с целым корпусом штурмовиков!..»

Каллаган выключил радио.

— Фил! — повернулся он к Стимсону. — Теперь вы сами слышите, что Саймон — совершенно растленный, злобный и бессовестный тип.

Стимсон хмыкнул.

— Наверно, он наступил вам на большую мозоль.

— Я бы пристрелил его на месте.

— Вы что-то расстроились. Как же получилось, что Уинквист отверг вашу просьбу? Откуда у него вдруг принципы? Ну, а в том, что

говорит Саймон, есть какой-то резон.— Стимсон кивнул на выключенный радиоприемник.— Вы, как видно, не очень-то хотите произвести хорошее впечатление, если повсюду таскаете за собой этого Бирса. У него и повадки и внешность гангстера. Или вам нужен человек, который постоянно напоминал бы о том, как далеко вы шагнули после Боксер-сквера?

Каллаган, не отвечая, мрачно смотрел на убегающую под колеса дорогу.

Стимсон пожал плечами и повернул машину к стоянке. За ней виднелись зеленые лужайки, тенистые деревья, а правее фабричных зданий — плавательный бассейн. Откуда-то сверху послышалось нарастающее гудение, и минуту спустя в небе появился маленький самолет.

— Нет, вы только взгляните, кто сюда пожаловал! — воскликнул Стимсон.

Сенатор Саймон выбрался из самолета.

— Ну, Эрли,— обратился он к Форсту, своему помощнику,— что-то я не вижу ни членов комитета по организации встречи, ни ликующих толп народа. Вот в чем невыгодность таких непредусмотренных агитостановок. Что ж, зайдём на фабрику и пожмем несколько сот рук.

Саймон сделал несколько шагов и внезапно схватился за грудь.

— Алекс, что с вами?

Сенатор с трудом заставил себя улыбнуться.

— Ничего, ничего, сейчас пройдет... Съел лишнего на очередном банкете. Боже, подумать только, сколько раз я жертвовал желудком во имя народа! Надеюсь, наступят времена, когда вместе с аппендицитом вам будут вырезать желудок, особенно если вы решили куда-нибудь баллотироваться.

— Алекс, может, вы часок отдохнете?

— Эрли, да вы прямо-таки хуже старой квочки! Не волнуйтесь, я переживу всех вас!

Спустя несколько минут Саймон и Эрли Форст уже пожимали руку владельцу фабрики, пригласившему гостей осмотреть цеха. Сенатор сказал, что его интересует не столько производственный корпус, сколько сами рабочие.

После пяти минут рукопожатий Саймон и Форст отправились в цех игрушечных банджо. Сгрудившись в дальнем углу, рабочие цеха слушали какого-то человека, скрытого от Саймона машинами. Внимательно прислушавшись, сенатор живо повернулся к своим спутникам.

— Да сохраняют нас все святые! Это же Каллаган! — Он схватил первое попавшееся под руку банджо и, на ходу сочиняя слова, запел на мотив популярной мелодии:

— Скажи нам, Дэн, какая сила
Тебя, отпетого лжеца,
Всем курам на смех породила?

Пойми, о Дэн, своим умишком:
Придет когда-нибудь конец
Твоим сомнительным делишкам!

Не лезь же, Дэн, куда не просят:
Таких пройдох (узнаешь сам!)
Простые люди не выносят!..

Толпа вокруг прокурора стала быстро редеть, и вскоре почти все, кто слушал Каллагана, окружили Саймона, который сделал вид, что смущен и растроган таким вниманием.

— Я сенатор Саймон, друзья,— жизнерадостно сообщил он.— Возможно, как сенатор я не очень хорош, зато умею петь.— Он уставился в ту сторону цеха, где все еще стоял Каллаган, и прикинулся крайне удивленным.— Ну и ну! Дэн Каллаган! Какая радость... для всех преступников Роутона! Они, конечно, воспользуются тем, что окружной прокурор со своей свитой гоняется по всему штату за избирателем, который согласился бы голосовать за него.

— Сенатор, а вам не кажется, что вы переигрываете? — мрачно спросил Каллаган.— А впрочем, продолжайте, продолжайте! Я могу подождать... Из уважения к вашей дряхлости.

— Лично я сомневаюсь,— усмехаясь, обратился Саймон к аудитории,— есть ли вообще на белом свете избиратель, готовый голосовать за моего конкурента. Скорее всего слух о его существовании — сказка, которой пугают ребятишек. Если же он все-таки существует, из него надо сделать тучело и выставить в качестве исторического курьеза в музей. Я бы отдал в музей также текст речи, которую мой соперник намеревается произнести сегодня на митинге. Очевидно, это тоже будет исторический курьез, так как, насколько я понимаю, он намерен заявить, что на все сто процентов стоит за нашу конституцию, что все, что было хорошо для наших отцов и дедов, хорошо и для него... Эка невидаль! — Саймон прижал игрушечное банджо к животу.— Ну-с, друзья мои, теперь вы уже знаете, что я выставил свою кандидатуру в губернаторы, и вот мой лозунг: игрушечные мастера, объединяйтесь в поддержку Саймона! Каждого оловянного солдатика, которого вы сделаете, я зачислю в национальную гвардию, а всех чиновников штата обяжу обзавестись вот этими штучками.— Саймон нежно взглянул на банджо и торжественно добавил: — Нет, серьезно, друзья, я уверен, что смогу хорошо поработать на вас, когда окажусь в губернаторском особняке, но, если вы думаете иначе, буду признателен и за ваши молитвы — они нужны мне даже больше, чем ваши голоса.

Закончив, сенатор принялся направо и налево пожимать руки.

— А теперь послушайте меня! — крикнул в этот момент окружной прокурор.— И не бойтесь, я не стану докучать вам нудными речами.— Некоторое время Каллаган стоял, широко расставив ноги, и ждал, пока вокруг него снова соберутся слушатели, привлеченные его твердым, повелительным голосом.— Итак, кого вы хотели бы видеть в кресле губернатора? Клоуна? Человека, который никогда в жизни не решил ни одного серьезного вопроса? Такой человек вам нужен? Нет и еще раз нет! Вы, конечно, не хотите выслушивать глупые шутки всякий раз, при новом повышении налогов, при повышении цен на мясо, всякий раз, когда будет закрываться еще одна фабрика? — Он ткнул пальцем в сторону сенатора.— Вы интересовались когда-нибудь, как сей государственный муж голосует в сенате? Интересовались?

Теперь взгляды всех, кто находился в цехе, были прикованы к Каллагану.

— Я не буду рассказывать вам дешевенькие анекдоты или петь дурацкие песенки, я убежден, что нельзя с такой легкостью относиться к государственным делам, и уверен, что вы согласитесь со мной.— Каллаган подбоченился.— Вы знаете, почему я хочу стать вашим губернатором?

Все молча глядели на Каллагана.

— Да потому, что народ нуждается в помощи правительства, и помощь ему нужна сейчас, а не через десять лет. Хорошо, скажете

вы, но чем же Дэн Каллаган лучше остальных? Возможно, ничем, отвечаю я. Но мне хочется надеяться, что я все же немного знаю, в какой помощи вы нуждаетесь и с какими трудностями встречаетесь. Я сам вырос в трущобах, но не стал от этого ни пройдохой, ни шутком гороховым, — напротив, стал человеком, больше других понимающим, что такое жизнь. Могу вас заверить, что память об этом я сохраню до последнего своего часа, как и эту жестянку, которую вынужден таскать вместо ноги.

С удивлением, смешанным с безгловостью и нездоровым любопытством, собравшиеся молча наблюдали, как Каллаган яростным рывком задрал штанину и продемонстрировал свой протез. Но уже в следующую минуту по цеху от человека к человеку пополз смущенный шепот сочувствия и симпатии.

Возвратившись в город, Каллаган заехал в свою штаб-квартиру, где его ждала жена, уже одетая для банкета, который устраивала в честь кандидатов Лига избирательниц в зале для танцев.

Пока Каллаган переодевался, Стимсон позвонил в «Герольд». Взглянув на Каллагана, он прикрыл трубку рукой и выпалил:

— Дэн, важная новость: Норман Харт пытался покончить с собой в тюрьме!

Каллаган растерянно раскрыл рот.

— Хотел повеситься на оконной решетке, но ему помешали, — пояснил Стимсон.

— Значит, он-таки виновен! — вырвалось у Каллагана. — Иначе зачем бы ему лезть в петлю?

— Вы же, наверное, видели камеры для смертников? Там быстро улечувиваются всякие надежды.

— Но его дело должно быть пересмотрено. Я устрою грандиозный скандал, если ему откажут в этом.

— Постойте, я что-то не могу угнаться за вами. Секунду назад вы утверждали, что Харт виновен. Зачем же добиваться пересмотра его дела?

— Я уже все объяснял вам, перестаньте язвить!

— Не кричите! — поморщился Стимсон. — Похоже, что между вами и Уинквистом действительно произошло нечто серьезное, если вы стали так агрессивны. Только не вздумайте использовать меня в качестве тренировочного мешка, каким пользуются боксеры. Я профессиональный трус.

— Я порвал с Дэном, — возбужденно произнес Боб, входя в комнату Полли.

Полли широко раскрыла глаза.

— Не одобряешь?

— Я просто... я просто не ожидала. Как ты себя чувствуешь? Нет, не то... Как это произошло?

Уинквист взял ее за руку.

— Дэн решил организовать сбор средств на оплату обучения сбитого Бирсом негритенка и просил меня — так сказать, для почина — первому внести некоторую сумму. Не знаю уж почему, но меня это возмутило. Короче говоря, мы заспорили. Потом выяснилось, что в тот день, четвертого июля, Дэн и Бирс носились в машине вовсе не по служебным делам. Услышав это, я так рассвирепел, что не помню, что кричал ему в лицо. В общем, между нами все кончено.

— И ты не сожалеешь? — озабоченно спросила Полли.

— Сожалею, — уныло ответил Уинквист, глядя куда-то в сторо-

ну.— Мне хотелось стать помощником Дэна, когда его выберут губернатором. испытать свои силы, способности... Ну, да что теперь говорить...

— Я была бы рада сказать тебе что-нибудь в утешение, но...— Полли беспомощно развела руками.— А как с этим инцидентом четвертого июля? Ты собираешься сообщить в газеты, что Дэн и Бирс ехали вовсе не по делам?

— Не могу, Полли! Дэн рассказал мне об этом по секрету.

— По секрету? — Полли тряхнула головой.— Довольно своеобразная у вас этика!

— Твой отец однажды тоже сообщил мне кое-что по секрету... о попытке Саймона подкупить его, и ведь я не бегал по редакциям газет. Какая же разница?

— Может, разницы и нет,— печально кивнула Полли.

— Вероятно, я сказал лишнее. Ты же знаешь, как я уважаю твоего отца. Я вовсе не хочу, чтобы он подвергся риску потерять работу и репутацию. Но если Верховный суд не удовлетворит ходатайство о пересмотре дела Харта...

— Верховный суд обязан это сделать!

— Странно,— задумчиво проговорил Уинквист.— Сегодня днем я почти не сомневался, что это Дэн заставил Бирса выступить с показаниями о Харте. Если бы знать наверняка!.. — Он сжал кулаки.— Полли, мой разрыв с Каллаганом вызван не только происшествием в День независимости. Это лишь капля, переполнившая стакан.

— Я рада, что ты порвал с Каллаганом.

— Не только с ним, но и вообще с политической деятельностью.

— Ты уверен? — тихо спросила девушка.

— Да, да, да!

— Боб, я, может, покажусь эгоисткой, но я рада. Очень рада.

— Я собираюсь предложить свои услуги нескольким крупным благотворительным организациям. Возможно, мы уедем из Роутона.

— Гип-гип ура!

— Но тогда тебе придется отказаться от работы в газете.

— Никто не прольет по этому поводу ни слезинки.— Она поднялась, увлекая за собой Уинквиста.— Конечно, в Роутоне есть кое-что, о чем я буду скучать, но...

Открылась дверь, и в комнату вошел Гофман. Он поцеловал дочь и пожал руку Бобу.

— Вы слышали о попытке Нормана Харта покончить с собой? — спросил Уинквист.

— Да. И только что сообщил Элоизе о своем решении изложить всю эту пакостную историю с Саймоном... Да, да, я просто испугался тогда. Но теперь я больше не могу молчать. Надеюсь, вы понимаете, что иного выбора у меня нет?

— Папа, ты намерен обратиться в Верховный суд? — перебила Полли.

— Пожалуй.— Гофман нахмурился.— Но мне хотелось бы рассказать публике несколько больше того, что я смогу изложить в своем ходатайстве, да еще написанном сухим, казенным языком. Возможно, я устрою пресс-конференцию, а потом пусть этим занимается общество. Члены Верховного суда живут не под стеклянным колпаком, они не могут не посчитаться с общественным мнением, если оно потребует пересмотра дела и...— Гофман запнулся,— и, вероятно, мой отставки.

Полли закусила губу, заметив это, Гофман торопливо продолжал:

— Если Саймон что-нибудь и признает, то в его интерпретации его предложение, безусловно, будет выглядеть вполне невинным. В конце концов, скажет он, разве человек не имеет права попросить

старого приятеля об одолжении? И разве можно обвинять его только на том основании, что какие-то циники неправильно истолковывают его просьбу?

— А вдруг Саймон вообще будет все отрицать? — обеспокоилась Полли. — Ведь тогда возникнет вопрос, кому верить: тебе или ему? С таким демагогом, как он, тебе не справиться.

— Признаться, я тоже этого опасаясь, но все равно считаю необходимым рассказать всю правду. Если Саймон будет все отрицать, тогда предварительные выборы сведутся, по существу, к спору, кто из нас двоих говорит правду. Если избиратели поверят мне, они не станут голосовать за него. — Он слегка наклонился к Уинквисту и без всякого энтузиазма добавил: — Тогда они будут голосовать за Дэна Каллагана. Во всяком случае, подобное развитие событий обрадует его. Боб, вы могли бы подсказать Дэну...

— Я сегодня порвал с ним, — хмуро перебил Уинквист. — Мы поссорились, и весьма крупно.

Гофман, пораженный услышанным, растерялся.

— По-моему, Боб все еще переживает, — вмешалась Полли, ласково взглянув на жениха. — А вот я нисколько. Я рада, что он не поступился... не поступился... ну, своими принципами. — Полли перевела взгляд на отца и успокаивающе улыбнулась ему. — И ты, папа, тоже намерен действовать правильно. Вполне правильно. Мы с мамой не против, ты же знаешь...

Гофман нашел в себе силы ответить улыбкой на улыбку дочери.

— Видите, Боб, — обратился он к будущему зятю, — я не в состоянии подобрать нужных слов, но не сомневайся: у вас были причины порвать с Каллаганом. И все же мне хочется спросить, хоть я и не собираюсь совать нос в чужие дела: вы и вправду окончательно порвали с ним? И еще: вы просто отказываетесь участвовать в его предвыборной кампании или более того — желаете теперь победы его сопернику?

— Я не хочу, чтобы он стал губернатором, и отказываюсь от места помощника окружного прокурора.

— Понятно. — Гофман взглянул на хмурое лицо Уинквиста и усмехнулся. Его будущий зять против избрания человека, которому он, Гофман, объективно помогает достичь победы.

Митинг в защиту гражданских прав проходил в актовом зале школы, где когда-то учился Каллаган. Соответствующие речи уже были произнесены. Слово предоставили окружному прокурору. Появившись на трибуне, Каллаган тихо и многозначительно начал:

— Сегодня я хочу поговорить с вами о предрассудках...

Он перечислил лишения, перенесенные им в детстве, упомянул, что потерял ногу в борьбе с фашистской тиранией, и начал воодушевленно излагать свою предвыборную программу. Аудитория, целиком состоявшая из его сторонников, была накалена до предела и прерывала аплодисментами чуть не каждую его фразу.

— Вы отдаете мне свой голоса? — спросил Каллаган.

— Да! — проревели собравшиеся.

Каллаган приложил руку к уху.

— Я не слышал. Вы ответили «да»?

— Да!

— Мы победим!

— Да!

— Прекрасно. Еще несколько слов. Я уцелел на войне и не погиб от бомбежки в Италии вовсе не для того, чтобы пополнить собой ряды демагогов. Обещания, которые я дал вам тут, будут выполнены!

Гофман созвал пресс-конференцию и зачитал заранее подготовленное заявление. В нем говорилось, что несколько месяцев назад сенатор Алекс Саймон пытался подкупить его, пообещав пожизненный пост федерального судьи при условии, что он, Гофман, согласится отложить суд над Норманом Хартом или, если это невозможно, добьется во время процесса отвода присяжных и нового слушания дела. Гофман напомнил журналистам, что в ходе процесса защита возбуждала ходатайство об этом, но он отклонил его. Однако вскоре после процесса он пришел к выводу, что поступил так не потому, что ходатайство не было обосновано юридически, а только чтобы продемонстрировать свою неподкупность. Недавняя попытка Нормана Харта покончить с собой тяжелым грузом легла на его совесть, и теперь он считает своим долгом предать эту историю гласности, чтобы дело Харта было пересмотрено, поскольку, по мнению Гофмана, обвиняемый имеет на то полное право.

Сенатор Алекс Саймон (он еще ничего не знал о пресс-конференции Гофмана) приближался на своем самолете к небольшому городку Багльвил, известному тем, что некий Арти Смит, родившийся здесь, на недавней партийной конференции демократов штата получил всего два голоса. Первоначально Саймон намеревался приземлиться в шести милях от городка, там, где в те дни проходила ярмарка. Но от этого плана пришлось отказаться. Дело в том, что о намерении сенатора-демократа совершить эффектную посадку прямо на ярмарке стало известно губернатору штата — республиканцу. Срочно проконсультировавшись с юристами, губернатор заявил, что поскольку законы штата запрещают посадку самолетов в местах скопления людей, нарушители подвергнутся аресту, а самолет конфискуется. Саймон решил, что его арест на ярмарке, на глазах у тысяч людей, послужит замечательной рекламой и что было бы глупо упустить подобную возможность. Однако менее экспансивные его помощники сочли, что не следует лезть на рожон, и убедили в этом сенатора. Решили, что он приземлится в аэропорту, где его будет поджидать депутация чиновников ярмарки.

Ежегодная ярмарка штата длилась целую неделю и заканчивалась пышным торжеством. Устраивались состязания фермеров в быстроте и качестве пахоты и метании стогов, подводились итоги конкурса домашнего скота с вручением призов, проводились соревнования в беге с картофелиной на ложке, зажатой в зубах, работали карусели и «чертовы колеса». В павильонах, крытых гофрированным железом, демонстрировались последние модели тракторов, комбайнов, доильных установок, приборов для подкормки свиней гормонами и радиоаппаратуры для проигрывания музыки, успокаивающей коров во время дойки. Среди павильонов там и сям были разбросаны стойла для скота, палатки, аттракционы.

Уже минут через сорок пять после приезда Саймон принял участие в соревнованиях по метанию стогов и не только не отстал от других, но даже кое-кого опередил. Сбросив куртку, засучив рукава, он орудовал вилами под стать молодым, останавливаясь лишь для того, чтобы утереть пот, заливавший глаза, и помахать восхищенной толпе зевак. В конце концов арбитры наградили его специальной лентой с надписью «Почетному чемпиону стогометания».

Затем сенатора повели посмотреть борова Лорда, получившего «Гран-при». Саймон остановился у стойла и долго любовался призером, который фыркал и хрюкал, подозрительно косясь на кандидата

в губернаторы. В воздухе стояла густая вонь от перепрелой соломы, непереваренного корма и мочи. С трудом сдерживая гримасу отвращения, Саймон выразил свое восхищение породистостью Лорда.

— Настоящий аристократ! — воскликнул он. — Но постойте, по моему, я уже видел где-то подобное рыло. — Он задумчиво поскреб подбородок. — Не могу вспомнить имени, но, кажется, это было в Капитолии... В каком году это было?.. Да, конечно, еще до появления на свет Лорда. Политику, знаете ли, приходится иметь дело с массой людей, но демократов я помню всех по имени. Значит, это был кто-то из республиканцев.

И Саймон направился смотреть соревнования по выпечке пирогов. Здесь его отозвал в сторонку председатель организации демократической партии графства.

— Алекс, — начал он, — я думаю, что после предварительных выборов не мешало бы устроить в Багвиле обед «Единение». Скинемся по двадцать долларов с носа. Постараемся забыть тревоги и волнения избирательной кампании и, кстати, соберем энную сумму в фонд ноябрьских выборов. Чем бы ни кончились для вас предварительные выборы, я уже сейчас хочу заручиться вашим согласием присутствовать на обеде.

— Шорти, если бы я не знал вас так хорошо, я бы ответил, что этот вечер у меня уже занят. Однако мы с вами побывали в стольких переделках, что вам я могу сказать голую правду. Любой, кто согласится выбросить двадцать целковых на пережаренное мясо, водянистую горчицу и ораторскую водичку, и без того будет голосовать как надо. Я не так молод, как мне хотелось бы, Шорти, но зато опытен.

— По-моему, взгляните вы просто превосходно. Так орудовать вилами!

— Иногда я ощущаю вот здесь что-то неприятное. — Саймон показал на грудь и взглянул на поле, где уже собралась толпа зрителей, жаждавших посмотреть соревнования по пахоте. — Да-с, не те, не те стали ярмарки... Уж больно их окультурили. Помню первое в моей жизни посещение ярмарки в Кишау... Матчи «Откуси у мышкы хвостик!». Вам доводилось видеть что-нибудь подобное?

Шорти отрицательно покачал головой.

— В отличие от петушинных боев, которые проводились тайком, где-нибудь в закутках конюшен, матчи по откусыванию мышпиных хвостов не запрещались. Участники матча со связанными за спиной руками подходили к длинному столу. Перед каждым ставился глубокий тазик, по дну которого бегала белая мышь. По сигналу «Начали!» помощник соревнующегося наливал в тазик полгаллона крепкого сидра и подносил его ко рту своего подопечного. Если мышь тонула до того, как вы успевали выпить весь сидр, вас считали проигравшим. Если же вы ухитрялись выпить сидр, — а он действовал так, словно вас лягнул мул, если не сильнее, — и мышь при этом еще не успевала погибнуть, вам надлежало поймать ее ртом, и первый, кто откусывал не менее дюйма мышпиного хвостика, объявлялся победителем. Мышки, носившиеся по дну тазика, словно гонщики на велотреке, имели зубки хоть куда, так что были не совсем уж беззащитны. Ну, а что сейчас? Сейчас все стало иным. Мы превратились в нацию неженек...

— Сенатор, вас вызывают к междугородному телефону, — слышался чей-то голос. — Звонит газетчик по фамилии Стимсон. У него какое-то срочное дело.

— Я всегда к услугам прессы, особенно оппозиционной. Неважно, что газеты пишут обо мне, лишь бы писали.

Спустя несколько минут Саймон уже сидел в кабинете директора ярмарки. Раскурив сигару, он поднял трубку.

— Да, Фил?

— Сенатор, некоторое время назад судья Гофман провел пресс-конференцию, на которой рассказал, что вы пытались подкупить его, пообещав ему пожизненный пост федерального судьи. За это, по его словам, он должен был отложить суд над Норманом Хартом или, ссылаясь на процессуальные ошибки в ходе разбирательства, назначить новое слушание дела и тем самым добиться отсрочки суда на время после партийной конференции штата, лишив таким образом окружного прокурора возможности набрать голоса.

— Но это же рурбек¹! — воскликнул Саймон и с такой яростью затянулся сигарой, что едва не задохнулся.

— Сенатор, вы, кажется, потеряли свое хваленое хладнокровие! — иронически заметил Стимсон.

— Да, да, черт побери, потерял! Окружной прокурор носится по штату, походя давит детей и заключает кощунственный альянс с пропитанным алкоголем слабоумным судьей. Боже, да эта пара жалких, бессовестных лжецов, трусов и завистников не признает правды, даже если ее им покажут в полдень, при ярком свете, на амвоне храма!.. Когда же якобы произошла попытка подкупа?

— В феврале.

— В феврале?! Так почему же Гофман молчал до сих пор?

— Законный вопрос, сенатор. Ну, а что вы можете сказать на сей счет? Каллаган кричит, что сенат должен создать комиссию для расследования выдвинутых против вас обвинений.

Саймон постепенно успокаивался и уже с насмешкой ответил:

— Пусть только попробуют члены какой-нибудь задрипанной комиссии набросить на меня тень! Я им такое устрою!.. Да и потом вряд ли кто из сенаторов захочет участвовать в расследовании, а те, кого попытаются включить в комиссию, скорее всего смоятся на время из Вашингтона под предлогом каких-нибудь неотложных дел. Вообще мне кажется, сначала надо заняться достопочтенным судьей Гофманом. Если я действительно пытался его подкупить, почему он немедленно не предпринял необходимых мер? Вот мы и потребуем у него ответа. Видимо, все это померещилось ему спьяну. Алкоголик не может быть судьей, и я непременно запрошу ассоциацию юристов Роутона о том, как она намерена с ним поступить. Пусть-ка Гофман откровенно скажет, не он ли постоянно держит на работе, в ящике письменного стола, некую серебряную фляжку.

— Вы это для печати, сенатор?

— Да-с, Фил, для печати.

— Хорошо. Что еще?

— А вот что. Если вы посмеете опубликовать заявление Гофмана, я буду рассматривать это как клевету в печати и подам в суд. «Герольду» придется содержать меня в старости, причем для вашего сведения могу сообщить, что я намерен прожить лет до ста двадцати. Впрочем, пошли вы к черту! — Саймон бросил трубку и повернулся к Форсту. — Эрли, когда я должен выступить с первой речью?

— Через двадцать минут.

Саймон прижал руку к груди, словно успокаивая приступ острой боли.

— Да, одно дело грешить, другое — читать в газетах о своих грехах. Что ж, тому, кто больше не переносит жары, настало время покидать кухню.

Спустя полчаса Саймон выступал на конкурсе красоты.

¹ Клевета, инсинуация с целью скомпрометировать конкурента перед выборами (жаргон.).

— Я польщен предоставленной мне возможностью присутствовать здесь. — Сенатор кивнул на участниц конкурса в купальниках. — Здесь, вероятно, собрались самые красивые девушки в мире. Мне уже далеко не сорок, но, когда я смотрю на них, у меня начинает сильнее биться сердце, и я чувствую себя почти молодым. Да, правильно сказано: молодость — весна жизни! Мне остается лишь надеяться, что, став губернатором, я смогу найти таких же хорошеньких девушек и сделать их гидами в Капитолии. Тогда-то уж туристы поймут, почему наш штат называется раем.

Загремели аплодисменты. Саймон улыбнулся и поклонился. И тут же заговорил снова, но уже без улыбки, тоном глубоко обиженного человека:

— Однако мой конкурент, полагаю, начнет возражать и против этой очевидной истины. Он вообще возражает против всего, что я делаю, а когда запас возражений кончается, начинает барахтаться во лагу, как носорог в болоте. Друзья, мой соперник находится в столь отчаянном положении, что ему ничего не осталось, как обвинить меня в попытке подкупить одного спившегося типа, которому я будто бы обещал пост федерального судьи. Да если бы я и хотел подкупить подобного человека, из этого бы все равно ничего не вышло, — все знают, что он горький пьяница, и никто не утвердил бы его на столь высокий пост. Еще в начале избирательной кампании мой конкурент согласился придерживаться принципа честной и справедливой борьбы, и я хочу спросить у него: где же, сударь, ваше обещание? Друзья мои, конечно, я нуждаюсь в этот час испытаний в вашей поддержке, но если вы не сможете голосовать за вашего покорного слугу, так молитесь за него — ваши молитвы и ваше доверие нужны мне больше, чем ваши голоса.

В Роутоне Каллаган, Берт Босворт, Ларри Космо и пресс-агент уточняли последние детали обращения к избирателям, которое должно было транслироваться всеми телевизионными станциями штата накануне дня предварительных выборов. Поразительная новость о попытке сенатора Саймона подкупить судью Гофмана взбудоражила участников совещания. Радовало их и то, что Дэйв Редстоун от имени своей клиентки миссис Томас договорился с Каллаганом о размере компенсации за увечье, полученное ее сыном.

— Похоже, новости стали известны старому Харту на его ферме, — посмеиваясь, заметил Космо. — Пока вы были у Редстоуна, он нашел время оторваться от своих петухов и по междугородному телефону засвидетельствовать вам свое почтение. По его мнению, Саймон не оправится от этого удара. Он даже предложил, чтобы в оставшиеся дни вы и молодой Чарли вели избирательную кампанию совместно. Видимо, молодому Чарли достается от Джекки Юбенкса куда основательнее, чем предполагал старик.

— Юбенкс, надеюсь, вообще выставит его, — отозвался Каллаган. — Я вовсе не жажду обременять себя на ноябрьских выборах Чарли Хартом-младшим и его баскетболом. От этого дылды я никогда не ждал проку.

— Не забывайте, сэр, что если Чарли-младший победит на предварительных выборах, он до ноября станет нашим дылды, и нам никуда не деться от того факта, что, пока вы будете произносить речи, он будет вербовать сторонников. Не забывайте также, что даже баскетбольным болельщикам предоставлено право голоса...

— Может, мы все же вернемся на грешную землю? — ехидно заметил Босворт. — Я имею в виду программу нашей телепередачи в канун выборов.

— Да, да!— подхватил пресс-агент.— У меня вот тут набросок плана. Передача начнется с показа Дэна в кругу семьи в гостиной...

— Я прошу тебя, сними трубку этого проклятого телефона,— мрачно сказал судья Гофман.— Он взглянул в висевшее над камином зеркало и увидел свое расстроенное лицо.— Извини, пожалуйста, Элоиза, я устал от назойливости репортеров.

Элоизе вдруг показалось, что она видит перед собой дряхлого, потерпевшего крушение старика. На какое-то мгновение ее охватил ужас, она подумала, как быстро пронеслись годы и как безжалостно развеяло время все их мечты и надежды.

— Мне звонил какой-то репортер и сообщил о заявлении Саймона насчет моей серебряной фляжки,— заговорил Гофман.— Поинтересовался, не захочу ли я выступить с опровержением. Но как я могу отрицать то, что известно половине адвокатов Роутона? Подумаешь, секрет! Однако когда я говорю: «Да, серебряная фляжка у меня есть»,— люди, видимо, начинают верить и во все остальное, что напел Саймон. Они, наверно, думают, что меня и в самом деле под руки подводят к судейскому креслу и прикручивают проволокой, чтобы я не свалился. И верят, что историю о попытке Саймона подкупить меня я действительно придумал в пьяном бреду.

— Сэм, давай уедем отсюда! Я уверена, ты успокоишься, если мы покинем Роутон хотя бы ненадолго. Через неделю мы уже будем смеяться над всем этим.

— Ну, смеяться мы, конечно, не будем,— пытаюсь улыбнуться, ответил Гофман.— Ни через неделю, ни через год... Да и сразу скажут, что я убегаю, а мне осточертело убегать. Нет, нет, завтра я явлюсь на службу, как обычно. И, просматривая свежую почту, наверняка обнаружу, что по крайней мере человек пятнадцать нашли время написать мне анонимки с требованием моей отставки. Моралистов у нас хоть пруд пруди!

— Письма что! Вот Алекс Саймон...— Обычно доброе лицо Элоизы стало гневным.— Как я хотела бы добраться до него! Какое он имеет право так говорить о тебе? Я ненавижу политику! Это слишком жестокая игра!

— Не более жестокая, чем любая игра с высокими ставками. Страшнее то, что политиканы вроде Саймона считают себя стражами общественного благополучия, а отсюда всего шаг до уверенности, что нападающие на них нападают на общество.

— Да, но нельзя же позволять им навешивать на тебя ярлык пьяницы и лгуна.

— Я и не надеялся выбраться невредимым из этого скандала, но допускаю, что оказался более наивным, чем может позволить себе человек, отдавший столько лет общественной деятельности. Должен признать, что некоторые аспекты политики, ее механизм все еще остаются для меня загадкой. Я, например, не смог бы объяснить тебе, почему один побеждает на выборах, а другой, ничуть не хуже его, оказывается побежденным. Есть, правда, точка зрения, что побеждают, как правило, середнячки. Говорят, избиратели вручают голоса тем, кто более всего похож на них самих. Я мог бы припомнить немало политических деятелей-неудачников, являющих превосходные образцы такой «срединности». И во главе списка,— с горькой иронией добавил Гофман,— я бы поставил самого себя.

— Сэм, я просто не понимаю, как ты можешь разглагольствовать в такой момент. Не сомневаюсь, что сейчас начнется сеанс самобичевания. Что ж, значит, мы возвращаемся к своему нормальному состоянию. Сэм Гофман опять готов пресмыкаться!

— Да, да, дорогая, готов. Возможно, ползая на четвереньках, я найду выход из этого лабиринта к свету. Я хочу понять, почему Саймон и Каллаган отчаянно пытаются сломать друг другу шею, а уничтоженным должен оказаться я. Почему? Потому, что я поступил... нечестно? Или это происходит лишь по той простой причине, что Саймон, наш сенатор, теперь жаждет стать нашим губернатором? Не комично ли это, если вспомнить, что в то же самое время губернатор какого-нибудь соседнего штата не менее страстно жаждет стать сенатором? Где тут логика? Что за ужасная вещь эта политика: как легко она может вознести человека и как легко погубить...— Утомленный этой внезапной вспышкой, испытывая жалость к самому себе, Гофман резко переменял тему: — А где Полли?

— Должна скоро прийти.— С растущим беспокойством Элоиза внимательно всматривалась в мужа.— Сэм, что бы ни произошло, не уступай требованиям твоих врагов об уходе в отставку. Дерись!

— Дерись... Боевой клич вроде этого не помешал бы. Но чем драться? Голыми руками? Я рассказывал тебе, что Каллаган звонил мне сразу же после пресс-конференции? И вовсе не для того, чтобы упрекнуть за нарушение законных прав Нормана Харта. Я начинаю думать, что он живет в какой-то нравственной пустыне. О деле Харта мы не говорили и двух минут, поскольку он главным образом благодарил меня за разоблачение Саймона и даже пригласил участвовать в своей агитационной поездке.— Гофман невесело засмеялся.— Но как только Саймон заявил о серебряной фляжке и моих выпивках в служебном кабинете, Каллаган тут же позвонил снова и взял свое приглашение обратно. Не много же времени потребовалось ему, чтобы сообразить, что такой союзник, как Сэм Гофман, ему не нужен. И тем не менее все мои надежды теперь связаны с его победой. Но если он не победит... Элоиза, у меня раскалывается голова. Пожалуй, я пойду прилягу.

— Да, Сэм, пойдй,— с вымученной улыбкой ответила жена.— Атаки буду отбивать я.

— Как всегда, родная.

Гофман тяжело поднялся и вышел из комнаты.

6

В оставшиеся до предварительных выборов дни в воздухе роем носились взаимные обвинения и контробвинения. Каллаган настаивал на том, чтобы снять кандидатуру Саймона за попытку подкупить судью. Саймон, в свою очередь, настаивал на снятии кандидатуры Каллагана, обвиняя его в тайномговоре с судьей с целью добиться победы на выборах с помощью обмана. Газеты прямо писали, что судья Гофман утратил доверие народа. Ассоциация юристов назначила специальную комиссию, поручив ей разобраться в поведении Гофмана. В то же время появились анонимные памфлеты, клеймящие обоих кандидатов. Неизвестные их авторы называли Саймона жуликом, лжецом, коммунистом и шарлатаном, а Каллагана — шарлатаном, коммунистом, лжецом и жуликом. Радиостанции не переставали заполнять эфир куплетами и песенками о кандидатах.

Накануне дня выборов в штаб-квартире окружного прокурора царил праздничное настроение. На столах высились груды поздравительных телеграмм, повсюду красовались букеты цветов. Ответственные помощники Каллагана выступали с предсказаниями неизбежной победы, а через каких-нибудь полчаса уже выслушивали свои собственные доводы от других и еще более проникались уве-

ренностью, что Каллаган победит подавляющим большинством голосов. Предполагаемые цифры этого перевеса росли, как снежный ком.

В одной из дальних комнат штаб-квартиры Джиггс Кетчам шепотом инструктировал своих помощников, поручая им завтра, в день выборов, беспрестанно звонить в штаб-квартиру Саймона и тем самым лишать людей сенатора возможности связываться с ним по телефону и получать необходимые указания. (В штаб-квартире Каллагана номера телефонов совсем недавно были заменены новыми, так что приближенные Саймона не могли оплатить конкуренту той же монетой.)

Добровольцы из числа сторонников Каллагана звонили избирателям и подтверждали свое согласие посидеть с их детишками, пока те будут голосовать, уточняли, когда прислать за тем или иным избирателем машину, дабы они могли своевременно приехать на избирательный участок.

Штаб-квартира Саймона в течение одного лишь дня трижды опровергала, что у сенатора якобы произошел инфаркт, дважды — что сенат США (в то время распущенный на каникулы) якобы принял решение привлечь его к уголовной ответственности, один раз — что сенатор будто бы сам отказался участвовать в выборах.

Организаторы избирательной кампании Каллагана закатили в честь своего кандидата часовое теле- и радиошоу. Передача началась с демонстрации кадров, показывающих Каллагана дома, в кругу семьи: окруженный домочадцами, он благодарил своих сторонников и просил избирателей, независимо от того, кому они отдадут голос, прийти к избирательным урнам.

Затем камера отправилась в путешествие по различным уголкам штата, показывая заснятые заблаговременно кадры либо делая телезрителей участниками сиюминутных событий. Фермер из Кишау, специализирующийся на выращивании репы, заявил, что будет голосовать за Каллагана, поскольку Каллагану близки проблемы мелкого фермера и к тому же он обещает построить хорошие дороги к рынку. Впервые голосующая девушка с курсов для нянь сказала, что поддерживает кандидатуру Каллагана, так как он понимает, что волнуется молодежь, а кроме того (тут она скромно опустила глаза), он же душа! Мать четверых детей объяснила, что голосует за Каллагана потому, что он единственный из кандидатов, кто намерен предпринять что-то реальное для строительства новых школ. Что именно намерен предпринять Каллаган, женщина не сказала. Некий общественный деятель мотивировал свое решение голосовать за Каллагана тем, что тот, будучи окружным прокурором, боролся с проституцией.

В конце концов камера перенесла телезрителей в один из залов Роутона, где организаторы кампании и агитаторы проводили последний митинг. Один за другим они возникали на экране и желали кандидату победы. На глазах у некоторых из них поблескивали слезы. Тут же другая камера показала улицу около этого зала и демонстрацию сторонников Каллагана, растянувшуюся на целый квартал.

Каллаган, сядя у себя в гостиной, смотрел эти кадры, как заипнотизированный. Он с трудом заставил себя произнести несколько заключительных слов, смиренно обещая в случае избрания оправдать доверие избирателей.

Но вот передача окончилась. Техники телевизионной студии покинули дом Каллагана, остался только Босворт. Вдвоем с Каллаганом они сидели на кухне.

— Тебе понравилось, Дэн?

Кивнув, как одурманенный, Каллаган поднялся, подошел к окну и уставился в темноту.

— Как это действует на человека, Берт, когда видишь столько людей и знаешь, что они надеются на тебя, нуждаются в тебе... Невольно начинаешь понимать, что ты... что ты...

Босворт улыбнулся каким-то своим мыслям.

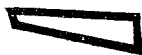
— Помнишь, как мы вместе лежали в госпитале?

— Помню, мы с тобой тогда вершили судьбы целых империй.

— И вот теперь все становится явью. Ты уцелел в Италии, Дэн, а это что-нибудь да значит. Человек должен понимать ниспосланные ему знамения.— Босворт подошел к Каллагану и тоже вперил взгляд в ясное ночное небо.— Понимать и следовать за своей звездой.— Пальцы Босворта крепко сжали руку окружного прокурора.— Это только начало, Дэн. Только начало!

Перевели с английского Ю. Смирнов и Ан. Горский

Окончание следует.

И. Х. Баграмян,

Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза

СЛОВО О МАРШАЛЕ ВАСИЛЕВСКОМ

Летом 1936 года была основана Академия Генерального штаба. Некоторую часть слушателей ее первого набора наметила специальная комиссия Народного комиссариата обороны без их заявления о желании учиться. В это число попали и мы с Александром Михайловичем Василевским.

Слушателям сообщили, что ехать в Москву можно с семьями. Наши с Тamarой Амаяковной сборы были недолгими. Мы так часто переезжали с места на место, что давно выработалась привычка к кочевой жизни. Через несколько дней вся наша семья была уже на перроне Киевского вокзала в Москве. Встретили нас хорошо, всех слушателей поселили в комфортабельном общежитии академии. Нам, привыкшимся с неудобствами «провинциальной» жизни, новые жилищные условия показались просто роскошными.

Познакомились мы с Александром Михайловичем на одном из первых совещаний в стенах новой академии после того, как переоделись в необычную и, пожалуй, несколько яркую форму. Слушатели и преподаватели нового учебного заведения носили не сапоги, как все военные в то время, а штиблеты. На кителях и шинелях — черные бархатные воротнички с белой окантовкой, такая же окантовка на красных околышах фуражек, брюки навывпуск, с широкими, малинового цвета лампасами. Кто-то из моих друзей подвел меня к ладно сбитому, выше среднего роста полковнику с волнистыми волосами и яркими пронизательными карими глазами и назвал его:

— Александр Михайлович Василевский. — Мы крепко пожали друг другу руки. А наш общий знакомый продолжил: — Он же — Александров, он же — Васильев, он же — Михайлов.

Я не сразу сообразил, что это псевдонимы, под которыми Александр Михайлович публиковал свои статьи в журнале «Военный вестник». В них речь шла об актуальных проблемах обучения и воспитания войск, и я читал их с большим интересом.

С момента знакомства и до конца жизни Александра Михайловича я никогда не терял его из вида. В академии мы учились, правда, в разных группах, но об успехах Василевского в учебе я был наслышан. Учился он отлично, чему не в малой мере способствовали его хорошая общеобразовательная и военная подготовка, упорство, феноменальная память, разносторонние способности.

Программа академии была построена так, чтобы дать за два года максимум знаний, необходимых высшему командному составу. Основными дисциплинами были тактика высших соединений и оперативное искусство; важное место отведено было изучению вопросов организации, мобилизации войск, военной экономики, истории военного искусства. Из общеобразовательных дисциплин — иностранные языки. Как видим, ничего лишнего.

Летом в поездках на Балтийский и Черноморский флоты нас знакомили с надводными и подводными кораблями, а также с одной из главных военно-морских баз флота: ее структурой, организацией управления и противовоздушной обороной.

К глубокому сожалению, в конце 1937 года не успевшая окрепнуть Академия Генерального штаба потеряла значительную часть своих кадров. Это, безусловно, не могло не лихорадить учебный процесс, невзирая на экстренно принятые меры. На должности преподавателей были присланы наиболее способные командиры из войск и Генерального штаба. Ими стали и некоторые слушатели первого набора, выпущенного досрочно, в том числе и Александр Михайлович. В конце августа 1937 года он возглавил кафедру тыла академии, которой до этого руководил крупный специалист этого дела И. И. Трутко. Назначение удивило А. М. Василевского, в этой сфере он ранее не работал.

Правда, А. М. Василевский пробыл в академии недолго. Его вскоре назначили в Генеральный штаб начальником отделения оперативной подготовки высшего комсостава. Вот что об этом пишет сам Александр Михайлович: «Так в октябре 1937 года началась моя работа в Генеральном штабе Красной Армии. Тогда я еще, конечно, не знал, что в стенах Генштаба мне будет суждено провести ряд лет, заполненных сложной работой, самой трудной в моей жизни».

В 1939 году Александр Михайлович по совместительству был назначен заместителем начальника оперативного управления Генштаба, а в мае 1940 года стал штатным заместителем начальника оперативного управления Генштаба. В межвоенные годы А. М. Василевский принял непосредственное участие в руководстве войсками во время боев на озере Хасан и на последнем этапе советско-финляндского конфликта.

Уже в начале 1941 года фашистское руководство Германии приступило к сосредоточению своих войск в приграничных с нашей страной районах. Информация об этом начала поступать в Генштаб. В связи с этим оперативное управление вынуждено было с большим напряжением заняться совершенствованием разработанного ранее плана сосредоточения и развертывания Красной Армии для отражения ударов с запада. В этом плане отмечалось, что боевые действия, вероятнее всего, начнутся с отражения ударов агрессора и выльются в противоборство ВВС. Враг будет стремиться вывести из строя наши аэродромы, нанести возможно более серьезное поражение сухопутным войскам, особенно бронетанковым, нарушить железнодорожные коммуникации. Предусматривался ряд контрмер по срыву намерений врага в начальный период войны. По указанию ЦК ВКП(б) началось с середины мая выдвижение ряда армий, около 30 дивизий из внутренних округов в приграничные. Однако полностью, как известно, осуществить все запланированное не удалось.

Как рассказывал впоследствии Александр Михайлович, с середины июня все работники оперативного управления без каких-либо приказов сверху безотлучно находились на своих служебных местах. В первом часу ночи 22 июня 1941 года под руководством А. М. Василевского в срочном порядке производилась передача в адрес приграничных округов директивы о том, что 22—23 июня возможно внезапное нападение немецких войск. Директива требовала привести все части в боевую готовность.

С началом войны, как говорил он мне в одной из бесед, работать приходилось с невероятным напряжением, буквально сутками не отрываясь от оперативных документов, анализируя складывавшуюся на фронтах

обстановку, разрабатывая предложения для начальника Генштаба, но Генеральный штаб не в силах был тогда решить всю массу проблем, которые встали перед ним.

30 июля 1941 года начальником Генштаба стал Б. М. Шапошников, а через два дня, 1 августа, А. М. Василевский был назначен заместителем начальника Генерального штаба — начальником Оперативного управления. Вместе с Борисом Михайловичем или одного его теперь вызывали в Ставку по несколько раз в сутки.

После прорыва немецко-фашистских войск под Вязьмой ГКО 5 октября принял специальное решение об организации обороны столицы. В район Гжатска и Можайска выехали члены Политбюро ЦК партии К. Е. Ворошилов и В. М. Молотов, вместе с ними в качестве представителя Ставки с группой офицеров Генштаба отправился и А. М. Василевский. Его задача состояла в том, чтобы помочь возможно более полно выяснить оперативную ситуацию и рекомендовать конкретные меры локализации ударов врага. Он поддерживал непрерывную связь с И. В. Сталиным и в одном из разговоров внес предложение объединить Западный и Резервный фронты. И. В. Сталин одобрил рекомендацию. Командующим объединенным Западным фронтом был назначен Г. К. Жуков.

Наши контакты с Александром Михайловичем начались с первых дней войны. В частности при докладах по телефону или аппарату Бодо. Я вспоминаю всегда дружелюбный, деловой тон этих переговоров. Сведения об обстановке были тогда крайне скудны, собирали мы их с большим трудом. Но чувствовалось, что Александр Михайлович рад был и этим данным. Его аналитический ум давал возможность полученные с разных фронтов и из разных источников отрывочные данные привести в стройную систему. Он ясно представлял и умел полно обрисовать общую картину. Особенно мне запомнились переговоры с А. М. Василевским, когда он по поручению Верховного звонил в штаб нашего юго-западного направления, чтобы передать распоряжение Ставки о переброске в Москву 2-го кавалерийского корпуса. Тогда Александр Михайлович взволнованно говорил:

— Верховный знает, что это будет большая жертва со стороны юго-западного направления, но он просил пойти на это.

Мы предупредили, что нет свободных железнодорожных составов, А. М. Василевский доложил об этом Верховному Главнокомандующему. Мы ждали ответа в надежде, что Ставка оставит корпус на месте. Однако вскоре А. М. Василевский снова вызвал начальника штаба юго-западного направления П. И. Бодина: «Прошу принять и доложить ответ товарища Сталина главкому: «Составы будут поданы. Дайте команду о погрузке корпуса. Корпус будет пополнен в Москве».

А. М. Василевский проконтролировал отправку вагонов, и подкрепления прибыли вовремя. Пополненный корпус генерала Белова, как известно, сыграл существенную роль в разгроме гитлеровцев под Москвой.

Вообще роль А. М. Василевского в Московской битве весьма значительна. Быстрая реакция заместителя начальника Генштаба на предложения командующего войсками Западного фронта Г. К. Жукова и аргументированная поддержка их при докладах И. В. Сталину сыграли существенную роль в повышении стойкости обороны столицы и в организации последовавшего победоносного наступления.

Обострение оперативной ситуации вызвало необходимость разделить аппарат Генерального штаба на два эшелона. Один, во главе с Б. М. Шапошниковым, по решению Ставки выехал за пределы Москвы, чтобы подготовиться к руководству войсками действующей армии в более спокойной обстановке. Меньшая часть (девять человек) осталась в Москве для оперативного обслуживания Ставки. Возглавил ее А. М. Василевский. Он стал непосредственным помощником Верховного Главнокомандующего в руководстве военными действиями при обороне Москвы. Как говорил мне

в свое время Г. К. Жуков, это обстоятельство сыграло немаловажную роль, ибо с Александром Михайловичем они понимали друг друга с полуслова, кроме того, он смелее вел себя при обсуждении оперативных вопросов с Верховным Главнокомандующим.

На всю жизнь мне запомнились переговоры с Александром Михайловичем в период планирования и подготовки Ростовской наступательной операции, которая проходила при моем участии.

После того, как я доложил идею ее проведения Главкому юго-западного направления Маршалу Советского Союза С. К. Тимошенко, заместитель начальника Генштаба удивительно быстро понял все выгоды, которые нам сулил удар на Ростов в тех условиях, А. М. Василевский сумел убедить Верховного Главнокомандующего в необходимости осуществить эту дерзкую операцию и помог нам, что называется, из-под земли добыть необходимые подкрепления для юго-западного направления.

Когда Ставка подготавливала план контрнаступления под Москвой, А. М. Василевский принимал в этом самое непосредственное участие. Войска вермахта, наступавшие на Москву, растянулись на широком фронте, а закрепиться не успели. Наши же резервные соединения удалось сосредоточить скрытно. Замысел контрнаступления сводился к тому, чтобы ударами правого и левого крыла Западного фронта во взаимодействии с войсками Калининского и Юго-Западного фронтов разгромить ударные группировки противника. Основная роль отводилась Западному фронту.

Ставка быстро рассмотрела и утвердила предложения командования и штаба нашего Юго-Западного фронта о контрнаступлении силами правого крыла. Соответствующие документы были изучены и одобрены за один день 30 ноября. В ночь на 1 декабря была издана директива Калининскому фронту, а днем (1 декабря) — Западному.

Все эти документы подписаны И. В. Сталиным и А. М. Василевским.

Замысел командования нашего Юго-Западного фронта вполне удовлетворял Ставку и исполняющего обязанности начальника Генерального штаба. А вот в замысел командования Калининского фронта пришлось внести существенные изменения. Вместо глубокого удара с целью содействия правому крылу Западного фронта командование фронта готовило всего лишь частную операцию по освобождению города Калинина. Александр Михайлович в ночь на 5 декабря побывал на КП фронта и от имени Ставки настоял на том, чтобы операцию проводили в полном объеме.

Александр Михайлович неотрывно следил за действиями фронтов. 15 декабря, например, главкому С. К. Тимошенко было указано, что правое крыло Юго-Западного фронта отстает от левого крыла Западного фронта. Действительно, группа войск генерала Костенко, начальником импровизированного штаба которой я был, вырвалась далеко вперед, а наша 3-я армия несколько отстала от 10-й армии Западного фронта.

Анализируя предпосылки успеха контрнаступления под Москвой, А. М. Василевский прежде всего говорил о своевременности накопления и целесообразности использования стратегических резервов. «Надо прямо сказать, — писал Александр Михайлович, — что, несмотря на тяжелую, порой критическую обстановку в дни героической обороны Москвы, Ставка Верховного Главнокомандования проявила большую выдержку и волю, сохранив выдвинутые в район Москвы стратегические резервы для перехода Красной Армии в решительное контрнаступление. Опыт Московской битвы в использовании резервов Ставки весьма поучителен».

Ясно, что в это внес свой вклад и сам А. М. Василевский.

Подобно тому, как переход от обороны к контрнаступлению советских войск в Московской битве совершился без паузы, так и это контрнаступление без какого-либо перерыва переросло в общее стратегическое

наступление на большей части советско-германского фронта. Генштаб при самом активном участии А. М. Василевского разработал в предельно сжатые сроки замыслы целого комплекса операций девяти фронтов: Демянской, Торопецко-Холмской, Ржевско-Вяземской, Барвенково-Лозовской и Керченско-Феодосийской.

В январе 1942 года мне довелось принять непосредственное участие в планировании и осуществлении одной из этих операций — Барвенково-Лозовской. Я был назначен к этому времени начальником штаба юго-западного направления, объединявшего три фронта. В операции участвовали шесть общевойсковых армий и три кавалерийских корпуса, сосредоточенных на смежных крыльях Юго-Западного и Южного фронтов на участке Балаклея, Славянск. Им противостояли 6-я, 17-я полевые и 1-я танковая армии вражеской группы армий «Юг». 18 января советские войска перешли в решительное наступление, спустя пять суток, 23 января, комбинированным ударом пехоты и конницы был освобожден город Барвенково, а еще через три дня, 26 января, — город Лозовая. Полным или частичным успехом завершились и все другие наступательные операции этого периода.

Во время Барвенково-Лозовской операции наши контакты с А. М. Василевским были весьма частыми. В частности, как-то А. М. Василевский предупредил нас по телефону о важном документе, который следует серьезно учитывать при планировании, подготовке и проведении предстоящей операции. И действительно, 10 января поступило директивное письмо Ставки, обобщавшее опыт битвы под Москвой и вскрывавшее серьезные недостатки в организации и проведении наступательных операций, применении основных родов войск. В письме содержались рекомендации, касающиеся создания ударных группировок для наступления на главных направлениях, массированного применения артиллерии и танков, организации взаимодействия между родами войск. Особое внимание Ставка уделяла вопросам применения артиллерии в наступлении. Такие понятия, как артподготовка, поддержка артиллерией атаки пехоты с танками и их боя в глубине, объединялись в одно, подчеркнуто действенное понятие — «артиллерийское наступление». Главную роль в составлении этого документа сыграл, несомненно, Верховный Главнокомандующий, но и вклад А. М. Василевского, бесспорно, был значительным.

Указания Ставки Верховного Главнокомандования о том, как строить наступательные операции и применять в них артиллерию и другие рода войск, были очень своевременными и наложили свой отпечаток на планирование и проведение всех последующих операций Красной Армии и, конечно, в известной степени на подготовку Барвенково-Лозовской операции.

Когда началось наше наступление, Александр Михайлович живо интересовался его ходом, радовался успехам, в частности, тому, что мы овладели городами Барвенково и Лозовая. Это небольшие города, и многие в центре отнеслись к нашему успеху без особого энтузиазма. Александр Михайлович сообщил мне, что был вынужден кое-кому объяснять разницу между географическим и оперативно-стратегическим значением того или иного населенного пункта. В частности, Лозовая была важнейшим железнодорожным узлом для базирования всей гитлеровской группы армий «Юг», а Барвенково — крупной тыловой армейской базой противника.

Одобрительно он отзывался о нашей инициативе — подчинить кавалерийским корпусам танковые бригады и стрелковые части. Он, помнится, сказал мне, что если в дальнейшем и будет целесообразно использовать кавалерию, то только в таком виде.

Весной 1942 года, когда решался вопрос о Харьковской наступательной операции, мы встретились с Александром Михайловичем в Москве.

После прибытия в столицу меня принял начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза Борис Михайлович Шапошников и после непродолжительной, но полезной беседы рекомендовал практические вопросы решить со своим заместителем генерал-лейтенантом Александром Михайловичем Василевским.

О маршале Шапошникове, стиле его работы, личном обаянии, необычайной работоспособности, громадной военной эрудиции, разносторонних познаниях написано очень много. Почти все наши военные мемуаристы с большим уважением к человеческим достоинствам и военной одаренности Бориса Михайловича рассказывают о своих встречах с ним. Я могу лишь присоединиться к их добрым словам. Но в силу преклонного возраста и болезни маршалу Шапошникову было очень трудно справляться с лавиной дел, которая ежедневно обрушивалась на него, главу Генштаба — мозга армии, сражавшейся в невиданно трудных условиях.

Очень хорошо, что он мог надежно опереться на своего талантливое заместителя Александра Михайловича Василевского, который к этому времени накопил уже большой опыт работы в Генштабе. Между ними было очень много общего: оба были скромны и доступны. С ними легко было обсуждать любые вопросы и проблемы, связанные с фронтовыми делами. И, нечего греха таить, львиная доля работы приходилась на Василевского.

Александр Михайлович был лишен всего того, что называют честолюбием или даже тщеславием.

На заключительном совещании в Ставке, после того, как был окончательно утвержден план Харьковской операции, на обсуждение был вынесен вопрос, кем на посту начальника Генерального штаба заменить маршала Б. М. Шапошникова, который из-за болезни, как уже говорилось, не мог исполнять все многогранные и очень ответственные обязанности по этой должности.

И. В. Сталин обратился к А. М. Василевскому:

— Политбюро и ГКО выдвигают вашу кандидатуру на должность начальника Генерального штаба.

Александр Михайлович, воспользовавшись наступившей паузой, стал горячо и с волнением просить Верховного Главнокомандующего воздержаться от такого шага, утверждая, что функции заместителя он хорошо освоил и отдаст все силы, чтобы всесторонне помогать маршалу Шапошникову или тому, кто его заменит.

Верховный Главнокомандующий хладнокровно выслушал доводы Александра Михайловича: И, с присущим ему лаконизмом, не вдаваясь в рассуждения, спросил:

— Кого же вы предлагаете выдвинуть на эту ответственную должность?

Прозвучало несколько кандидатур, но все они были по различным весьма основательным причинам отвергнуты.

Надо сказать, что круг обязанностей начальника Генерального штаба в военное время очень широк, и почти каждая из его функций связана с необходимостью не просто быть в курсе событий, но предусматривать их развитие, и, исходя из сложившейся обстановки, располагать разумными замыслами боевых действий на каждом из стратегических направлений. Вместе с тем, начальник Генштаба — организатор большого коллектива штабных работников центрального и периферийных звеньев, то есть он должен быть, если можно так выразиться, и мыслителем — военным теоретиком и практиком — организатором крупного масштаба. Эти качества, как известно, чрезвычайно редко сочетаются в одном человеке. Именно А. М. Василевский, по мнению Сталина и других членов ГКО, больше, чем кто-либо, подходил на эту должность.

На следующее утро, когда я зашел к Александру Михайловичу Василевскому, у него, к моему удивлению, было очень веселое настроение. Он встретил меня восклицанием:

— Ты знаешь, Иван Христович, какая радость у меня? Руководство приняло решение оставить маршала Шапошникова в должности начальника Генерального штаба, а мне предложено еще активнее помогать ему...

Это было в последние дни марта, а 26 июня 1942 года решением Политбюро ЦК партии и приказом Ставки А. М. Василевский был все-таки утвержден в должности начальника Генерального штаба. Несколько ранее, 26 апреля, ему было присвоено звание генерал-полковника.

Хорошо известно, что Александр Михайлович Василевский, возглавляя на протяжении почти всей Отечественной войны Генеральный штаб — этот мозг Вооруженных Сил, — показал себя выдающимся военным стратегом и отличным организатором крупнейших операций Советской Армии. Многотрудную работу начальника Генерального штаба он систематически сочетал с выездами в войска в качестве представителя Ставки ВГК. Он успешно координировал действия фронтов и видов Вооруженных Сил в Сталинградской и Курской битвах, при освобождении Донбасса.

Летом 1944 года Александр Михайлович осуществлял координацию и руководство действиями войск 3-го Белорусского, 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов в операциях по освобождению Белоруссии, Литвы, Латвии, затем успешно руководил наступлением советских войск в Восточной Пруссии, а на заключительном этапе войны — героическим штурмом фашистской крепости Кенигсберг.

Познакомившись со стилем и методами его работы непосредственно во фронтовых условиях, я убедился в его умении необыкновенно быстро ориентироваться в обстановке, глубоко анализировать решения, принятые фронтовым и армейскими командованием, умело поправлять недостатки, а также выслушивать и принимать аргументированные соображения подчиненных.

Александру Михайловичу были присущи большой такт, высокая культура и, вместе с тем, волевые качества, необходимые полководцу.

...Вернусь к событиям весны 1942 года.

За несколько часов мы договорились с Александром Михайловичем о сроках поступления к нам резервов: вооружения, боевой техники, боеприпасов, людей. Затем зашли к маршалу Шапошникову и доложили ему о проделанной работе. Борис Михайлович внимательно выслушал нас и одобрил наши предложения без существенных изменений.

В тревожные дни неудачи, постигшей войска юго-западного направления в Харьковской операции, генерал-полковник А. М. Василевский многое сделал, чтобы помочь нам. 18 мая он мне дважды звонил, с нескрываемой тревогой и волнением выяснял, каковы у нас возможности отразить неожиданный мощный удар 1-й танковой армии Клейста на барвенковском направлении. Из моего доклада А. М. Василевский убедился, что мы вблизи района прорыва не располагаем резервами, необходимыми, чтобы остановить продвижение ударной группировки противника. Позднее я узнал, что Александр Михайлович дважды вносил в Ставку предложение немедленно прекратить наступление на Харьков и привлечь все силы для ликвидации нарастающей опасности. К сожалению, его усилия, как и мои, оказались безрезультатными — переубедить Верховного Главнокомандующего не удалось, ибо он полагался на оптимистические заверения Главнокома юго-западного направления маршала С. К. Тимошенко.

Перелистываю страницы мемуаров А. М. Василевского, посвященные тем драматическим дням. Поражает самокритичность автора. И спустя десятилетия Александр Михайлович с душевным волнением говорит о том, что Генеральный штаб не сделал всего, что мог, чтобы улучшить

положение войск юго-западного направления. Генштаб мог настоять на организации отвлекающих ударов на других направлениях, мог бы, проявив больше инициативы, добиться оказания войскам юго-западного направления действенной помощи резервами...

В десятых числах июня 1942 года, после временно наступившего после Харьковской операции затишья в боевых действиях, нам стало известно из захваченных войсками 21-й армии документов противника о том, что гитлеровское командование намеревается в ближайшее время провести крупную наступательную операцию под кодовым названием «Блау» на стыке 21-й и 28-й армий нашего фронта, а также 13-й и 40-й армий соседнего Брянского фронта.

Учитывая важность захваченных документов, я срочно сообщил о них начальнику Генерального штаба.

А. М. Василевский проявил исключительную оперативность. Для срыва наступления противника он передал с санкции И. В. Сталина с Брянского фронта в наше распоряжение 4-й танковый корпус и потребовал, чтобы мы, используя его с севера, а с юга — свои танковые корпуса, были готовы разгромить фланговыми ударами волчанскую группировку противника в случае перехода ее в наступление. В целях усиления нашему фронту срочно по железной дороге перебрасывали на станцию Новый Оскол 21-ю и 159-ю танковые бригады из резервов Ставки. Командующий ВВС Красной Армии генерал А. А. Новиков и командующий авиацией дальнего действия генерал А. Е. Голованов получили приказ организовать массированный удар авиации фронта и дальних бомбардировщиков по району сосредоточения противника на стыке 21-й и 28-й армий. Для ознакомления с обстановкой на месте и оказания помощи командованию фронта А. М. Василевский выехал на Юго-Западный фронт. Он прибыл к нам, если мне память не изменяет, во второй половине дня 21 июня и быстро вник в сущность сложившейся на фронте обстановки, стремясь помочь нам локализовать назревавшую угрозу и сорвать намерение противника захватить Купянск и переправы через реку Оскол.

22 июня после часовой артиллерийской подготовки и мощных ударов авиации гитлеровцы начали наступление в общем направлении на Купянск. Войска 38-й и 9-й армий вновь были вынуждены вести упорные оборонительные бои с крупными силами врага. Главный удар противник наносил из района Чугуева. Одновременно для расчленения и разгрома 38-й и 9-й армий он предпринял два вспомогательных удара из района Балаклеи в направлении на Изюм. Используя подавляющее превосходство в силах, гитлеровские войска прорвали фронт обороны на трех этих направлениях и развили наступление на Купянск.

Мы обстоятельно обсудили все с Александром Михайловичем и посоветовали маршалу С. К. Тимошенко в течение 23—26 июня отвести 38-ю армию и войска правого крыла 9-й армии на восточный берег реки Оскол и здесь перейти к прочной обороне. Этот замысел удалось осуществить в напряженных боях. Попытки врага расчлениить и разгромить наши соединения, форсировать Оскол и захватить плацдарм были сорваны.

Василевского, как человека и военного деятеля, характеризует следующий эпизод.

В начале июля 1942 года оперативная ситуация сложилась так, что понадобилось на воронежском направлении сформировать самостоятельный фронт. Ставка решала, кого назначить командующим. Имелось, как обычно, несколько кандидатур, но И. В. Сталина они чем-то не удовлетворяли. Тогда генерал Н. Ф. Ватутин, первый заместитель начальника Генерального штаба, вызвался занять эту должность. Естественно, что И. В. Сталин осведомился о мнении на этот счет Александра Михайловича, а тот, как ни тяжело ему было расставаться с таким прекрасным работником, как Николай Федорович, поддержал его предложение. Вместо гене-

рала Ватутина по рекомендации А. М. Василевского назначили генерала Алексея Иннокентьевича Антонова. Однако Верховный Главнокомандующий посчитал нужным, чтобы новый заместитель начальника Генштаба выполнил несколько ответственных заданий в войсках на фронте. И А. М. Василевский взвалил на себя на несколько месяцев, что называется, двойную ношу, работая и за себя и за своего заместителя, вплоть до той поры, пока Алексей Иннокентьевич не получил возможность фактически исполнять обязанности первого заместителя начальника Генерального штаба.

Во второй половине мая 1943 года перед началом Курской битвы А. М. Василевский приехал в 11-ю гвардейскую армию, которой я в ту пору командовал. Я от души поздравил его с присвоением высокого звания Маршала Советского Союза. Мы вспомнили, в какой тревожной, более чем драматической обстановке мы встретились в прошлый раз и как поистине коренным образом изменилось дело сейчас, когда мы, имея необходимые резервы, сознательно выжидаем наступления противника, чтобы измотать его, а затем самим нанести мощный сокрушительный удар.

А. М. Василевский доверительно сообщил мне, что Ставка и Генштаб располагают самой разнообразной и не вызывающей сомнения информацией о подготовке гитлеровцев к генеральному наступлению против войск Центрального и Воронежского фронтов, обороняющихся на Курской дуге.

Александр Михайлович подчеркнул, что Верховный Главнокомандующий придает большое значение участию 11-й гвардейской армии в операции разгрома орловской группировки немецко-фашистских войск. Армия по своему боевому составу, сказал он, ударная, и Верховный обоснованно ждет от нее больших успехов.

После этой беседы Александр Михайлович с большим вниманием ознакомился с оперативно-тактической обстановкой в полосе действий 11-й армии, заслушал мой доклад о планировании и подготовке операции. Особенно его интересовало, как мы организуем прорыв обороны противника на всю ее тактическую глубину. В итоге, как мне показалось, у Александра Михайловича сложилось в целом положительное впечатление о проделанной нами работе.

А. М. Василевский и сам выехал к линии фронта, чтобы с наблюдательных пунктов ознакомиться с обороной противника, условиями предстоящего развертывания и атаки войск армии и наступления в глубину расположения немецко-фашистских войск. Приняв все необходимые меры безопасности, мы с Александром Михайловичем, членом Военного совета П. Н. Куликовым и начальником штаба армии И. Т. Гришиным отправились на «виллисах» на наблюдательный пункт, подготовленный южнее деревни Шемякино. Отсюда просматривался весь участок предстоящего прорыва. А. М. Василевский свободно ориентировался на местности. Он быстро и точно оценил наиболее важные, ключевые узлы в системе обороны противника и дал нам ценные указания по их преодолению.

Когда мы, усталые после этой рекогносцировки, вернулись в штаб армии, Александр Михайлович поделился впечатлениями, вынесенными с полей сражений под Сталинградом.

Известно, что А. М. Василевский не только внес совместно с Г. К. Жуковым свой вклад в разработку исторической операции «Уран», приведшей к окружению и разгрому 330-тысячной группировки противника, но и сделала значительно больше того, что входило в круг его обязанностей начальника Генерального штаба. Он находился под Сталинградом в качестве представителя Ставки почти с самого начала оборонительного сражения в большой излучине Дона и до окончательной ликвидации окруженных войск врага. И, конечно же, бывал там, где обстановка складывалась наиболее драматически.

В частности, Александр Михайлович рассказал об одном впечатляющем эпизоде завершающего этапа Сталинградской битвы.

12 декабря 1942 года эпицентр событий переместился в район Котельникова, где на рубежах степных речушек Аксая и Мышкова развернулось трудное противоборство ослабленных в предыдущих сражениях войск Сталинградского фронта с мощным танковым клином группировки Гота — Манштейна. Угроза деблокирования окруженных стала вполне реальной.

В ночь на 13 декабря Верховный Главнокомандующий приказал А. М. Василевскому возглавить руководство боевыми действиями наших войск на этом участке. Убедившись, что Сталинградский фронт не в состоянии своими силами отразить таранный натиск врага, Александр Михайлович пришел к выводу о необходимости изменить решение Верховного Главнокомандующего об использовании 2-й гвардейской армии. Она предназначалась для усиления Донского фронта. А. М. Василевский в переговорах по прямому проводу предложил Верховному Главнокомандующему немедленно перебросить ее на котельниковское направление, ставшее ключевым для завершения всей наступательной операции советских войск под Сталинградом. Это предложение вызвало раздражение И. В. Сталина, обвинившего Василевского в том, что он вымогает резервы Ставки на «свои» операционные направления.

Однако, уверенный в своей правоте, А. М. Василевский сумел привести неотразимые аргументы и добился того, что Ставка утвердила его решение. А пока шли переговоры, он, чтобы не упустить драгоценное время, принимал все возможные в тех условиях меры для организации быстрой переброски 2-й гвардейской армии на котельниковское направление. Как известно, 2-я гвардейская армия сыграла решающую роль в отражении наступления, а затем и в разгроме войск Манштейна, и это окончательно похоронило надежды Гитлера выволить из окружения 6-ю немецко-фашистскую армию. Ее уничтожение отозвалось погребальным звоном по всей гитлеровской Германии. Именно за умелое руководство войсками 16 февраля 1943 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Александру Михайловичу и было присвоено высшее воинское звание — Маршал Советского Союза.

После завершения Сталинградской эпопеи и последовавшего общего наступления советских войск весной 1943 года на большинстве фронтов наступило затишье, и во второй половине марта Александр Михайлович смог вернуться в Москву и заниматься своими прямыми обязанностями. Деятельность начальника Генерального штаба, как известно, касалась всех сторон вооруженной борьбы и поэтому была тесно связана с работой большинства служб Наркомата обороны. Кроме того, когда Ставка вызывала командующих фронтами, А. М. Василевский рассматривал их соображения по предстоящим операциям перед докладами И. В. Сталину. Советы начальника Генштаба играли важную роль при планировании боевых действий.

Очень существенным было умение А. М. Василевского, что называется, не погрязнуть в «текучке», тем более, что он внес ответственность за разработку планов на перспективу. Его прямой служебной задачей было и масштабное предвидение и конкретное прогнозирование.

Перед отъездом от нас в Москву Александр Михайлович еще раз подчеркнул, что по данным, которыми располагает Ставка, гитлеровскому командованию придется все-таки первым начать наступление против войск Центрального и Воронежского фронтов, перешедших к обороне на Курской дуге. К этому вынуждает общая политическая и военная обстановка, сложившаяся на основном театре военных действий у нас, а также и в Италии.

В Курской битве Александр Михайлович координировал действия войск Воронежского и Степного фронтов, в частности, помогал фронтовому и армейскому командованию в ходе знаменитого танкового сражения под Прохоровкой.

Первые месяцы 1944 года Александр Михайлович провел главным образом на 3-м и 4-м Украинских фронтах, готовя операции по освобождению Правобережной Украины и Крыма. Указанные фронты получили задачу ликвидировать Никопольский плацдарм врага, изгнать его с Черноморского побережья, выйти на южном участке фронта на государственную границу СССР. Выполнить эту задачу оказалось крайне нелегким делом, ибо Гитлер и его хозяева, германские монополисты, требовали от войск любыми средствами удержать территорию, изобилующую важнейшим стратегическим сырьем, в частности марганцем. Тем не менее, невзирая на довольно серьезные трения с Верховным Главнокомандующим по поводу предоставления резервов, когда А. М. Василевскому пришлось проявить присущую ему твердость характера, Криворожско-Никопольская операция и завершение освобождения всей Правобережной Украины были осуществлены блестяще.

За успешную координацию действий войск двух Украинских фронтов Александр Михайлович был награжден высшим полководческим орденом — орденом Победы. Его поздравил Верховный Главнокомандующий, сказав, что награда эта присуждена не только за освобождение Донбасса, Украины, но также и как аванс в счет предстоящего изгнания врага из Крыма.

В последовавшей летом 1944 года Белорусской операции я впервые с начала войны работал в длительном и самом непосредственном контакте с маршалом Василевским, которому Ставкой было поручено координировать и руководить действиями 1-го, 2-го Прибалтийских и 3-го Белорусского фронтов.

Одержав историческую победу в битве под Курском, Советская Армия развернула мощное стратегическое наступление от Балтийского моря до Черного. К маю 1944 года советские войска разгромили крупную группировку противника под Ленинградом и Новгородом, очистили от оккупантов почти всю Украину, форсировали Южный Буг и Днестр, прорвались к Карпатам и вышли на Государственную границу СССР с Чехословакией и Румынией. Враг потерпел сокрушительное поражение в Крыму. Красное знамя вновь развевалось над легендарным Севастополем.

На западном стратегическом направлении советские воины вступили на землю многострадальной Белоруссии. Однако основные ее территории оставались под игом оккупантов. В результате упорных боев конфигурация линии советско-германского фронта приняла здесь своеобразное начертание — образовался огромный, обращенный на восток выступ, который гитлеровцы называли «белорусским балконом». Здесь оборонялась сильная немецко-фашистская группа «Центр», в составе четырех армий. С севера и юга к «балкону» примыкали еще две армии; всего враг имел в Белоруссии около 65 дивизий, численностью 1 миллион 200 тысяч солдат и офицеров.

«Белорусский балкон» преграждал Советской Армии кратчайшие пути к Восточной Пруссии и Польше и, по оценке гитлеровского командования, оставлял немецко-фашистским войскам немало других оперативных преимуществ. Стремясь убедить своих солдат в том, будто они здесь защищают Германию, Гитлер потребовал от генералов превратить все крупные белорусские города в крепости и удерживать их любой ценой. Ожидая первоначального удара в главных операциях летней кампании 1944 года южнее «белорусского балкона» с территории Западной Украины, враг сохранял там 24 танковые и моторизованные дивизии из 30 действовавших на советско-германском фронте.

Александр Михайлович принял самое непосредственное участие в разработке и осуществлении ряда остроумно задуманных и искусно проведенных мер дезинформации, с помощью которых удалось ввести в заблуждение немецко-фашистское командование. Бывший помощник начальника

оперативного управления штаба группы армий «Центр» Гагенгольц в статье «Катастрофа группы армий «Центр» писал: «Ход зимних сражений привел к большой концентрации русских сил на территории Западной Украины. Здесь, в Восточной Галиции, восточнее Львова, где с большим напряжением удалось приостановить наступление русских, и должно было, по мнению Гитлера и его советников из ОКВ и ОКХ, развернуться главное наступление русских в летнюю кампанию 1944 г. ...Этой точки зрения германская ставка придерживалась и позднее, когда обстановка на советско-германском фронте существенным образом изменилась. Во всяком случае, немецкое руководство, пренебрегая всеми другими участками фронта, все наличные резервы стягивало в Галицию, особенно же большинство танковых дивизий, ибо продолжало считать, что главный удар будет нанесен русскими по группе армий «Северная Украина».

В разработку плана Белорусской операции Александр Михайлович внес большой вклад. Правда, он не смог участвовать в совещании в Ставке, состоявшемся в конце апреля, так как был занят организацией штурма Севастополя, но вскоре же прислал свои соображения, в которых имелись наброски всего комплекса фронтовых операций по освобождению Белоруссии. Эти наброски в основном совпадали с мнением других членов Ставки.

И при окончательной доработке замысла операции А. М. Василевский на совещании¹ у Верховного Главнокомандующего решительно высказался за сосредоточение максимума сил и средств в первом оперативном эшелоне всех наших наступающих фронтов с тем, чтобы мощными и стремительными ударами в кратчайший срок разгромить основные силы группы армий «Центр»; они составляли, по существу, первый оперативный эшелон ее обороны, и А. М. Василевский исходил из точно установленных советской разведкой данных о том, что у противника в глубине обороны нет сколько-нибудь крупных оперативных резервов. Его всесторонне обоснованное предложение одобрили все участники совещания.

По единогласно одобренному смелому и оригинальному замыслу операции предполагалось прорвать вражескую оборону на шести участках, охватить и уничтожить вначале фланговые группировки противника в районах Витебска и Бобруйска, а затем, стремительно продвинув войска всех фронтов на запад, окружить и разгромить основные силы групп армий «Центр» восточнее Минска, отсекая от нее при этом с северо-запада группу армий «Север». Затем предполагалось, подключив в наступление свежие резервы, выйти к границам Польши, Восточной Пруссии и в пределы Советской Прибалтики.

Подготавливая эту грандиозную стратегическую наступательную операцию, советское командование в предельно короткий срок провело крупнейшие перегруппировки сил и средств. Из тыла страны и с других участков советско-германского фронта на белорусское направление двигались общевойсковые, танковые, артиллерийские, авиационные, инженерные соединения, подвозили боеприпасы, боевую технику, горючее и другие материальные средства.

В своих воспоминаниях, посвященных Маршалу Советского Союза Г. К. Жукову, я уже рассказывал о совещании в Ставке в конце мая. Как только там выяснилось, что Александр Михайлович станет «попечителем» нашего и 3-го Белорусского фронтов, он сказал мне, чтобы я без стеснения в любое время суток обращался к нему за советом и помощью.

Помнится, я с группой офицеров и генералов работал в 43-й армии генерала А. П. Белобородова, когда поступило сообщение о прибытии начальника Генерального штаба. Это было утром 8 июня 1944 года. Мы поспешили на аэродром, чтобы встретить представителя Ставки.

Прибыв на командный пункт, Василевский сразу же предложил собрать весь руководящий состав фронта для доклада о ходе подготовки на-

¹ В этом совещании участвовали Г. К. Жуков, К. К. Рокоссовский, И. Д. Черняховский и я, возглавлявший тогда войска 1-го Прибалтийского фронта.

ступления. Первым докладывал я. Признаться, меня весьма беспокоила мысль, что представитель Ставки, как это иногда случалось, внесет в принятое нами решение существенные коррективы. Это вынудило бы нас перерабатывать весь план операции и пересматривать основные оперативные расчеты. Мы, надо сказать, наметили необычно широкий участок прорыва. Однако представитель Ставки, убедившись, что такое решение продиктовано особыми условиями лесисто-болотистой местности, в целом одобрил замысел операции. С большим вниманием он выслушал доклады начальника штаба, начальников родов войск, внес ряд уточнений и поправок.

Александр Михайлович досконально изучил подготовленные штабом основные боевые документы, дотошно расспрашивал о подготовке взаимодействия всех родов войск при прорыве тактической зоны обороны противника, а также при форсировании Западной Двины. Он обратил наше внимание на то, что основная часть артиллерии может отстать при подходе стрелковых и танковых частей к Западной Двине, поэтому надо особенно тщательно подготовить бомбардировочную и штурмовую авиацию. Авиаторы должны обеспечить форсирование реки и помочь удержать захваченные плацдармы.

За обеденным столом Александр Михайлович поделился с нами воспоминаниями. Долг службы привел его в третий раз в эти места. Здесь он сражался в гражданскую войну, здесь работал в тридцатые годы. В частности, когда по болотистым чащобам вдоль рек Лань, Морочь и Случь под напором превосходящих сил белопольских войск, с ожесточенными боями отходили части 48-й стрелковой дивизии, он в этих краях потерял своего боевого друга комбрига 143-й Оскара Калнина, павшего смертью героя в схватке с бандой Булак-Балаховича. Здесь, по словам маршала, коммунисты, его сослуживцы, учили его мужеству, необходимости постоянного общения с народом, умению отстаивать честь Советской Отчизны. Александр Михайлович проникновенно сказал: «Многих из тех, кто был моим наставником в те тяжелые, но незабываемые дни, уже нет в живых. Но их урок — не бояться правды, хотя бы самой суровой, глядеть ей смело в глаза, навсегда остался для меня священным».

Поделился Александр Михайлович и своими впечатлениями о блестяще завершенной Крымской операции. Он подчеркнул, в частности, что командование осажденной в Крыму с суши 17-й немецко-фашистской армии уже осенью 1943 года ожидало наступления советских войск. И усиленно готовилось к нему. Лучшие немецкие инженеры-фортификаторы строили мощные оборонительные укрепления. Однако наступления советских войск тогда не было. Наше Верховное Главнокомандование, чтобы рационально использовать резервы, решило усилить войска 3-го Украинского фронта с тем, чтобы во взаимодействии со 2-м Украинским фронтом он мог разгромить весь южный фланг противника, освободить Правобережную Украину и создать условия для наступления на балканском стратегическом направлении. Только после этого войска 4-го Украинского фронта должны были нанести сокрушающий удар по 17-й армии, блокированной в Крыму. А. М. Василевский координировал действия этих фронтов и принимал самое активное участие в разработке и осуществлении операции по освобождению Крыма.

Наступление войск 4-го Украинского фронта, рассказывал Александр Михайлович, начавшееся 8 апреля 1944 года, удалось так организовать, что враг не сумел осуществить свой замысел упорной обороны на скрупулезно оборудованных ишуньских позициях. Наш внезапный удар с сивашского плацдарма, грозивший врагу окружением, вынудил его уже 10 апреля начать отход в глубь Крыма; создались благоприятные условия и для наступления Отдельной Приморской армии вдоль южного берега. К середине апреля враг удерживал за собой лишь севастопольский плац-

дарм. Закрепившись здесь, гитлеровцы надеялись выиграть время для организованной эвакуации. Но и этот расчет был сорван. В короткий срок подготовившись к новой операции, войска 4-го Украинского фронта начали 7 мая штурм Севастополя.

— В самый разгар боев за Севастополь, — сказал маршал, — нелепая случайность чуть не окончилась трагически для меня. Утром 9 мая я выехал на НП командующего 2-й гвардейской армии, штурмовавшей город. По дороге наша машина подорвалась на mine. Причиной происшествия послужила чрезмерная бережливость водителя. Проезжая мостик над бывшей немецкой траншеей, он, чтобы случайно не поцарапать кузов новой машины, не направил ее по проложенной другими машинами колее, а стал выводить правое колесо из колеи на бугорок. Здесь-то и притаилась не замеченная саперами противотанковая мина... Силой взрыва передние колеса и мотор отбросило метров на десять. К счастью, мы оба с шофером остались живы, хотя были ранены. Взрыв меня контузил, все лицо и даже веки были усеяны мелкими осколками стекла, на время я потерял слух и с трудом мог самостоятельно передвигаться. Врач категорически потребовал немедленно отправить меня в тыл. Но не мог же я уехать, даже не взглянув на Севастополь! И мы осмотрели его с небольшой высоты. Город пылал пожарами. С моря и бухты тянулся дым от горящих судов. В воздухе над ним в схватке кружились десятки наших и вражеских самолетов. Шел последний штурм, близилось окончательное освобождение города русской боевой славы, увенчавшее Крымскую операцию...

Весть о прибытии представителя Ставки мгновенно облетела штабы армий. Командармы и начальники штабов с волнением ожидали: как-то он оценит их работу? А. М. Василевский побывал в армиях Белобородова и Чистякова. Ивану Михайловичу Чистякову он сказал:

— Вашу армию, товарищ Чистяков, я знаю. Вам было трудно под Сталинградом и Белгородом, но не думайте, что тут будет легче прорвать оборону, которую противник долго готовил. Сделайте все, чтобы была сохранена внезапность главного удара.

Большую часть времени начальник Генштаба провел в 43-й армии, где он особенно внимательно присматривался к только что назначенному молодому командарму генерал-лейтенанту Афанасию Павлантьевичу Белобородову. Судя по всему, у маршала сложилось о нем самое благоприятное впечатление. Понравилось ему и командиры стрелковых корпусов этой армии: 1-го стрелкового — генерал-лейтенант Васильев, 60-го — генерал-майор А. С. Люхтиков и 92-го — генерал-майор Н. Б. Ибянский. Начальник Генштаба подробно расспрашивал Белобородова, как он думает использовать танки, артиллерию и инженерные войска при прорыве и в ходе преследования. Похвалил и командарма и командующего артиллерией армии генерал-майора Е. В. Щеглова за весьма высокую концентрацию артиллерии на участке прорыва: на отдельных участках на километр приходилось до 290 орудий и минометов.

Александр Михайлович интересовался организацией фронтового быта войск, встречался с солдатами и офицерами, спрашивал, регулярно ли получают горячую пищу, письма, газеты, книги.

В заключение А. М. Василевский поблагодарил командарма за хорошую работу и пожелал ему успехов. В тот же день он в донесении на имя И. В. Сталина сообщил:

«Хорошее впечатление производит командарм 43-й Белобородов. Отлично работают присланные с юга на фронт командиры корпусов Васильев и Ручкин. Дал указание сохранить за Васильевым, переведенным из гвардейского в негвардейский корпус, гвардейский оклад... Подготовка войск обоих фронтов идет вполне нормально, и, если погода позволит, к выполнению задания приступим строго в намеченный вами срок. По-

прежнему несколько нервнует работа железных дорог, хотя все необходимое для начала операции будем иметь на месте».

В этом донесении как в капле воды отразилось все многообразие функций Александра Михайловича как представителя Ставки и в то же время его прекрасные человеческие качества — близость к людям, забота о них, умение быстро и безошибочно оценивать их деловые способности.

Мы завершали приготовления к наступлению, когда из Москвы позвонил А. М. Василевский и спросил меня, как я смотрю на то, чтобы войскам 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов начать наступление на один-два дня раньше войск К. К. Рокоссовского. Меня и И. Д. Черняховского (командующего войсками 3-го Белорусского фронта) этот вариант вполне устраивал, так как мы надеялись, что в самые трудные первые дни прорыва авиация дальнего действия сможет нам выделить значительно больше сил. Так оно и вышло.

День 21 июня 1944 года был на исходе. На следующее утро, в третью годовщину начала войны, мы наметили провести разведку боем, выделив для участия в ней по одному усиленному стрелковому батальону от каждой дивизии первого эшелона. Доложив А. М. Василевскому о готовности к разведке боем, я попросил его разрешить начать ее с 5 часов утра.

К 5 часам видимость была уже сносной.

Ровно в 5 раздалась залпы нашей артиллерии. На 16-й минуте канонада достигла апогея. Командармы генерал И. М. Чистяков и А. П. Белобородов доложили: батальоны пошли в атаку...

Напряжение на КП достигло предела, когда через час в телефонной трубке послышался радостный голос командующего 6-й гвардейской армии генерала И. М. Чистякова:

— Товарищ командующий! Бойцы Ручкина¹ ворвались на первую позицию и громят фашистов в трех опорных пунктах. Взяты пленные.

События первого и второго дней наступления развивались успешно.

В 12 часов дня 24 июня командарм 6-й гвардейской Иван Михайлович Чистяков радостно доложил:

— Орлы генерала Ермакова² черпают воду из Западной Двины!

Далее он сообщил, что началось форсирование реки с ходу.

Разобравшись с положением в 6-й гвардейской армии, я переключил свое внимание на левофланговую 43-ю армию, которая наступала в обход Витебска. Связаться с А. П. Белобородовым мне, однако, не удалось — он выехал в войска. Я приказал начальнику штаба армии передать командующему, что жду его немедленного доклада о ходе форсирования Западной Двины.

В это время, словно чувствуя пульс сражения, позвонил Александр Михайлович. Выслушав мою информацию, он предупредил:

— Учтите, Иван Христофорович, сейчас важнее всего успеть переправить через Западную Двину правофланговые соединения Белобородова. Именно это позволит замкнуть кольцо окружения вокруг витебской группировки. Соединения генерала И. И. Людникова³ обошли Витебск с юго-востока и устремились на Гнездиловичи. Мы имеем сведения, что фашистское командование уже второй раз обратилось к Гитлеру с просьбой разрешить отход из витебского «мешка», пока советские войска не завязали его. Но не Гитлер, а мы должны решить судьбу этой группировки. В любом случае нужно не выпустить фашистов. Это зависит от быстрых действий генерала Белобородова. Окажите ему помощь и добейтесь, чтобы его войска не позже исхода завтрашнего дня не только были на том берегу, но и соединились с войсками генерала Людникова.

¹ Генерал А. И. Ручкин, командир 22-го гвардейского стрелкового корпуса.

² Командир 23-го гвардейского стрелкового корпуса.

³ Командующий 39-й армией 3-го Белорусского фронта.

После этого разговора мне удалось, наконец, связаться с командующим 43-й армией. Он доложил, что передовые части двух стрелковых корпусов начали форсирование реки с ходу северо-восточнее Бешенковичей, а воины корпуса генерала Н. Б. Ибянского ворвались на северо-западную окраину Витебска.

Передав А. П. Белобородову содержание разговора с А. М. Василевским, я предупредил, что завтра в первой половине дня нужно во что бы то ни стало соединиться с войсками 39-й армии и замкнуть кольцо окружения вокруг витебской группировки. И командарм 43-й добился этого на следующий день. Витебская группировка врага (пять дивизий и множество отдельных частей и подразделений 3-й немецкой танковой армии) оказалась в «котле». По нашим подсчетам, более 50 тысяч фашистских солдат и офицеров попало в это пекло.

Было ясно, что витебская группировка гитлеровцев обречена. Поэтому я приказал генералу Белобородову оставить под Витебском лишь часть войск армии, а главными силами развить успех на Лепель. Тут же я сообщил об этом своем решении А. М. Василевскому. Он его одобрил, сказав, что и сам собирался мне посоветовать поступить именно так. Одновременно Александр Михайлович потребовал упорно развивать наступление на запад, чтобы не дать противнику использовать для организации обороны на линии Полоцк — Лепель подходившие из глубины резервы.

Судя по результатам первых трех дней наступления, войска нашего фронта ударили противника в самое уязвимое место. Кроме того, удар оказался внезапным. Значит, не пропали наши старания даром. Это подтвердил впоследствии гитлеровский генерал К. Типпельскирх. Вспоминая о событиях в Белоруссии летом 1944 года, он заявил: «Особенно неприятным было наступление северо-западнее Витебска, так как оно в отличие от ударов на остальном фронте явилось полной неожиданностью, поразив особенно слабо защищенный участок фронта на решающем в оперативном отношении направлении».

Ставка придавала важное значение результатам боев на Западной Двине. Верховный Главнокомандующий дважды лично звонил мне и спрашивался о ходе форсирования реки. Когда я доложил, что на другом берегу Западной Двины ведут бой уже 7 стрелковых дивизий и часть сил нашего 1-го танкового корпуса, Сталин с присущей ему лаконичностью сказал: «Хорошо, так и действуйте дальше. Спасибо». Я понял, что И. В. Сталин доволен результатами наступления.

На следующий день Москва салютовала освободителям Витебска, в том числе и войскам нашего фронта. Это был второй с начала наступления победный салют в честь войск 1-го Прибалтийского фронта. Тепло и сердечно в этот знаменательный для нас день поздравил меня и моих боевых друзей А. М. Василевский. Я воспользовался этим обстоятельством и попросил его поддержать представление к наградам особо отличившихся воинов. В ответ на это в телефонной трубке послышался проникнутый теплотой голос Александра Михайловича:

— Дорогой Иван Христофорович, войска вашего фронта настолько блестяще справились с прорывом вражеской обороны и форсированием Западной Двины, что Верховный, несомненно, положительно отнесется к представлениям Военного совета фронта. Со своей стороны я охотно поддержу ваши просьбы. Думаю, неплохо будет, если одновременно с этим возбудить ходатайство перед Сталиным о присвоении очередных воинских званий руководящим кадрам фронта.

Я выразил представителю Ставки глубокую признательность Военного совета за столь высокую оценку боевых заслуг войск фронта.

В конце Белорусской операции А. М. Василевский был удостоен звания Героя Советского Союза.

Говоря о наших контактах с А. М. Василевским как представителем Ставки на Прибалтийских фронтах, стоит несколько подробнее остано-

виться на эпизоде, связанном с подготовкой плана дальнейших действий войск 1-го Прибалтийского фронта. Этот эпизод как нельзя лучше характеризует гибкость оперативно-стратегического мышления Александра Михайловича.

Расскажу по порядку.

Вечером 3 июля 1944 года, в радостный день, когда войска 1-го и 3-го Белорусского фронтов, освободив столицу Белоруссии, завершили окружение 4-й фашистской армии, а войска правого крыла нашего фронта нанесли решительное поражение полоцкой группировке врага, на командном пункте 1-го Прибалтийского фронта собрались все мои ближайшие боевые товарищи. Нужно было обсудить план дальнейших действий наших войск, так как задачи, поставленные директивой Ставки от 31 мая, были полностью выполнены. Мы пришли к выводу, что нам целесообразно частью сил содействовать войскам И. Д. Черняховского, которые вели наступление на Вильнюс, а главные силы нацелить для удара по южному крылу группы армий «Север» и выйти затем в район Риги. Успешное продвижение позволит нам на завершающем этапе операции сперва лишить группу армий «Север» сухопутных связей с Восточной Пруссией, а затем во взаимодействии со 2-м и 3-м Прибалтийскими фронтами приступить к разгрому ее главных сил, оборонявшихся к востоку и северовостоку от Риги. Кроме того, непосредственная угроза левому крылу и тылу войск группы армий «Север» неизбежно должна вынудить ее командование снять часть войск, действовавших перед остальными Прибалтийскими фронтами. Навалившись дружно на главные силы этой фашистской группировки, можно было рассчитывать на относительно быстрый ее разгром. Исходя из этих соображений, мы пришли к единодушному мнению: после подхода выделенных нам резервов главные силы фронта нацелить для удара с юго-востока в направлении на Ригу, а часть сил — на запад, на Шяуляй, чтобы во взаимодействии с 3-м Белорусским фронтом развить успех наступления.

Словом, наш фронт, как мы понимали, в дальнейшем должен был играть важную роль и в завершении операции «Багратион» и в осуществлении новой стратегической операции с целью разгрома группы армий «Север» и освобождения Прибалтики. Необходимо было прежде всего получить одобрение этого замысла со стороны представителя Ставки. Однако связаться с Маршалом Советского Союза А. М. Василевским было просто: он был в войсках 3-го Белорусского фронта.

Легче оказалось переговорить с генералом А. И. Антоновым. Его я и попросил доложить наш замысел И. В. Сталину. Но Алексей Иннокентьевич ответил, что решение о направлении дальнейшего наступления нашего фронта принято и директива уже направлена к нам. Я спросил, согласован ли этот документ с маршалом А. М. Василевским, и получил, к своему огорчению, утвердительный ответ. На следующий день директива Ставки от 4.07.44 г. поступила. Войскам нашего фронта предписывалось: развивать наступление, нанося главный удар в общем направлении на Свенцяны, Каунас, а в дальнейшем, обеспечивая себя с севера, наступать на Каунас и частью сил — на Паневежис, Шяуляй.

Этой же директивой нам передавали 51-ю армию генерал-лейтенанта Я. Г. Крейзера и 2-ю гвардейскую армию генерал-лейтенанта П. Г. Чанчибадзе, но оба эти объединения были еще далеко в тылу.

Замысел Ставки, выходит, состоял в том, чтобы в возможно более короткий срок вывести войска нашего и 3-го Белорусского фронтов к границам Восточной Пруссии с целью воспрепятствовать отходу туда группе армий «Север». Это значило, что Ставка исходила из предположения, что Гитлер будет выводить войска из Советской Прибалтики в Восточную Пруссию.

Меня больше всего удручало, что Александр Михайлович тоже согласился с такой оценкой замыслов немецко-фашистской стороны. Выходило,

что мнение Военного совета нашего фронта и мнение Ставки, в том числе А. М. Василевского, на этот раз не совпадают.

Военный совет фронта считал, что враг не покинет Прибалтику без сопротивления. Однако приказ есть приказ. И мы стали настойчиво готовиться к его выполнению.

В разгар этой подготовки к нам и прибыл Александр Михайлович и сразу включился в работу. Я высказал ему свое огорчение по поводу расхождения нашего замысла с директивой Ставки. Внимательно выслушав меня, маршал сказал, что надо всегда рассчитывать на умного противника. А умный враг после разгрома группы армий «Центр» и продвижения советских войск к Восточной Пруссии не может не видеть, в каком отчаянном положении оказывается его группа армий «Север», ведь ей грозит неминуемая изоляция от остальных сил вермахта. В обстановке же, когда фронт стремительно катится к самой Германии, подвергать изоляции и угрозе уничтожения огромные силы, находящиеся в Прибалтике, весьма нумно. Значит, следует ожидать, что Гитлер будет вынужден отвести группу армий «Север» в Восточную Пруссию, чтобы использовать ее в сражениях за собственно Германию. Если главные силы 1-го Прибалтийского фронта будут наступать на рижском направлении, говорил далее маршал, то их задержат отходящие войска противника и они не смогут преградить путь противнику в Восточную Пруссию. Наступление же главных сил фронта на каунасском и шяуляйском направлении позволит не только содействовать успешному продвижению войск 3-го Белорусского фронта, но и упредить войска группы армий «Север» в выходе к северо-восточным границам Восточной Пруссии.

Логика рассуждения А. М. Василевского была, как всегда, безупречной. Мне же интуиция подсказывала, что гитлеровцы вряд ли оставят Прибалтику, они скорее будут держаться здесь до последней возможности. Думалось так потому, что за весь предшествующий период войны фюрер фактически не позволил своим войскам оставить добровольно ни одного клочка захваченной территории, невзирая ни на какие тактические или оперативные выгоды. Таких твердолобых упрямцев история войн, пожалуй, еще не знала. Вместе с тем Прибалтика пока еще не потеряла значения для фашистского рейха, ибо Финляндия оставалась в орбите войны, а возможность для немецкого флота находиться в Финском заливе облегчала доставку шведской руды в Германию.

Эти соображения, когда я высказал их маршалу, новостью, конечно, для него не были. Он сказал, что в случае, если и на этот раз Гитлер поступит нелогично, оставив свои войска в Прибалтике, можно будет внести необходимые коррективы в наши планы. В этом, как мне представляется, ярко выразилась гибкость оперативно-стратегического мышления А. М. Василевского.

Александр Михайлович подробно рассказал о задачах соседних фронтов с тем, чтобы мы предусмотрели взаимодействие с ними. Внимательно ознакомившись с ходом подготовки войск фронта к новой операции и дав необходимые указания, он вылетел на 2-й Прибалтийский фронт.

Усиленно подготавливая новые удары по врагу, мы частью сил продолжали наступать, но по ряду причин и не в последнюю очередь ввиду явного недостатка сил наше наступление развивалось медленно. Вскоре командарм 6-й гвардейской генерал И. М. Чистяков даже доложил мне, что у него создалось впечатление, что враг тоже решил наступать; с каждым днем противник активизировал контратаки, и наша разведка начала выявлять свежие пехотные дивизии в составе противостоящей нам группировки. Пленные показывали, что они еще совсем недавно находились перед фронтом нашего северного соседа.

Для меня стало ясно, что враг пытается организовать удар во фланг главным силам нашего фронта, для этого он и начал наращивать силы в

районе Даугавпилса, откуда удобно прорваться на соединение с войсками группы армий «Центр».

Несколько позже пленные показали, что вторжение войск 1-го Прибалтийского фронта в Прибалтику на южном крыле группы армий «Север» вынудило Гитлера сменить командующего группой армий «Север» и назначить вместо генерала Линдемана генерала Фриснера. Новый командующий стремился сделать все, чтобы оправдать доверие фюрера, то есть закрыть брешь, созданную наступлением 1-го Прибалтийского фронта на стыке групп армий «Север» и «Центр». Но это было нелегко.

После войны из воспоминаний гитлеровских генералов стало известно, что еще предшественник Фриснера просил Гитлера разрешить войскам группы армий «Север» отойти на Западную Двину в ее нижнем течении, то есть оставить большую часть Прибалтики. Однако Гитлер отвод войск запретил, а Линдемана, как мы видим, сместил. Он запрещал и думать об отводе войск из Прибалтики и настойчиво требовал закрыть брешь, пробитую 1-м Прибалтийским фронтом. Поэтому-то Фриснер, вопреки собственной оценке обстановки, вынужден был продолжать перебрасывать к району разрыва все новые и новые соединения, ослабляя тем самым свою оборону перед 2-м и 3-м Прибалтийскими фронтами.

В те дни, таким образом, сложилась крайне редкая ситуация: наш Генеральный штаб и командование фронта совершенно по-разному оценивали замыслы фашистского руководства, и обе оценки были по сути одинаково обоснованными: Генштаб предугадал намерения командования группы армий «Север», а мы — волевое решение Гитлера. Но все это стало ясно, конечно, значительно позже, тогда же об истинных намерениях врага мы все могли лишь догадываться.

Маршал Василевский отчетливо понимал, что обе возможности вероятны. Однако пока нельзя было с полной уверенностью сказать, которая из них реализуется, следовало, по его мнению, занять активно выжидательную позицию до момента, пока по ходу событий не будут поставлены все точки над «i». И он не упустил этого момента.

Как только стало ясно, что враг не уйдет из Прибалтики добровольно, начальник Генштаба стал добиваться в Ставке передачи нам ряда соединений, в том числе и 5-й гвардейской танковой армии с 3-го Белорусского фронта, который к этому времени уже покончил с вильнюсской группировкой врага. Вместе с тем при моей горячей поддержке он предпринял смелую попытку убедить И. В. Сталина в необходимости главными силами нашего фронта наступать не на Каунас, а на Шяуляй, а частью сил — на северо-запад, в общем направлении на Ригу. Но, видимо, кому-то в Москве решение передать нашему фронту 5-ю гвардейскую танковую армию показалось несвоевременным. Во всяком случае, Верховный на это не согласился и разрешил передать нам лишь 3-й гвардейский механизированный корпус.

11 июля в соответствии с указаниями А. М. Василевского мы уточнили войскам фронта их задачи, нацелив их основную массу на северо-запад с целью парализовать явно обозначившийся удар и лишь часть сил направив строго на юго-запад — на Каунас. Представитель Ставки взял на себя ответственность за перенос направления главного удара нашего фронта с юго-запада (как это предписывала директива Ставки от 4 июля) на северо-запад. Насколько верным было это решение, показали дальнейшие события.

Кстати, А. И. Антонов еще несколько дней под влиянием докладов наших соседей был уверен, что немецко-фашистские войска «сами» оставят Прибалтику. И, как выяснилось впоследствии, вопрос о выводе группы «Север» из Прибалтики противник действительно продолжал обсуждать. Теперь известно, что 18 июля генерал Фриснер снова, в который уже раз, обратился в ставку Гитлера с мольбой о разрешении отступить

в Восточную Пруссию. И снова фюрер, приказав выделить Фриснеру подкрепления, потребовал во что бы то ни стало удержать Прибалтику.

Сам Александр Михайлович писал об этом периоде нашей совместной боевой деятельности:

«В ходе Белорусской наступательной операции 1944 года после выхода войск 1-го Прибалтийского фронта, которым командовал генерал армии И. Х. Баграмян, на подступы к Двинску и Свенцянам и занятия ими выгодного охватывающего положения по отношению к немецкой группе армий «Север», перед командованием фронта и передо мной, как представителем Ставки, возник вопрос о дальнейшем направлении главного удара. В результате тщательного анализа не только оперативной, но и стратегической обстановки мы вынесли на рассмотрение Ставки предложение направить основные усилия фронта на рижское направление с тем, чтобы во взаимодействии с войсками 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов разгромить южное крыло группы армий «Север». Одновременно частью сил наступать на шяуляйском направлении с целью обеспечения боевых действий войск 3-го Белорусского фронта. Однако, несмотря на более чем достаточное обоснование нашего предложения, Ставка не согласилась с ним и потребовала нанести главный удар в общем направлении на Свенцяны, Каунас. Последующие события, как известно, подтвердили целесообразность нашего предложения, и в конце июля Ставка была вынуждена одобрить перенос главного удара на рижское направление».

Хочу еще раз подчеркнуть, что представитель Ставки в нужный момент решительно принял на себя ответственность за изменения направления главного удара нашего фронта, самого сильного среди трех Прибалтийских, сыграл существенную, если не решающую роль в обеспечении нашей победы в Прибалтике.

Не менее гармонично протекала наша совместная с Александром Михайловичем боевая работа и в ходе Рижской операции и последовавшей за ней Мемельской.

В Рижской операции войска нашего фронта участвовали с 14 по 23 сентября. Нас отделяли от столицы Латвии всего 16 километров, но враг не прекращал попыток повернуть наши войска вспять. К вечеру 22 сентября выяснилось, что крупные силы вражеской пехоты при поддержке танков нанесли контрудар по войскам 43-й армии. Противник, скопив силы, явно стремился ударом во фланг отрезать наши дивизии, прорвавшиеся на ближние подступы к Риге.

Но гитлеровцы не могли, естественно, быть сильными везде. Всемерно укрепляя группировку войск южнее Риги, враг заметно ослабил мемельское направление. Здесь мы насчитали не более 8 дивизий. Примерно к 20 сентября ударная группировка 3-й танковой армии гитлеровцев в бесплодных атаках против левого фланга наших 51-й и 6-й гвардейской армий потеряла большое количество людей и техники и отказалась от активных действий.

Все эти сведения Александр Михайлович доложил Ставке и при этом высказал свое мнение о необходимости существенно изменить направление главного удара нашего фронта. Благодаря разумным представлениям А. М. Василевского Ставка удивительно точно уловила самый благоприятный момент для внезапного маневра главными силами нашего фронта с целью наступления на новом, к этому времени наиболее выгодном для нас стратегическом направлении. Речь шла о переносе главного удара с рижского направления на мемельское с тем, чтобы отсечь группу армий «Север» от Восточной Пруссии. Мы в Военном совете фронта сразу же оценили всю важность и целесообразность этого действительно мудрого решения.

Так мы получили приказ о планировании и осуществлении Мемельской операции, которой суждено было стать решающей во всей Прибалтийской стратегической наступательной операции. В результате группа

армий «Север» была окончательно и навсегда отсечена от Восточной Пруссии, а врага мы принудили в «пожарном» порядке эвакуировать свои войска из Риги и прилегающего к столице Латвии района. Нам предстояло быстро и скрытно перегруппировать все свои силы с рижского направления на мемельское, создать в районе Шяуляя группировку для нанесения мощного удара по фашистским войскам, оборонявшимся на этом направлении, и, разгромив их, прорваться к побережью Балтийского моря и отсечь всю группу армий «Север» от Восточной Пруссии.

25 сентября мы уже всесторонне обдумывали замысел новой наступательной операции. Необходимость наступать из района Шяуляя по двум расходящимся направлениям вынудила принять решение о двух ударах: главным — западнее Шяуляя с целью выхода основной группировки войск фронта в район Клайпеды (Мемеля) и вспомогательном — юго-западнее Шяуляя, чтобы возможно быстрее отбросить врага за Неман в его нижнем течении.

Нет необходимости раскрывать здесь ход боевых действий в Мемельской операции, я довольно подробно писал о ней в своих ранее вышедших книгах. Скажу только, что 9 октября вечером я смог доложить Верховному Главнокомандующему, что за 4 дня войска 1-го Прибалтийского продвинулись от 60 до 90 километров в глубину на фронте в 200 километров. Освободив более двух тысяч населенных пунктов, передовые соединения прорвались на ближние подступы к Мемелю (Клайпедой). Наголову были разгромлены 2 пехотные, одна танковая дивизия, танковая бригада, 5 охранных полков. Значительные потери понесли моторизованная дивизия СС «Великая Германия» и 5-я танковая дивизия. Уничтожено и захвачено было 252 танка и штурмовых орудия. Доложил я и о дальнейших задачах армий. И. В. Сталин слушал терпеливо, лишь изредка задавая уточняющие вопросы. Заканчивая разговор, он пожелал дальнейших успехов войскам фронта и мне лично. А на следующий день был получен приказ Верховного Главнокомандующего с объявлением благодарности войскам 1-го Прибалтийского фронта за достигнутые успехи. Это уже была десятая по счету благодарность Верховного 1-му Прибалтийскому.

А еще через два дня мы вместе с А. М. Василевским докладывали о выполнении всех поставленных перед фронтом задач. В ходе Мемельской операции войска 1-го Прибалтийского фронта при содействии 39-й армии 3-го Белорусского фронта полностью разгромили оборону противника. Развивая успех в глубину, подвижные силы фронта к 10 октября прорвались на побережье Балтийского моря севернее и южнее Мемеля (Клайпеды) и блокировали город-порт с суши; другая группировка войск нашего фронта вышла на границу с Восточной Пруссией у Таураге. В итоге этой операции погибло свыше 24 тысяч солдат и офицеров врага, были уничтожены или захвачены исправными 420 танков и около тысячи орудий и минометов.

Таким образом, 1-й Прибалтийский фронт в Мемельской операции полностью выполнил поставленную Ставкой задачу: группа армий «Север» снова была отрезана от Восточной Пруссии, на этот раз навсегда. План немецко-фашистского командования — отвести войска этой группы в Восточную Пруссию — был сорван, и они были вынуждены начать поспешный отход из Риги на Курляндский полуостров.

С уверенностью можно сказать, что успех во многом был обеспечен исключительным умением А. М. Василевского быстро оценивать обстановку и рекомендовать Ставке смелые, оригинальные решения, ставившие в тупик даже таких изощренных гитлеровских военачальников, каким, несомненно, был фельдмаршал Шернер.

А ведь надо иметь в виду, что работать в это время Александру Михайловичу было, как говорится, адски трудно. В автомобильной аварии он получил сотрясение мозга и перелом двух ребер.

Вот как он об этом рассказывает:

«Во время боев за Прибалтику со мной приключилось не совсем приятное происшествие. Как-то под вечер я ехал с КП от Еременко к Баграмяну. Навстречу нам с огромной скоростью мчался «виллис». За рулем сидел офицер. Мы не успели ни отвернуть, ни остановиться, как он врезался в нашу машину. Я и находившиеся со мной офицеры вылетели из машины. Я с трудом встал, сильно болели голова и бок. Смотрю, подходит ко мне бледный как полотно старший лейтенант и протягивает свой пистолет.

— Товарищ маршал, — срывающимся голосом проговорил он, — расстреляйте меня, я этого заслуживаю.

Он был или пьян, или казался таким от потрясения. Я приказал ему убрать оружие, отправиться в часть и доложить там о случившемся. Десять дней провалялся я у себя в управлении группы. Мне пришлось заступиться за виновника аварии, так как его намеревались отдать под суд военного трибунала. Этот старший лейтенант, к сожалению, не помню его фамилию, был командиром фронтовой роты разведчиков и в ту же ночь блестяще выполнил ответственное задание. А через некоторое время, как мне говорили, был удостоен звания Героя Советского Союза».

Гуманизм А. М. Василевского в этом эпизоде, по-моему, проявился особенно ярко.

В заключительный период Прибалтийской операции Александр Михайлович расположил свой командный пункт близ моего, и мы с ним общались теперь не только склонившись над оперативными картами, но и в краткие часы отдыха за обедом или ужином.

Когда время позволяло, особенно в дни его болезни, Александр Михайлович любил после трапезы, раскурив трубку, побеседовать на темы, далекие от войны. Он расспрашивал меня о моей юности, о жизни народов Кавказа, где ему удалось побывать лишь во время летних отпусков. В свою очередь, Александр Михайлович с присущим ему юмором и подкупающей откровенностью рассказывал о себе. Так он рассказал мне о своем отце, священнике маленького деревенского прихода. Он был человеком честным и пользовался уважением односельчан. Так, когда ремонтировали церковь, иконописцы стали советоваться с Михаилом Александровичем, как бы пострашнее изобразить сатану. На это священник сказал, что наиболее подходящая модель — местный урядник, лицо которого воплотило чисто сатанинскую злобность. Рекомендацию учли. И сельчане, не скрывая сарказма, признавали в дьяволе своего мучителя — урядника... А услышав как-то от этого самого урядника, что в семье учителей, живших по соседству, будет учинен обыск, Михаил Александрович велел сыну пойти к соседям и забрать у них запрещенную литературу.

Учился Александр Михайлович в духовной семинарии, так как дать иное образование было не по карману многодетным родителям. В дальнейшем Александр хотел посвятить себя отнюдь не духовной карьере, а стать учителем или агрономом.

Исполненный патриотических чувств, летом 1914 года Василевский добровольцем вступил в армию. Его сначала направили в Алексеевское военное училище в Москву, а после окончания ускоренного курса — на фронт. Началась боевая страда с ее тяжелым и опасным ратным трудом. Александр все чаще задумывался над смыслом происходящего и начал понимать неприглядную сущность империалистической бойни. Но, человек дисциплинированный, он стремился стать хорошим командиром. Ему доверили полуроту, затем он командовал ротой. Подразделение А. М. Василевского стало лучшим в полку по подготовке, воинской дисциплине, боеспособности. К подчиненным командир был требователен, но справедлив, жил с солдатами одной жизнью, повседневно заботился об их нелегком фронтовом быте, вызывая саркастические насмешки многих офицеров-дворян. Солдаты

же относились к своему командиру уважительно. Он продвигался по служебной лестнице — его произвели в штабс-капитаны ¹.

Когда до фронта докатилась весть о Февральской революции, революционно настроенные солдаты выбрали А. М. Василевского в Совет солдатских депутатов. Великая Октябрьская социалистическая революция застала Василевского на румынском участке фронта. Подавляющее большинство солдат и унтер-офицеров с восторгом встретило Великий Октябрь. На их стороне был и Александр Михайлович. Это вызывало лютую ненависть офицеров-монархистов.

Вскоре после Октября А. М. Василевский выехал в отпуск. И, находясь в отпуске, получил от полкового солдатского комитета уведомление об избрании его командиром полка и о необходимости вернуться и вступить в должность. Но поскольку попасть на Южный фронт, где находился его полк, Александру Михайловичу не удалось, он предоставил себя в распоряжение местного военного комитета. Революционная волна захватила молодого командира, и он с энтузиазмом пошел служить Советской власти как военный специалист.

На склоне лет, подводя итоги жизни, Александр Михайлович определит эти годы как решающие в выборе жизненного пути. Он скажет об этом. «И вот наконец осуществилась моя мечта, которую я вынашивал чуть ли не с первых дней Великой Октябрьской социалистической революции. В мае 1919 года я был зачислен в Красную Армию, стал ее командиром. Отныне мой дальнейший жизненный путь был для меня прям и ясен».

Вступив в Красную Армию, он активно участвовал в гражданской войне, командуя батальоном, а затем некоторое время и стрелковым полком на Западном фронте. Далее в течение десяти лет Александр Михайлович поочередно командовал всеми полками 48-й стрелковой дивизии, которая входила в состав столичного военного округа. В 1926 году прошел годичное обучение на стрелково-тактических курсах усовершенствования командного состава «Выстрел». В 30-е годы А. М. Василевский, обладавший уже большим опытом боевой подготовки войск, был назначен в Управление боевой подготовки Красной Армии, а затем возглавил отдел боевой подготовки в Приволжском военном округе. Здесь большое влияние на него оказал тогдашний начальник штаба округа Н. Е. Варфоломеев — прекрасный методист и видный военный теоретик.

После бесед о прошлом мы, конечно же, возвращались к делам повседневным.

Вскоре наши боевые судьбы соприкоснулись еще теснее. На заключительном этапе войны во время боев в цитадели прусского милитаризма — Восточной Пруссии нам вновь довелось действовать, что называется, рука об руку. После гибели генерала армии Ивана Даниловича Черняховского Александр Михайлович был назначен командующим войсками 3-го Белорусского фронта, действовавшего в Восточной Пруссии. Это случилось в конце февраля, а несколько ранее управление 1-го Прибалтийского фронта и часть войск были переброшены с территории Советской Прибалтики в Восточную Пруссию. Мы успешно взаимодействовали с войсками И. Д. Черняховского. Встретились мы с Александром Михайловичем дружески, и он подробно рассказал мне, с чем связано его назначение на пост командующего.

18 февраля, прибыв в Москву, А. М. Василевский информировал Верховного Главнокомандующего о положении дела в Восточной Пруссии. Тут же Верховный порекомендовал ему вернуться туда, чтобы оказать помощь войскам и командованию, подчеркнув, что быстрее ликвидация врага в Восточной Пруссии позволит одну часть войск 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов направить на усиление берлинского направления, а другую — для подготовки их к переброске на Дальний Восток.

¹ Соответствует примерно званию старшего лейтенанта.

И. В. Сталин посоветовал Александру Михайловичу заранее наметить для этой цели две-три лучшие армии и предупредил его, что через 2—3 месяца после капитуляции Германии и он будет направлен на Дальний Восток — для руководства боевыми действиями против Японии. Забегая вперед, можно сказать, что действительно две из трех общевойсковых армий, переброшенных в мае — июне 1945 года с запада на восток (5-я и 39-я), были взяты из состава войск, действовавших в Восточной Пруссии.

В конце беседы Александр Михайлович попросил И. В. Сталина освободить его от должности начальника Генерального штаба, мотивируя это тем, что большую часть времени будет находиться на фронте, выполняя задания Ставки, а в Москву возвращаться лишь эпизодически. А. М. Василевский предложил утвердить в этой должности фактически исполнявшего ее генерала армии Алексея Иннокентьевича Антонова. Должность заместителя наркома обороны маршал Василевский попросил оставить за ним.

Услышав это, Сталин с удивлением спросил:

— А разве вас не обидит такое решение?

Услышав утвердительный ответ Александра Михайловича, он обратился к находившемуся там же А. И. Антонову и поинтересовался, как он относится ко всему этому. Алексей Иннокентьевич сказал, что не разделяет мнения А. М. Василевского. Сталин обещал подумать, а пока подписал директиву Ставки, согласно которой Александр Михайлович как ее представитель обязан был взять на себя с 22 февраля руководство боевыми действиями 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов. В заключение Сталин разрешил Александру Михайловичу два дня побыть с семьей, сходить в театр, а 19-го вечером, накануне отъезда, просил вновь зайти к нему.

Разговор этот состоялся ночью. А днем 18 февраля пришло известие, что в районе Мельзака смертельно ранен И. Д. Черняховский.

Александр Михайлович узнал об этом, находясь с женой Екатериной Васильевной в Большом театре. Во время спектакля к нему тихо подошел адъютант и сказал, что маршала просит к телефону Верховный Главнокомандующий. Он-то и сообщил ему эту горестную весть и сказал, что Ставка намерена поставить его во главе 3-го Белорусского фронта.

Печаль свою по поводу утраты Ивана Даниловича Александр Михайлович не скрывал. Он близко и хорошо знал Черняховского, ценил его как одаренного военачальника, кристально честного коммуниста.

Их знакомство состоялось, как рассказывал маршал, в январе 1943 года перед Воронежско-Касторненской операцией. И. Д. Черняховский командовал тогда 60-й армией. Свою первую операцию армейского масштаба он проводил в крайне неблагоприятных условиях погоды, но сумел быстро взять армию в руки, блестяще выполнить поставленную задачу, освободил в первый же день Воронеж. Столь же ярким примером оперативного мастерства молодого командира явилось взятие Курска его армией. Гарнизон города был разгромлен в течение одних суток.

Вечером 19 февраля перед отъездом на фронт Александр Михайлович еще раз побывал у Верховного Главнокомандующего. И. В. Сталин дал ему ряд советов и указаний, касающихся предстоящей работы. Прощаясь, пожелал ему и войскам успехов и победы. В приемной А. Н. Поскребышев вручил ему два пакета.

В одном из них лежал приказ Ставки от 18 февраля. В нем говорилось о назначении А. М. Василевского командующим войсками 3-го Белорусского фронта. Во втором пакете он обнаружил документ, содержание которого было неожиданным: постановление ГКО о том, что во исполнение постановления ГКО от 10 июля 1941 года А. М. Василевский введен в Ставку Верховного Главнокомандования Вооруженных Сил.

Недоумевая, маршал спросил Поскребышева, чем вызвано это постановление. Ведь на протяжении почти всей войны А. М. Василевский, начальник Генерального штаба и заместитель наркома обороны, членом Ставки официально не состоял. Поскребышев, улыбнувшись, ответил, что знает об этом ровно столько же, сколько и Александр Михайлович.

У читателя может возникнуть вопрос, почему И. В. Сталин решил назначить А. М. Василевского командующим войсками фронта. Мне думается, Верховный Главнокомандующий решил выяснить, как Александр Михайлович выполняет функции командующего, отличающиеся от функций представителя Ставки. Ведь вопрос о назначении А. М. Василевского на должность Главкома на Дальнем Востоке был предreshен.

Вернемся, однако, к делам в Восточной Пруссии. Работа наша с маршалом А. М. Василевским шла поистине гармонично, именно здесь я в полной мере осознал такую замечательную черту полководческого таланта А. М. Василевского, как доверие к подчиненным, всяческое поощрение их инициативы. Александр Михайлович возложил на меня и штаб Земландской группы, возглавляемый генерал-полковником В. В. Курасовым, планирование Кенигсбергской операции, сам же целиком отдался проблемам уничтожения весьма сильной хейльсбергской группировки. Он привлек меня затем, в роли своего заместителя к активному руководству штурмом Кенигсберга и ликвидацией земландской группировки противника.

Известен полный успех и Хейльсбергской и Кенигсбергской операций.

Сразу же по прибытии А. М. Василевский, включившись в работу, занялся вопросами боевого обеспечения войск, укомплектования дивизий и частей, изучением данных разведки. А. М. Василевский побывал в армиях, убедился, что командиры частей и соединений знают свои боевые задачи. Наносились два одновременных удара с востока и юго-востока в общем направлении на Хейлигенбейль. Задача — расчленив и уничтожить вражескую группировку по частям.

Штурм Хейльсбергского укрепленного района прошел успешно. В ожесточенных боях было уничтожено около 80 тысяч и взято в плен 50 тысяч немецких солдат и офицеров, захвачено более 600 танков и штурмовых орудий, 3560 полевых орудий, 128 самолетов.

После этого пришла очередь разгромить осиное гнездо германского милитаризма — Кенигсберг.

Гитлеровцы соорудили вокруг Кенигсберга три оборонительные позиции с долговременными сооружениями и противотанковыми препятствиями. Первая состояла из нескольких полос сплошных заграждений и минных полей, на ней находилось 15 мощных фортов и в каждом многочисленный гарнизон. По городским окраинам проходила вторая позиция, включавшая каменные здания, баррикады и железобетонные огневые точки. Третью позицию, опоясывающую центральную часть города, составляли многочисленные бастионы, рavelины, башни. Старинную цитадель в самом центре города-крепости обороняли несколько тысяч оголтелых фашистов. Гарнизон Кенигсберга, комендантом которого был генерал Отто Ляш, насчитывал около 130 тысяч человек, до 4000 орудий и минометов, 108 танков и штурмовых орудий, 170 самолетов.

План штурма этой неприступной, как считали гитлеровцы, крепости был разработан в деталях и состоял в том, чтобы мощными ударами с севера и юга по сходящимся направлениям расчленив силы гарнизона и штурмом овладеть городом-крепостью.

План разгрома кенигсбергской группировки противника учитывал, что противник будет ожесточенно защищать свой последний опорный пункт в Восточной Пруссии. Для сковывания земландской группировки противника был предусмотрен вспомогательный удар в сторону Пыллау.

Перед штурмом крепости маршал Василевский вместе со мной побывал в войсках. Он с восхищением говорил о филигранной отработке взаимо-

действия всех родов войск. 3 апреля он приехал на командный пункт 11-й гвардейской армии, которой надлежало овладеть южной частью города. Ознакомившись с обстановкой, выслушав доклад и уточнив задачу армии на местности, А. М. Василевский утвердил решение командарма, внося в него некоторые изменения и уточнения. В сопровождении командарма Александр Михайлович отправился по ходам сообщения на передний край, в траншею 1-й Московско-Минской дивизии. Проверил подготовку частей к штурму, беседовал с солдатами о предстоящих боях.

На следующий день А. М. Василевский прибыл на командный пункт 50-й армии. Командарм доложил о намерении внезапным ночным ударом захватить малый форт и таким образом пробить брешь в сплошной обороне противника. Это облегчило бы штурм города. Командующий фронтом утвердил представленный план.

Затем А. М. Василевский прибыл в район к северо-востоку от Кенигсберга и расположился на командном пункте Земландской группы войск. Внимательно ознакомился с деталями предстоящего штурма. Выразил удовлетворение проделанной работой.

6 апреля 1945 года начался стремительный и мощный штурм осино-го гнезда фашистских агрессоров. Советская артиллерия обрушила на Кенигсберг тысячи тонн снарядов и мин. Штурмовые группы, усиленные танками и самоходными установками, ринулись в атаку. Мощные удары нанесла авиация. Фашистские войска оборонялись с фанатическим упорством. Однако ничто не могло противостоять натиску огня, стали и непреклонной воле советских войск.

9 апреля над Кенигсбергом взвился алый стяг победы. Штурм занял всего трое суток.

Гитлер не мог примириться с потерей города, объявленного им лучшей немецкой крепостью за всю историю Германии и «абсолютно неприступным бастионом немецкого духа», и в бессильной ярости приговорил генерала Ляша к смертной казни.

В городе и пригородах советские войска захватили около 92 тысяч пленных, в том числе 4 генералов и более 1800 офицеров, 3,7 тысячи орудий и минометов, 128 самолетов, 90 танков, множество другого ценного имущества и снаряжения.

В ночь на 10 апреля 1945 года столица нашей Родины Москва салютовала доблести, отваге и мастерству героев штурма прусской твердыни 24 артиллерийскими залпами из 324 орудий. Вскоре была учреждена медаль «За взятие Кенигсберга».

Анализируя деятельность А. М. Василевского на посту командующего войсками 3-го Белорусского фронта, можно с полной уверенностью говорить, что здесь четко и ярко проявился его прекрасный полководческий стиль. За считанные дни он полностью изучил ситуацию, выявил те звенья в оперативной цепи, ухватившись за которые можно было вытянуть ее полностью, то есть ликвидировать Восточно-Прусский плацдарм. Он с твердостью, присущей только очень волевым военачальникам, наметил последовательность действий. Сначала разгром хейльсбергской группировки, затем штурм Кенигсберга и, наконец, сокрушение войск врага на Земландском полуострове. Поручив мне все, что связано было с планированием штурма Кенигсберга, он, казалось, весь ушел в организацию Хейльсбергской операции и руководил ею с необычайной конкретностью и скрупулезностью. Как только развязка в Хейльсберге стала зримой, Александр Михайлович переключился на Кенигсберг. Меня приятно поразило, что он буквально с полуслова понимал все, что говорилось о предстоящем штурме. В частности, он отметил, что если бы планировал эту операцию сам, то сделал бы именно так, как мы предлагали.

Помню, когда я стал говорить ему, что мы намечаем главный удар с северо-запада и юго-запада, он прервал меня репликой: «Совершенно правильно, ибо так мы бьем по крепости с ее глубоких флангов и тыла. Это

означает, что большая часть укреплений в ее восточной части не будет использована Ляшем, так как гарнизон подвергнется удару по наиболее уязвимому месту, по его тылу».

Стало ясно, что маршал, находясь в районе Хейльсберга, досконально изучил все особенности кенигсбергских укреплений.

В Восточной Пруссии А. М. Василевский с честью выдержал труднейший полководческий экзамен и проявил во всю мощь как свой талант военного стратега крупного масштаба, так и прекрасные организаторские качества. Все командармы фронта — а это были многоопытные генералы, — такие, как Н. И. Крылов, И. И. Людников, К. Н. Галицкий, А. П. Белобородов, в один голос заявили, что уровень руководства нового комфронта был выше всяких похвал.

Победа советских войск в Восточной Пруссии, между Вислой и Одером, создала благоприятные условия для нанесения последнего удара по врагу в его логове — Берлине. Поглощенные руководством войсками в Восточной Пруссии, мы с Александром Михайловичем тем не менее пристально следили за тем, как развивалась битва за Берлин.

25 апреля наши части, руководимые маршалами Г. К. Жуковым и И. С. Коневым, соединились западнее Берлина, плотно закупорив в последнем котле 400-тысячную группировку врага. Ожесточенные бои развернулись на улицах города. Проявляя мужество, героизм и воинскую предприимчивость, советские воины шаг за шагом продвигались к центру немецкой столицы. В ночь на 1 мая 1945 года на куполе рейхстага было водружено Знамя Победы. Л. И. Брежнев указывает: «И когда над рейхстагом взвился алый стяг, водруженный руками советских воинов, — это было не только знамя нашей военной победы. Это было бессмертное знамя Октября; это было великое знамя Ленина; это было непобедимое знамя социализма — светлый символ надежды, символ свободы и счастья всех народов».

Никогда не изгладится из моей памяти последний наш разговор с Александром Михайловичем в период войны, когда он уже был назначен главнокомандующим советских войск на Дальнем Востоке. Это было, если мне память не изменяет, 26 апреля 1945 года. Я был целиком поглощен делами, связанными со штурмом крепости Пиллау, последней твердыни фашистов в Восточной Пруссии, когда меня вызвал А. М. Василевский.

Александр Михайлович сказал:

— Иван Христофорович, меня товарищ Сталин срочно вызывает в Москву. Тебе приказано вступить в командование войсками фронта. Основная задача — в кратчайший срок завершить разгром остатков земландской группировки противника. Поразмысли о том, как добиться этого с наименьшими для нас потерями. Это — главное... Сейчас надо сберечь как можно больше наших солдат и офицеров. Этим и руководишься...

Тепло попрощавшись с нами, А. М. Василевский улетел, а мы с начальником штаба фронта 3-го Белорусского фронта генерал-полковником А. П. Покровским всеми силами постарались выполнить этот гуманный приказ маршала.

Успешное проведение классической операции штурма крепости Кенигсберг и решительный разгром земландской группировки врага под умелым командованием маршала А. М. Василевского лишний раз показали И. В. Сталину, насколько он был прав, назначив А. М. Василевского главнокомандующим советскими вооруженными силами на Дальнем Востоке.

Приняв участие в параде Победы во главе сводного полка 3-го Белорусского фронта, А. М. Василевский убыл в Читу. Стоит ли говорить, что весь свой огромный опыт и полководческий талант Александр Михайлович вложил в план предстоящих действий.

Как выяснилось в дальнейшем, японский генштаб не смог предугадать направления главных ударов советских войск.

Замысел и план Дальневосточной кампании, над которым, как писал Александр Михайлович, предварительно поработали генералы А. И. Антонов, С. М. Штеменко и Н. А. Ломов, в целом его удовлетворял, ибо разрабатывался в полном соответствии с основными принципами советского военного искусства, учитывал особенности японской военной доктрины, выявившейся в ходе войны, а также большое своеобразие театра военных действий. Стоит напомнить, что предстоящие операции должны были развернуться на территории площадью около 1,5 миллиона квадратных километров и на глубину от 200 до 800 километров, при этом и на акватории Японского и Охотского морей.

Предполагалось расцечь и уничтожить по частям основные силы Квантунской армии тремя концентрическими ударами, сходящимися в центре Маньчжурии. Основная роль отводилась войскам Забайкальского фронта, наступавшим из Монголии. Два других также весьма и весьма мощных удара нанесли 1-й Дальневосточный фронт из Приморья и 2-й Дальневосточный фронт из района юго-западнее Хабаровска. Предусматривалось тесное взаимодействие с военно-морскими силами.

Прибыв в Читу 5 июля, А. М. Василевский сразу вплотную занялся проблемами, которые не могли быть до конца решены в Москве. В частности, он добился четкости в перевозках войск и материальных средств. В мае — июле на железных дорогах Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока находилось до миллиона советских военнослужащих. Перегружали и перевозили артиллерийские орудия, танки, автомашины, горючее, продовольствие и т. д. Из-за недостатка топлива эти перевозки вот-вот могли выйти из графика. Александр Михайлович добился разрешения использовать уголь из неприкосновенных государственных резервов.

Принял главком меры к ускорению темпов накопления боеприпасов. Сыграла свою роль его компетентность и тогда, когда обнаружилась нехватка емкостей для воды, что в условиях передвижения войск в пустыне было чревато серьезными последствиями.

На пост начальника штаба И. В. Сталин рекомендовал генерала М. В. Захарова, но Матвей Васильевич предпочел остаться на Забайкальском фронте с Р. Я. Малиновским, с которым работал уже давно. По представлению А. М. Василевского начальником штаба главкома был назначен С. П. Иванов. Руководящие должности в штабе заняли генералы и офицеры, прибывшие вместе с главкомом, а также штабные работники-дальневосточники. Потребовали внимания Александра Михайловича также комплектование службы связи, медицинские учреждения, организация ремонта бронетанковой техники и множество других дел.

Быстро решив принципиальные организационные проблемы, А. М. Василевский выехал в войска. Прежде всего побывал на основных операционных направлениях Забайкальского фронта. Совместно с Р. Я. Малиновским и командармами провел детальную рекогносцировку. Познакомился с командными кадрами. В процессе работы в армиях и дивизиях, естественно, возникали свежие мысли, в частности, например, выяснилось, что 6-я танковая армия может преодолеть Большой Хинган не на десятый день, как планировалось, а по крайней мере на пятый. Оказалось возможным сократить сроки выхода общевойсковых армий на Маньчжурскую равнину.

В 39-ю армию А. М. Василевский приехал незадолго до наступления. Внимательно выслушал доклад командующего И. И. Людникова, а начальнику разведки армии полковнику Волошину сказал:

— Для меня Дальний Восток — край новый. Познакомьте меня со всеми данными, какими располагаете, я буду слушать вас как внимательный ученик.

И опытный дальневосточник обстоятельно доложил все сведения о противнике, об особенностях местности по маршруту движения армии¹.

¹ См. В. Яровиков. Грани военного таланта. Москва, 1979, стр. 90.

Прощаясь, А. М. Василевский сказал:

— После большой войны на Западе наш народ, все народы мира жаждут покоя. Надо в предельно короткий срок разгромить последнего агрессора.

Главком основательно поработал затем и с командующими 1-м и 2-м Дальневосточными фронтами К. А. Мерецковым и М. А. Пуркаевым. Были проведены учения, совершенно необходимые той части личного состава, которая, находясь на Дальнем Востоке, не смогла получить боевого опыта. А участники сражений против вермахта одновременно изучали нового противника и особенности театра военных действий. Александра Михайловича заботило и морально-политическое обеспечение предстоящих сражений, он всюду беседовал с воинами, выясняя их настроения и нужды.

После возвращения И. В. Сталина с Потсдамской конференции А. М. Василевский подробно доложил ему о ходе подготовки к боевым действиям. Обсудили срок начала войны: Александр Михайлович настаивал на том, чтобы не откладывать его далее 9—10 августа, чтобы использовать благоприятную для действий авиации погоду.

Можно понять, в каком напряжении находился главком в эти дни: тяжелый груз ответственности за успех всей кампании лежал на нем.

Директива Ставки о начале военных действий поступила 7 августа. Советское правительство заявило правительству Японии, что с 9 августа Советской Союз считает себя в состоянии войны с Японией.

Американская газета «Нью-Йорк геральд трибюн» 10 августа 1945 года следующим образом оценила вступление Советского Союза в войну с Японией: «Советский Союз вступил в войну с Японией как друг человечества, поставив перед собой основную цель — погасить последнее пламя войны, пылающее сейчас в мире. Редко когда-либо военные усилия были начаты во имя более благородных побуждений».

Сразу как только в войска поступил приказ о начале операции, там прошли митинги, на которых разъяснялось, что Красная Армия идет на помощь китайскому народу, другим народам Дальнего Востока. Воины клялись с честью выполнить приказ Отчизны.

9 августа в 00 часов 10 минут по местному времени войска перешли в наступление. Преодолевая упорное сопротивление врага, наши части на всех направлениях успешно продвигались вперед. Спустя шесть суток войска Забайкальского фронта, преодолев Гоби и Хинган, прошли от 250 до 400 километров и оказались в центральных районах Маньчжурии. К этому же сроку воины 1-го Дальневосточного фронта, взломав мощную оборону Квантунской армии, продвинулись в глубь Маньчжурии на 120—150 километров и завязали бои за город Муданьцзян. Больших успехов добились и войска 2-го Дальневосточного фронта. К исходу 14 августа Квантунская армия оказалась расчлененной и поставленной на грань катастрофы.

Главные удары фронтов были предусмотрены на тех направлениях, на которых противник вообще не ожидал широких наступательных действий. Для японцев было полной неожиданностью появление танковой армии Забайкальского фронта на восточных скатах Большого Хингана в районе Туцюань, Лубэй, так же как и выход 1-го Дальневосточного фронта в район Муданьцзяна через считавшиеся непроходимыми горы, топи и тайгу. Бывший командующий 5-й японской армией заявил: «Мы не ожидали такого молниеносного удара русских, поэтому не успели как следует организовать оборону. Мы совершенно не думали, что русская армия пройдет через тайгу и появится такая внушительная сила со стороны почти непроходимых районов».

Своеобразным было решение смело выдвинуть в первый эшелон Забайкальского фронта 6-ю гвардейскую танковую армию и конно-механизированную группу. Это позволило провести операцию в высоких темпах. Передовые отряды танковой армии, пройдя с боями 700—775 километров,

на двенадцатые сутки вошли в Мукден и Чанчунь. Интересным и поучительным был также ночной прорыв войсками 1-го Дальневосточного фронта полосы укрепленных районов. Удары были нанесены в стык между ними, внезапно. Это позволило при незначительных силах и средствах, почти без артиллерийской подготовки преодолеть всю полосу укрепленных районов в первый же день наступления.

Боевые действия советских войск в Маньчжурии носили широко маневренный характер благодаря тому, что дальневосточные фронты были насыщены умело используемыми бронетанковыми и механизированными частями.

С началом боевых действий А. М. Василевский прибыл на КП 1-го Дальневосточного фронта и сосредоточил все внимание на руководстве войсками. По мере же нарастания боевых успехов на первый план выдвинулись проблемы военно-политического характера.

Видя поражение Квантунской армии, японское правительство 14 августа заявило о капитуляции. Но соответствующих приказов войскам в Маньчжурии не отдало. Наши войска продолжали боевые действия.

17 августа главком обратился по радио к командующему Квантунской армией с категорическим требованием: отдать приказ японским гарнизонам сложить оружие. В тот же день японское командование поставило в известность А. М. Василевского, что такой приказ якобы отдан. Но и после этого отдельные гарнизоны японских войск продолжали сопротивляться. Главком приказал высадить воздушный десант в Харбине. После успешной высадки десантников для переговоров с их командованием прибыл начальник штаба Квантунской армии генерал-лейтенант Х. Хата. Ему предложили 19 августа явиться к главкому советских войск на командный пункт 1-го Дальневосточного фронта. Как вспоминал потом А. М. Василевский, Х. Хата и сопровождающие его лица выглядели уныло. От их самурайской самоуверенности не осталось и следа. Они приняли условия капитуляции, после чего были назначены места разоружения и сдачи в плен каждого соединения, установлен порядок передачи складов.

Невзирая на все это, боевые действия продолжались, в частности враг оказывал ожесточенное сопротивление на Южном Сахалине и Курильских островах.

Южно-Сахалинская операция проводилась с 11 по 25 августа, а Курильская — с 18 августа по 1 сентября. Советские войска в ходе обеих этих операций успешно выполнили возложенные на них задачи. К концу августа было полностью закончено разоружение Квантунской армии, армии Маньчжоу-Го, войск Внутренней Монголии и Суйюаньской армейской группы, а также освобождение Маньчжурии, Ляодунского полуострова и Северной Кореи до 38-й параллели. Япония безоговорочно капитулировала. Военная кампания Советских Вооруженных Сил на Дальнем Востоке, таким образом, была победоносно завершена.

Закончив переговоры с генералом Хата, А. М. Василевский прибыл в Хабаровск, куда к тому времени переместился его штаб. В штаб шел поток донесений. В них сообщалось о боевых успехах советских войск, о сдаче в плен японских войск, о том, что местное население радостно встречает советских воинов.

Главком и командующие фронтами принимали все возможные меры для нормализации жизни на освобожденных территориях.

В начале сентября Александр Михайлович прилетел в Харбин. Он убедился, что в городе и прилегающих районах генералом А. П. Белобородовым наведен порядок, идет учет трофеев, в частности, у Квантунской армии захвачены дальнебойные орудия большой мощности, из которых японское командование собиралось обстреливать Владивосток, Хабаровск и Благовещенск.

2 сентября стало днем окончательной капитуляции Квантунской армии. Родина горячо чествовала своих героев. Тысячи солдат, сержантов, офицеров, генералов получили награды. А. М. Василевский был удостоен второй Золотой Звезды Героя Советского Союза.

Советские Вооруженные Силы на Дальнем Востоке в 1945 году вписали новую страницу в славную летопись своих побед. Военные действия на этом театре продолжались недолго, но по размаху, мастерству осуществления, по достигнутым результатам они относятся к наиболее выдающимся в Великой Отечественной войне. Это свидетельствовало о дальнейшем совершенствовании советского военного искусства и, конечно же, ярко характеризовало полководческий талант А. М. Василевского.

В пятнадцатидневных непрерывных боях была разгромлена крупнейшая группировка сухопутных войск противника. Враг потерял около 700 тысяч солдат и офицеров, из них 83 737 убитыми и 594 тысячи пленными. Наши части захватили большие трофеи: 1334 орудия, 1323 миномета, 369 танков, 861 самолет, 3129 пулеметов, 2301 автомашину.

Стратегическая операция разгрома Квантунской армии оригинальна и по замыслу и по способам решения задач. Советское главнокомандование на Дальнем Востоке хорошо использовало конфигурацию линии фронта, имевшей глубоко выдававшийся на север выступ, для окружения всей вражеской группировки. Нанесение мощных ударов на флангах Квантунской армии по сходящимся в центре Маньчжурии направлениям в сочетании с вспомогательным ударом с севера обеспечивало глубокий охват основных сил противника, рассеивание их и уничтожение по частям.

В конце сентября А. М. Василевский получил указание вернуться в Министерство обороны. Сдав дела Маршалу Советского Союза Р. Я. Малиновскому, распрощавшись с боевыми товарищами, он улетел в Москву.

30 сентября Александру Михайловичу исполнилось пятьдесят лет. Накануне вечером его принял И. В. Сталин. Расспросив об итогах закончившейся кампании, Верховный Главнокомандующий главное внимание уделил проблемам перехода Вооруженных Сил на мирный порядок, расстановке руководящих командных кадров. Поинтересовался Сталин личными планами Александра Михайловича, спросил, где бы он хотел работать. Александр Михайлович ответил:

— Куда бы ни направили меня, везде буду трудиться честно.

А утром «Правда» опубликовала приветствие Центрального Комитета партии и Совета Народных Комиссаров Союза ССР маршалу А. М. Василевскому. В нем говорилось: «Центральный Комитет ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров Союза ССР приветствуют Вас, одного из виднейших полководцев Красной Армии и талантливого организатора Вооруженных Сил Советского Союза, в день Вашего пятидесятилетия.

Центральный Комитет ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров Союза ССР желают Вам здоровья и сил для дальнейшей плодотворной работы на благо нашей Родины».

Указом Президиума Верховного Совета СССР А. М. Василевский был награжден орденом Ленина. Приветствие ЦК партии и правительства, высокая награда Родины подводили итог деятельности А. М. Василевского в годы войны, давали оценку его роли в борьбе за победу над Германией и Японией.

В марте 1946 года А. М. Василевский снова возглавил Генеральный штаб, его первым заместителем вновь стал А. И. Антонов. Генштаб решал крупные задачи послевоенного периода. Шел перевод Вооруженных Сил на новые мирные штаты, определялись пути их развития, завершалась демобилизация, осуществлялась передислокация.

К сожалению, вскоре же после окончания войны в мире вновь стало неспокойно. Причиной тому явился агрессивный курс бывших наших западных союзников — США и Англии. Они вступили на путь «холодной

войны» и грязных провокаций, угрожая применить против СССР атомное оружие. Начали создавать вокруг СССР густую сеть военных баз и официально провозгласили стратегию «превентивной войны». Естественно, что Советский Союз был вынужден принять ряд серьезных мер для укрепления обороноспособности страны, оснащения Вооруженных Сил новейшим оружием.

Именно в это время, в марте 1949 года, А. М. Василевский был назначен Министром Вооруженных Сил СССР и оставался на этом посту до марта 1953 года. Теперь уже под его непосредственным руководством осуществлялся весь комплекс мероприятий, необходимых для укрепления боевой мощи и технического перевооружения Советской Армии. Повысились маневренность и боевые возможности артиллерии. На вооружение войск поступили новые танки с мощной броней и вооружением, большей скоростью. Значительная часть ВВС была оснащена реактивными и новыми поршневыми самолетами. Войска ПВО страны выделены в отдельный вид Вооруженных Сил СССР. В авиации и ПВО получили применение средства радиолокации и радионавигации. Значительно улучшилась система подготовки военных кадров.

На XIX и XX съездах КПСС Александр Михайлович избирается членом ЦК КПСС, он депутат Верховного Совета СССР 2, 3 и 4-го созывов.

Ратный труд выдающегося полководца отмечен восемью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, двумя орденами Красного Знамени и Суворова I степени, Почетным оружием. Дважды Александр Михайлович удостоен высшего военного советского ордена «Победа», а также многих других советских орденов и медалей и иностранных наград.

«Знамя» на «Атоммаше»

Елена Нестерова

МИР «АТОММАША»

Завод и стройка. Две проблемы.
Сестра и брат. Река и порт.
Свои успехи и пробелы.
Два фронта яростных работ.
Заспорил кто-то: что важнее.
По-моему, ненужный спор.
Завод и стройка — два сраженья,
Два склона неприступных гор.
На первом склоне — кранов скрежет,
А на втором — гудят станки.
Резцы металл, как масло, режут.
Пыхтят вблизи грузовики.
И каски блещут, словно луны.
И блоки, как солдатский строй.
...Но главное, конечно, люди,
Их труд, их отдых и настрой.
Я знаю, те, кто строил город,
Теперь пришли на «Атоммаш»
И между делом скажут гордо:
— А тот высотный «домик» — наш!..
Тоннель ведет в цеха завода.
Здесь точность высшая нужна.
Ведь вся громада небосвода
На потолок водружена.
Огромные детали кружат.
Слетает стружек серпантин.
Здесь нужен ум, характер нужен.
Здесь каждый сварщик — исполин.
Мир «Атоммаша». Нежность красок.
Все тише шум ветров степных.
И с каждым днем все меньше касок —
Все больше кепок озорных.

СЛОЖНАЯ СТЫКОВКА

Начать можно было бы так. На Северном Кавказе работает невидимый научно-исследовательский институт без стен, кабинетов, лабораторий, столов... На его балансе — ни одного прибора, да и баланса нет. Нет ни сотрудников, ни штатного расписания. И тем не менее на третьем году своего существования институт выдает научной продукции примерно на миллион рублей.

Человеку, знакомому с проблемами организации науки, эта цифра скажет многое. Отраслевой НИИ среднего калибра достигает такой «производительности» лишь через многие годы плодотворной работы.

Вот такое придумалось начало...

Как писать дальше, тоже ясно: продержав читателя еще несколько абзацев в неведении, сообщить, что невидимый НИИ — метафора, позволяющая лучше представить суть Комплексной научно-технической программы «Атоммаш». Эта программа разработана в Северо-Кавказском научном центре высшей школы в помощь гигантскому заводу, сооружаемому на берегу Цимлянского моря. Вузы, принимающие участие в программе, выдают научной продукции на миллион рублей в год. Они-то и составляют «невидимый НИИ».

Можно затем привести еще цифры, сказав, что к осуществлению программы «Атоммаш» СКНЦ ВШ привлек девять вузов, шесть научно-исследовательских институтов и опытно-конструкторских бюро при вузах, что над темами этой программы работают 50 докторов наук, около 500 кандидатов, 800 инженеров и техников.

После этого изложить саму программу.

Однако тут-то и вышла загвоздка.

Заместитель председателя СКНЦ ВШ и научный руководитель программы «Атоммаш» профессор Николай Фомич Лосев, положив передо мной два солидных тома, сказал, что это лишь список тем, над которыми работают ученые вузов Северного Кавказа по заказам завода. Лосев добавил, что он готов эти темы прокомментировать, но прежде необходимо объяснить критерии их отбора, затем принципы разделения программы на двенадцать подпрограмм, а потом уже перейти к разговору о самих темах, и обязательно придется еще подробно рассказать, как осуществляется программа и какие возникают по ходу дела организационные проблемы.

Притом, продолжал Николай Фомич, нельзя забывать, что программа «Атоммаш» — комплексная и целевая. Кроме фундаментальных и прикладных исследований, она предусматривает подготовку кадров для завода. Эти задачи переплетены. Чтобы дать «Атоммашу» полноценных специалистов, преподаватели вузов должны сами в ежедневной работе использовать новейшие достижения науки и, разумеется, участвовать в выполнении заводского заказа. Можно подойти и с другой стороны: завод нуждается в помощи науки, а вузы края располагают серьезным научным потенциалом, и было бы нелепо его не использовать.

Профессор Лосев объяснил, что физически невозможно, да и нет смысла, говорить обо всех подряд темах программы, а стоит сказать лишь о самых значительных. Но тут же выяснилось, что и таких тем добрых два десятка.

Похоже было, что ученые, словно врачи на медосмотре, стараются прослушать, прощупать, просветить «Атоммаш» рентгеном, исследовать все его системы жизнедеятельности.

И если бы я задался целью представить читателям даже основные разработки, выполняемые по программе «Атоммаш», то, наверное, не справился бы с этим делом, ибо, как справедливо заметил Козьма Прутков, нельзя объять необъятное.

По совету Николая Фомича Лосева я выбрал из огромной программы три фрагмента — наиболее показательных, интересных.

Я решил выяснить в Ростове, в вузах, как идет разработка этих тем, а затем полететь в Волгодонск и узнать, как идеи и достижения ученых реализуются на «Атоммаше».

ГОЛОС МЕТАЛЛА

В Институте механики и прикладной математики Ростовского государственного университета группа ученых во главе с кандидатом физико-математических наук Александром Сергеевичем Трипалиным по договору с «Атоммашем» разрабатывает тему «Неразрушающий контроль изделий акустическим методом».

Когда мне потом, в Волгодонске, кто-то с иронией сказал об «иных идеях, вызревающих в тиши кабинетов», я невольно заулыбался, вспомнив комнату, занятую двумя лабораториями сектора акустики твердого тела. Что-что, а «тишь» здесь была в дефиците.

Столы, заполнившие это помещение, были сплошь уставлены разнокалиберными приборами. Шипели паяльники, жужжали счетчики, бурчал ящик, похожий на корабельный радиопередатчик. Несколько сотрудников, сойдясь в кружок, ожесточенно спорили.

По извилистому проходу в отгороженный шкафами крошечный закуток — «кабинет» заведующего сектором, пришлось пробираться с большой осторожностью, чтобы не зацепить ненароком книги, бумаги, а тем паче какой-нибудь прибор.

Сам Трипалин нисколько не был похож на «жреца науки»: ни загадочности, ни многозначительности. Ему под сорок, но выглядит он моложе, и когда подчиненные, заглядывая в закуток по срочному делу, дружески называли его Сашей, это казалось естественным.

Объясняя суть разработки Трипалина, директор института, член-корреспондент Академии наук СССР Иосиф Израилевич Ворович сказал, что, по его мнению, это исследование поможет решить одну из острейших проблем современной атомной энергетики.

Ворович напомнил о недавнем взрыве реактора на атомной электростанции в США. Там пострадал не только персонал АЭС, но и окрест-

ные жители. Конечно, такое событие в любое время не осталось бы незамеченным. Но сегодня, когда руководители Соединенных Штатов, размышляя о путях преодоления энергетического кризиса, большие надежды возлагают на атомные электростанции, взрыв реактора вызвал особенный общественный резонанс. Против строительства новых АЭС выступили и некоторые ученые. Разговор пошел о том, что, мол, атомные станции — «слишком опасные игрушки».

Взрыв за океаном заставил наших специалистов уделить еще больше внимания обеспечению безаварийной работы отечественных АЭС. В прошлом году эту проблему рассмотрело специальное совещание в Академии наук СССР. Выступал на том совещании и Трипалин. Разработки его группы были признаны перспективными...

Я спросил Трипалина, насколько совпала тема, предложенная «Атоммашем», с основной научной проблематикой сектора.

Александр Сергеевич улыбнулся:

— Тут все вышло, как говорится, один к одному. Одна из ведущих наших тем — изучение прочности и разрушения твердого тела акустическими методами. Атомные реакторы — очень интересная модель для этих исследований. Здесь открываются возможности, о каких прежде мы могли только мечтать. Ведь до «Атоммаша» мы исследовали только малые сосуды. На них мы и отработывали аппаратуру, фиксирующую самые незначительные дефекты. Продукция «Атоммаша» намного сложнее, и — усложнилась проблема...

Суть метода акустической эмиссии Трипалин объяснил с помощью простой аналогии. Когда ураганный ветер ломает дерево, оно, прежде чем упасть, издает сильный треск. Подобное происходит и с металлическим изделием. Если приложить усилие, в металле возникают упругие волны. В сосудах с дефектами волны появляются при меньших напряжениях. Каждая трещина отзывается на усилии специфическим «шумом», который можно уловить с помощью приборов.

Чтобы обнаружить дефект в небольшом сосуде, достаточно было одноканального прибора: датчик улавливал все «шумы», передавал их в устройство, преобразующее акустические сигналы в электрические. По характеру сигналов становилось ясно, есть дефект или нет. Если его обнаруживали, весь сосуд браковали.

Для огромного реактора такой метод контроля не подходит.

Здесь важно точно знать, в какой части корпуса дефект, на поверхности он или в толще металла, каков его характер. Кроме того, аппаратура, создаваемая группой Трипалина, предназначена для контроля состояния реактора и на заводе и потом, во время эксплуатации. Стало быть, пришлось конструировать датчики, способные работать в радиоактивной среде, при температурах до пятисот градусов. Было над чем поломать голову радиофизикам, механикам, радиоинженерам, электронщикам.

— На «Атоммаше» я впервые побывал в 1976 году, — рассказывает Александр Сергеевич. — Поехали большой группой. Северо-Кавказский научный центр организовал встречу представителей вузов с главными специалистами предприятия. Атоммашевцы рассказали о заводе, о том, что бы они хотели от нас получить. Мы, впрочем, круг их интересов представляли, прибыли с готовыми идеями. Когда совещание распалось на секции, я встретился с главным конструктором завода Юрием Васильевичем Коломийцем. Наше предложение его заинтересовало. Хотя акустическая эмиссия много сложнее методов, заложенных в проект, но у нее ряд существенных преимуществ. Самое главное, с ее помощью можно следить за изменением, динамикой дефекта. Трудно представить, чтобы огромное тело реактора не имело и мельчайшего изъяна. В толще металла может быть какая-нибудь крошечная, не опасная раковина. И нет оснований из-за нее браковать весь котел. Вопрос в том, как такая раковина себя поведет. Предсказать это зачастую нельзя. Важно увидеть, что

же на самом деле с ней происходит, затягивается она, или вдруг начинает расти, или не изменяется. Наш метод позволяет это установить с большой точностью. Короче, атоммашевцы сразу поняли, что к чему. И заключили с нами хозяйственный договор...

Ученые решали проблему поэтапно. Нашли лучшие места для датчиков, определили, сколько их ставить, чтобы прослушивать все стенки реактора и всю его толщу. Затем отработали вариант передачи первичного сигнала в следующую группу приборов с помощью волновода. Это позволило отдалить тонкую и капризную аппаратуру от самой «жаркой» зоны, чтобы она работала в лучших условиях. Хотя и здесь температура воздуха будет сто пятьдесят — двести градусов, но ведь все-таки не пятьсот!

К маю 1979 года был создан комплект аппаратуры для одной группы датчиков. Чтобы испытать его в условиях, близких к реальным, ученые выезжали на Нововоронежскую атомную электростанцию. Туда поступил реактор, изготовленный Ижорским заводом, — такого же типа, как те, что будет выпускать «Атоммаш». Аппаратура сработала хорошо. Данные в основном совпали с теми, которые удалось получить с помощью традиционных методов контроля. Как и ожидали, акустическая эмиссия позволила увидеть и самые мелкие, даже совсем незначительные изъяны — буквально каждую царапину.

Ростовские ученые подтвердили мнение своих коллег — новый реактор вполне пригоден к эксплуатации.

Однако работа их еще не закончена. Предстоит связать воедино сигналы от всех групп датчиков, устанавливаемых на корпусе реактора, перевести их на язык ЭВМ, составить комплексную программу управления. А затем и обучить заводских специалистов работе на новом оборудовании — таков последний пункт договора. Все это надо завершить к 1982 году.

Трипалин считает, что можно бы уложиться и в более сжатые сроки, но производственная база тормозит, много хлопот со снабжением. Сейчас, например, один из узлов аппаратуры нельзя собрать из-за того, что нет унифицированной стойки, иначе говоря, корпуса будущего прибора. Корпуса выпускает фирма «Изотоп», но в малых количествах, и «вузовская наука» постоянно испытывает в них дефицит. Обидно: вся «начинка» прибора готова, а нет «коробки», в которую она должна быть упакована.

Для других приборов не хватает радиодеталей. Есть двести нужных деталей, а тридцати нет. Приходится искать по соседним городам, выпрашивать у знакомых, менять микросхемы на транзисторы, транзисторы — на конденсаторы, а те — на другие микросхемы.

Да и теснота в комнате — бывает негде начать сборку нужного узла — тоже мешает.

И все-таки договорный срок будет выдержан. И уже первые реакторы, изготовленные на заводе, можно будет прослушать с помощью новой аппаратуры.

«АТОММАШ» И ПЛАНКТОН ЦИМЛЯНСКОГО МОРЯ

Программа «Атоммаш» насыщена неожиданностями. Но все же, услышав, что строительство завода в Волгодонске повлияло на развитие одного из разделов молекулярной генетики, я удивился. И если бы это сказал человек, стоящий вне проблем, о которых шла речь, я бы ему, наверное, не поверил.

Однако доктор биологических наук, профессор Нелли Викентьевна Жуковская, изящная, хрупкая женщина, которой еще далеко до традиционных профессорских седин, к исследованиям в сфере молекулярной генетики имеет самое прямое отношение: она ими руководит. И многочисленные звания, степени, должности Нелли Викентьевны внушают естественное почтение к каждому ее слову: она директор Института биологии Ростовского государственного университета и заместитель научного руководителя программы «Атоммаш», куратор медицинских и биологических разделов программы.

Нелли Викентьевна сочла необходимым «остановиться на основных направлениях и аспектах деятельности коллег». Эти «направления и аспекты» разнообразны и включают много полезных дел. Так, преподаватели Ростовского мединститута регулярно проводят консультации в поликлиниках и больницах Волгодонска. Специалисты по промышленной санитарии вместе с инженерами разрабатывают для заводских цехов систему вентиляции. А биологи взялись детально изучать экологические проблемы всего Волгодонского района.

И тут выяснилось, что исследования проблем рационального природопользования не могут дать однозначных ответов на поставленные вопросы, если их не подкрепить изучением фундаментальных закономерностей наследственности.

Впрочем, все это не так уж просто и ясно. Самая постановка исследований такого рода сначала вызвала возражения. Ибо, по замыслу проектировщиков, завод не должен вносить в окружающую среду каких-либо нежелательных изменений. Радиоактивные вещества в производственном цикле не будут участвовать. Во время испытаний реакторам предстоит работать на заводских стендах как обычным паровым котлам.

Значит, «Атоммаш», с точки зрения эколога, будет, по сути дела, обычным металлообрабатывающим предприятием. И в проект заложены обычные для таких заводов системы очистки. Проект предусматривает установку фильтров, которые обезвредят отработанные газы. Водоснабжение обратное: сточные воды пройдут физическую, химическую, биологическую очистку, после чего большая часть их, уже свободная от примесей, снова поступит в заводские цеха. Казалось бы, при такой постановке дела экологам и вправду изучать нечего: ни воздуху, ни воде, ни почве ущерба не будет.

— Красивую рисуют нам картину! — ехидно заметила Нелли Викентьевна. — Просто идиллия! И если не хочешь заглянуть вглубь, если скользить по поверхности, то вроде бы концы с концами сходятся.

— А если заглянуть?

— О, сразу возникают простые, почти детские вопросы. В Волгодонске к концу следующей пятилетки будет жить полмиллиона человек. Можно ли поверить, что возникновение большого города не повлияет на природу края? Мы не верим! Этот фактор называется «повышенное антропогенное воздействие». Природа на такие взрывы населения реагирует болезненно. Как именно? В каждой климатической зоне по-своему, в каждом регионе на свой лад. Однако экологические равновесия нарушаются. Нет оснований думать, что рост Волгодонска не внесет изменений в природную среду.

— Но можно ли чем-то помочь природе?

— Можно! Первое наше дело — успеть «снять фоновые показатели». Надо иметь ясное представление об особенностях местной природы, о характере связей, свойственных среде обитания животных и растений. То есть надо получить как бы «контрольные данные». По мере роста города мы будем следить за изменениями этих показателей. Впрочем, уже сейчас мы приблизительно знаем, как пойдет тот или иной процесс, и не случайно, например, сегодня ставим перед горисполкомом вопрос о дальнейшем озеленении Волгодонска, о системе очистки бытовых стоков города.

— Какое отношение эти дела имеют к проблеме наследственности? — поспешил задать я вопрос, который уже давно вертелся на языке.

— Самое прямое! Что значит — полная очистка заводских стоков? Они станут чистыми как слеза? Или как дождевая вода? А может, они в аква дистиллата превратятся? Нет, конечно! Речь идет о том, что содержание вредных веществ не превысит так называемых норм ПДК, то есть предельно допустимых концентраций. Очень хорошо! Проникнемся оптимизмом. Поверим, что все системы будут работать бесперебойно и нормы ПДК не будут нарушены. Можно ли считать, что охрана природы обеспечена? Можно?

— Наверное, — сказал я. — На то они и существуют, эти самые ПДК...

Нелли Викентьевна улыбнулась.

— Дело в том, что нормы ПДК разработаны еще не для всех компонентов, уходящих в стоки. При изменениях технологии и тем более появлении новых предприятий в отходах появляются новые компоненты. Нужны новые нормы. Журналисты тысячу раз писали, что «Атоммаш» будет заводом уникальным. Но если предприятие уникальное, то и отходы у него уникальные. И в них, представьте, появится компонент, для которого норм ПДК пока не существует.

Жуковская сделала эффектную паузу.

— Какой же это компонент?

— Ионы металлов!..

Нелли Викентьевна объяснила, что попавшие в почву, в грунтовые воды или в озера, реки, ручьи ионы металлов могут затем накапливаться в тканях растений и животных. Есть организмы, которые как бы «тянут» в себя ионы металлов. И слишком большая «порция» их может оказаться губительной.

Пока в Волгодонске работает лишь сравнительно небольшой химический комбинат. Металлов комбинат использует немного, в основном применяя их как катализаторы. И все же ионов, например, хрома, в почве и в некоторых живых организмах, обитающих вблизи города, больше, чем по соседству. Естественно предположить, что «Атоммаш» с его огромными металлообрабатывающими цехами «подбросит» природе новые порции ионов металлов.

Ученые решили проследить пути их миграции и влияние на разные виды организмов.

Лаборатория охраны природы и рационального природопользования Института биологии РГУ исследует воздействие ионов на режим Дона и Цимлянского моря, на жизнь обитателей этих вод. Цель работы — найти методы надежного контроля и определить уровни безопасности распространения ионов металлов в природе.

Уже три года группа ростовских гидробиологов во главе с кандидатом биологических наук Ириной Яковлевной Кузьмичевой выходит по нескольку раз за сезон в Цимлянское море на специально оборудованном катере. В экспедиции работают специалисты по водорослям, ихтиолог, бентолог (биолог, изучающий донные организмы), гидрохимик. Квадрат за квадратом они исследуют акваторию, которая может оказаться в сфере влияния Волгодонска.

Некоторых обитателей Цимлы ученые переселяют в аквариумы и подвергают воздействию тех ионов металлов, которые могут в скором времени оказаться в водохранилище.

Важны реакции разных растений и животных даже на небольшие дозы загрязнителя. Любое изменение среды заставляет организм приспосабливаться, адаптироваться. Нужно выяснить, в чем состоит процесс адаптации. Скажем, согласно одной из рабочих гипотез, воздействие ионов металлов ведет к мутагенезу, то есть к изменению наследственной

программы растений или животных. Если это предположение верно, то сама способность организма выжить в тех или иных условиях — слишком грубый показатель. Организм уцелеет, но он может дать потомство или нежизнеспособное, или отличающееся нежелательным набором новых признаков.

Так или иначе, возникла необходимость исследований на молекулярном уровне. Понадобилось, к примеру, выявить реакции клеточных мембран на ионы металлов. Если они в состоянии противостоять вторжению пришельцев, вид скорее всего останется генетически неизменным. Если же ионы металлов проникают сквозь мембраны, наследственные программы могут быть нарушены.

Вот и вышло, что изучение прикладной темы — влияние будущего завода на окружающую среду — потребовало фундаментальных исследований в сфере молекулярной биологии и молекулярной генетики.

Пример достаточно красноречивый.

ГЛАЗАМИ СОЦИОЛОГА

Главный ученый секретарь Северо-Кавказского научно-учебного центра высшей школы доцент Юрий Семенович Колесников курирует социально-экономический раздел программы «Атоммаш».

— Мы исходим из того, — сказал Юрий Семенович, — что Волгодонск будет образцовым социалистическим городом, а «Атоммаш» предприятием самой современной технологии. Наша задача — помочь заводу и городу создать столь же современную социальную технологию.

Далее Колесников принялся дробить эту общую многотрудную задачу на составляющие, которые он называл «блоками проблем».

Первый «блок» — кадры.

Зондажное исследование, проведенное социологами среди строителей, показало, что пятьдесят шесть процентов строительных рабочих приехало в Волгодонск из городов и сел Ростовской области. Нежелательно, чтобы кадры и самого «Атоммаша» пополнялись за счет местных ресурсов. Дело в том, что в области ощущимо не хватает рабочих-машинистов, а выпускники местных средних школ пока неохотно идут на машиностроительные предприятия.

Второй «блок» — планы социально-экономического развития.

Необходимо спланировать «гармоничное, сбалансированное развитие производственной структуры и социальной инфраструктуры», то есть темпы роста завода должны быть строго согласованы с темпами жилищного и гражданского строительства в Волгодонске.

Третий «блок» — проблемы будущего агропромышленного комплекса в окрестностях Волгодонска. Пока что город снабжают всем необходимым за счет централизованных поставок. Но ведь «Атоммаш» не в тундре, а в благодатном краю интенсивного сельского хозяйства. Кормить жителей Волгодонска должны близлежащие земли. Это значит — необходимы специализированные хозяйства аграрной зоны.

Покончив с «блоками», Юрий Семенович заговорил о дальней стратегической задаче социологов.

— Волгодонск станет городом счастливых людей. Мы хотим, чтобы здесь в полной мере проявили себя все преимущества социалистического образа жизни. Основа есть: «Атоммаш». Это — предприятие со всеми условиями для плодотворного творческого труда. Надо, чтобы в таких же благоприятных условиях находился человек и в свое свободное время...

Мы исходим из того, что каждый человек талантлив. И если ему помочь проявить себя, если дать ему возможность самоутверждения в любой сфере, то человек будет счастлив. Но для этого надо научиться управлять всеми социальными процессами.

Юрий Семенович сказал, что ростовские социологи хорошо понимают, на что они замахнулись. Понимают, что собственных сил им может не хватить. Они надеются на помощь коллег из центральных организаций, с которыми уже налажены деловые и творческие контакты. Консультировать ростовчан и участвовать в реализации их программы будут ведущие советские социологи.

Свой рассказ доцент Колесников завершил взволнованным заявлением, которое прозвучало торжественно, вроде присяги:

— Наша работа — государственной важности, мы беремся за нее с огромным интересом. И мы не пожалеем сил для ее успешного завершения и для внедрения ее результатов.

ИСКРЯЩИЕ КОНТАКТЫ

Из Ростова я вылетел первым самолетом. Он приземлился на Волгодонском аэродроме около семи утра, когда рассвет только еще одолевал ночную темень.

Утро выдалось хмурое. Зима уже неделю никак не могла утвердиться, осень не уступала ей. Борьба времен года шла с переменным успехом, и погода менялась скачками, удивляя даже метеорологов.

Пока ехали по тихой окраине Цимлянска мимо одноэтажных кирпичных домиков, стоящих среди уже оголенных садов, то, должно быть, просто потому, что небо светлело и день одолевал ночь, еще была надежда, что тучи разнесет и выпадет хоть несколько последних часов осеннего тепла. Но у плотины ударил порывистый северный ветер, по микроавтобусу застучали крупинки льда, и дальше машина шла уже среди шквала мелких ледышек.

Я смотрел сквозь мутные стекла. Разговоры в Ростове были еще свежи в памяти, и невольно хотелось увидеть округу глазами ростовских ученых, как огромный научный полигон, ждущий своих исследователей.

Но серая, во вмятинах от летящей с неба крупы поверхность Дона казалась безжизненной, как и вода Цимлянского водохранилища, схваченная у берегов тонким ледком, похожим на подтаявший сахар.

Да и многоэтажный Волгодонск с торопливыми прохожими, с группами людей, сбившихся у автобусных и троллейбусных остановок, с глинистым месивом поверх асфальта, этот город мне тоже трудно было сравнить с тем городом воплощенной мечты, о котором мы недавно говорили в Ростове.

Я пытался одернуть мыслью эти минутные впечатления. В конце концов виноват циклон, принесший непогодь, ледяную крупу, мокреть... Но ощущение нестыковки, сегодняшнего несоответствия теоретических представлений с тем, что пока увидел глаз, не избывалось, не проходило.

Может быть, потому я не очень и удивился повороту, который принял один из первых моих деловых разговоров на «Атоммаше».

Разговор этот был в заводской лаборатории неразрушающих методов контроля. Ее начальник, предупредив, что он человек новый, «в детали еще не вошел», тем не менее пообещал снабдить меня полной информацией. Он вызывал по селектору сотрудников, просил их принести разные документы, затем сказал:

— Значит, так. Вот договор с Институтом ядерной физики Ростовского университета. Тема — «Оптимизация методов контроля толстостен-

ных изделий». Закончить должны к восемьдесят первому году. Сейчас работы выполнены... — он пошуршал бумагами, — примерно на восемьдесят процентов. Переходят к вопросам практического применения... если таковое будет. Почему сомневаюсь? А мы еще ничего не опробовали, не обсуждали всерьез. В общем, посмотрим. Так. Еще договор. Тема — «Радиационный дефектоскоп». Пока — стадия исследований. До конца года определимся, стоит ли продолжать. — Предвидя мой вопрос, он пояснил: — Проблема весьма сложная. Увидим работу, тогда и поймем, есть ли надежда на успех.

Я спросил начальника лаборатории о теме Трипалина — акустической эмиссии.

Он сочувственно улыбнулся:

— Вы, наверное, спутали название.

Я пролистал блокнот, нашел записи, прочитал вслух формулировку темы и изложил, как мог, суть работы.

— Минуточку! — начальник лаборатории, нажимая кнопки селектора, опять принялся вызывать своих сотрудников.

Но никто из них об этой теме понятия не имел.

Я недоумевал. Акустическая эмиссия — неразрушающий метод контроля — это в русле работы лаборатории, где я нахожусь. Да и в научном центре мне настоятельно посоветовали обратить на эту тему особое внимание.

— Минуточку! — повторил начальник и снова включил селектор. — Этот точно должен знать. Старожил!

Старожил — поджарый молодой человек в очках — сообщил, что слышал об этой разработке. И только.

— Они, видимо, не на нас выходят. Вот в чем дело, — резюмировал молодой старожил.

— Если б на нас, были бы документы, — начальник лаборатории повел рукой. — Как же иначе! Мы за каждой хоздоговорной темой следим. Квартальные отчеты, результаты — все здесь.

Мне посоветовали обратиться к конструкторам:

— Они должны на них выходить. Раз не на нас, значит, на них. Как только у главного конструктора «Атоммаша» Юрия Васильевича Коломийца нашлось время поговорить со мной, недоумение разрешилось.

Конструкторы — в контакте с Трипалиным уже более трех лет, с первого же приезда ученых в Волгодонск. Когда они вместе взялись за дело, заводской лаборатории неразрушающих методов не существовало. А потом не стали передавать этой лаборатории почти наполовину сделанную работу. Коломиец добавил, что с Трипалиным у них полное взаимопонимание, и о самой работе отзывался весьма положительно, оттенив главное: этот метод в отличие от остальных показывает динамику дефекта.

Порадовавшись, что все разрешилось так быстро и удачно, я, уже больше для проформы, спросил:

— Значит, возлагаете на эту работу большие надежды?

Однако Юрий Васильевич усмехнулся:

— При чем здесь надежды! Существуют надежные и проверенные методы неразрушающего контроля: ультразвуковая дефектоскопия и рентгеноскопия. Они и заложены в проект. Акустическая эмиссия скорее всего понадобится в эксплуатации. Ну, может быть, мы применим ее для проверки готовых образцов. Но это со временем...

Слушая Коломийца, я вспомнил авторитетное мнение директора Института механики и прикладной математики РГУ члена-корреспондента Академии наук СССР И. И. Воровича. Собственно, это мнение института; оно сводится к тому, что на «Атоммаше» нужно создать станцию контроля и там готовый реактор испытывать различными методами, причем все приборы свести в единую систему с высокой степенью автоматизации. Во-

рович особенно подчеркнул, что о такой станции необходимо думать сегодня. Позже, когда утвердится заводской поток, встраивать ее в готовое производство будет сложнее.

Коломиец пожал плечами.

— На то ученые и ученые, чтобы глядеть в будущее. У нас ныне труднейший момент, начало производства. Нам нынешний день всего дороже, а дальние горизонты временно закрыты. И закон для нас сегодня — проект. Осуществить его нелегко. А если каждую из его позиций ставить под сомнение, без острой необходимости, основываясь на прогнозах и посулах науки, то мы будем строить этот завод десятилетиями. Знаете поговорку: лучшее — враг хорошего?..

Ну, а что же другие идеи, о которых говорили ростовские ученые? Каково на заводе отношение к программе «Атоммаш» в целом? Такое, как к исследованиям группы Трипалина? Но ведь руководители завода ее приняли, подписали, одобрили эту программу. Значит, она и важная и нужная?

ДИАЛОГ, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

Разговоры в конце концов прояснили общую картину. В моем блокноте само собой сложилось что-то вроде диалога между Северо-Кавказским научным центром и «Атоммашем».

В таком виде мне и захотелось его привести. Позиция СКНЦ здесь «синтезирована» в основном из высказываний ученых, встречи с которыми описаны; а позиция «Атоммаша» — из материала моих бесед с главным инженером Станиславом Александровичем Елецким, секретарем парткома Леонидом Ивановичем Поповым, главным конструктором Юрием Васильевичем Коломийцем, начальником центральной заводской лаборатории Константином Львовичем Ильинским...

И вот какой получился диалог.

«Атоммаш». Наши связи с наукой программа ростовчан не исчерпывает. И Северо-Кавказский центр — не главный для нас поставщик идей. «Атоммаш» опирается на отраслевые научные учреждения: институт технологии машиностроения, ЦНИИкотломаш и другие. Первый из них полностью курирует все, что относится к технической политике предприятия. Без его «добра» не имеем права заключить хозяйственный договор, внедрить крупное техническое новшество. Еще важнее другое. Отраслевые НИИ по их сути обязаны «улавливать» достижения науки и переводить в заводские разработки, приборы и т. п. А фундаментальная наука, в частности и вузовская, не привыкла решать текущие производственные задачи. Она вырабатывает в основном идеи. Идею, метод мы включить в технологическую цепочку не можем. Нам нужны «железки» — агрегат, станок, прибор. Притом многократно испытанные, опробованные, обкатанные, отлаженные, выверенные, улучшенные, упрощенные... Отраслевые институты это хорошо понимают. От них получаем необходимое. И мы не раз предлагали ученым других учреждений — в том числе вузов Северного Кавказа — реализовывать свои идеи в сотрудничестве с отраслевыми институтами.

СКНЦ ВШ. Есть другой путь. Мы ставим перед Министерством высшего образования РСФСР вопрос о том, чтобы научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки вузов для «Атоммаша» доводить в вузовских опытно-конструкторских и специальных конструкторских бюро.

«Атоммаш». Нас устраивает и такой путь. Главное, чтобы приборы и прочее оборудование были рассчитаны на заводскую эксплуатацию, не уступали бы тем, какие мы получаем от институтов отрасли.

С К Н Ц. Отраслевые институты уделяют большое внимание «Атоммашу», пока он строится. Когда завод начнет работать, они, по-видимому, переключатся на другую тематику. Целесообразно как можно скорее создавать на базе вузов Северного Кавказа специальные научные подразделения, которые будут в дальнейшем обслуживать предприятие.

«Атоммаш». Перспективы развития связей завода с отраслевыми институтами нам представляются совершенно в ином свете. И после пуска «Атоммаша» пасынком для них завод не станет. Наоборот, связи будут укрепляться и развиваться. В Волгодонске уже создано несколько филиалов отраслевых НИИ. Мы уверены: их ждет завидная судьба. Такой экспериментальной базы для науки больше в стране нет. Мы создадим ученым все условия для проверки конструкторских решений, они сумеют испытывать свои разработки на моделях в натуральную величину. Со временем, думается, эти научные коллективы войдут в наше объединение. Или же сюда, в Волгодонск, институты перенесут свои основные базы. Так или иначе, контакты с отраслевыми НИИ у нас будут со временем только крепнуть.

А в т о р. Но если с научным обеспечением производства все так благополучно, какую же роль отводит завод вузам Северо-Кавказского центра?

«Атоммаш». Очень важную и значительную. СКНЦ был и остается для нас нужным и желанным партнером. «Атоммаш» ставит перед наукой множество проблем. Дела хватит всем. Потому-то наши кураторы и разрешили заводу заключить хозяйственные договоры с вузами. Кроме тем, уже включенных в программу СКНЦ, можно назвать и другие, интересующие завод. Мы нуждаемся, например, в разработках теории и практики теплообмена, теории и практики новых способов сварки — электролучевой и лазерной, показателей вибростойкости и сейсмостойкости специальных сооружений, теории промышленных роботов и т. п. Пожалуйста, пусть отзовутся научные коллективы, располагающие возможностями для проведения таких исследований.

В одном отношении вузы, безусловно, превосходят наши отраслевые институты. Там теснее связь с фундаментальной наукой.

Кроме того, конечно же, мы заинтересованы в том, чтобы от учебных институтов Северного Кавказа получать инженерные кадры высшей квалификации и нужных нам специальностей.

С К Н Ц. Мы хотели бы уже с середины учебы готовить студентов к работе на «Атоммаше». Пусть студент проходит практику в цехе, куда будет направлен впоследствии, пусть знакомится с коллективом, пусть узнает тонкости производства, оценит перспективы будущего своего роста. Все это значительно повысит «приживаемость» молодых специалистов. Уже назрела необходимость увеличить прием студентов соответствующих специальностей. Но нужны новые учебные здания, общежития, нужно улучшать материально-техническую базу вузов.

«Атоммаш». Нас с самого начала устраивало, что программа взаимовыгодна. Такие отношения всегда надежнее. И определенную лепту в расширение учебно-производственной базы вузов мы вносим. По своим возможностям, конечно. Вопрос о широком дополнительном финансировании вузов должны решать центральные органы.

С К Н Ц. Сейчас уже назрела необходимость заключать особые договоры на подготовку кадров для завода. Иначе нелепость: мы готовим инженеров специально для «Атоммаша», а когда доходит до распределения, получаем разрядки, обязывающие нас отправлять молодых специалистов на заводы совсем иного профиля. Для нас разрядка — закон. Мы ее выполняем неукоснительно.

«Атоммаш». Согласны. Тут единство взглядов полное. Будем ставить вопрос перед министерством.

Автор. Пока речь шла о разработках, непосредственно связанных с производством. Но ведь программа «Атоммаш» включает и другие аспекты?

«Атоммаш». Мы понимаем ученых. Им не хочется «быть на подхвате» у завода. Любую тему, за которую берутся вузовские специалисты, они ставят широко, проблемно, масштабно. Да и «диссертательный» аспект для каждого молодого ученого важен. Нельзя же, чтобы научный сотрудник, помогавший «Атоммашу», оказывался в худших условиях, чем его коллега, взявшийся за чисто теоретическое исследование, которое обещает близкую защиту диссертации и звание кандидата наук. Словом, мы не возражаем против того, чтобы в программе значились некоторые темы, не сулящие заводу непосредственного и быстрого эффекта в производстве. Иные из этих тем мы всячески поддерживаем. Но заключать хозяйственные договоры на все предлагаемые исследования не можем. Нам представляется правильным существование других источников финансирования таких разработок. К примеру, некоторые темы взял под опеку Госкомитет по науке и технике СССР. На наш взгляд, это вполне разумно.

СКНЦ. И все же изучение, скажем, миграции ионов металлов в природе идет значительно медленнее, чем нужно. Только из-за того, что эта тема не обеспечена хозяйственным договором.

«Атоммаш». Снова можно вспомнить, что производственники и ученые по-разному видят одни и те же проблемы. По проекту «Атоммаш» должен быть предприятием абсолютно «чистым». Соблюдение существующих норм ПДК учтено в разработке будущих очистных сооружений. Ученые говорят о появлении еще одного компонента отходов, на который ПДК не существует. Не нам судить, правы ли они. Но в любом случае эта проблема шире тех, которые может решать предприятие, даже такое большое и мощное, как наше.

Автор. Может быть, при таком подходе и большая часть социологического раздела программы «Атоммаш» останется на бумаге? Ведь там тоже немало вопросов самого общего характера.

«Атоммаш». Этот раздел ученые сейчас переосмысливают, хотя расширить. Когда получим предложения СКНЦ, обсудим конкретно каждую тему. Может быть, кое в чем придется наших дорогих партнеров «спустить с неба на землю». Иные темы, предлагаемые ростовчанами, звучат хоть и красиво, но весьма абстрактно. Вот, например, нам говорят: «Необходимо гармоничное, сбалансированное развитие производственной структуры и социальной инфраструктуры». Споры нет, необходимо. Мы этого и добиваемся. Более того, план ввода в строй жилья, детских садов, яслей, учреждений культуры утвержден специальным постановлением, принятым в середине 1977 года. В этом документе представлена вся будущая «социальная инфраструктура». Другое дело — участие ученых в формировании планов социального развития коллективов. Мы тут, конечно, с радостью примем любую помощь. Заинтересованы мы и в помощи, например, дизайнеров из Ростовского инженерно-строительного института...

Вместе с тем, есть жизненно важные для завода проблемы, которые пока социальный раздел программы не учитывает. Наше производство в принципе поточное, рассчитано на ограниченный по количеству выпуск изделий. Конечная задача — производить полный комплект оборудования для каждой атомной электростанции. Планы перевыполнять не нужно; сверхплановые изделия некуда будет девать. Главное — сделать все вовремя и качественно. Как нам организовать социалистическое соревнование в «нестандартных» условиях этого производства? Без квалифицированных рекомендаций ученых-социологов мы, пожалуй, не обойдемся. Или: некоторые аспекты, связанные с кадровой политикой предприятия... Вообще

говоря, если бы социологи и психологи помогли нам безошибочно разбираться в текущих «житейских» делах, мы были бы им бесконечно благодарны...

Диалог между заводом и учеными вузов можно было бы расширить и продолжить.

Естественно, в этом воображаемом диалоге не сохранились, например, многочисленные вводные фразы и оговорки. Потери в каждом конкретном случае невелики. Но вместе они составляли фон разговора. Мои собеседники, и не соглашаясь друг с другом, очень осторожно подбирали слова и были озабочены тем, чтобы «не обидеть заводчан» в одном случае, «не обидеть ученых» — в другом. И это — дополнительное свидетельство того, что и в Ростове и в Волгодонске ценят содружество, оберегают его. И хотя не все проблемы самой «стыковки» уже решены, хотя контакты пока что еще искрят, впереди уже ясен плодотворный путь общего поиска, характерного для современной научно-технической революции.

На фронтах идеологической борьбы

С. Ковалев,

доктор философских наук, профессор

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ И МНИМЫЕ

Современная эпоха с предельной выразительностью подтверждает марксистский тезис о том, что отжившие классы с исторической сцены добровольно не уходят; наоборот, чем слабее их позиции, тем активнее они изыскивают средства для борьбы против прогрессивных сил.

Коммунистическая партия Советского Союза во многих своих документах, особенно в последнее десятилетие, подчеркивала, что общий кризис капитализма продолжает углубляться. Она предупреждала, что серьезные потрясения мирового капиталистического хозяйства, все большее ограничение возможностей империализма применить вооруженные средства борьбы против социалистических стран, необходимость признать принцип существования вызовут попытки взять реванш с помощью идеологических диверсий, и это может привести к обострению идеологической борьбы. Так оно и произошло.

Идейная борьба между миром социализма, силами прогресса, с одной стороны, и миром капитала, реакции — с другой, — закономерность нашей эпохи. Однако такого накала, как сейчас, идеологические битвы прежде не достигали. В наступление на социалистические страны ринулись самые различные силы — от президентов и премьер-министров некоторых капиталистических стран до правых ревизионистов в коммунистическом движении. Все средства буржуазной пропаганды изощряются в клевете на Советский Союз и другие страны социалистического содружества, на коммунистические партии.

Новая антисоциалистическая кампания преследует множество целей: отвлечь внимание трудящихся масс от растущей безработицы, неуправляемой инфляции, валютного хаоса, скандалов в связи с раскрытием фактов коррупции и т. п.; противодействовать процессу разрядки, нормализации отношений между государствами; оправдать гонку вооружений, производство все более смертоносных видов оружия; скрыть глубокий кризис буржуазной демократии, капиталистического общества в целом; оправдать нарушение элементарных прав человека в странах Запада (к примеру, «запреты на профессии», слежка полицейского аппарата за всеми гражданами); замаскировать антигуманную расистскую политику империализма. Наиболее агрессивные силы империализма и их подпевалы мечтают даже добиться «внутренних изменений» в социалистических странах, иначе говоря, полчить «свободу» антисоциалистической деятельности в этих странах.

Главными направлениями своего идеологического похода империализм избрал затасканный миф о «советской военной угрозе» и тему «заботы» о правах человека, якобы попираемых в социалистических странах.

Мы не можем безучастно относиться к антикоммунистической шумихе, поднятой так называемыми «защитниками» прав человека. И речь не об идеологической обороне, а о решительном наступлении на реакционную буржуазную идеологию, отражающем развертывающийся и все усиливающийся процесс всеобщего исторического наступления социализма на капитализм.

АБСТРАКТНО-«БЕСКЛАССОВЫЙ» И КОНКРЕТНО-КЛАССОВЫЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ

Антимарксисты рассматривают проблему свободы и прав человека с идеалистических, умозрительных, сугубо абстрактных «бесклассовых» позиций. Свободу, права и сущность самого человека они объявляют извечными, вневременными и, разумеется, внеклассовыми, «неделимыми» категориями и именно с ними «соизмеряют» действия тех или иных социальных групп, партий, государств. Такой подход свойствен всем противникам социализма — от прямых реакционеров до правых ревизионистов. Он выражает не «общечеловеческие» стремления, а корыстные интересы определенного, конкретно-исторического класса — буржуазии. Ей выгоден такой подход: права объявляются для всех, воспользоваться же ими могут только те, у кого есть капитал.

Еще К. Маркс и Ф. Энгельс, отвечая на нападки буржуазных идеологов, писали в «Манифесте Коммунистической партии»: «Но не спорьте с нами, оценивая при этом отмену буржуазной собственности с точки зрения ваших буржуазных представлений о свободе, образовании, праве и т. д. Ваши идеи сами являются продуктом буржуазных производственных отношений и буржуазных отношений собственности, точно так же как ваше право есть лишь возведенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями жизни вашего класса»¹.

Ныне нам вновь подсказывают буржуазное понимание свободы и прав человека, нас вновь пытаются «судить» с этих позиций.

Руководствуясь подлинной наукой о развитии общества — марксизмом-ленинизмом, мы заявляем: как нет абстрактной истины, так нет и абстрактной свободы, отвлеченных прав человека — это понятия конкретно-исторические, классовые.

В толковании общечеловеческого буржуазия всегда была так же далека от человечности, как небо от земли. Само понятие «человек» для буржуа — попросту обозначение частного собственника.

К. Маркс подчеркивал, что в буржуазном обществе только частный собственник «считается с о б с т в е н н о человеком и настоящим человеком»². Для эксплуататоров человек — это буржуа со всеми присущими ему качествами: частнособственническим мировоззрением, моралью, предрассудками и т. д. Для марксистов-ленинцев человек — это прежде всего трудящийся, сторонник общественного прогресса, борец за освобождение народных масс от всех форм социального угнетения. Именно поэтому марксистское понимание человека исполнено общечеловеческого смысла.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, том 4, стр. 443.

² Там же. Том 1, стр. 402.

То же и в отношении прав человека. Л. И. Брежнев говорил: «Израженному и опошленному буржуазной и ревизионистской пропагандой толкованию понятий демократии и прав человека мы противопоставляем самый полный и реальный комплекс прав и обязанностей гражданина социалистического общества. На весах истории мы кладем действительно эпохальные завоевания трудящихся, достигнутые благодаря власти рабочего класса под руководством Коммунистической партии».

Марксистам чуждо сугубо идеалистическое, абстрактное, «внеклассовое» отношение к правам человека, к его свободе. Абстрактная свобода все равно, что абстрактный хлеб, — им никого не накормишь. Необходимо подлинно научный, конкретный подход к правам человека. А такой подход показывает прежде всего, что поскольку существуют две противоположные общественные системы — капитализм и социализм, а в капиталистических странах противоположные классы — буржуа и пролетарии, между которыми идет борьба, то свобода для одних означает несвободу для других. Например, свобода эксплуатации для капиталистов — рабство для трудящихся. Непременное условие свободы для трудящихся — подавление эксплуататоров, посягающих на их свободу. От этого никуда не уйдешь, сколько бы ни разглагольствовать о свободе и правах человека вообще. Выходит, что «единая», «неделимая» в устах буржуа свобода на деле весьма и весьма «делима».

В. И. Ленин писал: «Пока не уничтожены классы, всякие разговоры о свободе и равенстве вообще являются самообманом или обманом рабочих, а также всех трудящихся и эксплуатируемых капиталом, являются, во всяком случае, защитой интересов буржуазии. Пока не уничтожены классы, при всяком рассуждении о свободе и равенстве должен быть поставлен вопрос: свобода для какого класса? и для какого именно употребления? равенство какого класса с каким? и в каком именно отношении? Обход этих вопросов, прямой или косвенный, сознательный или бессознательный, является неизбежно защитой интересов буржуазии, интересов капитала, интересов эксплуататоров. Лозунг свободы и равенства, при умолчании об этих вопросах, о частной собственности на средства производства, есть ложь и лицемерие буржуазного общества, которое формальным признанием свободы и равенства прикрывает фактические, экономические несвободу и неравенство для рабочих, для всех трудящихся и эксплуатируемых капиталом, т. е. для громадного большинства населения во всех капиталистических странах»¹.

Буржуазные идеологи под борьбой за свободу и права человека подразумевают борьбу за узкокорыстные права эксплуататоров, прежде всего, как говорилось во французской конституции 1793 года и в кодексе Наполеона, борьбу за «свободу распоряжаться по своему усмотрению своей собственностью». Еще О. Бланки отмечал, что буржуазная свобода есть «не что иное, как неограниченная возможность приобретать», то есть эксплуатировать трудящихся. «Практическое применение права человека на свободу, — писал К. Маркс о капиталистическом обществе, — есть право человека на частную собственность»².

Для буржуазии сущность прав сводится к праву обладать частной собственностью и с ее помощью эксплуатировать трудящихся. Для рабочего класса понятие свободы и прав человека заключается прежде всего в праве ликвидировать частную собственность и эксплуатацию человека человеком, уничтожить все виды социального гнета, создать условия для всестороннего развития каждого члена общества. Вот это и есть подлинно общечеловеческое понимание свободы и прав человека — ведь оно соответствует интересам подавляющего большинства людей на Земле.

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, том 41, стр. 425—426.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, том 1, стр. 400.

Это право вытекает из объективной логики исторического развития, сделавшего рабочий класс создателем главнейших богатств общества, и оно с исчерпывающей глубиной теоретически обосновано идеологами пролетариата. К. Маркс научно доказал в «Капитале», что не кто-нибудь, а именно рабочий класс производит основные жизненные блага, и он, и только он, должен и будет владеть ими. Мысль эта великолепно выражена в международном пролетарском гимне «Интернационал»: «Лишь мы, работники всемирной великой армии труда, владеть землей имеем право, но паразиты — никогда».

Действуя в интересах «сытых», буржуазные идеологи меньше всего пекутся о социальной свободе и о материальных потребностях и правах человека, презрительно называя их «желудочной свободой» и «желудочными правами». На первый план они выдвигают свободу «духа», загоняя ее в замкнутый мирок личного бытия или же узко понимаемого участия в политической жизни (главным образом в выборах и в борьбе за различные реформы). Для одиночки, добывающегося личного успеха, предоставляются относительно широкие возможности: крутись и вертись как хочешь и как можешь. Такая «свобода» одиночек не страшна эксплуататорам и их государству. Именно ее и выдают за абсолютную ценность. Что же касается отношений в производстве, в социальной жизни вообще, то тут уж требуется беспрекословное подчинение «порядку», государству монополистического капитала. Но с ним в одиночку не справиться, для этого нужна организованная сила эксплуатируемых. Именно поэтому буржуазия всячески стремится ограничить свободу организации трудящихся. Репрессивный аппарат капитала бдительно следит, чтобы массы не выходили из повиновения.

Совершенно по-другому, с подлинно человеческих, марксистско-ленинских позиций подходят к оценке свободы и прав человека коммунисты. Цель социализма, тем более коммунизма — обеспечить в с е с т о р о н н е е развитие каждого члена общества. И коммунисты борются за обеспечение в с е х потребностей и прав человека, дающих возможность всестороннего развития. Прежде всего материальных прав и потребностей, поскольку это основа существования и нормального развития. Еще Шарль Фурье писал: «Предоставьте бедняку все политические свободы, предоставьте ему право голоса, право избирать и быть избранным, — все равно он не станет свободным ни на йоту! Все это не избавит его от необходимости каждый день отыскивать себе хозяина, чтобы заработать свой хлеб насущный. Какое ему дело до политических свобод, если вы лишаете его социальной свободы!»

Вот почему марксисты-ленинцы на первый план выдвигают социальные права трудящихся, рассматривая права политические прежде всего как средство обеспечения социальных прав.

Для конституций и законодательств буржуазных государств характерен разрыв между правами и обязанностями, причем права предоставляются эксплуататорам, а обязанности — эксплуатируемым, трудящимся массам. Разумеется, в законах это обычно не зафиксировано, но практически у трудящихся нет средств пользоваться правами, эксплуататоры же, пользуясь правами, могут откупиться от выполнения многих обязанностей (нередко даже от службы в армии, тем более в качестве рядовых). В социалистическом обществе — и это закреплено в Конституции и законодательстве — права и обязанности едины. Права обеспечиваются для всех граждан так же, как обязанности возлагаются на всех. Это и есть реальное равноправие. В постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции» отмечалось: «Социалистическая демократия — это единство прав и обязанностей, подлинной свободы и гражданской ответственности, гармоничное сочетание интересов общества коллектива и личности».

Надо сказать, что при социализме из-за различий в квалификации работников, между трудом умственным и физическим, между городом и

деревней еще не все граждане располагают одинаковыми возможностями для использования предоставленных им прав. Однако различия эти все более устраняются. Коммунистическая партия и социалистическое государство делают все, чтобы максимально обеспечить возможность использования прав каждым гражданином. Особенно этому способствуют быстро растущие фонды общественного потребления.

Абстрактно подходу к проблеме прав человека и равноправия, наши противники обычно вопрошают: почему стоящая у власти буржуазия, по крайней мере в буржуазно-демократических государствах, предоставляет рабочему классу возможность иметь свою прессу, свою коммунистическую партию, которая прямо заявляет, что она враждебна капитализму и борется за его уничтожение, а стоящие у власти рабочий класс и его коммунистическая партия не дают в социалистических странах буржуазии и ее приспешникам возможности бороться против социализма? На этом «основании» делается вывод о том, что в капиталистических странах — свобода и равноправие для всех, а в социалистических странах — «неравноправие». Но от этого «убийственного» довода ничего не останется, если рассмотреть проблему не абстрактно, а конкретно. Все дело в коренном различии условий существования господствующей в капиталистических странах буржуазии и стоящего у власти в социалистических странах рабочего класса.

Начать с того, что буржуазия не может существовать без рабочего класса, рабочий же класс великолепно обходится без буржуазии, уничтожение этого паразитического класса — непереносимое условие свободы пролетариата. Рабочий класс «нужен» всему человечеству, а буржуазия не только не нужна, но представляет опасность для него (напомним хотя бы об угрозе истребительной ядерной войны, которую готовит империализм). Ни о каком «равенстве» между буржуазией и рабочим классом и речи быть не может. Пролетариат создает все основные жизненные блага для общества. Он непрерывно растет количественно, становится все более сознательным, культурным, организованным. Естественно, он упорной борьбой завоевывает и отстаивает свои права. И вот эти права трудящихся, завоеванные вопреки воле буржуазии, она объявляет неотъемлемой принадлежностью ее демократии. На деле же, будь на то воля буржуазии, от этих прав не осталось бы и следа, поскольку они ограничивают произвол эксплуататорского класса и используются трудящимися для укрепления своих сил. Не надо забывать и о том, что буржуазия предоставляет права трудящимся лишь в том случае, когда нет угрозы основам капиталистического строя. Как только такая угроза возникает, буржуазия (если она в состоянии) ликвидирует демократические завоевания трудящихся и открыто переходит к террористическим методам правления. Свидетельство тому — исторический опыт последних полутора столетий.

Демократические права трудящихся в условиях капитализма — это отнюдь не проявление демократизма буржуазии. Они существуют, повторим, только потому, что буржуазия не может существовать без рабочего класса, который и завоевывает эти права.

Победивший же в социалистической революции рабочий класс прекрасно может обойтись без буржуазии, более того, победа социалистического строя немыслима без ликвидации этого класса. И так как устранение буржуазии — необходимое условие для полного освобождения народных масс, всего человечества, то этот акт с общечеловеческой точки зрения — высшая историческая справедливость. И ясно, что претензии эксплуататоров на «равноправие», на предоставление им и их приспешникам каких-либо «прав» в социалистическом обществе абсолютно беспочвенны.

Предоставить антисоциалистическим элементам, агентам буржуазии, всякого рода диссидентам свободу бороться против социализма означало бы дать возможность подрывать социалистическое общество изнутри, ослаблять его перед лицом империализма, который и по людским ресур-

сам и по экономическому потенциалу пока еще значительно превосходит страны социалистического содружества.

Ясно также, почему, призывая развивать критику недостатков, еще встречающихся в различных областях жизни, Коммунистическая партия и наше государство не допускают дискуссии только по одному вопросу — о правомерности социалистического строя. Вопрос о том, быть в нашей стране капитализму или социализму, давным-давно решен трудящимися. О нем было немало дискуссий — и в ходе Октябрьской социалистической революции, и на полях трехлетней гражданской войны, и в борьбе за решение вопроса «кто кого?» в переходный период, и в упорнейших боях четырехлетней Великой Отечественной войны. Позволить всякого рода отщепенцам вновь поднимать этот вопрос, предоставить им газеты, телевидение и радио для антисоциалистической пропаганды было бы не демократией, а недостойной игрой в демократию, это вызвало бы всеобщее возмущение советского народа, было бы не только чудовищной нелепостью, но и надругательством над памятью о тех миллионах и миллионах людей, которые отдали жизнь за победу социализма в нашей стране. Не бывать этому, сколько бы и как бы ни старались всякого рода империалистические «голоса» и их подголоски из числа защитников «чистой» демократии и абстрактной свободы! «Для врагов свободы никакой свободы» — этот тезис Великой французской революции XVIII века справедлив и в наши дни.

МНОГОПАРТИЙНОСТЬ И ОДНОПАРТИЙНОСТЬ

Для доказательства демократичности капитализма наши противники обычно ссылаются на наличие в буржуазно-демократических странах множества партий, что дает людям возможность «выбора». Социализм же они объявляют «недемократичным», поскольку при нем нет «свободы выбора». Тут надо сразу отметить, что вопрос о многопартийности при социализме двусторонний: многопартийность вообще и наличие оппозиционных партий, выступающих против основ социалистического строя. Это связано с различным отношением рабочего класса к крупной монополистической и мелкой буржуазии. Рабочий класс открыто объявляет себя противником монополистической буржуазии, стремится ликвидировать ее в ходе социалистической революции и строительства социализма и поэтому, естественно, всячески ограничивает свободу буржуазных партий. В то же время рабочий класс объединяет вокруг себя массы мелкой буржуазии (крестьянство, ремесленники, служащие и т. д.). Их коренные интересы совпадают с интересами пролетариата. Однако есть и некоторые специфические различия, и это создает объективную основу для существования при социализме политических партий непролетарского характера и для сотрудничества с ними коммунистических партий. Жизнь показывает, что для социализма вопрос о такого рода многопартийности не принципиальный, а конкретно-практический.

В Советской стране сразу после Октябрьской социалистической революции действовали, помимо Коммунистической, и другие партии (меньшевики, эсеры). Никто не покушался на их существование, более того, партия большевиков заключила соглашение о сотрудничестве с левыми эсерами, представители которых входили в состав Советского правительства. Однако затем партии меньшевиков и эсеров стали на сторону контрреволюции и были разбиты в ходе ожесточенной гражданской войны. Сама история обусловила однопартийность в Советской стране.

Ныне в ряде социалистических стран коммунистические партии, борясь за создание и укрепление фронта демократических сил, осуществляют сотрудничество с союзническими партиями. В этом отражается сотрудничество дружественных классов, коренные интересы которых совпадают. Таким образом, ясна лживость утверждений наших противников о принципиальной несовместимости социализма с многопартийностью.

Однако многопартийность в социалистическом обществе совсем иная, чем в обществе, раздираемом антагонистическими противоречиями между эксплуататорами и эксплуатируемыми. Для многопартийности, предполагающей наличие политической оппозиции новому строю (а в качестве оппозиции может выступать лишь буржуазия), в социалистических странах ныне нет объективных условий. Она попросту беспочвенна, поскольку все классы заинтересованы в поддержке и развитии социализма.

Некоторые братские партии в капиталистических странах возлагают определенные надежды на приход к власти в коалиции с другими партиями, предусматривают возможность деятельности в рамках социалистического строя оппозиционных партий, в том числе и несоциалистических, следовательно, и их антисоциалистических выступлений. Понятно, что в качестве программных концепций братские партии вправе выдвигать такую перспективу. Для нее в будущем могут возникнуть соответствующие условия, хотя эта возможность еще нигде не превратилась в действительность и было бы вредно ее абсолютизировать. Но недопустимо, чтобы стоящие у власти в социалистических странах коммунистические партии приспосабливали свою реальную политику к такой концепции: это противоречило бы конкретным историческим условиям социалистических стран. То, что в некоторых странах ныне кажется возможным для переходного периода от капитализма к социализму (существование оппозиционных партий), совершенно бессмысленно для победившего социализма, когда нет социальных групп, оспаривающих правомерность социалистического строя.

Такая многопартийность, как в капиталистических странах и какую кое-кто пытается навязать социалистическим странам, не только не может служить признаком демократизма общества, но отражает его хаотичность, наличие антагонистических конфликтов. Дело в том, что частная собственность и частнособственнические отношения разъединяют людей, противопоставляют их друг другу. Поэтому эксплуататоры не могут создать какое-либо прочное объединение, устойчивую организацию. Они, по словам Маркса, создают лишь иллюзорную общность, они едины лишь в защите своих классовых интересов в борьбе против пролетариата, в остальном же эксплуататоры анархичны. В буржуазном обществе идет борьба не только между господствующими классами и трудящимися, но и между самими эксплуататорами, их монополистическими группами. Для защиты своих интересов различные группировки буржуазии (крупные монополисты, средняя часть буржуазии, мелкие буржуа и т. д.) создают свои партии, которые постоянно грызутся между собой. Однако все они не только не посягают на основы капитализма, но всячески выступают за его сохранение и укрепление. Тут все они едины.

Отражая эту реальность капитализма, идеологи буржуазии признают демократическим лишь то общество, где есть множество партий, существует плюрализм в социальной и политической жизни. Иначе говоря, объективно обусловленную хаотичность капиталистического общества, находящую выражение в многопартийности и грызне между различными буржуазными партиями, эксплуататоры выдают за добродетель, за «образцовую» свободу.

Конечно, если сравнить буржуазно-демократические порядки с фашистским режимом, при котором подавляется деятельность не только партий

рабочего класса, но, как правило, и всех других партий, кроме фашистской, то буржуазная демократия выглядит, прогрессивной. Если же ее сравнить с социалистическим обществом, то она окажется историческим анахронизмом.

Буржуазный и мелкобуржуазный анархизм и социалистическая организованность — это два противоположных взгляда на жизнь, две нормы поведения людей, два в корне различных подхода к пониманию свободы, прав человека. Буржуазное понимание свободы на деле оборачивается требованием полной безответственности перед обществом (свобода эксплуатации, конкуренции, пропаганды войны, насилия, расизма, гангстеризма и т. д.).

Трудящиеся же сознают, что основой любой свободы служит объективная необходимость, что, живя в обществе, человек не может быть свободен от него, что свобода каждого гражданина ограничена такой же свободой всех других граждан. Поэтому не в войне всех против всех, когда сильный топчет слабых, а в понимании ответственности перед обществом и в объективно необходимой организованности видят трудящиеся правильный путь развития общества. Дисциплина — родная сестра свободы.

По самим условиям своего существования рабочий класс стремится к организации и располагает объективной возможностью создать ее. В этом его главное преимущество в борьбе за свое освобождение. Ленин подчеркивал, что у пролетариата нет никакого другого оружия в борьбе против всесильного капитала, кроме организации. Это относится и к пролетариату буржуазных стран и к рабочему классу, завоевавшему политическую власть. Организованность и сплоченность трудящихся социалистических стран — главный источник их силы в противостоянии мировому империализму. Но именно организованность социалистического общества идеологи буржуазии объявляют «несвободой», «бесправием», «насилием над личностью» и т. п. Ведя борьбу против этой организованности под флагом обеспечения прав человека, империалисты хотели бы добиться возможности разрушать социалистическое общество изнутри, ослаблять его перед лицом пока еще весьма сильных врагов. Тем самым они хотели бы лишит социалистическое общество самого главного источника его силы — организованности.

Организованность социалистического общества создается прежде всего руководством Коммунистической партии — носительницы сознательного начала в обществе, гаранта подлинных, реальных прав граждан. Именно поэтому противники социализма с таким рвением нападают на Коммунистическую партию, утверждая, будто ее руководство обществом несовместимо с индивидуальной свободой граждан. Западногерманская газета «Генераль-анцайгер» в связи с шумихой о «правах человека» писала: «Перед Востоком стоит непростая дилемма, а именно по существу неразрешимое противоречие между притязанием партии на абсолютное политическое и общественное руководство, с одной стороны, и правом каждого человека в отдельности на личную свободу — с другой».

Действительно, для тех, кто не мыслит иного общества, кроме буржуазного, где отдельные собственники, а также различные классы разъединены и борются между собой, представить себе наличие одной партии как руководящей силы всего общества попросту невозможно. Идеинный и политический плюрализм для такого общества — норма существования. Но в социалистическом обществе, притом в обществе зрелого социализма, где коренные интересы всех социальных групп: рабочих, крестьян, интеллигенции, всех населяющих страну народов — совпадают, и их с наибольшей полнотой и научной глубиной выражает Коммунистическая партия, — в таком обществе нет возможности, нет необходимости существования враждующих партий. Кого же они здесь могли бы представлять, какую политику проводить? Трудящиеся не допустили бы иной политики, кроме той, которую

в коренных интересах масс проводит Коммунистическая партия, пользующаяся горячей поддержкой всего народа.

Идейный и политический плюрализм, существование многих партий в обществе не может быть условием свободы и гарантией прав человека. Ведь истина не плюралистична, а монистична. Как, стреляя в мишень, промахнуться можно тысячами способов, а попасть в цель — только одним, так и с познанием истины. По любому вопросу ошибочных взглядов может быть бесчисленное количество, правильный же, адекватно отражающий объективную закономерность, — только один. Истина однозначна, она не терпит плюрализма. Различные буржуазные и мелкобуржуазные партии в странах капитала, отражая интересы отживших классов, основывают свою деятельность на антинаучных позициях. Кажущаяся широкая свобода выбора какой-либо из партий — это лишь свобода выбора одной из таких антинаучных, но, несомненно, прокапиталистических позиций. Это иллюзорная свобода. Люди, поддерживающие ту или иную из этих партий, действуют вслепую, поскольку политика всех таких партий расходится с объективным ходом истории.

В современном мире только одна партия строит свою политику на последовательно научном фундаменте — Коммунистическая, знаменем которой служит марксизм-ленинизм, подлинная наука об обществе. Те, кто проводит или поддерживает эту политику, — в полном смысле свободные граждане, так как они действуют не вслепую, а на основе познания объективной необходимости. Выбор между позицией Коммунистической партии и всякой иной позицией — это выбор между истиной и многочисленными заблуждениями. Выступать за плюрализм в этом случае может только тот, для кого беспочвенный анархистский волюнтаризм выше стремления к истине.

Правильность политики Коммунистической партии обеспечена тем, что она разрабатывается на основе единственно верной науки об обществе, марксизма-ленинизма, тем, что она вырабатывается вместе со всем народом, корректируется на основе практической деятельности народных масс (в том числе широко развиваемой критики и самокритики), тем, что ее жизненность проверяется реальными результатами.

Партия контролирует деятельность всех своих членов, какой бы высокий пост они ни занимали. Так, партия осудила культ личности и приняла меры, гарантирующие от его повторения.

В выработке, корректировке и осуществлении политики Коммунистической партии на всех уровнях — от первичных парторганизаций до Центрального Комитета КПСС, от бригад предприятий и колхозов до министерств, от местных Советов до Верховного Совета СССР — имеют возможность принимать и принимают реальное участие и коммунисты и беспартийные, практически все граждане страны. Этому служат партийные, профсоюзные, комсомольские собрания, сессии Советов всех уровней, производственные совещания, все средства массовой информации — печать, радио, телевидение и т. д. Так достигается гармоничное сочетание руководства Коммунистической партии обществом и личных интересов и прав каждого гражданина страны.

Это значит, что руководство одной, Коммунистической партии социалистическим обществом не только не расходится с правом каждого отдельного человека на личную свободу, но служит единственно надежной основой правильно понимаемой личной свободы каждого члена общества. Трудящиеся социалистических стран прекрасно знают это. Характерно, что в случае ущемления своих законных прав они обращаются не только в соответствующие государственные, но и в партийные органы, как органы высшей справедливости. И всегда находят самую последовательную защиту своих прав, ибо никаких других интересов, кроме интересов народа, у Коммунистической партии нет и быть не может.

РЕАЛЬНЫЕ ПРАВА И РЕАЛЬНОЕ БЕСПРАВИЕ

Во всех областях жизни — социально-экономической, общественно-политической, духовной — социализм обеспечивает народным массам такие права, о которых они могли лишь мечтать в условиях эксплуататорского общества. Главное из этих прав — право быть коллективным собственником средств производства, вместе со всеми другими гражданами быть хозяином всех богатств, какими располагает общество. «Поборники» прав человека на Западе ничего не могут противопоставить этому главному, решающему праву гражданина социалистического общества. Достаточно сказать, что в США 1 процент богатейших семей владеет 51,1 процента всех богатств страны; в ФРГ в руках 1,7 процента семей сосредоточено 74 процента всех средств производства, а 0,75 процента семей держат 90 процентов акций всех предприятий этой страны.

В капиталистическом обществе подавляющее большинство народа (за исключением горстки богачей) несет на себе ярмо эксплуатации и всех других видов социального гнета. Общественная собственность на средства производства дает каждому гражданину социалистического общества великое право быть свободным от эксплуатации.

Буржуазные идеологи, разглагольствуя о правах человека, словно бы забывают о том, что прежде всех других прав общество, государство должно обеспечить каждому право на жизнь. Чтобы жить, человеку необходимо питаться, одеваться, иметь крышу над головой. Но именно этих прав капитализм даже в самых богатых странах не обеспечивает. Средства на жизнь трудящиеся должны заработать. А вот как раз права на труд ни одно капиталистическое государство не обеспечивает. Кому не известно, что во всех капиталистических странах увеличивающаяся с каждым годом безработица стала, так сказать, нормой жизни. Заметим, что труд не только источник существования, но и главное средство развития и самоутверждения личности в обществе. Преступление капитализма и в том, что, лишая миллионы людей, особенно молодежь, возможности трудиться, он обрекает громадную часть населения не только на нищету, но и на духовную деградацию. В то же время хроническая безработица, экономические кризисы и спады, инфляция вызывают и у работающих постоянную неуверенность в завтрашнем дне, страх за свое будущее. Этот страх усиливается опасностью оказаться без крова за невнесение очень высокой, как правило, квартирной платы, оказаться беспомощным в случае болезни (поскольку медицинское обслуживание стоит громадных денег), оказаться в полной нищете на старости лет или в случае инвалидности, так как огромная масса трудящихся не обеспечивается пенсией, и т. д.

Поборники прав человека на Западе с незуитским лицемерием обычно обходят все это молчанием. И поистине как печальный парадокс воспринимается тот факт, что буржуазной пропаганде в наши дни — при обострении экономического кризиса, громадном росте безработицы, инфляции — в определенной степени удается отвлечь внимание масс от этих неизлечимых пороков капитализма болтовней о «советской военной угрозе» и «нарушении прав человека» в социалистических странах.

Социализм, провозгласивший лозунг «Все во имя человека, все для блага человека», на деле осуществляет его. Страны социализма все убедительнее демонстрируют свой глубочайший гуманизм, подлинную заботу о полном обеспечении прав каждого труженика. Самое яркое проявление этой заботы — Конституция СССР 1977 года. Она провозглашает великие права советских граждан и дает реальные гарантии права на труд, на отдых, на охрану здоровья, на материальное обеспечение в старости, в случае болез-

ни, а также полной и частичной утраты трудоспособности и потери кормильца, права на жилище и другие.

Обеспечение прав граждан в социально-экономической области гарантирует нормальную и достойную человека жизнь каждому члену общества, создает уверенность в завтрашнем дне, служит необходимой основой для использования прав также в общественно-политической и духовной жизни.

Характерно, что если трудящиеся капиталистических стран иногда добиваются тех или иных улучшений материального положения, то это результат их непрерывной классовой борьбы. Без борьбы от буржуазии ничего не получишь. В социалистическом обществе постоянное повышение материального и культурного уровня жизни трудящихся — закон его развития. И повышается этот уровень не в результате борьбы, а по мере роста общественных богатств, которые создаются для трудящихся, и только для них, и распределяются социалистическим государством с разумной целесообразностью.

Противники социализма потому и молчат о социальных правах человека, что им нечего противопоставить социалистическому строю в этой главной и решающей области общественной жизни.

В то же время они делают все от них зависящее, чтобы затруднить социалистическим государствам возможность непрерывно повышать уровень жизни трудящихся, — всячески противятся проведению этими государствами миролюбивой политики, навязывают им гонку вооружений, подвергают их экономической блокаде и т. д. (Вспомним хотя бы недавние распоряжения правительства США о замораживании торговли, научно-технического и культурного сотрудничества с СССР.) Однако ничто не может помешать социалистическим государствам добиваться неуклонного повышения благосостояния трудящихся, и они каждодневно демонстрируют свое историческое превосходство над капитализмом.

То же самое надо сказать и о правах в духовной сфере. В современных условиях человеку для производительного труда необходимо получить сравнительно высокое образование и постоянно пополнять свои знания. Поэтому право на образование — одно из важнейших для каждого. Обеспечивают ли его те на Западе, кто объявляет себя защитником прав человека? Нет, не обеспечивают. Даже в тех капиталистических странах, где законодательство предусматривает определенное образование для граждан, миллионы и миллионы детей трудящихся, прежде всего из-за имущественных ограничений, не получают не только среднего, но часто и начального образования. Высшая же школа во всех странах капитала — практически монополия эксплуататоров. Высокая плата за обучение в университетах — барьер, непреодолимый для трудящихся.

Социализм каждому обеспечивает право на образование: все виды обучения бесплатны, обязательно всеобщее среднее образование, широко развито высшее образование, в том числе вечернее и заочное, учащимся, студентам предоставляются государственные стипендии и другие льготы. Все это и многое другое делает социалистическое общество самым образованным в мире.

Далее. Для всестороннего развития человек постоянно нуждается в пополнении своих знаний, в приобщении к действительным завоеваниям культуры. Обеспечивает ли это право капитализм? Нет, не обеспечивает. Во всех странах капитала через так называемую «массовую культуру» люди получают лишь крохи подлинных знаний о мире и его закономерностях. Зато на них каждодневно выливается мутный поток лжекультуры. Из всех сил стараются преуспеть в этом газеты, журналы, театр, радио, телевидение и т. д. Буржуазное общество и в духовной, как и во всех других областях, заботится не о свободе и праве граждан приобщаться к подлинной культуре, а о свободе и праве дельцов от культуры наживаться и развращать народные массы.

Только социализм, изымая средства культуры из рук бизнесменов и передавая их в руки государству, заинтересованному в постоянном повышении духовного уровня трудящихся, на деле обеспечивает неотъемлемое право народных масс на овладение культурными ценностями. Надо добавить, что социалистическое общество обеспечивает условия не только для потребления культурных ценностей, но и для их всенародного создания. Государственная система развития научных исследований, изобретательства и рационализации производства, постоянная забота о художественной самодеятельности, приобретшей широчайший размах, все эти и многие другие меры на деле обеспечивают народу подлинные права, свободу научного, технического и художественного творчества. Ничем подобным не в состоянии похвастать «защитники» прав человека на Западе. Наши противники не могут назвать ни одного капиталистического государства, где, к примеру, художественная самодеятельность получила бы такой же размах, как в СССР и других социалистических странах.

То же самое и в отношении физического развития членов общества. Система физического воспитания в буржуазных государствах опять-таки в руках дельцов, которых интересует только прибыль, получаемая от «звезд» спорта, от эксплуатации стадионов, спортивных площадок, плавательных бассейнов и т. п. Поэтому спортивные сооружения практически недоступны массам. Иное дело в социалистических странах. Укреплению здоровья людей способствуют постоянное повышение благосостояния и культуры трудящихся, совершенствование здравоохранения, забота об улучшении экологических условий. Помимо этого, вся государственная система физического воспитания направлена на достижение действительного физического совершенства членов общества. Недаром ныне провозглашена и успешно решается задача превратить физкультуру и спорт из массового во всенародное движение. Не случайны также становящиеся закономерными победы спортсменов СССР и других социалистических стран на международных соревнованиях.

Таким образом, какую бы сторону социально-экономической и культурной жизни ни взять, капитализм не только не обеспечивает прав человека, но на каждом шагу попирает их. Социализм же провозглашает и реально обеспечивает такие права. И чем более зрелым становится социалистическое общество, тем полнее оно обеспечивает основные, жизненно важные права граждан. Сама действительность разоблачает антисоциалистические измышления современных «защитников» прав человека на Западе, их лживость и чудовищное лицемерие.

Некоторые наши противники иногда говорят: о социальных правах мы с вами не спорим, а вот что касается прав политических... Но если перейти к анализу реальной действительности, то обнаружится, что и в политической жизни социализм несравнимо демократичнее капитализма.

Каково конкретное содержание политических прав? Это прежде всего равноправие всех граждан, равные возможности влиять на различные сферы политической, экономической и духовной жизни. Могут ли те деятели Запада, которые пытаются преподавать уроки социалистическому обществу в отношении прав человека, утверждать, что капитализм дает равные права всем гражданам? Ни в какой мере. Ясно, что в обществе, основанном на чистогане, наибольшими возможностями влиять на различные области жизни располагает тот, у кого в руках наибольшие капиталы. Скандальные разоблачения подкупа не только отдельных лиц, но даже правительств такими компаниями, как, к примеру, «Локхид» и многими другими, — яркое тому подтверждение. Если капитализм обеспечивает равные права для всех, как это тщатся доказать самозванные поборники прав человека, то почему же в сенате США нет ни одного рабочего? В высшем органе власти Страны Советов — Верховном Совете СССР десятого созыва — рабочих и колхозников более половины. В Верховных Советах союзных

и автономных республик и в местных Советах рабочих и колхозников около семидесяти процентов; среди депутатов 56,8 процента беспартийных. Вопиющее социальное неравенство, неравноправие в политической жизни капиталистических стран настолько очевидны, что только отъявленные лицемеры и потерявшие остатки совести наглецы могут это отрицать.

А национальное неравноправие! Кому не известны массовые проявления расизма в США, события в Северной Ирландии, кто не знает возникшую в последние десятилетия проблему иностранных рабочих — париев даже среди своих собратьев по классу! Кто не знает о непрекращающихся неокOLONIALИСТСКИХ поползновениях империалистических государств в отношении народов развивающихся стран! Неравноправие женщин, молодежи в странах капитала — все это факты, которые даже буржуазная печать вынуждена признавать и время от времени ханжески вздыхать о «несправедливостях жизни».

Социализм обеспечил и все более утверждает подлинное социальное и национальное равноправие членов общества. Это — действительное равноправие, оно не зависит от имущественного положения, пола, национальности, расы, социального происхождения, образования, вероисповедания и т. д.

При социализме еще сохраняются различия в доходах граждан, обусловленные уровнем квалификации, элементами прежнего разделения труда и т. д. Но эти различия все более стираются. Главное же в том, что при социализме никакие преимущества тех, кто получает более высокий доход или занимает более высокое социальное положение, не дают им реальной возможности, не говоря уже о праве эксплуатировать других людей, использовать их труд для личного обогащения. Труд — основа жизни человека и основа его прав. А права эти в решающей степени определяются трудовым вкладом каждого в общее дело. Кто вносит наибольший вклад, тот и пользуется наибольшей славой и почетом.

Содержание политических прав человека — его реальная возможность влиять на дела предприятия, учреждения, в котором он работает, города, села, территориальной единицы (района, области и т. п.), где он живет, наконец, всего государства. В этом отношении права гражданина социалистического общества и в сравнение не могут идти с правами людей в капиталистическом обществе.

Аппарат государственной власти буржуазии построен таким образом, чтобы отстранить трудящихся от участия в управлении на всех уровнях и во всех областях — в экономике, политике, духовной жизни, чтобы обеспечить власть капиталу.

Какими реальными средствами обладают трудящиеся стран капитала для влияния на дела «своего» предприятия, учреждения? Практически никакими. Предприниматель, управляющий, босс, шеф — абсолютные хозяева, они все и вершат, начиная от приема и увольнения работников до определения их разрядов, должностей, зарплаты, не говоря уже об организации производственного процесса, номенклатуры изделий и т. д. Трудящиеся беззащитны перед хозяином. Права профсоюзов весьма невелики и постоянно нарушаются. А пожаловаться на хозяина или на управляющего практически некуда. Аппарат буржуазного государства на его стороне: деньги всемогущи. Не меньшее бесправие в территориальных единицах. Права избираемых населением муниципальных органов ограничены узкобытовыми вопросами, а реальная власть принадлежит полиции, явной и тайной, продажному чиновничеству и военному аппарату.

Тем более не может простой человек оказать влияние на дела всего буржуазного государства. Формально он обладает правом критики правительства, президента и т. д. Но есть ли возможности использовать это право? Практически нет. Ведь весь арсенал пропаганды в руках бизнесменов. На страницах своих газет, в передачах по радио и телевидению они «дают» лишь то, что их устраивает.

Если же человек и найдет способ выразить свое мнение о действиях правительства, президента, то ничего это не изменит. Главное ведь в том, что даже формальное право критики буржуазных правительств и порядков вообще допускается лишь до тех пределов, пока не создается угроза основам капиталистического строя. И если такая угроза возникнет, сразу слово предоставляется его величеству штыку.

Западные «защитники» прав человека не только не осуждают террористические действия правительств в таких странах, как Чили, Парагвай, Южная Корея, Пакистан, и многих других, но всячески поддерживают реакционные режимы.

Реальное влияние на политику в буржуазном обществе оказывают опять-таки лишь те, кто обладает капиталом. Механика хорошо известна: подкуп чиновников, парламентариев, министров, травля неугодных и восхваление «нужных» людей продажными газетами, радио, телевидением. К смене правительств, президентов приводит только вмешательство крупного бизнеса. Об этом, в частности, свидетельствует устранение президента США Р. Никсона под давлением его могущественных противников.

При социализме система политической власти организована таким образом, чтобы привлечь широчайшие массы народа к управлению всеми делами государства сверху донизу. Это участие осуществляется и непосредственно и через выборных представителей. Производственные совещания, профсоюзные, комсомольские собрания дают каждому работнику возможность обсуждать всю производственную деятельность, влиять на планирование производственного процесса, на прием и увольнение работников, на повышение или понижение их в должности, разряде, на распределение жилищного фонда, на работу предприятий общественного питания и бытового обслуживания, на культурно-массовую работу — словом, на все стороны жизни того или иного производственного коллектива. Коммунистическая партия повседневно заботится о все более широком вовлечении масс в управление производством.

Даже в буржуазно-демократических странах лишь небольшая часть трудящихся объединена в профсоюзы. В странах социализма профсоюзы объединяют практически всех работающих, причем профсоюзные организации наделены широкими правами.

Администрация социалистических предприятий — это не представители предпринимателя, капиталистической фирмы, а представители социалистического государства, трудящиеся, они призваны защищать и осуществлять интересы всего народа, обеспечивать законные права каждого работника. Если где-либо допускается нарушение этих законных прав, то у каждого труженика в тысячу раз больше возможностей добиться справедливости, чем у рабочего в капиталистическом государстве. Партийная, комсомольская, профсоюзная организации, заводская печать стоят на страже и общественных интересов и законных прав каждого трудящегося.

То же самое и в отношении возможности граждан социалистического общества реально влиять на дела своего села, района, города и т. д. Весь государственный аппарат построен таким образом, чтобы привлечь к управлению как можно более широкие массы народа. Советы с их секциями, занимающиеся самыми различными делами — хозяйственными, бытовыми, культурными, сферой обслуживания и т. д., — вовлекают в свою деятельность не только депутатов, избранных населением, но и широчайшие массы добровольных активистов. Сейчас школу управления государственными и общественными делами проходят 2,29 миллиона депутатов Советов, более 30 миллионов активистов Советов, 9,5 миллиона человек в органах народного контроля.

В Советской стране около ста общесоюзных добровольных обществ, многие из которых объединяют миллионы граждан (научно-технические общества — более шести миллионов, любителей книги — десять миллионов, «Знание» — более трех миллионов и т. д.). Материалы многих социологи-

ческих обследований показывают, что более шестидесяти процентов членов различных трудовых коллективов считают себя включенными в той или иной форме в общественную работу. Те же обследования свидетельствуют, что почти каждый второй трудящийся, будь то рабочий, колхозник, человек интеллигентной профессии, работает в выборных партийных и общественных органах, то есть непосредственно участвует в управлении различными областями производственной, социально-политической и культурной деятельности. Общественно-политическая активность граждан неуклонно растет. Например, если в 1973 году действовало 7272 внештатных отдела Советов, то в 1977 году — 9344. Вот это и есть реальный советский демократизм.

В социалистическом обществе каждый может добиться и добивается осуществления своих законных прав не только через государственные органы, но и через группы народного контроля, районную, городскую, общественную печать и т. д. Стоят на страже социалистической законности, охраняют права граждан и судебные, прокурорские органы. Конституция СССР устанавливает, что граждане СССР имеют право обжаловать действия должностных лиц, государственных и общественных органов. Жалобы должны быть рассмотрены в порядке и в сроки, установленные законом. Действия должностных лиц, совершенные с нарушением закона, с превышением полномочий, ущемляющие права граждан, могут быть в установленном законом порядке обжалованы через суд.

Наконец, у каждого гражданина социалистического общества есть возможность реально влиять на дела всего государства. Во-первых, в противоположность буржуазному государству, являющемуся, по словам К. Маркса, лишь комитетом по управлению делами капиталистов, социалистическое государство — это подлинно народное государство, оно выражает и осуществляет интересы не паразитов-эксплуататоров, а трудящихся, и только трудящихся. Весь его механизм поставлен на службу защиты и осуществления их прав. Да и какие же другие права, кроме прав трудящихся, оно могло бы защищать?

Во-вторых, весь механизм социалистического государства построен таким образом, чтобы максимально учитывать в практической деятельности мнения народных масс. Граждане социалистического общества все активнее используют свои права. Если в обсуждении проекта Конституции СССР в 1936 году принимало участие 52 миллиона человек, а в обсуждении проекта Программы КПСС в 1961 году — 82 миллиона человек, то в обсуждении проекта Конституции в 1977 году — свыше 140 миллионов человек.

Избираемые народом депутаты Советов всех рангов аккумулируют мнения трудящихся, которые высказываются на сессиях, заседаниях исполкомов Советов, в претензиях к различным государственным органам сверху донизу. Печать, радио, телевидение — это подлинно народные средства общения трудящихся. Редакции газет и журналов, радио и телевидение ежедневно получают тысячи писем от своих читателей, слушателей, зрителей. По всем этим письмам соответствующие организации принимают необходимые меры, а наиболее важные письма обнародуются. Как известно, Центральный Комитет КПСС принял ряд решений, требующих максимального внимания к письмам трудящихся.

В-третьих, демократизм социалистического общества с особой силой выражается в широчайшем развитии критики и самокритики. В буржуазных государствах такого нет и быть не может. Реальная критика буржуазных порядков и действий чиновников различных рангов там если и не запрещается формально, то до предела ограничена всеми условиями жизни — зависимостью от вышестоящих, невозможностью выразить свои критические замечания через средства пропаганды и т. д.

В социалистическом обществе критика — неотъемлемое конституционное право граждан. Статья 49 Конституции СССР гласит: «Каждый

гражданин СССР имеет право вносить в государственные органы и общественные организации предложения об улучшении их деятельности, критиковать недостатки в работе.

Должностные лица обязаны в установленные сроки рассматривать предложения и заявления граждан, давать на них ответы и принимать необходимые меры.

Преследование за критику запрещается».

Государственные органы, общественные организации трудящихся, средства массовой информации предоставляют всем советским гражданам максимальную возможность развивать критику недостатков деятельности и различных звеньев и отдельных работников, вносить свои предложения об исправлении этих недостатков. Для коммунистов критика — уставная обязанность.

Коммунистическая партия — направляющая сила развития социалистического общества, носительница и выразительница его сознательного начала, — руководит, естественно, и процессом практического осуществления социалистической демократии. Более того, социалистическая демократия — демократия нового, высшего типа — немыслима без руководства Коммунистической партии.

Для буржуазной демократии, как и для капиталистического общества в целом, характерна стихийность развития. Борьба между различными партиями, грызня между их представителями на выборах, взаимное поливание кандидатов, а затем депутатов грязью, безудержная демагогия, пустые обещания, продажность и, разумеется, полное пренебрежение к воле избирателей — такова буржуазная парламентская система. Анархическая суматоха создает видимость свободы выбора и выдается за действительную демократию. На деле же для трудящихся это лишь выбор одного из очередных угнетателей. К. Маркс отмечал, что выборы в буржуазно-демократических странах дают народным массам лишь возможность определить, какая партия будет в ближайшие годы их угнетать и подавлять. Примером может служить смена у власти республиканской и демократической партий в США, которая практически ничего не изменяет ни во внутренней, ни во внешней политике государства.

В социалистическом обществе выборы органов государственной власти — это прежде всего проверка правильности политики партии, степени поддержки ее народными массами. Выборы дают возможность обновлять народное представительство. Правами выдвижения наделены общественные организации. Действуют они, естественно, под руководством партийных органов, которые неразрывно связаны с массами, учитывают их настроения, хорошо знают людей своего предприятия, района, области и т. д.

В выборные органы выдвигаются лучшие из лучших представителей народа. Обеспечивается представительство от всех слоев трудящихся, от всех организаций. Поэтому при всенародном обсуждении и голосовании кандидаты получают поддержку избирателей.

Как и любой теоретический спор, спор о правах человека должен решаться и на деле решается практикой — единственным критерием истины. Права человека — это не самоцель, а средство, их конечное назначение — предоставить людям, народным массам максимальные в данных исторических условиях возможности для всестороннего развития. Только этой мерой можно измерять содержание и ценность прав человека. Какой строй — капитализм или социализм — создает условия для всестороннего развития граждан, — вот коренной, главный вопрос в споре о правах человека между марксистами-ленинцами и их противниками. Сама жизнь убедительно свидетельствует, что отнюдь не капитализм, а именно социализм, строй, основанный на общественной собственности на средства произвед

ства, способен создать все условия для действительно всестороннего развития всех членов общества.

Какой строй уничтожил эксплуатацию человека человеком, сделал рабочих, крестьян, деятелей умственного труда действительными хозяевами жизни, избавил их от ужасов безработицы, кризисов, страха за завтрашний день, неуклонно повышает их благосостояние и культурный уровень? Социалистический!

Какой строй уничтожил национальный гнет, сделал народы равноправными, поднял ранее угнетенные и отсталые нации и народности к высотам исторического творчества? Социалистический!

В каком обществе женщина избавилась от векового неравноправия с мужчиной, получила реальные возможности для участия во всех областях экономического, социально-политического и культурного строительства? В социалистическом!

Какой строй избавил молодое поколение от ощущения своей ненужности обществу, от безработицы, духовной деградации, создал условия для образования, творческого труда, нормального физического развития? Социалистический!

В каких странах рабочие, крестьяне, работники умственного труда не по указке хозяина-капиталиста и его управляющего, а вместе с такими же вышедшими из их среды тружениками — директорами заводов, председателями колхозов, мастерами, бригадирами, секретарями партийных комитетов, председателями профсоюзных комитетов — решают все вопросы производственной и всякой иной жизни предприятий? В социалистических!

В каких странах не по указке полиции, не по приказу военщины, а по своей инициативе в соответствии с общегосударственными законами сами трудящиеся и избранные ими депутаты Советов всех уровней, члены партийных комитетов, избранные тайным голосованием на партийных собраниях и конференциях, решают вопросы жизни и развития своих городов, сел, краев, областей, республик, государства в целом? Только в социалистических!

Где, в каких странах созданы самые благоприятные условия для образования и духовного развития трудящихся, для занятий наукой, рационализацией производства, художественной самодеятельностью, физкультурой и спортом, где средства массовой информации не несут народу антигуманную духовную отраву, а служат образованию и повышению культуры масс? Только в социалистических!

Все это обуславливает громадный рост людей нового мира — людей социалистической эпохи, беспредельно преданных коммунизму, носителей подлинно гуманистической, коллективистской морали, высокообразованных, культурных.

В. И. Ленин отмечал, что сама история, сама действительность на каждом шагу вступает за наши взгляды. Каждый успех социалистических стран, каждая акция их правительств, направленная на удовлетворение интересов законных прав трудящихся, — неопровержимое доказательство подлинно народной сущности социалистического строя. В то же время углубляющийся кризис капитализма, наступление реакции на самые важные социальные и политические права трудящихся, разгул милитаризма, расизма, кризис моральных ценностей, невиданная коррупция, чудовищный рост преступности в странах капитала все убедительнее обнажают глубоко антинародную сущность и историческую обреченность этого строя. И никакими кампаниями, никакой шумихой о «правах человека» империализму не удастся отвлечь внимание народных масс капиталистических стран от борьбы за свои на каждом шагу попираемые права.

Василий Новиков

Герой нашего времени

(РАЗМЫШЛЕНИЯ КРИТИКА)

Статья первая

В¹ последнее время в критике все чаще и настойчивее обсуждается проблема героя нашего времени. И это не случайно. С воплощением полнокровного образа современника связаны сегодня искания нашей литературы. Возвести характер персонажа в степень художественного типа, конденсировать в нем заряд эпохи, дать представление об общественных отношениях, конфликтах, идейных и нравственных убеждениях людей, их стремлениях — и все это в судьбе неповторимой индивидуальности, которая воспринимается читателем как живая личность, — главная цель художественного творчества. «...Писать о современности так, чтобы пером своим приносить посильную помощь практическому делу нашей партии, нашего народа, — говорил Л. И. Брежнев при вручении ему Ленинской премии. — Это ведь и теперь главная задача нашей публицистики, нашей массовой пропаганды, всей идейно-воспитательной работы партии. А в более широком плане — и нашей художественной литературы и искусства вообще.

Вторгаться в практическую жизнь, помочь народу яснее понять смысл этой жизни и направление ее течения, помочь делать эту жизнь лучше, правильнее, светлее, богаче не только материально, но и духовно — что может быть важнее и благороднее?»

Именно здесь проявляется талант писателя и его способность открывать новое, видеть диалектику жизни. Именно да и а

л е к т и к у, ибо художественный тип в произведении не живет изолированной жизнью. Он тысячами нитей связан со всем, что его окружает, с определенными обстоятельствами, живет в коллективе, любит, страдает, сталкивается и борется с противниками. (У истинного художника что ни персонаж — индивидуальность, что ни индивидуальность — тип.) Связать все это воедино по принципу гармонии, воплотить характерное в жизни как кусок, часть бесконечного мира, развивающегося, полного внутренними противоречиями, — значит утверждать идеальное, прекрасное — и все это через систему образов, героев, без вмешательства в их поступки, но творчески выстраивая авторскую концепцию произведения. Это и есть, говоря словами Пушкина, величайшее мастерство, «дар божий». Чудесная сила искусства в том и заключается, что оно способно интегрировать всю сложность слагаемых эпохи», высекая из хаоса лицо человеческое, писал А. Толстой.

Какие бы стороны нашего литературного процесса мы ни рассматривали, все сводится в конечном итоге к проблеме героя. Обращаясь к истории советской литературы, приходим к выводу, что новаторское слово, которое она сказала в мировой литературе, ее величайшие завоевания связаны с созданием образа человека новой, социалистической формации, вышедшего на арену истории XX века. Заходит ли речь о гуманизме нашего искусства — и снова неизменно встает проблема нового человека, нового героя. Велика заслуга советских пи-

сателей и художников в раскрытии духовного, интеллектуального богатства личности, формировавшейся в условиях социализма. Яркие типы героев советской литературы отразили процесс вызревания новой человечности, затронувшей все слои населения, все нации трудящихся. Этот процесс ознаменовал собой величайшую интеллектуальную революцию в нашей стране: ранее забытый народ возвысился до осознания своей исторической миссии и начал прокладывать путь к счастью и братству всему человечеству.

Павел Власов, Чапаев, Левинсон, Щорс, Павел Корчагин, Глеб Чумалов, Максим (герой кинотрилогии), Семен Давыдов, Василий Теркин, Мересьев, молодогвардейцы, Вихров, Марко Бессмертный, Иван Апейка, Егор Трубников... Как только мы вспоминаем эти имена, перед нами встает в своем неповторимом своеобразии целая эпоха, воплощенная в осязаемой форме — действиях, мыслях, чувствах, художественном бытии героев. Сила художественного воздействия этих образов такова, что судьба человеческая осмысливается как судьба народная. Открытие нового типа героя в жизни и воплощение его в яркий литературный образ, неповторимую индивидуальность — столь же значительны, как великие научные открытия, исследование обратной стороны Луны, например.

Именно так понимал задачи литературы выдающийся сын болгарского народа Георгий Димитров. Выступая перед советскими писателями на антифашистском вечере 3 марта 1935 года, он сказал, что выдержать битву на фашистском суде по поводу чудовищного обвинения в поджоге рейхстага, не потерять волю в Маобитской тюрьме ему помог пример Рахметова. Каждая эпоха, говорил Г. Димитров, выдвигает свой тип героя. И современное рабочее движение выдвинуло, сформировало свой тип революционера, которого не знала история. Задача писателя, подчеркивал он, состоит в том, чтобы создать такой образ революционера, который оказал бы мощное воздействие на сознание людей.

Высказывание это нашло горячий отклик в сердцах многих деятелей культуры. Иоганнес Бехер вскоре писал Г. Димитрову: «Наша литература сначала, может быть, из страха перед сверхпафосом, боялась подходить к изображению героического поведения, считая его некоей наивной силой... Ты согласишься со мной в том, что сейчас

неотъемлемый долг литературы состоит в создании таких художественных произведений, где центральную роль будет играть изображение героев. Поэтому твоя речь, товарищ Димитров, — очень актуальная речь».

У литераторов Страны Советов — богатейшие традиции в изображении героизма, проявленного советским народом и в мирные годы строительства социализма и в ратную пору, когда в кровавой битве с фашизмом надо было отстоять завоевания революции. Высокая идейность и героический пафос — неотъемлемые слагаемые всей нашей многонациональной литературы:

Не раз мы были пулями отпеты,
Но, исходив все смертные пути;
Мы с семизначной цифрой партбилеты
Сквозь семь смертей сумели пронести.

(С. Наровчатов, «Молодые коммунисты»).

Обращаясь к современному литературному процессу, рассматривая всевозрастающий масштаб философского и художественного мышления писателя, истоки этого явления обнаружим в бурном росте сознания нового человека. Стремление понять его, постичь в сложностях исторических связей усиливает эпический склад мышления писателя, который проявляется уже не только в жанрах крупных, таких, как роман-эпопея, например, но и в малых, в том числе повестях, рассказах, обогащает этот жанр, делает его емким и многозначным. Появляются единые по замыслу произведения, состоящие из циклов рассказов, новелл, посвященных самым острым проблемам современности, такие, как, скажем, «Царь-рыба» В. Астафьева.

А усиление психологизма, нравственного пафоса, поликонфликтности в современной прозе? Эти свойства тоже связаны со стремлением писателя исследовать духовный мир героя нашего времени во всей сложности его взаимосвязей с процессами, которые происходят в жизни. Эти процессы находятся в тесном переплетении и взаимодействии и свидетельствуют о бурном вызревании новых форм общественных отношений, идейных и нравственных представлений человека, строящего коммунизм.

Сам процесс преодоления схематизма в изображении человека (а этот схематизм, как суховей, иссушал душу произведений на производственную тему, зачеркивал их достоинство), смелые попытки соединения

сферы личных, нравственных свойств с поэтизацией красоты дерзаний героя в производственной сфере (каких бы сторон нашей жизни это ни касалось — работы шахтера, конструктора, ученого или инженера) — все это свидетельствует об усилении внимания наших писателей к новому типу человека труда — новатора по своей сути, к богатству его духовного и нравственного мира. «Ныне эта тема обрела подлинно художественную форму», — говорил Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС.

А так называемый принцип полиэкранности в произведениях прозы, динамика событий в них, стремление насытить повествование и коллизии емким смыслом, увеличить весомость художественного слова, усилить его идейную и художественную выразительность? Все это тоже связано со стремлением писателей всесторонне раскрыть сферу проявления человеческих свойств новой личности во всех формах человеческого бытия, охватывающих и обстоятельства и личные отношения, а также сложность вызревания коммунистических форм сознания, находящихся в острейшей борьбе со всем, что мешает продвижению вперед. Борьба нового со старым усиливается в области сознания и нравственных представлений. Полиэкранный открывает перед художником широкие возможности, исключает однообразие повествования, сведение его, скажем, к одной монологической форме или же потоку воспоминаний, внутреннему монологу. Полиэкранный предполагает полихронную структуру произведения. С этим мы чаще всего и встречаемся, когда произведение психологично и насыщено внутренней динамикой («Итог всей жизни» В. Лама, «Калии дождя» П. Куусберга, «Картина» Д. Гранина). Неизменным, однако, остается один великий принцип искусства социалистического реализма: писатели стремятся показать, как исторические коллизии находят своеобразное преломление в диалектике чувств и мыслей героев, рождают тот своеобразный интеллектуальный мир героя мыслящего, действующего, для которого идеальное и реальное находится в неразрывном единстве. Эти герои активны по отношению к обстоятельствам и предъявляют повышенные требования к себе. Они способны в случае необходимости переделать и обстоятельства и перевоспитать самих себя. Как сама жизнь, приемы изображения, раскрытия духовного мира нового человека в искусстве бесконечно многообразны и постоянно изменяются, раз-

виваются. Но они не приходят по наитию, они требуют громадных творческих усилий от автора.

От силы проникновения во внутренний мир героя, правдивости показа конфликтов, которые он преодолевает, индивидуальной выразительности художественного типа зависит и воспитательная эстетическая сила произведения. Вот почему на недавнем Всесоюзном совещании идеологических работников было обращено внимание на повышение идейного и художественного уровня современной литературы и искусства, подчеркивалась важность яркого изображения героя нашего времени. В докладе секретаря ЦК КПСС М. А. Суслова «Дело всей партии» есть такие слова: «Мы с удовлетворением можем отметить, что развитие нашей литературы и искусства идет по пути все более глубокого и плодотворного исследования характера современного героя — строителя коммунизма — и смелого обращения к сложным, актуальным проблемам нашего времени».

Вопрос ставится диалектически. Указывается на два важнейших, находящихся в неразрывной связи свойства современного социалистического искусства: усиление реализма в анализе возникающих противоречий общественного развития и одновременно — пафосное изображение дел и подвигов героя, его мыслей, чувств, дерзаний. Наш реализм — реализм больших идей, крупных характеров, масштабных исторически значимых столкновений. И его завоевания находят свое продолжение в современной прозе.

II

Идея самоценности человеческой личности все острее и глубже звучит в современной советской литературе и искусстве. Можно сказать, что это тот «магический кристалл», сквозь который просвечиваются характерные свойства нашего социалистического общества и прежде всего его гуманистическая сущность: «Все — для человека!», «Все — во имя человека!». В связи с этим все более усложняется задача яркого и глубокого изображения героя нашего времени в советской литературе и искусстве. Она включает в себя и исторические, и социальные, и психологические аспекты.

Формирование коммунистических убеждений и коммунистической нравственности в сознании нового героя происходит в условиях новой общности советских людей,

имя которой — советский народ. Положительный герой в нашей литературе — всегда коллективист и интернационалист. Таким образом, в результате объективных причин в художественном творчестве усиливается сопряжение с историей, наиболее характерными социальными процессами. Только в этом сопряжении во всем богатстве раскрывается животворный процесс вызревания коммунистических черт новой личности. Современная советская литература и искусство все более усиливают свое внимание к нравственным проблемам, полифоничнее в ней стали звучать мотивы душевной красоты новой личности, острее ставятся проблемы, связанные с опасностью духовного «вакуума». «Спектр человеческих ценностей» в условиях зрелого социализма необыкновенно расширился. Но то новое, особенное, характерное (и в высоте мировоззрения и в высоте нравственных представлений новой личности) не растворяется в уже освоенном литературой, а, наоборот, сильнее проявляется и требует от художника искать те координаты, которые позволяют, как сказал Ю. Марцинкявичус, «...и общее объять и человека»...

Об идейно-художественной зрелости современной советской прозы свидетельствует тот факт, что писатели в самой истории, ее движении открывают изначальные истоки, предопределяющие мощное развитие созидательной энергии народа, бурный процесс формирования новой личности в эпоху строительства коммунистического общества. Поэтому в эпических произведениях в последнее время заметно возрастает масштабность обобщений и философская емкость образов. Движение истории писатели воспринимают с высот завоеваний настоящего, яснее видя прошлое, подчеркивая в нем то, что подготовляло настоящее и чему суждено дать ростки в будущем. Диалектический подход позволяет в произведениях литературы реалистично показывать те трудности, которые пришлось преодолеть в процессе строительства социализма. Отображая факты классовой борьбы, antagonистические конфликты, которые обнажаются наиболее остро в борьбе противостоящих сил, писатели стараются глубже проникнуть в гуманный смысл преобразований. Новое ими воспринимается в сложной диалектике развития, глубже раскрывается его природа. При этом литераторы стремятся правдиво охарактеризовать трудности победы этого нового над отжившим, показать издержки, обусловленные дей-

ствиями личности, не понимающей гуманного смысла социалистических преобразований. Так заостряется вопрос об ответственности личности перед историей, перед народом, перед будущим. Постановка этого вопроса носит высокий идейный и нравственный смысл и решается как вопрос о достоинстве личности в целом. В современной советской литературе и искусстве обретает все большую жизненную и философскую наполненность и вечный вопрос о человеческом счастье.

Особенности реализма нашей литературы ярко и зримо проявились во многих произведениях последних лет, в частности в «Полесской хронике» Ивана Мележа и в том числе третьей ее части «Метели, декабрь». К сожалению, роман в целом не закончен, но увидевшая свет первая книга, некоторые написанные главы, черновые планы и наброски романа «Метели, декабрь» дают представление о замысле и творческих поисках писателя.

Уже были написаны два романа: «Люди на болоте», где показывается, что дала социалистическая революция крестьянам, и «Дыхание грозы» — повествование о начале коллективизации в белорусской деревне. В третьей книге романа «Метели, декабрь» писатель стремился отобразить новый этап жизни полесских крестьян, новые процессы, происходящие уже при коллективизации.

Приступая к работе над третьей частью эпопеи, И. Мележ записал себе как наказ:

«Писать — сразу же — самое главное, важное, коллективизацию...»

Д р а м а т и з и р о в а т ь события как можно. Напряжение необходимо!.. Драматичное время. Полная драм жизнь!

Показать через личное «с т р а с т ь э п о х и».

Ф и л о с о ф и я поведения героев того времени. Философия взглядов автора. И не бояться».

И в заключение: «Пишу не потому, что задумал цикл и надо продолжать, а потому, что это созрело во мне и я могу что-то сказать и совсем новое...»

В этих глубоко личных раздумьях отразился художественный поиск, характерный

не только для белорусского писателя, но и для всей нашей советской многонациональной литературы. Стремлением к масштабному осмыслению эпохи, раскрытию интеллектуального мира героя, чтобы была ощутима «ф и л о с о ф и я поведения героев», — этим стремлением отмечено творчество и Г. Маркова, Ю. Бондарева, Ч. Айтматова, М. Стельмаха, О. Гончара, И. Авижюса...

В решении вопроса о выборе типа героя особую важность представляет тот факт, что И. Мележ в своих раздумьях, подводящих во многом итоги опыта его творчества, заостряет вопрос о необходимости показать через личное «страсть эпохи», драматизировать события. Здесь мы ощущаем размышления зрелого мастера, вызревание его мысли по поводу того, что эпоха коллективизации была сопряжена со страстями и конфликтами, ничуть не уступающими шекспировским. Эти бури вызревали в гуще народной жизни. Полесская деревня вступала на неизведанный путь: это была крутая ломка векового жизненного уклада, и далеко не все были в состоянии понять, что коллективизацией открывается реальный путь к новой, доселе невиданной жизни, к счастью.

Вопрос о счастье обретает в романе И. Мележа философский и исторический смысл. В личном плане он решался весьма избирательно: кто окажется на высоте новых задач. В общественном — кардинально: от этого зависело быть или не быть социализму. Сама проблема выбора пути для каждого героя оборачивалась по-разному, но в каждом отдельном случае она проходила через сердце человека, вызвала бурю переживаний. Для таких, как Иван Апейка, Ганна, Миканор, это было время взлета их лучших человеческих свойств. Для Евхима Глушака и подобных ему все оборачивалось трагически: злоба, ненависть к социализму привели их к нравственной гибели.

Нет сомнения в том, что реализм И. Мележа в «Метелях...» обретает аналитический драматизм, художественную масштабность. Автор погружает нас в самую гущу жизни, мы становимся свидетелями ломки старых устоев, которую вызвала коллективизация. При этом писатель ни на минуту не выпускает из поля зрения высший ориентир — коммунистический идеал — ту большую историческую и гуманную цель, во имя которой происходит крутой поворот в жизни полесских крестьян. Здесь уместно привести строки из статьи

И. Мележа «Люди из Полесья», раскрывающие направление мысли автора во время работы над «Полесской хроникой»: «Несколько лет назад мне пришлось беседовать с одним из своих героев, одним из Василей. Меня потрясли несколько слов, о которых я не могу умолчать здесь».

— Вот, понимаешь,— говорил он,— как трудно было все ломать тогда. Слаще той жизни, казалось, не будет. А теперь, ей-богу, как вспомню, страшно делается. Как бедовали, рвали жилы от зари до зари. Чтоб жить впроголодь...

Ему, как и многим героям моих романов «Люди на болоте» и «Дыхание грозы», пришлось пройти большую, трудную дорогу. Но они прошли и оглядываются уже — как на далекое, необратимое».

Главное достоинство всех трех частей «Полесской хроники» заключается в раскрытии процесса становления новой личности. С особой силой проявилось это в «Дыхании грозы», где образ Ивана Апейки конденсировал в себе все лучшие задатки, что получили развитие при Советской власти. Писатель показал это как процесс всеобъемлющий, захвативший всех честных тружеников села — от Хони и Даметихи до Миканора и Гайдиса.

В «Метелях...» И. Мележ еще более усложняет свою художественную задачу. Он не только показывает кардинальные изменения, которые происходили в пору коллективизации во всех сферах жизни, но глубоко проникает в существо внутренних противоречий, вызванных новым укладом жизни, и показывает, как это новое утверждалось. Возвышенные идейно-нравственные, гуманные аспекты и здесь остаются критерием достоинства личности. Именно они определяют художественный принцип раскрытия образов героев, их жизненных целей и философии. Мотив счастья человеческого звучит в «Метелях...» сильнее, чем ранее, а это означает, что и гуманная направленность произведения в целом усиливается.

Уже не раз отмечалось, что в романе «Метели...» на первый план выдвигается образ Башлыкова. Это, замечу, не совсем точно, если учитывать замысел романа в целом, его сюжетную структуру. В романе «Метели...» Башлыкову противопоставлены Иван Апейка и Ганна. Противопоставление это имеет огромный идейно-художественный смысл, отражает характер новых противоречий, глубокое понимание писателем всего хода исторического развития. Не ме-

нее важно, что Башлыков — со своими методами работы, отношением к людям, ограниченным пониманием цели жизни — в романе развенчивается. И писатель здесь исторически точен: он показывает, что отрицательные черты, свойственные Башлыкову, порождены временем, исторически преходящи. Люди, подобные ему, заведомо обречены. Башлыкову в романе противостоят животворные силы (Апейка, Харчев), за которыми будущее, ибо они носители подлинно народного, революционного начала в жизни. Об этом предельно ясно говорится в одном из черновых набросков романа: «Чувствует, ветер подул с другой стороны. В сторону дует. Сила поворота готова выкинуть его из седла.

Комиссия из округа, слушают в округе. Снимают с должности. Пленум райкома. Теперь, когда повернулось, все выглядит иначе.

Едет из Юровичей. Так кончилась карьера. Позорно».

Апейка во многом выше Башлыкова — и по глубине понимания жизненных процессов, и по своим человеческим достоинствам, и по тому, как он глубоко знает душу народную. Для Башлыкова политика — воплощение волевого начала. Для Апейки политика — нерасторжимое единство истории и воли народа. Он знает, что достичь этого единения не так-то просто, особенно в условиях Полесья, где крестьянин всегда жил тяжело. Нужна была титаническая работа партии, опирающаяся на народ, чтобы сдвинуть веками сложившийся уклад жизни. И писатель с поразительной достоверностью показывает, как в решении конкретных задач проявляются коренные отличия в характерах и понимании целей жизни у Башлыкова и Апейки.

Узнав, что распался колхоз, Башлыков явно растерялся. Спасение ему видится в решительных действиях. Он готов силой загнать крестьян снова в колхоз. Апейка же проявляет мудрость, деликатность, ратует за то, чтобы не торопить людей, дать им подумать, провести большую разъяснительную работу. Башлыков обвиняет Апейку в хвостизме, оппортунизме, он даже не дает себе труда прислушаться к совету более мудрых и опытных людей, проанализировать обстоятельства, взвесить все «за» и «против». Для него важно одно — «темпы, темпы...», поэтому он требует слепого повиновения и выполнения директив сверху. Фанатичность его не знает границ: в стремлении немедленно осуществить то, на что

требуются, как говорит ему Апейка, время и организационные усилия, он не может понять самых простых истин.

Время изменилось. Этого Башлыков тоже не понимает. Писатель не скупится подчеркнуть, что его Башлыков мало образован, интеллектуально не развит: он даже газеты-то читает мельком, схватывая на лету кое-какие броские фразы и лозунги, а затем, прикрываясь ими, «фукуцирует». Это любимое слово персонажей в кожаных куртках Б. Пильняка как нельзя более кстати подходит для характеристики башлыковщины. И. Мележ в своем романе поднимает новые пласты жизни, типизирует новых героев, возвышаясь до больших социальных обобщений. Конфликт между Апейкой и Башлыковым обретает художественную емкость, свидетельствует о том, какие трудности в процессе строительства социализма пришлось преодолеть партии, чтобы утвердился в жизни подлинно демократические идеалы.

Характер Башлыкова лишен потенциальной одухотворенности, творческого начала, а Апейка воплощает в себе глубинные явления исторических изменений, подлинную революционную и интеллектуальную силу социалистических преобразований в нашей стране. Он сродни Марко Бессмертному из «Правды и кривды» М. Стельмаха, Голикову из «Памяти земли» В. Фоменко и тысячам других, кто вместе с народом искал решения сложных проблем, шел трудными дорогами истории, прокладывая путь к будущему.

После знаменательного собрания в Глинищах, споря с Башлыковым, Апейка не замалчивает действительные недостатки в жизни колхозов, которые тормозят развитие сельского хозяйства на социалистических началах. Он резко говорит о том, что надо покончить с обезличкой в труде, распределением продуктов по едокам, с перегибами в обобществлении скота. Ничего не преувеличивая, Апейка ищет пути улучшения работы колхозов, «читает, что нужно ввести трудодень,— это ли не историческая необходимость! Писатель крупным планом дает личность, показывает человека, по-государственному задумывающегося над умением хозяйствовать, о принципе соединения личных и общественных интересов (проблема, кстати, актуальная и по сей день). Апейка мудр, дальновиден, он — за человечность, за внимание к людям, причем не на словах, а на деле заботится о них. Писатель подчеркивает, что мудрость Апейки

в русле ленинских заветов: он серьезно, вдумчиво изучает Ленина.

Во внутреннем развенчании Башлыкова как личности духовно бедной, ограниченной, немалую роль играет сюжетная линия романа, характеризующая его отношения с Ганной. Образ этой женщины светел и поэтичен. Показывая ее духовное развитие (когда она вырвалась на свободу, порвав отношения с Евхимом и почувствовав наконец себя человеком), И. Мележ достигает такой изобразительной силы, которая может сравниться, пожалуй, с лучшими классическими образцами. Естественны доброта и мудрость Ганны. Ее отзывчивость на горе людское и сопереживание радости свидетельствуют о богатстве душевных сил. Казалось, встреча с Башлыковым, глубокое чувство к нему, его советы учиться, перебраться в Юровичи, жить и работать по-новому — все это должно было круто изменить ее жизнь. Но Башлыков горько разочаровывает ее: он оказывается неизмеримо честолюбивым и духовно бедным. Увлеченный красотой Ганны, ее сообразительностью, независимостью суждений, он тем не менее не может отрешиться от эгоизма, заботы в первую очередь о себе самом, своем благе. Чуткая к проявлению человеческих эмоций, Ганна многое замечает, в конечном итоге оказывается по своим душевным качествам намного выше Башлыкова.

Превосходство Ганны над Башлыковым И. Мележ показывает тактично, нигде не впадая в крайности, не прибегая к натяжкам. Все в «Метелях...» происходит естественно и жизненно, словно судьба нечаянно столкнула двух людей, свела их на короткое время, которое могло бы открыть им путь к счастью. Но, увы, этого не происходит. От Башлыкова Ганна ждала лишь одного — душевной чуткости, а ее-то и не оказалось у этого человека...

Нельзя без глубокого волнения читать сцену расставания, когда Ганна объявляет Башлыкову, кто был ее муж (Евхим Глушак из Куреней) и... повергает того в ужас: «Она видела, лицо Башлыкова тут же сделалось серым», и поняла, что этот рубеж Башлыков преодолеть бессилён. Ей стало жаль и себя и Башлыкова.

«Она спрыгнула с возка. Собиралась уже идти, но постояла, повернулась к нему. Какой-то миг смотрела на него, точно ожидала чего-то, а чего, и сама не знала. Что-то взметнулось в ней. Быстро, порывисто подошла к нему.

— Вот и все! — сказала решительно... Обняла, поцеловала. Отдавала поцелую, казалось, всю себя.

И с той же решительностью оторвалась. Пошла от него. Ясно понимая, что уходит навсегда. Что все кончилось».

Незабываемы в нашей русской литературе сцены расставания героев, которые иногда на всю жизнь, до конца дней освещают их души. Вспомним полное драматизма прощание Нагульнова и Лушки в «Поднятой целине». Невольно приходит оно на ум, когда читаешь о Ганне и Башлыкове. Не состоялась любовь...

Судя по черновым наброскам, образ Ганны должен был получить в романе дальнейшее сюжетное развитие: она решила изменить свою жизнь, пришла в райком к Башлыкову (он ей обещал помочь), но тот «словно закаменел», ибо видел в ней не человека, а лишь «жену кулака». И не подал руки помощи. Мы не знаем, какие переживания охватили Ганну. Но из набросков плана романа известно, что жить Ганне после этого было нелегко. Родив дочку, она вынуждена вернуться к родителям в Курени, терпеть упреки мачехи.

Сколь серьезное внимание уделял образу Ганны писатель, свидетельствует набросок одного плана, из которого становится ясно, что личная судьба Ганны должна была в конечном итоге определиться благополучно. У нее происходит объяснение с Миканором, давно тайно в нее влюбленным. И, несмотря на все сложности в жизни Ганны, Миканор с радостью готов соединить с ней свою судьбу, ибо он ценит в ней прежде всего человека.

Так вопрос о счастье, о человечности, о гуманности подлинной и мнимой пронизывает ткань эпопеи И. Мележа и придает произведению художественную и философскую емкость. Интеллектуальное богатство народа проявляет себя в острейших ситуациях, нарисованных в романе.

Эпопея И. Мележа — правдивое произведение. Одновременно с вызреванием народного сознания писатель показывает обостряющиеся социальные противоречия эпохи коллективизации. Интересно в романе развивается (и должна была получить завершение) сюжетная линия Евхима.

В отрывке романа писатель реализует свое стремление «драматизировать события». Он показывает, как вздыблена была жизнь во время коллективизации и какие людские драмы происходили в результате жесточайшего обострения классовой борь-

бы. Его реализм беспощаден в характеристике падения Евхима — умного, волевого человека, дошедшего в своей злобе на Советскую власть до крайних средств борьбы. Евхим скрывается в лесах, берет за оружие, убивает активистов, совершает поджоги, а потом уходит за кордон.

Изображая бурлящие события периода коллективизации, И. Мележ вскрывает диалектику жизни. Он противопоставляет Евхиму Ганну, показывает, какое нравственное величие она обнаруживает в кульминационный момент борьбы, когда противоречия обнажаются до предела. Собственно говоря, в этом отрывке романа в центре оказывается не образ Евхима, а образ Ганны, поэтому-то он так драматичен.

Выразительными красками рисует писатель сцену встречи Евхима с Ганной. Евхим явился в Курени ночью со своим подручным бандитом Цацурой, чтобы отомстить своим противникам. Но вначале он идет в хату к Ганне. В его поведении писатель все время подчеркивает что-то волчье, акцентируя тем самым крайнюю степень падения Евхима. Сравнение поведения Евхима с волком проходит через весь текст, становится лейтмотивом: «Евхим порывисто, одним махом вскочил на крыльцо», «Евхим ел, хватая, точно боялся не успеть, не насытиться». Глядя на него, Ганна отмечает: «Черный, грязный, до глаз зарос... Не ест, а рвет, как волк, клыками!» Во встрече с Ганной, затем в акте бандитизма и уходе за кордон Евхим ведет себя, как зверь. Только на миг в его душе еле проявляется что-то человеческое, когда он подходит к кровати и видит в ней сладко спящую крохотную дочку Галю — свою дочь! Но даже и этот миг человеческого чувства носит в Евхиме собственнический характер, отравлен собственническим инстинктом. В Гале он признает свою кровь, глушаковскую, и это сдерживает накопившуюся в нем дикую злость. Он на миг смягчается, а затем снова дает волю своей злобе, как волк набрасывается на Ганну...

Но Ганна уже не боится Евхима. В противодействии Евхиму и проявляется нравственное величие Ганны, та сила характера, красота ее души, которую не мог оценить Башлыков. Снова в реальном событии, обрисованном с достоверной точностью, выявляется идеальное, общечеловеческое. Здесь мастерство писателя достигает удивительной силы. В поведении Евхима и Ганны проявляют себя, сталкиваются, собственно говоря, два мира: гибнущий мир корысти,

алчности, звериной злобы и ненависти и мир высокой нравственности, душевности человека, вырвавшегося из-под власти собственнического кулацкого уклада жизни. Столкновение Ганны с Евхимом рисуется писателем как звездный час героини, Ганна обретает крылья для полета к новой жизни.

Опьяневший от злобы и выпитого самогона Евхим решает осуществить звериную акцию — уничтожить физически (по первому варианту рукописи) Василия Дятла, которого он подозревает в предательстве, по второму же варианту рукописи — Миканора, за которого вышла замуж Ганна и с которым у Евхима свои кулацкие счеты. Миканор участвовал в аресте Евхима. Но Евхиму удалось тогда скрыться. Теперь он хочет за все отомстить Миканору.

Авторы публикации сообщают: «Евхим стреляет в Василия. Это в тексте и было разработано, как Ганна пытается уберечь Василия. Но имеется позднейшая авторская правка: вместо вычеркнутого Василия написано имя Миканора. Возможно, все в этой сцене переработалось бы «под Миканора».

Мне, как человеку, имевшему немало дел с рукописями крупных писателей, представлялись всегда важным не просто варианты сцены, а та правка, которая свидетельствовала о вызревании более значимого замысла, стремлении художника укрупнить характеры героев, сделать их столкновения более емкими, выразительными и в идейном и в художественном отношении. И тот факт, что в анализируемом отрывке присутствует позднейшая правка автора, вместо вычеркнутого Василия написано имя Миканора, имеет, с моей точки зрения, принципиальное значение. Попытка убить Василия была бы со стороны Евхима просто актом мести. А покушение Евхима на Миканора — это классовая борьба, где в тугом узле переплелись и социальные и нравственные аспекты. В основе этой борьбы не просто личные, а глубоко социальные причины, разделившие полешан на два лагеря: бандитов с кулацкими обрезками и сторонников новой жизни. В этом последнем вместе с Миканором оказалась и Ганна. И не просто оказалась, она совершает подвиг, тяжело раненная, грудью заслоняет Миканора от выстрелов, рискует собой во имя того, чтобы Миканор остался жив.

Замысел И. Мележа предполагал расширение рамок «Полесской хроники», введение в нее событий Великой Отечественной

войны. В дни тяжелых испытаний герои И. Мележа оказывались в рядах партизан. И военную историю И. Мележ задумывал показать масштабно. В больших социальных и нравственных сопоставлениях ярче проявляется героизм советских людей и социальная подлость врагов. Л. Теракопян в предисловии к роману пишет: «Когда-то Иван Павлович рассказывал мне о военных страницах цикла... о встрече Василя, ставшего партизаном, с переметнувшимся к гитлеровцам Евхимом. Он видел в этой сцене столкновение двух миров — нового и старого, двух классовых сознаний».

Жаль, что этот замысел писателя оказался неосуществленным. Но то, что написал И. Мележ, навсегда останется в советской литературе.

III

В современной советской прозе усилилось стремление писателей к концентрированному раскрытию духовного мира героя. Сюжетные события многих романов теперь нередко стягиваются к единому кульминационному пункту и подчиняются изображению острейшего конфликта, раскрытию в нем основных свойств героев. Накал страстей в чувствах героев достигает апогея. Усиливается психологизм романа, его внутренний драматизм.

Обычно герой рисуется участником исторически значимых событий. Он — на переломном этапе жизни, даже на время исключается из сферы активного действия, остро осмысливает и анализирует происходящее в жизни. Образ героя вбирает в себя большой мир со всеми его социальными и нравственными противоречиями и раскрывает свою сущность спонтанно, без подсказки со стороны. Сама сюжетная ситуация заставляет его подводить жизненные итоги и решать вопрос о смысле бытия, о своем месте в жизни.

Пожалуй, наиболее рельефно все эти особенности художественного поиска нашли отражение в романе П. Куусберга «Капли дождя». Значение романа еще не раскрыто в полной мере нашей критикой. А ведь П. Куусбергу удалось придать вопросу о личном счастье общественный и философский смысл, изобразить сильные характеры людей, найти для выявления их свойств исторически и психологически значимые критерии. Речь, собственно говоря, идет об активной социальной роли личности. Где, в каком сражался стане? Какие

цели преследовал и преследуешь в жизни? Каков твой идеал? Ответы на эти вопросы движут сюжет романа. Некоторые коллизии приобретают параболический смысл. Все насыщено контрастами. Даже сама сюжетная ситуация (два героя выключены на время из сферы активной жизни и оказались в палате инфарктников) служит заострению коллизии. Герои-то — антиподы. Один из них, Андреас Яллак, все силы отдал борьбе за социализм. Это человек сильного характера, негнбимых убеждений. А другой — Эдуард Тынуярт — лучшие свои годы потратил на борьбу с революцией, с Советской властью. И вот спустя четверть века жизнь снова свела их вместе. Но какими полярно разными были эти годы для обоих.

Нужна была смелость художника, чтобы столкнуть сильные характеры и заставить их осмысливать свою жизнь. Но П. Куусберг не ограничивается социальной контрастностью героев. Резко отличны и их судьбы. В романе возникает как бы двойное заострение судеб героев, и это позволяет автору с особой силой поставить идейно-нравственные вопросы, выявить идейные истоки проблемы человеческого счастья.

Внешне частная жизнь Эдуарда Тынуярта, если смотреть на нее с точки зрения материальной, выглядит сегодня более благополучной, чем жизнь Андреаса Яллака. У шофера Эдуарда Тынуярта есть и собственный дом, и дача, и машина. Сын удачно женился, преуспевает, скоро защитит кандидатскую диссертацию. (Вот только с женой, может бггь, Эдуарду Тынуярту не повезло. Она воинственная мещанка, воображающая себя умной, светской женщиной.) А Андреас Яллак — бессребреник. Несмотря на то, что он занимал ответственные посты, был волостным парторгом, работал в райкоме и горкоме, у него в итоге и добра никакого не скопилось. Но он и не стремился никогда к накопительству: жизнь его была трудна, но насыщена, напряжена. Он заочно окончил университет, имеет награды, верных фронтовых друзей. Болезнь подкосила его, он не может заниматься интеллектуальным трудом, вести партийную работу. Не сложилась у него и семейная жизнь. Сын оказался без пристрастия, угодил в плохую компанию, имеет судимость...

Но это, так сказать, внешняя контрастность, реалии жизни, то, что во многом определяет смелость П. Куусберга в показе

сложных коллизий и перипетий нашей современной жизни. Не ограничиваясь этим, автор идет вглубь и раскрывает идейно-нравственные истоки человеческого счастья. Герои П. Куусберга — люди незаурядного ума. Через их сердца прошли исторические события. Они не ставят знака равенства между материальными и духовными ценностями. Своих героев писатель проводит и через нравственные потрясения. Но воспринимают их герои неоднозначно.

П. Куусберг психологически точно показывает, как Эдуард Тынуярт завидует Андреасу Яллаку, считая, что тот шел в жизни верной дорогой. И в самом деле, несмотря на все тяжелые испытания, которые выпали на долю Андреаса Яллака: и на фронте он дважды был ранен, и в послевоенный период «лесные братья» покушались на его жизнь, и в личных отношениях — развод с женой и неудачи с сыном, — он живет с гордо поднятой головой. И не оскудела его душа. Наоборот, окрепла вера в правильность избранного пути. Он стал богаче интеллектуально, выше нравственно. Ум его зрел и гибок. Вся жизнь без остатка отдана людям. Андреас понимает, что в успехах, которых достигла его родная Эстония в деле социалистического созидания, вложена частица и его сердца, его жизни — солдата Великой Отечественной войны и партийного работника. Так судьба подлинного героя наших дней связывается в романе с поступательным движением истории: он реализует свою суть в активном действии во имя больших жизненных целей.

Несмотря на все превратности личной жизни, Андреас Яллак не чувствует себя несчастным. И лучшей наградой для него стала благодарная память людей, для которых он жил и работал. Особую роль в сюжетном развитии романа приобретает образ колхозника Николая Курвитса из той самой волости, где парторгом в самые трудные послевоенные годы работал Андреас. Николай Курвитс — задиристый, крепкий старик семидесяти лет, много проживший и много видевший в своей жизни. Он вместе с колхозом прошел путь со дня его зарождения до нынешнего расцвета. По совету Андреаса Яллака он стал трактористом, выдвинулся в ударники, был награжден орденом. Эпизод встречи в романе Николая Курвитса с Андреасом Яллаком наполняется большим смыслом. Простые слова говорит Андреасу Николай, правда, не без подковырки, таков уж у него характер. Но

каким бальзамом они проливаются на душевные раны Андреаса, думающего в больнице больше обычного о том, все ли он сделал, что мог, для общего дела: «Тебя и теперь еще у нас помнят. После того как волости отменили, надо было к нам идти в председатели. Знаю, что на тебя жаловались, но председателем все равно избрали бы».

И на душе Андреаса Яллака становится теплее и светлее: он чист перед людьми, всю жизнь был активным бойцом за идеалы социализма и навсегда остается убежденным коммунистом.

В отличие от Андреаса Яллака на сердце Эдуарда Тынуярта настолько тяжело, что он даже смерть готов принять как избавление от душевных мук. Внутренне образ Эдуарда развивается сложно. Вначале может показаться, что Эдуард Тынуярт за эти четверть века и не изменился: на словах он не раскаивается в прошлом, даже в том, что перешел к немцам, был их пособником. За это, по его словам, он расплатился, добывая уголь в Сибири. Писатель исподволь раскрывает его душевные муки. Не последнюю роль сыграла здесь история гибели политрука Рийсмана и вина в ней Эдуарда Тынуярта: политрук пытался помешать роте перейти к немцам, а Эдуард Тынуярт ударил его и, выбив из рук автомат, обрек тем самым на гибель. Андреас Яллак прямо спрашивает Эдуарда Тынуярта: «Рийсмана вы убили?» Вопрос этот производит впечатление разорвавшейся бомбы. И хотя Эдуард Тынуярт через длительное время отвечает: «Рийсмана расстреляли немцы», — в его воспоминаниях встает страшная картина боя, паника, которую хотел приостановить Рийсман, и собственная вина в гибели политрука.

Обезоруженный, тот попадает в плен вместе со своей ротой. «Рийсману было предложено обратиться к солдатам Эстонского корпуса с призывом прекратить сопротивление и сдаваться в плен. Рийсман отказался. Его уговаривали, били, но он остался тверд. Вечером его расстреляли. Об этом рассказал говоривший по-эстонски немецкий офицер. Он удивлялся выдержке Рийсмана».

Смерть Рийсмана — вот что по сей день мучает Эдуарда Тынуярта. Она-то и заставляет его переоценить свои нынешние позиции, осудить свой неверный шаг, который он сделал, когда усомнился в силе Советской власти и перешел к немцам. Внутренне он осознает себя несчастным человеком, оказавшимся в решающий момент

истории не на той стороне баррикады, на какой ему надлежало бы быть.

«Перед тем как выписаться из больницы, Эдуард протягивает Андреасу фотографию.

— Узнал? — спросил он.

— Виллем Рийсман, — ответил Андреас. — Мы были друзьями.

— А мы с ним свояки, — сказал Эдуард. — Отец моей невестки...»

Вот как переплелись судьбы. Сын Эдуарда женился на дочери Рийсмана, а смысленный внук Кулдар — вылитый Рийсман. Эдуарда души не чаёт в этом малыше. Прощаясь с Андреасом, он не сдерживает своих чувств: «Я должен быть Кулдару и за второго дедушку... Вместо Рийсмана...» «Андреас Яллак подумал, — замечает писатель, — что Эдуард переступил рубикон. Что он сам совершил над собой суд».

Но и этим еще не кончается сюжетная линия Эдуарда Тынупярта и Рийсмана, показывающая, как сложно переплетаются судьбы людей и как справедливость, рожденная в новом обществе, пробуждает в людях лучшие человеческие свойства, побеждает ненависть, годами копившуюся в их душах.

В финале романа мы узнаем о последнем прижизненном поступке Эдуарда Тынупярта. И он оказался символическим, свидетельствующим о силе тех внутренних потрясений и процессов, которые происходили в душе этого человека.

Эдуард Тынупярт ехал в кабине машины с внуком, когда возле моста через реку у него случился вдруг сердечный приступ. И он, собрав последние силы, чтобы остановить машину, не дает ей разбиться. Инфаркт разорвал его сердце, но «...Эдуард словно бы отодвинул от себя смерть на несколько секунд, чтобы спасти внука...».

В романе «Капли дождя» решаются вопросы о смысле жизни и человеческом счастье. Это только один пласт, с моей точки зрения, главный, основной. Но роман — произведение многоплановое. В нем заключен и еще философский и нравственный смысл: разоблачение потребительского отношения к жизни и создание характерных типов героев, сделавших своим принципом заботу только о личном благополучии и личном преуспевании.

В лице Таавета Томсона, друга детства Андреаса Яллака, П. Куусберг сумел нарисовать тип современного конформиста, эта-

кого 'дельца, который умеет пускать пыль в глаза, казаться энергичным, смелым, а на самом деле думать только о собственной карьере, собственных интересах. В самых острейших ситуациях он умудряется обойти противоречия, уйти от необходимости занять определенную позицию, он умеет из всего извлекать для себя выгоду. Так, в разгар классовых битв в Эстонии этот герой умудрился не быть ни в стане немцев, ни в стане советских войск. А когда Советская власть укрепилась в Таллине, он окончил медицинский институт, аспирантуру, стал кандидатом наук. Никогда, ни при каких случаях жизни не лез он на рожон, не защищал истину, не выступал против начальства, как это делал в свое время Андреас Яллак. Так Таавет преуспел в своей карьере, став заместителем министра, более того, теперь он метит в кресло самого министра, ибо умеет устанавливать связи, быть лояльным и гибким, решать вопросы ко взаимному удовольствию, без трений.

Как видим, жизненные позиции героев диаметрально противоположны. И это усиливает идейный пафос романа «Капли дождя». Андреас никогда не ставил свои личные интересы выше государственных, боролся с открытым забралом против мошенничества, «пер», как сказано в романе, против недальновидного начальства, отстаивая истину. Андреас Яллак в романе предстает как активный строитель жизни, настоящий большевик. А Таавет Томсон — карьерист. Суд над этим «героем» производится в романе и в политическом и в нравственном плане. Политическая сущность конформизма раскрыта в словах Эдуарда Тынупярта, ненавидящего таких лживых лицемеров, как Таавет Томсон: «Начнись заваруха с янки, чего не будет... это я уже давно понял, так вот, начнись сейчас заваруха с янки, и твой идейный собрат опять вильнет в сторону. Ты-то пойдешь, ты-то уже непременно — скроешь от комиссии свой инфаркт и отравишься. А он нет. Твоего склада человек мне больше по нраву, хотя мы были и остаемся, как огонь и вода. Тааветов я не выношу...»

Что касается нравственного обличения Таавета, то оно дается в более сложной форме. Прикинувшись другом Андреаса Яллака, он наносит ему душевную рану, отнимает у него единственную радость и надежду, «уводит» его красивую умную дочь, искусно прельщая ее благами светской жизни. И хотя он объявляет Андреасу Яллаку, что женится на его дочери по ис-

тинной любви, Андреас Яллак знает его двоедушие и лицемерие и не верит ни одному его слову.

С не меньшей художественной силой в романе «Капли дождя» раскрыта опасность потребительского отношения к жизни, так называемого менталитета (образа мышления потребительства). В этом суть Маргит — умной, образованной женщины, которая стремится жить «по международным стандартам». Писатель мастерски обнажает контраст между броской внешностью и внутренней бездуховностью Маргит. Это большая удача писателя. П. Куусберг очень тонко показывает родство душ Маргит и Таавета. Она видит интеллектуальное превосходство Андреаса Яллака над Тааветом. Ее тянет к Андреасу, и на время она увлекается им: «Сильные мужчины возбуждали Маргит». Но непреклонная убежденность товарища Яллака, его кристальная честность смущали ее. В минуты откровения она говорит ему: «Иногда разумнее обойти, чем переть напролом». И это ее кредо жизни. Она, как и Таавет, хочет все получить, ничего не давая взамен, и жить только в свое удовольствие.

Так объективная реальность — и история и современность, жизнь со всеми ее противоречиями и сложностями — врывается на страницы романа П. Куусберга, преломля-

ется в чувствах, мыслях, поведении героев, определяя их облик. Писатель беспощаден в обличении всего отжившего, грязного, что нес в себе мир старой, буржуазной Эстонии, безвозвратно канувший в прошлое. На смену ему пришел мир социализма, мир Андреаса Яллака и Николая Курвитса. Все мажорное связано в романе с этими образами людей, строящими новую жизнь. Но писатель далек от того, чтобы не видеть новых противоречий, рожденных в сегодняшних, остролюбодневных буднях. Для него единство и борьба противоположностей — закон жизни. И он смело вскрывает эти противоречия на новой стадии социализма, беспощадно обличая явления конформизма и потребительской психологии в лице Таавета.

Через весь роман П. Куусберга проходит идея ответственности героев за собственный образ жизни, свои поступки и мысли. Все это реализуется в сюжетных коллизиях. Андреас Яллак — образ полнокровный. В нем биение пульса новой жизни, он несет в себе идеи гуманности и красоты. Его искренние переживания связаны прежде всего с заботами о том, все ли сделано для того, чтобы осуществить на деле идеалы новой жизни. Эти идеалы определяют и внутренний пафос романа П. Куусберга «Капли дождя».

К 70-летию со дня рождения А. Т. Твардовского

Илья Фоняков

Уроки поэта

Писать о Твардовском, конечно же, трудно. Сказано о нем многое, повторять общеизвестное не хочется. Можно пойти по линии воспоминаний, благо, встречи были — пусть редкие, пусть недолгие и след в душе оставившие неизгладимый. Но не чувствую я себя вправе выступать в роли мемуариста. И «уроки поэта», обозначенные в заглавии этих заметок, — «уроки» прежде всего заочные, извлеченные из книг поэта, из его журнальных и газетных публикаций, подчас мимолетных и забытых. И пусть покажется порой, что речь идет о частностях — когда дело касается явления такого масштаба, как Твардовский, и частности становятся весьма важны.

Почти что четверть века тому назад студентом-дипломником Ленинградского университета корпел я над темой «Твардовский-журналист», перелистывал пожелтевшие и ломкие страницы смоленских газет двадцатых — тридцатых годов, ежемесячного «толстого» журнала «Наступление» и «двухнедельного иллюстрированного» «Западная область». Надо заметить, что «двухнедельный иллюстрированный» являл собою тощие тетрадки с трудноразличимыми фотографиями — однако по содержанию своему, по составу авторов журнал представлял несомненный интерес, как, впрочем, и «Наступление». Особенно — если читать их сквозь магический кристалл времени. Мне довелось увидеть первые заметки, подписанные инициалами «селькор А. Т.», первое опубликованное и цитируемое в автобиографии поэта стихотворение «Новая изба» (в нем оказалось всего восемь строчек), рисованный редакционным художником портрет «селькора-поэта» — вихрастого, по-деревенски давно не стриженного русского паренька. По теме диплома меня интересовали, конечно, в первую очередь статьи, репортажи, очерки поэта, и попадалось их в разных изданиях немало. Но и мимо стихов невозможно было пройти. Тем более что многие из них — особенно в ранний период творчества, вплоть до «Страны Муравии», не входили и не входят в последующие издания сочинений Твардовского. Как было не отметить и серию эпиграмм на товарищей — смоленских литераторов? Ведь в этом качестве Твардовского мы почти не знаем! Как было не заинтересоваться глухими упоминаниями о написанной будто бы Твардовским в смоленскую пору и даже обсуждавшейся в литературной среде поэме «Мужичок горбатый»? Поэма эта, кажется, и доселе многим не известна, возможно, утрачена безвозвратно, стихотворение того же названия, вошедшее в «Сельскую хронику», судя по всему, отношения к ней не имеет. Но главного героя звали Моргунком, и это дает основания полагать, что исчезнувшая поэма была предшественницей «Страны Муравии»...

Потом, во фронтовой печати, были снова очерки и заметки, стихотворные памятки и солдатские «байки», наконец, главы «Теркина», как известные, так и вовсе не известные нынешнему поколению читателей. К примеру, глава «Поединок» и нынче представляется мне начинающейся с середины, ибо я знаю, что в первоначаль-

ной газетной публикации рукопашной схватке Теркина с фашистом предшествовала длинная предыстория, в которой действовал, кроме самого Теркина, еще и товарищ его — Савчук. Все это было написано, разумеется, в полную силу таланта Твардовского и безжалостно потом им отброшено — ради композиционной стройности, художественной гармонии, и зящества (как ни странно, может быть, звучит здесь это карамзинское слово, Твардовский очень его любил). Вот, кстати, один из «уроков» Твардовского: не трястись над каждой написанной строчкой, не скопидомствовать, не бояться отбросить то, что отпадает само...

Главное впечатление, которое осталось, помнится, тогда от чтения Твардовского — «канонического» и «неканонического», раннего и зрелого, стихотворного и газетного, — это ощущение удивительной цельности. Огромная дистанция от селькора-поэта до взыскательного мастера поздних лет — но это, без сомнения, один и тот же человек, с первого взгляда узнаваемый. Нет, речь идет не о косной, не о каменной неизменности: поэт развивался и рос вместе с трудным и небывалым своим временем, в разные периоды появлялись у него строки, не только развивающие, но и отрицающие что-то из написанного ранее. Были ему ведомы и мучительные периоды неудовлетворенности собой. Строки из книги «За далью — даль» о том, как трудно поэту, когда он «самим Фадеевым отмечен, пшеном в избытке обеспечен, друзьями в классики намечен, почти уже увековечен, и хватать писать — пропал запал!» — едва ли с чужих слов написаны, такое пережить надо.

Не всегда был, конечно же, гарантированно ровным его путь, и не всякому стихотворению с первой строки уготовано было стать очередным шедевром. Но оставалась гражданская и художническая цельность, которую иногда называют верностью себе. Да нет, не себе, ибо не личное «я» ставилось во главу угла Твардовским — а долгу, служению. Ибо в основе этой цельности, этой верности как раз и было понимание литературного дела как служения, как долга. Не в этом ли, в частности, ответ на общеизвестный вопрос: почему у Твардовского так мало лирики в узком смысле слова — то есть лирики любовной? Здесь, видимо, не просто о природной сдержанности надо говорить, а о том же осознанном чувстве служения. «Происходящее с моей землей и с моим народом, с моей деревней, со всеми людьми бесконечно важнее происходящего лично со мной, я не вправе занимать внимание читателей пересказом перипетий моей частной жизни» — так, наверно, можно было бы расшифровать это чувство. Оно тоже не универсально как «правило поведения»: есть авторы, всю жизнь писавшие вроде бы о себе, а в итоге рассказавшие о Времени глубоко и сильно. Есть и примеры противоположные: через каждую строку — Время с большой буквы и другие высокие категории, а в итоге — рассказ только о себе, о собственных потугах и притязаниях. Но, во всяком случае, не грех лишний раз задуматься: не слишком ли щедро мы порой информируем читателя о всяческих подробностях своего «малого бытия»? Нет, конечно, «запретных» тем, все дело в чувстве меры, такта, художнического целомудрия, если хотите. Вот косвенный, но любопытный штрих: у Твардовского, согласно алфавитному списку, очень немного (всего шесть) стихотворений, начинающихся словом «я», да и то самое известное из них — «Я убит подо Ржевом», где «я» — это не поэт Александр Трифонович Твардовский, а безымянный солдат, отдавший жизнь за Родину. Вот и еще один нечаянный «урок» Твардовского...

Можно, пожалуй, и посоветовать на то, что слишком уж аскетичен, слишком сдержан в этом отношении Твардовский. Но не эта ли сдержанность дала ему дополнительное моральное право написать на вершине зрелости — гражданской, поэтической, человеческой — знаменитые строки:

Вся суть в одном-единственном завете:
То, что скажу, до времени тая,
Я это знаю лучше всех на свете —
Живых и мертвых, — знаю только я.

Сказать то слово никому другому
Я никогда бы ни за что не смог
Передоверить. Даже Льву Толстому —
Нельзя. Не скажет — пусть себе он бог.

А я лишь смертный. За свое в ответе,
 Я об одном при жизни хлопочу:
 О том, что знаю лучше всех на свете,
 Сказать хочу. И так, как я хочу.

И, конечно, оттуда же — от той же истовости служения людям, литературе, от той же человеческой и писательской цельности — еще один важнейший «урок Твардовского», суть которого лучше всего сформулирована им самим в замечательной статье о поэзии Самуила Маршака. Нельзя, между прочим, не заметить, что внутренняя близость этих двух крупных художников слова могла бы стать предметом особого исследования. Недаром оба они написали друг о друге взволнованно и проникновенно! Что же сближало их, столь несхожих по своим истокам и жизненному опыту, по сферам работы в литературе (львиную долю наследия Маршака составляют, как известно, стихи и пьесы для детей, а также стихотворные переводы; Твардовский переводил крайне мало, драматургией не занимался вообще, а его ранние «детские» книжки были безжалостно раскритикованы тем же Маршаком и ныне забыты)? Может быть, именно то, о чем пишет в своей статье Твардовский: «В дальнейшем я имел возможность много раз убедиться, что строжайшим правилом всей его литературной жизни было безоговорочное отрицание того допущения, будто в искусстве одно можно делать в полную силу, а другое, как говорится, по мере возможности. Это было для него невысказано так же, скажем, как для человека искренней и глубокой веры по-настоящему молиться лишь в церкви, а в иных местах наслех и как-нибудь. Конечно, не всякая задача в равной степени может волновать, но всякая, самая скромная, неукошительно требует честности и хотя бы профессиональной безупречности выполнения. Это было для Маршака законом, которого он не преступал, касалось ли дело заветного, годами вынашиваемого замысла или телефонного заказа из газеты сделать стихотворную надпись под карикатурой, отозваться фельетоном на подходящий факт международной жизни или написать по просьбе издательства «внутреннюю» рецензию на рукопись...»

Простая, в общем, заповедь. Но как часто ею пренебрегают, сохраняя силы якобы для «главного», «сокровенного», «своего»! Твардовскому всегда была чужда подобная расчетливость. Да и не расчетливость это вовсе, если толком разобраться: всяческие поблажки себе, «езда со спущенными вожжами», как писал сам Твардовский в другом месте и по другому поводу, в конце концов оборачиваются бедой, входят в привычку, и, когда наступает черед «главного», бывает крайне трудно настроить себя на серьезную работу. Твардовский смолоду не жалел себя: все, что написано им, начиная с короткого юношеского очерка о сельском продавце-книгоноше, написано с полной «отдачей», в полную меру его таланта и возможностей на данный момент жизни. И жизнь вознаграждала его: не раз в процессе черновой, повседневной газетной работы находился образ, поворот мысли, строка, формула, которые пригодились потом, для сокровенного и главного. Дело в том, что Твардовский, легко отказывавшийся от целых глав «Василия Теркина», если они «уводили замысел в сторону», в иных случаях бывал чрезвычайно рачительным хозяином. «Мы с тобой играли вместе, пыль топтали у завалин, и тебя моей невестой все, бывало, называли», — так начинается известное стихотворение «Сельской хроники» — «Невесте». Но мало кто знает, вероятно, что раньше это четверостишие «жило» в совершенно другом стихотворении, правда, под тем же названием, опубликованном еще в 1927 году в смоленской комсомольской газете «Юный товарищ». Юношеское несовершенно стихотворение умерло и забылось, но удачно найденный запев пригодился автору несколько лет спустя! Точно так же не пропадало и то, что отыскивалось в процессе журналистской работы. Стихотворению «Новое озеро» из «Сельской хроники» предшествует очерк в сборнике «Колхозная Смоленщина», образ деревни Острова из «Страны Муравии» возвращает нас к опубликованному в «Рабочем пути» сильному и яркому очерку «Островитяне» (об умирающей деревне, расположенной на острове посреди одного из смоленских озер, — далекой предшественнице нынешней распутинской Матеры), и Никита Моргунок отнюдь не первый задавал тревожный крестьянский вопрос:

— Я полагаю, спору нет,
 Вам все ж видней, партийному:

Скажите мне, на сколько лет
Такая жизнь затеяна?

Гораздо раньше этот вопрос был задан конкретному человеку — Дмитрию Прасолову, председателю колхоза «Память Ленина» в смоленском селе Рибшево. Этому хозяйству Твардовский в свое время посвятил целую серию газетных и журнальных очерков. А звучал вопрос так: «Сколько лет думает правительство вести коллективное хозяйство и что будет дальше?» В «Стране Муравии» не просто поэтическая разработка сюжета, ранее освоенного средствами публицистической прозы. Это формулировка-образ, которую не придумаешь: за ним — и время и человеческая психология, этим временем рожденная.

То же самое можно сказать и о работах военной поры. К примеру, формула «русский труженик-солдат» — одна из ключевых строк «Теркина» — прозвучала первоначально в коротеньком стихотворении «Он», опубликованном фронтовой газетой «Красная Армия» в самом начале войны — 8 июля 1941 года:

Повелось в борьбе суровой
У народа испокон
Называть врага любого
Односложной кличкой «Он».

Собираясь под знамена,
Так сто тридцать лет назад
Называл Наполеона
Русский труженик-солдат...

Одна строка — вот что осталось жить от этого стихотворения, написанного еще в ту пору, когда не было до конца ясно, какой будет эта война и сколько она продлится. Одна строка? Нет! Ведь главная мысль его — о гордом презрении народа к захватчикам-поработителям, презрении столь сильном, что даже речь свою он не хочет пачкать их «именем и званием», не оставляла поэта и два года спустя с большой трагической силой прозвучала в стихотворении «Немые» — одном из лучших во «Фронтовой хронике»:

Я слышу это не впервые,
В краю, потоптанном войной,
Привычно молвится: немые,—
И клички нету им иной.

Старуха бродит нелюдимо
У обгорелых черных стен.
— Немые дом сожгли, родимый,
Немые дочь угнали в плен...

Голодный люд на пепелище
Варит немолотую рожь,
И ни угла к зиме, ни пищи...
— Немые, дед? — Немые, кто ж!..

Под этими стихами дата: 1943 год. Конечно, не только два календарных года разделяют эти два стихотворения, а нечто большее. Но внутренняя связь их, думается, очевидна. Может быть, и не было бы «Немых», если бы не родилось вначале стихотворение «Он», если бы вообще Твардовский позволил себе делить свою работу на «главную» и «поденную», которую можно было делать вполсилы.

Об этом же самом нельзя не думать, читая ныне опубликованные редакторские письма Твардовского многочисленным авторам, посылавшим свои рукописи в «Новый мир». Достаточно прочесть любое из них, чтобы убедиться: Твардовский был не из тех редакторов, которые лишь подписывают ответы, сочиненные другими. Само собой, не единолично он справлялся с обширной журнальной почтой. Но если попада-

лось что-то интересное (далеко не всегда подписанное громким именем), если сама личность автора останавливала внимание, если, наконец, человек, сбиженный на сотрудников журнала (пусть даже сам не всегда в полной мере тактичный и скромный), желал обязательно узнать мнение «самого», — тут Твардовский, видимо, не считал себя вправе отмалчиваться. Откуда бралось на все это время? Не знаю. Помнится, на Кубе нам рассказали, как отвечал на письма Хемингуэй: у него была специальная печатка — «I never write letters» — «Я никогда не пишу писем», оттиск ее писатель и отсылал большинству своих корреспондентов. Не хочу сказать, что это плохо, — я вообще не сторонник всеобщих правил поведения для писателей, тем более что деловитость автора «Фиесты» даже импонировала в чем-то: в самом деле, какую только ерунду не пишут знаменитому человеку! Но, видимо, все-таки у советского писателя с его корреспондентами отношения несколько иные. Во всяком случае, то, что делал Твардовский, нам как-то ближе и понятнее по-человечески. Коли уж он брался за перо, так отвечал обстоятельно и доказательно, даже если автор не блистал талантом или — более того — заслуживал отповеди. Для кого-то из немолодых «начинающих» выписывал и комментировал схему «онегинской» строфы, с женщиной-филологом обсуждал проблему «женских родовых окончаний в словах, обозначающих профессию»: хорошо ли, в самом деле, говорить и писать «врач пошла», «судья сказала»? Но, с другой стороны, не «врачихой» же называть женщину-доктора, не «авторшей» — автора данного письма? Поэт отвечает своей корреспондентке — и, чувствуется, сам увлекается предметом разговора!

Вообще этому суровому и отнюдь не легкодоступному (по свидетельствам многих, близко его знавших) человеку на самом деле было органически чуждо высокомерие взысканного славою избранника. Вспомним, с какой глубокой серьезностью, без тени насмешки говорится о многочисленных письмах по поводу «Василия Теркина», среди которых были, казалось бы, подлинные курьезы! Да и сам «Теркин», которого мы знаем, не родился бы, отнесись Твардовский с пренебрежением к широкой популярности его предшественника — фельетонного чудо-богатыря Васи Теркина времен финской войны. Все-таки при всех возможных оговорках широкая популярность на пустом месте не возникает, она, во всяком случае, может и должна стать предметом размышления. Если предметом ее становится произведение художественно несовершенное, значит, оно, по всей вероятности, заполняет какую-то пустоту, какой-то вакуум, почему-то не заполняемый литературой серьезной и, так сказать, полноценной. Только не отмахиваться, только не брзгать через губу! Это тоже урок. И немало важный.

Что же касается собственно писем, то мне хотелось бы остановиться на одном, адресованном «М. П. К — ну». Думаю, что не будет беды, если я раскрою адресата — мне он хорошо знаком, тайны из своей переписки с Твардовским не делал, а, напротив, открыто гордился ею. «М. П. К — н» — это сибирский писатель Михаил Павлович Кубышкин, поэт и прозаик, человек трудной судьбы. Поэма, о которой идет речь в письме, была вскоре опубликована Твардовским в «Новом мире», а пока что он щедро и подробно давал автору свои советы, не обходя мелочей: «В двух-трех местах я обращаю Ваше внимание на как бы технические погрешности: нельзя новую строфу, четверостишие или двустиишие делать того же «пола», что последняя строка предыдущей строфы, четверостишия, двустиишия. Почему? Постарайтесь догадаться сами, а не догадаетесь, поверьте тому, что подсказывают великие образцы: «Онегин» (весь Пушкин!), «Горе от ума» — там эта дисциплина музыки строжайше соблюдена. В наши времена — в стихах на этот счет полный разврат, но этому следовать не нужно. Между прочим, в «Далях» Вы не найдете ни одного случая нарушения этого закона».

Речь в этом отрывке идет о правилах чередования мужских и женских рифм, или о так называемом «правиле альтернанса». Правило это тонкое и полузабытое, но полузабвение привело к серьезным последствиям, исчез из практики бесстрофный, «сплошной» «поэмный» стих, которым написано большинство пушкинских поэм и многое у Лермонтова. Одними четверостишиями с перекрестной рифмой большую вещь написать трудно: есть опасность, что получится сухо и казарменно-монотонно. А без соблюдения альтернанса стих разваливался, распадался — это инстинктивно чувствовали поэты. Быход был найден в полиритмии, в чередовании главок, написанных разными

ми размерами. Поэмы же Твардовского при большом их объеме моноритмичны (четырёхстопный хорей — «Теркин», четырёхстопный ямб — «За далью даль»), но при этом отнюдь не монотонны. Секрет — в разнообразии строфики, рифмовке: перекрестной, охватной, парной, сквозной — на несколько четверостиший подряд (вспомним начало «Теркина»), концевой и внутренней, вплоть до самых изысканных образцов:

И в глуШИ родНОЙ, ветВИСТОЙ,
И в тиШИ дневНОЙ, лесНОЙ,
МолоДОЙ, гусТОЙ, смоЛИСТЫЙ,
ЗолоТОЙ держался зНОЙ.
И в spokОЙНОЙ чаще хвОЙНОЙ
у земли мешался ОН
С муравЬИНЫМ духом ВИННЫМ
И пьянил, склоняя в СОИ...

Важно заметить, что вся эта изысканность отнюдь не демонстрирует себя, в глаза не лезет, но исподволь свою работу делает. Важно заметить и другое: без знания тонкостей ремесла, на одной интуиции таксо не создашь. Уважение к ремеслу, к профессиональной культуре, являющейся неотъемлемой частью культуры вообще, — еще один важный урок Твардовского, не утративший своей актуальности и сегодня. «Пускай в сторонку удалится критик: поэтика здесь вовсе ни при чем!» — восклицал в свое время Сергей Орлов, и было бы глубокой ошибкой принять полемическую заостренность этих строк за некую творческую программу: мол, всякие там ямбы и хорей, а тем более альтернансы — забота бледных книжников, комнатных книгочеев, не обязательная для тех, кто идет «от жизни» и «от земли». Поэзия не делится на поэзию «от земли» и «от культуры», она едина. И отнюдь не только в последние годы пришел Твардовский к этому выводу. В конце первого, смоленского периода своей биографии он, молодой еще поэт, опубликовал в газете «Рабочий путь» обширную статью о книге «М. Горький. Материалы и исследования под редакцией В. А. Десницкого», вышедшей в том же году в издательстве Академии наук СССР в Ленинграде. Двадцатичетырехлетний поэт продемонстрировал в этой статье свободное владение литературоведческим языком, не забыв отметить, что книга эта (по содержанию своему рассчитанная, безусловно, прежде всего на специалистов) «читается с подлинно захватывающим интересом». В заключение статьи Твардовский выделил слова, особо близкие ему уже тогда: «А писать нужно просто, как будто беседа по душе с милейшим другом, с лучшим человеком, от которого ничего не хочется скрыть, который все поймет и оценит с полуслова...» Таков был урок Горького, ставший для нас уроком Твардовского. Уроком, разумеется, не последним. Ибо книги поэта будут еще читаться и перечитываться, осмысливаться и служить источником новых уроков — пока будут писаться стихи, пока на земле нашей, говоря словами Пушкина, «жив будет хоть один пиит»...

Среди немногочисленных стихов о Твардовском врезались в память трагические строки Константина Ваншенкина, запечатлевшие автора «Теркина» в последнее лето его жизни:

И сразу же, в дверях,
Меня пронзила жалость,—
Пропал мой долгий страх,
И только сердце сжалось.

Он, словно между дел,
И словно их немало,
Средь комнаты сидел,
Задумавшись устало...

Какой ужасный год,
 Безжалостное лето,
 Коль близится уход
 Великого поэта...

Многие могут сегодня подтвердить: то, что Твардовский — великий поэт, было осознано современниками при его жизни. Нашему читательскому поколению, вообще говоря, не приходится жаловаться на судьбу: нам довелось видеть и слышать только что рожденные строки многих выдающихся мастеров русского стиха. Мы восхищались ими, запоминали наизусть. Но только о Твардовском решились произнести эти обязывающие слова: великий поэт. На мой взгляд, «великий» — слово более ответственное, чем «гениальный». Гениальность, высшая степень одаренности, — это все же еще в известной мере потенция, обещание. «Великий поэт» — эти слова говорят не только о масштабе природного дарования, но и о высшей степени зрелости — человеческой, духовной, гражданской. Пример Твардовского убеждает: нельзя быть в наше время великим поэтом, не будучи поэтом гражданственным, иначе говоря, социальным. В годы битвы с фашизмом родились прекрасные стихи, написанные многими поэтами. Но только Твардовским была создана Книга, равной которой, пожалуй, трудно сыскать в литературе о войне.

Большая правда жизни — всегда правда народная, правда социальная. Об этом нельзя не думать, читая и перечитывая знаменитые строки из вступления к «Василию Теркину»:

А всего иного пуще
 Не прожить наверняка —
 Без чего? Без правды сущей,
 Правды, прямо в души бьющей,
 Да была б она погуще,
 Как бы ни была горька...

Глубина этих строк осознается с возрастом. Вначале они воспринимаются как блестящее, афористичное выражение общеизвестной истины: говорить правду хорошо, а лгать — плохо. С годами понимаешь: речь идет о большем. О правде как о единственном и незаменимом «душепитательном «продукте». Твардовский говорил о правде как о хлебе насущном, без которого «не прожить наверняка», ибо отсутствие или нехватка его ведут к духовной дистрофии, к преждевременному одряхлению и вырождению души. Он может быть горьким, этот хлеб. Но без него нельзя. Речь идет, таким образом, не только о социальных корнях, но и, если можно так выразиться, о социальной функции правды.

Мне вспомнилось, как читают и слушают Твардовского самые разные люди. Вспомнился давний вечер в районной гостинице в Кулундинской степи, где соседями моими были шоферы, механики, снабженцы, а самый плечистый и хриплоголосый мужчина назывался «уполминзаг» — уполномоченный Министерства заготовок. На всегдагдаев поэтических вечеров они все мало походили. Но когда казенная радиоточка — чудом сохранившаяся как-то картонная черная «тарелка» — вдруг заговорила стихами, разом примолкли. То был «Василий Теркин», глава «Гармонь», в исполнении, кажется, Дмитрия Журавлева:

И забыто — не забыто,
 Да не время вспоминать,
 Где и кто лежит убитый
 И кому еще лежать...

Впервые я видел тогда слезы на глазах взрослых мужчин. Почти все они были людьми, прошедшими войну.

Но мог бы я вспомнить и другое: городскую квартиру, где собрались литераторы, художники, музыканты. И ту же «Гармонь» по радио, в том же исполнении. Все было здесь иным, только напряженная тишина вдруг воцарилась такая же, как в той гостинице-временке с белеными стенами...

«Поэт, как общественное явление, начинается тогда, когда его читают те, кто стихов обычно не читает», — писал Твардовский в одной из своих послевоенных заметок о литературе. Позднее он высказывал эту же мысль с меньшей категоричностью: «Первым опознавательным признаком значительного поэтического явления, приобретающего характер явления общественного, можно считать то, что такие-то стихи читают уже и люди, обычно стихов не читающие. Приводя здесь это давнее мое определение, я вовсе не утверждаю, что такой показатель непременно означает и подлинную поэтическую ценность стихов. Бывает по-всякому, и не редкость, когда более или менее длительное внимание читателей, включая тех, которые обычно стихов не читают, завоевывают стихотворные изделия сомнительного качества. Это происходит, когда иные стихотворцы потрафляют простодушным и невзыскательным понятиям и вкусам дешевой общедоступностью, или в силу фактора моды, понуждающей читателей с претензиями порой даже к притворному восхищению тем, что импонирует им как раз своей предназначенностью не для всех, а лишь для достигших известного уровня искушенных». Сам Твардовский ничему, никогда и никому не потрафлял: ни «простодушным» ни «искушенным». В тех и других он, что называется, «докапывался» до главного, до сокровенного, общего — того, что и делает всех нас вместе Народом, Советским народом. Самая возможность говорить с таким широким кругом людей, затрагивать в них — во всех сразу — глубинные, коренные струны — это и есть самый главный «урок» Твардовского. Урок, имеющий принципиальную, непреходящую ценность.

У КНИЖНОЙ ПОЛКИ

Энергия века

Минуло больше четверти века после открытия первого в Сибири Березовского газового месторождения, два десятилетия — после того, как ударил первый фонтан сибирской нефти. С тех пор выросло, возмужало, твердо встало на ноги поколение, впервые услышавшее о Тюмени в начальной школе. Поколение, которому всерьез и надолго поднимать Сибирь: мощный край к востоку от Урала занимает в нашей жизни все более значительное, а в чем-то и ключевое место.

Пришла пора с учетом смены поколений обобщить, оценить с известного исторического отдаления весь тот огромный опыт, всю сумму самых разнородных и разнообразных знаний, которые накоплены за последние десятилетия в великом деле преобразования Сибири и Дальнего Востока.

Речь идет не только о производственных проблемах, какими бы масштабными и сложными они ни были. Не менее, если не более важно для широкого читателя получить верное представление о том, что требует сегодня сибирская или дальневосточная земля от человека, что обещает ему, к чему он должен быть готов, чего ему следует остерегаться, где он рискует споткнуться.

«Летопись открытия». Документы, дневники, воспоминания, письма. Г. Лутошкин «Испытание Севером». Г. Петров «Каждый становится героем». К. Лагунов, Е. Лучковский «Надымская тетрадь». Свердловск, Средне-Уральское кн. изд-во, 1979 г.

«По зову сердца» — звучит, конечно, впечатляюще. Но вдвойне дороже, когда этот зов, пусть даже возникнувший под влиянием минутного порыва, окрепнет в сознательной самопроверке, которая, возможно, начинается со сравнения себя, своего характера с личностью и характером тех, кому уже знакома избираемая тобой дорога со всеми ее ухабами и поворотами.

Вспомним недавнюю историю: одни говорили тогда, что нефти в тюменской земле нет и быть не может, другие утверждали, что ее там много, и оказались правыми. Доказывали каждый свое сначала в теоретических спорах, истину же добыли в великих трудах и расхолаживающих неудачах среди болот, тайги, дикого бездорожья. Потом пошли открытия за открытиями. Замелькали по газетным страницам имена первопроходцев. Постепенно к прославленнейшим из них добавлялось: Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, лауреат Государственной премии...

Работая над документальным фильмом «Страна наша Тюмения» и очерковыми книгами, я перечитал немало самых различных публикаций и считал себя достаточно «подкованным». Однако чтение книг, новой серии «Энергия века», выпущенных Средне-Уральским издательством, убедило: нет, очень многого, оказывается, не знаю, либо знаю поверхностно. «Летопись открытия» представляет собой сборник документов, дневников, воспоминаний, писем. «Испытание «Севером» принадлежит перу секретаря Тюменского обкома КПСС

Г. Д. Лутошкина. Автор книги «Каждый становится героем» — знаменитый буровой мастер Г. К. Петров. «Надымская тетрадь» написана литераторами К. Я. Лагуновым и Е. А. Лучковским. Книги разных жанров, каждая со своими задачами, своим объемом ценной информации, своим лицом — первенцы серии «Энергия века».

Основные документы, связанные с возникновением крупнейшего района добычи нефти и газа, в свое время были опубликованы. Собранные воедино в «Летописи открытия», умело прокомментированные, дополненные свидетельствами прессы, живыми воспоминаниями участников событий, они делают выпуклой и зримой для сегодняшнего читателя полную драматизма и напряжения предысторию Тюмени.

Разве может быть для нас безразличным столкновение научных идей, начавшееся в 1932 году с дерзостного, считавшегося некоторыми «еретическим» заявления академика Губкина о том, что за Уралом перспективы и значение разработки нефти огромны, что добыча в этих районах может обеспечить потребности «всего народного хозяйства СССР»? Сколько понадобилось усилий, чтобы научная гипотеза превратилась в рабочую! И нужно, полезно напоминать об этих усилиях, показывать, притом предметно, документально, нелегкую борьбу партийных организаций за сибирскую нефть, борьбу целенаправленную, не всегда укладывающуюся в привычные рамки, но подчиненную диалектике смелого поиска.

Мне представляется правильным, что в «Летописи открытий» скептики не преда ны анафеме, не подвергнуты осмеянию. Сама по себе уверенность, даже самая твердая, — не доказательство. В 1936 году во время арктической экспедиции я брал интервью у геологов, ведущих разведку нефти в низовьях Енисея, за Полярным кругом. Интервью кончалось категорическим утверждением, что в следующем году геологи непременно дойдут до нефтеносных горизонтов. Увы, нефть в этом районе все еще не найдена... Любая гипотеза может возбуждать сомнения и должна подвергаться проверке. Выявление же нефтеносности и газоносности Западной Сибири заняло много лет.

Ценность книг новой серии, помимо всего прочего, на мой взгляд, в том, что их авторы стремятся избегать упрощенного толкования событий и явлений. В этом смысле название книги Г. К. Петрова

«Каждый становится героем» звучит некоторым диссонансом утверждаемому в ней тезису, насколько труден и далеко не каждому доступен путь в подлинные герои тюменского Севера. Книга одного из первопроходцев тюменской нефти — это размышления мужественного человека, самокритичного, далекого от самолюбования, от легковесного отношения к окружающему, требовательного к себе и другим. В ней не замалчиваются просчеты, ошибки, заблуждения. Именно это делает ее особенно своевременной и нужной; хотя большая часть книги — о делах минувших дней, она как бы предвещает те неожиданности, на которые Сибирь будет щедра и впредь.

В широком смысле серия «Энергия века» обращена прежде всего к тем, кому предстоит решать огромные задачи, определенные для нового, второго этапа развития топливно-энергетического комплекса Тюмени. Воспользуюсь сжатой характеристикой из книги «Испытание Севером»:

«Если первый миллиард тюменской нефти добыт за четырнадцать лет, то второй надо получить втрое быстрее. Это реальная задача.

В нефтедобыче складывается иная ситуация — эксплуатация уже освоенных месторождений не даст прироста добычи. Предстоит выходить на новые месторождения. Если к началу десятой пятилетки было освоено восемнадцать, то теперь, чтобы увеличить поток нефти, надо ежегодно вводить в действие не менее семи месторождений».

Так обстоит дело с нефтью. Сверх того Тюмень дает стране больше трети добычи газа, и надо ввести в строй еще несколько крупных газовых месторождений. Надо развивать систему газопереработки на месте. Надо интенсивнее вести геологическую разведку, надо возводить теплоцентрали, строить города, развивать сельское хозяйство. Надо, надо, надо...

Вот почему даже исторические материалы серии komponуются динамично и в значительной мере обращены в будущее: ей свойственна многоплановость. Книгу Г. К. Петрова лишь в известной мере можно считать профессиональными записками бурового мастера, представляющими особый, узко специальный интерес для буровиков. С высот своей буровой вышки автор увидел и вынес на широкое обсуждение некоторые общие проблемы. Он, натерпевшийся всяческих бытовых неудобств, мыкавшийся с семьей по закуткам походных вагончиков,

задается, например, вопросом: можно ли было начинать по-другому? Можно ли было сделать так, чтобы выход на новое месторождение «начинать с бытового обустройства, с создания на новом месте баз, жилья, дорог, словом, всего того, что необходимо для нормальной работы и жизни и что объединяется понятием инфраструктура»?

Ответ, казалось бы, ясен: не только можно, но и нужно. А Григорий Кузьмич Петров говорит, что применительно к Шаиму, где он начинал работать, применительно к Самотлору трудности начального периода не кажутся ему неоправданными. И с полным знанием дела приводит расчет: создание нормальных бытовых условий современного уровня отдалило бы добычу первой нефти на четыре-пять лет. «Мы же высадились в Урае в 1964 году весной, а ровно через год первые баржи с нефтью уже ушли отсюда в сторону Омска». Да, продолжает он, пришлось идти на жертвы, но в тех условиях это была единственно правильная стратегия быстрого освоения региона.

Нет ли здесь противоречия? Выходит автор за «палаточную» романтику?! И какой автор! Знаменитый мастер, зрелый, дельный человек, которого все уважительно называют Кузьмичом; в его осанке и в манерах неторопливая уверенность, основательность «хозяйственного мужика».

Да, представьте, Петров полагает, что у каждого человека в начале трудового пути должна быть своя «палатка». Хотя бы для гражданского самоутверждения. Но нельзя трудности становления делать системой, а нравственный экзамен растягивать на годы. Нельзя заставлять людей долго поступаться своими жизненными удобствами из-за неумения или нерадивости администраторов. И Петров заключает: «Мы ведь не только добываем нефть, но и строим жизнь. Наша общая цель и задача — устранить все то, что ее усложняет и омрачает. Возможно, в самом деле есть необходимость пересмотреть первоначальную стратегию наступления на новые районы, которая в нынешней ситуации уже изжила себя, переросла в фактор тормозящий».

Мне кажется, что позиция Героя Социалистического Труда Петрова глубоко реалистична. Идеальные, теоретически безупречные схемы освоения новых территорий не всегда осуществимы. Более того: не всегда целесообразны. Там, где ищут нефть и газ, в особенности. Ведь пережило же ко-

роткую славу газовой столицы и подъем стройки Березово. Но вскоре были найдены куда более перспективные газовые месторождения, дали нефть Мегион, Усть-Балык, а малое время спустя взопла звезда Самотлора. Что было бы, если бы каждая стройка повлекла неторопливое, планомерное развитие инфраструктуры на месторождениях, быстро и властно отодвигаемых на второй план все новыми и новыми открытиями?

Так что, наверное, без палаток на первых этапах не обойтись. Но лишь на первых! И лишь в местах разведки, пионерного освоения!

Мы стали опытнее, хозяйски предусмотрительнее, технически оснащенные. Расчеты показывают, что сегодня расходы на жилье, на бытовое устройство, на школы, клубы полностью окупаются теми выгодами, которые государство, народ получают от стабильности кадров, от создания костяка старожиллов, накрепко осевших в местах, где, кажется, в воздухе еще витает дымок романтических первых костров...

Стремление исследовать злободневные и наиболее проблемные отличает и книгу Геннадия Дмитриевича Лутошкина «Испытание Севером».

На мой взгляд, значительный интерес представляют страницы, посвященные социалистической предприимчивости и неправомерному сужению понятия экономического образования.

В работе Г. Д. Лутошкина обобщен большой, ценный опыт Тюменской партийной организации. Быть может, стоило бы несколько подробнее, предметнее поговорить о недостатках, вскрыть недочеты, промахи — ведь коммунистам Тюмени приходится работать в необычных условиях, к их примеру наверняка обратятся и будущие сибирские первооткрыватели.

Хочу вновь вернуться к книге Г. К. Петрова, государственно мыслящего рабочего человека. Григорий Кузьмич Петров анализирует в ней существо старой, в свое время остро разгоревшейся среди нефтяников дискуссии о «семивахтовке». Им исследована технологическая и организационная сторона вопроса, причем одинаково обстоятельно — и то, что лежало на поверхности, и то, что оставалось скрытым, подобно подводной части айсберга. И совершенно справедливо им акцентируется моральная, этическая сторона дела. «Семивахтовку» в ее первоначальном виде отменили. Однако система эта, создающая не-

равенство в соревновании, находила ведь убежденных последователей, а ее противников объявляли консерваторами, пытались исключить из партии. История глубоко поучительная в своей принципиальной сути — вот почему Петров не предал ее забвению. Она ведь может возникать в иных технологических и организационных вариантах — тем важнее вскрыть ее объективную несостоятельность. «По своей природе соревнование не может быть скучным, казенным, искусственным, — пишет Г. К. Петров. — Мы сами рядим его в эти одежды, записываем в шаблоны и рамочки, печемся иногда о видимой, формальной стороне, зачастую забывая о содержании». Он напоминает слова В. И. Ленина о том, что организация соревнования на социалистических началах должна представлять собой одну из наиболее важных и наиболее благодарных задач реорганизации общества. А мы, справедливо сетует автор, не всегда умеем использовать этот могучий инструмент хотя бы для совершенствования производственной сферы...

Г. К. Петров считает наиболее оправдавшим себя соревнование нефтяников по методу бригадной эстафеты. Но и тут он верен себе: скрупулезно вычленяет слабые звенья, намечает усовершенствования, словно бы предлагая: давайте, товарищи, подумаем вместе, как сделать хозрасчет, бригадный подряд мощной пружиной нашей эстафеты.

Объединенные в одной книге «Надымская тетрадь» Константина Лагунова и «Нитка от Уренгоя» Евгения Лучковского — это писательские очерки-повести о строителях газопровода. На мой взгляд, в плотно, экономно написанных очерках — правдивая картина необычайных трудностей, формирующих удивительные характеры. Нас что-то удерживает от сравнений героев Тюмени, скажем, с героями Клондайка: там, мол, была погоня за золотом, за наживой. Но разве тот же Джек Лондон не нашел на Юконе натуры, не только сильные, но и благородные, способные на высокие порывы, на поразительное напряжение душевных сил? Так разве искалеченный тросом, перенесший несколько тяжелейших операций и вернувшийся в строй бригадир Борис Дидук не из той же человеческой породы, но проявляющей себя в иных условиях, при иных обстоятельствах?

И еще: о героях можно писать не только высоким слогом, но и с добрым юмором — от этого они не становятся менее значи-

тельными; но юмор снимает их с железобетонного постаamenta, наполняет их образы живой человеческой плотью, приближает к читателям. Евгений Лучковский в «Нитке от Уренгоя», где перемежаются, а порой тематически перекрещиваются записки монтажника и записки журналиста, экспрессивными мазками вводит солоноватый жаргон трассовиков, подтрунивает над своими симпатичными героями — и от этого их портреты только выигрывают, становятся рельефнее, достовернее.

Первые книги серии «Энергия века» — начало, по-моему, удачное во всех отношениях. В том числе и в полиграфическом: четыре малого формата книги в картонной кассете, хорошая бумага, выразительные иллюстрации — словом, издание на столичном уровне. Я бы добавил: и перспективное, начало дела нужного, полезного.

Сибирь и Дальний Восток развиваются на основе долговременных комплексных программ. Тремя издательствами сделана серьезная попытка ввести в свою практику плодотворный принцип долговременности и комплексности: Восточно-Сибирское, Средне-Уральское и Хабаровское издательства при деятельной поддержке Госкомиздата РСФСР приступили к выпуску всероссийских серий «Широкие горизонты Сибири», «Энергия века» и «БАМ — страна молодости». Издательские планы, рассчитанные до 1985 года, включают свыше шестидесяти названий. Среди авторов — крупные ученые, рабочие, партийные и государственные деятели, комсомольские работники, писатели, журналисты, изыскатели. Ведет каждую из трех серий общественная редколлегия. Председатель редколлегии серии «Энергия века» писатель В. М. Кожевников в коротком вступлении заострил внимание на необходимости систематизации и отбора лучшего, наиболее значительного из того, что было и будет написано о великих стройках Сибири.

Появление новых всероссийских серий может выйти далеко за рамки чисто литературного события. При строгом отборе, при взвешенной оценке значения каждого выпуска не только для познания живой истории современности, но и для строительства будущего можно ожидать создания своеобразной энциклопедии народного подвига, энциклопедии специфического опыта и конкретных знаний, помогающих подъему великого, могучего края.

Георгий Кублицкий

Не оскудеет родовая память

Еще недавно называли молодыми прозаиков А. Проханова, В. Маканина, В. Крупина и А. Кима. Сейчас книги их заняли прочное место в современной отечественной прозе. Один из поколения нынешних сорокалетних — писатель Владимир Личутин. Шесть лет назад в Северо-Западном издательстве вышла его первая тоненькая книжка. А сегодня на произведения «Долгий отдых», «Время свадеб», «Крылатая Серафима» обратил внимание всесоюзный читатель. Поначалу казалось, что появился писатель-этнограф, повествующий о реалиях поморского быта. Но произведения его заключают в себе значительно большее, чем пусть даже и мастерское бытописание. В новом романе Личутина, рассказывающем о жизни поморской деревни Вазицы, нет ностальгии по уходящему, а есть размышление о времени, народе, жизни. Писателя интересуют истоки самосознания самых разных людей, определяющие, по сути, историческое самосознание народа. Образы героев и события, происходящие в Вазицах, В. Личутин выстраивает из множества достоверных деталей жизни поморов. Речь персонажей изобилует поморскими пословицами и поговорками, но они не тонут в этнографической детализации. От жизненной плоти материала, от чувства реальности при соприкосновении с действительностью Севера автор ведет читателя к широким обобщающим образам. Объектом пристального писательского внимания был и остается человек, в сферу отношений которого входят и деревня, и город, а в конечном счете и вся наша страна.

...Революция победила. Позади годы гражданской войны. Даже здесь, на северной окраине России, где уклад жизни веками оставался неизменным, к людям пришло ощущение обновления мира. Забота о собственных судьбах становится не главной для поморов. Спорят всюду — в кругу семьи, в только что образованной коммуне, на улице, в церкви. Спорят обо всем — о равенстве и свободе, о вечности, благе народ-

ном, коллективизации. Спорят неистово — происходит поляризация сил.

С этого и начинается роман в повестях «Душа горит», где каждая из повестей имеет право на самостоятельное существование. «Белая горница», «Вдова Нюра», «Душа горит», «Золотое дно» дают нам ощущение новых проявлений человеческих отношений.

Поморье долгое время оставалось вне поля зрения писателей. Суровый промысел поморов столетиями вырабатывал иной, отличный от жителей средней России быт, иные характеры. Белое море от слез вдовьих поседело, сколько карбасов разбивалось, скольких рыбаков уносило на льдинах в открытое море. Взаимная помощь, выручка особенно ценились в этом малолюдном крае, где без поддержки друг друга ни о каком улове и речи быть не могло. Дисциплина и культура труда были безупречными. Посмотрите, как беспрекословно слушались рыбаки своего юрочника Мишку Креня на промысле тюленей. Хотя некоторые и недолюбливали его за жадность «до работы» — семь потов бывало сгонял с них Мишка, пока разрешит отдохнуть, — но видно за то и выбрали рыбаки его старшим: иначе не видать бы им удачной охоты.

В книге В. Личутина много эпизодов, дающих ощущение покоряющей правды, основанной на реальном опыте и знании. От подлинного писательского сопереживания рождаются новые, самодвижущиеся, а не искусственные, направляемые рукой автора образы. Во многом сюжет повестей определяет переключка времен, преемственность поколений. Илья Ланин, Мартын Петенбург, вдова Нюра — герои времен коллективизации; дети Ланина Арсений и Тимофей, Герман База, Симка Селиверстова — наши современники.

Критикой не раз отмечалось, что морально-этические проблемы В. Личутина показывает на фоне социально-исторических изменений в стране. Художественный мир книг В. Личутина густо заселен персонажами. Автор анализирует многообразие их характеров, сосредоточивая внимание то на одном, то на другом герое, в известной мере снимая само понятие — главный герой. В повести «Душа горит» выделены Илья Ла-

Владимир Личутин «Душа горит». М., «Молодая гвардия», 1978 г., «Последний колдун». Повесть. Журнал «Север», №№ 9—10, 1979 г.

нин, его сыновья и Мартын Петенбург. В «Золотом дне» в центре повествования Коля База, Иван Тяпуев. Во «Вдове Нюре» крупным планом представлены Нюра Питерка, Мишка Крень... Так высвечиваются наиболее характерные для своего времени личности большого поморского села.

Постепенно от произведения к произведению, от «Белой горницы» к «Золотому дну», автор уделяет все больше внимания изображению современности, проблемам сегодняшней северной деревни. Революционное прошлое становится для В. Личутина своего рода критерием, которым он проверяет настоящее: достойны ли мы, люди семидесятых годов, тех жертв и усилий, тех надежд и чаяний, которыми жили первопроходцы, сражавшиеся за революционные идеалы.

Обращаясь к тем далеким годам, автор прежде всего выделяет героев романтического склада. Это коммунисты, бескорыстные рыцари идеи. Для них социализм — близкий, достигаемый рубеж, стоит только «перековать все души на доброту». Таковы Илья Ланин, Мартын Петенбург, Аким Селиверстов. Нередко они многое упрощают, подчас ошибаются, но их жизнь озарена мечтой о всеобщем счастье.

Этим людям противостоят идейные антиподы. С одной стороны, враги явные, открытые — «крепкие» хозяева-накопители вроде Федора Креня и его сына Михаила, в котором с наибольшей силой проявились черты неумного стяжателя, способного пойти ради богатства на любое преступление, даже отцеубийство. С другой — выступают примазавшиеся к революции подонки, такие, как Ваньша Тяпуев, Афанасий Мишуков, Гришка Чирок. Они стремились прилепиться к революции, паразитировать на ней, подобно платоновским «заместителям пролетариев». Под видом служения пролетарскому делу рвались к власти, чтобы использовать ее в своих корыстных целях.

Историческая тема мотивированно перемежается в романе с темой современной: в повести «Вдова Нюра» рассказывается о событиях тридцатых годов, гибели коммуниста Акима Селиверстова, организации колхоза, высылке ненавистного всем Мишукова и о событиях пятидесятых годов. В повестях «Душа горит» и «Золотое дно» действие происходит в тех же тридцатых годах и в наши дни.

В доме сельского учителя Тимофея Ланина хранится фотография отца, мечтавшего

о социализме и активно строившего его. Людей, подобных Илье, отличает высокий нравственный интеллект и культура духа. Вспоминая героическую смерть Ильи в плену у немцев, жертвующего собой ради спасения незнакомых людей, Гришка Чирок говорит: «А как же иначе прикажешь поступить? Он ведь голова был.., и даже не желая думать, как бы он, Чирок, поступил на месте Ланина, продолжил:— Я дак я, а он, дак он».

Читая о гибели Ильи, невольно сравниваешь его с сельским учителем из повести В. Быкова «Обелиск». Их поступки — не героизм, вызванный сиюминутным порывом. Для обоих шаг навстречу гибели — во имя жизни — неизбежен, подготовлен всей их жизнью.

Сыновья Ланина в трудные минуты равняются на отцов, людей высокого героического революционного времени.

Исследование характеров современного села Владимир Личутин продолжил и в своей новой повести «Последний колдун». И здесь все тот же своеобразный мир поморов, самобытный язык персонажей, но повесть не расцениваешь как один из вариантов разрабатываемой автором темы. Мы становимся очевидцами событий, постоянно и сложно переплетающихся и отзвучивающихся друг в друге — прием, восходящий к традициям древней северной саги. В «Последнем колдуне» встречаем упоминание о персонажах повести «Душа горит», среди действующих лиц — запомнившиеся нам поморы из повести «Время свадеб».

Появляется и новый, непривычный для Личутина герой — школьный учитель Феофан Прокопьевич, сельский мудрец, проповедник нравственности. Не случайно так много места уделяет в своих произведениях писатель фигуре сельского просветителя: задачи его на селе огромны. От первых советских учителей Илья Ланин и крылатой Серафимы передается духовная эстафета к Феофану Прокопьевичу, и далее — к молодому учителю Тимофею Ланину. Многие свои сокровенные мысли об истоках нравственности народа, размышления об извечных вопросах бытия — об отношении человека к природе, преемственности поколений, будущем — доверяет В. Личутин этим героям.

Откуда появляются нынешние Василисты, молодые, бездушные, опустошенные? — этот вопрос мучит не только учителя, но и самого автора. Личутин не идет по наез-

женной колее противопоставления разрушителям мудрых старцев уходящей деревни. Председатель колхоза Николай Радюшин, плотник Степан — это характеры непростые, они как бы связывают времена минувшие и нынешние.

Герои новой повести ощущают свою общность с людьми всей страны, понимают, что они, обитающие на краю земли, со всех сторон «окручены прочим народом, коего никогда не видывали и не знавали. Не чудо ли это и не велико ли это — связь меж всеми?». Это осознание кровного родства, неразрывности связей всех, сеющих хлеб и ловящих рыбу, конструирующих машины и управляющих ими, — всего трудового люда земли, помогает жить личутинским поморам. Маленькая поморская деревня становится органичной частью Родины. Не все гладко у героев повести «Последний колдун», не всегда они находят между собою общий язык, преодолевают их и трудности и беды. Но жизнь идет своим чередом: умирает «последний колдун» старой деревни Геласий, когда-то могучий помор, все силы свои отдавший тяжелому

морскому промыслу, рушится его старый дом. А молодая деревня устремлена в будущее: собираются строить школу на месте дома Геласия, пытается обрести себя молодой Степан.

Самые разные связи — сложные и едва обозначенные, далекие и близкие — опоясывают и время и пространство в произведениях Личутина. Связи новой деревни (из последней повести) со Слободой и Вазицами (местом действия ранних произведений писателя), связи личутинской деревенской общины со всем живым современным миром, связи поколений, традиций, уходящих, с одной стороны, в даль действия его исторического романа «Долгий отдых», с другой — ведущих в завтрашний день... В будущее братьев Ланиных и семьи Нечаевых — Степана и Любушки. Это созидательное, связующее начало все более властно входит в прозу Владимира Личутина, побуждающую читателя задуматься о нас самих, о нашем месте и деяниях в жизни и в истории.

Владимир Бондаренко

Очистительный пламень работы

Новая книга лирики Марка Лисянского — это не только стихотворения, написанные за последние годы.

Не просто поведать, что случилось
С испытанным сердцем моим.
Не годы, не хворь, не усталость —
Тревоги вселенские с ним.

Не случайно сборник назван «Города, города...» Пристрастие поэта к поездкам, путешествиям, новым впечатлениям, которыми он щедро делится с читателем, проявилось и в более ранних стихотворениях: не одна его книга наполнена рассказами о строящихся городах.

И новый сборник не просто впечатления от поездок, а на основе их размышления

Марк Лисянский. Города, города... Новые стихи. М., «Советский писатель», 1978 г.

о сегодняшнем дне нашей страны, о времени, о жизни, о людских судьбах. Это строки, посвященные верной дружбе и любви, и постоянная память о прошлом. Воркута, Норильск, Тьнда, Крайний Север и юг — впечатления и воспоминания соединились в своеобразное лирическое путешествие по Советской стране.

Стремление поэта повидать новые края, открыть неизведанные для себя прежде земли не только «интерес собственной души»; М. Лисянский живет днем сегодняшним, восхищаясь новыми городами, построенными в недавно глухих лесах, заболоченных местах, пустынях.

Славлю недра и славлю широты
В неизмеренном этом краю,
Очистительный пламень работы,
Обжигающий душу мою!

Героями его лирики становятся люди, создающие для будущих поколений пре-

красное сегодня. И он находит точные и теплые слова, чтобы показать своих героев.

Мой бог — человек.
Все он смог
И все еще сможет на свете...

Лисянский славит реальных людей, их будничные дела и заботы. Рассказывая о них, он находит свежие краски, щедро создавая рисунок стиха, его лирический сюжет.

Поэт так же, как любой рабочий человек, понимает, что «жизнь в движении спасительном, и бессмертен только труд». Для него мыслима жизнь только «в ногу с ветром и с веком». Поэтому в стихах М. Лисянского мы ощущаем кипение стройки, становимся свидетелями того, как закладываются фундаменты новых городов.

И даже в одной из самых близких поэту тем — военной, которой М. Лисянский верен неизменно, за будничным эпизодом солдатской жизни в его поэзии встает образ большой человеческой работы, ощущение великого солдатского труда.

М. Лисянский убежден: перед писателем, возвращающимся памятью к военному лихолетью, открываются по-настоящему необозримые просторы для творчества, несущего читателям живое общение с героикой прошлого.

Фронтовика, прошедшего войну, никогда не отпускает память об этих «четыре года», когда «война бросала в жар и холод, в крутой огонь и горький дым». Так

и М. Лисянского не отпускают думы о войне, товарищах-героях. И как рефрен: «А нас все меньше, меньше, меньше, тех, кто пришел домой с войны...» — скорбь об уходящем времени, об уходящих друзьях, память о тех, которых нет. Автор воздает «Величальную» тем, «кто был молод смолоду... кто был в годину страшную сильнее, чем беда, ходил и врукопашную и строил города... кто жизнь любил неистово»...

С любовью и благодарностью обращается поэт ко всему живому. Красота в его стихах всегда питается самой жизнью. Лисянский относится к миру осязательно — к рябине, склонившейся над окном, земле, расцветающей и дарящей людям свои плоды, желтому ливню листопада. Природа в стихах выступает в качестве доброй силы, которая освещает чувства, сотворяет истинное обновление. Поэтический язык стихотворений, посвященных природе, прост и естествен, емкость эпитетов и непритязательность метафор покоряют.

Где бы ни странствовал поэт, где бы ни был он в мирные или ратные годы «с автоматом в руке и с пером» — всегда, пишет он, «был я с Россией, был с Москвой...».

Поэтому закономерна и сегодня тревога его о мире, о будущем Земли, она звучит во многих стихотворениях.

Патриотизм, которым проникнуты стихи М. Лисянского, стремление увековечить подвиг советского народа в годы Великой Отечественной войны и сегодняшних трудовых героических будней — яркое свидетельство гражданской позиции поэта.

Н. Петренко

Юным — о Великой Победе

Книга лауреата Государственной премии РСФСР Сергея Алексеева «Гвардейский разговор» посвящена героическому и незабываемому подвигу советских людей в годы Великой Отечественной. Вместе с автором мы снова и снова участвуем в трудных боях под Москвой, Сталинградом, на Украине и Белоруссии.

Сергей Алексеев. Гвардейский разговор. Рассказы из истории Великой Отечественной войны. Библиотека юного патриота. М., Воениздат, 1979 г.

Как отобрать самое необходимое, главное именно для этой книги — ведь она написана для юного читателя? Сергей Алексеев обладает счастливым умением выбрать интересный характерный факт, обыграть его, неспешно описать событие и с помощью двух-трех лаконичных фраз, окрашенных доверительной, спокойной интонацией, акцентировать внимание на самом важном. Разговор с подростком идет на равных, без скидок на возраст и жизненный опыт. Умный, много повидавший и знающий человек, в совершенстве владеющий искусством беседы, С. Алексеев гово-

рит об истоках Великой Победы, силе духа, чувстве патриотизма, нерушимой сплоченности всего народа в битве с врагом.

Книга «Гвардейский разговор» состоит из ста восьмидесяти маленьких, на страницу-две рассказов-миниатюр, каждый из которых является завершённым произведением. Единство повествования достигается цельностью авторского видения описываемого, пониманием важности даже самого незначительного эпизода при решении основной своей задачи — правдиво и доходчиво рассказать ребятам о войне. Книга плотно населена героями — от солдата до маршала, насыщена событиями. И почти в каждом случае Сергей Алексеев привлекает не только интересный материал, но ищет способ закрепить его в памяти читателя. Очень удачно используются неисчерпаемые возможности слова. Вот рассказ «Гвоздильный завод». На улицах Сталинграда идут бои, группа бойцов под командованием младшего лейтенанта Колеганова отбивает у фашистов склад с гвоздями. После долгого, упорного боя перед домом, «громоздясь один на другого, валялись десятки фашистских трупов»: «нагвоздили» фашистов, а склад солдаты в шутку назвали «гвоздильным заводом»... И везде в Сталинграде, что ни дом, то для фашистов «гвоздильный завод».

В каждом рассказе Сергей Алексеев находит свою, присущую только данной миниатюре интонацию. Как правило, их пронизывает мягкий юмор. В тех же главах, где речь идет о захватчиках, писатель

прибегает иногда и к фельетонной хлесткости. Вот как начинается, скажем, рассказ «Напились»: «Обер-лейтенант Карл Иоганн Мария Нушке дал клятву напиться воды из Волги. Поклялся отцу и деду. Поклялся невесте. Отцу невесты. Соседу. Соседке. Солженищину по части. Командиру части. В ресторане швейцару. Почтальону. Лифтеру. Поклялся родному дому... Вышел к берегу Нушке... На волжскую воду с гордостью посмотрел... И вдруг просвистело над Волгой что-то... Глянули на то место, где стоял Нушке. Был. Стоял. И нет Нушке. Воронка на этом месте»...

Главный герой книги С. Алексеева — советский солдат. Точные подробности фронтового быта, веселые шутки даже в самых сложных ситуациях, оптимизм, умение откликнуться на чужую беду, прийти на помощь, приспособиться к трудным условиям, героическое поведение и смелость в бою — раскрывают перед нами психологически точный обобщенный образ советского человека на войне, который знает за что и во имя чего он сражается, а поэтому твердо верит в Победу.

Осознавать себя причастным к великой истории страны, гордиться подвигом народа, отстаившим Родину в годы суровых испытаний, — эти чувства воспитываются с детства. И такие умные, необходимые книги, как «Гвардейский разговор» Сергея Алексеева, служат важнейшей задаче — патриотическому воспитанию подрастающего поколения.

Ю. Виноградов

Дорожа словом

Книга Я. Козловского «Две музы — две сестры» издана в серии «Мастера художественного перевода». Автор включил в нее и свои оригинальные стихотворения, многие из которых вошли и в недавно увидевший свет сборник уже целиком оригинальных стихов — «Осенняя страда».

Лучшие произведения обеих книг убеждают: работа над переложением на русский язык «чужой» поэзии неотделима для

Козловского от самостоятельного творчества. И, наоборот, занятия переводом в данном случае не только профессиональная деятельность, всеми признанная и высоко оцененная, она один из родников, питающих творческий дух литератора.

Мысль о том, что музы, которым служит поэт Козловский, — сестры, вынесена в заглавие одного из сборников, конечно, обдуманно и правомерно. Издавна близки его сердцу народы Кавказа, прежде всего Дагестана, — уже много лет переводит он аварскую, даргинскую поэзию — аварца Расула Гамзатова, балкарца Кайсына Кули-

Яков Козловский. Две музы — две сестры. М., «Советская Россия», 1978 г. Осенняя страда. М., «Современник», 1979 г.

ева, абхазца Ивана Тарбу... «Поклонником и верным слугой» «тронных кряжей» Северного Кавказа называет себя поэт.

Он свой среди этой, ставшей ему родной природы, с людьми, живущими здесь, ощущает свое кровное родство:

В непокорном когда-то ауле
ждет меня и сегодня ночлег.
Я живу здесь, как равный меж равных,
Ем хлеб-соль и сажу у огня,
И наибо хунзахского правнук
Может жизнь положить за меня.
(«Эти тронные кряжи плечисты...»).

Козловский глубоко изучил специфику быта, фольклор, историю, особенности национального характера народов Северного Кавказа.

Да возместят незнание языка мне
Обычай, с которыми знаком,
Напев свирели, и резьба на камне,
И все, что встарь написано клинком.
(«С языка стихов»).

Кроме этих знаний (без чего хороший перевод просто невозможен), поэт обладает и другим, очень важным для переводчика достоинством, которое критик Вл. Огнев в одной из статей назвал «даром отзывчивости на чужое». Этот дар помогает Козловскому проникнуть в душу другого художника, посмотреть на мир его глазами, освоить стилистическую манеру, даже не близкую опыту русского стихотворчества. Тут помогает, конечно, и знание литературных традиций народа, поэзия которого переводится на другой язык. И все же, думается, простого знания, суммы сведений явно недостаточно: здесь нужно особое чутье, особый дар перевоплощения, отзывчивости.

Наверное, всякий настоящий мастер своего дела сознает собственную силу. В стихотворении, которое как бы вместо «введения» предпослано сборнику «Две музы — две сестры», Козловский выразил это в свойственной ему лаконичной, отточенной форме:

Сумел в свободный ринуться полет
Иноязычный стих, природный слуху
Тех, для кого был сделан перевод?
Слова другие, лад иной...
Как в тигле,
Все перелавил вдохновенно ты,
И вдруг,
о чудо,
заново возникли
Оригинала вещие черты.
(«Вместо предисловия»).

Широкая известность Козловского началась с прекрасных переводов стихов Расула Гамзатова — на некоторое время, по выражению В. Огнева, он стал как бы вторым «я» аварского поэта. Критика не раз отмечала, как певучи, стремительны, яркие, богаты выразительными красками эти переводы, вселяющие в читателя уверенность, что они абсолютно идентичны подлиннику. Теперь, читая стихи разных поэтов Кавказа, переложенные Козловским на русский язык, убеждаешься, что высокую оценку критики можно в равной степени отнести и к переводам стихов кабардинца А. Кешокова, и осетина Нафи Джусойты, и абхазца И. Тарбы, и Гамзата Цадаса — великого поэта Дагестана, отца Расула Гамзатова...

Если судить по книге «Две музы — две сестры», ее автор по своей душевной настроенности тяготеет к поэтам открытого сердца, темпераментным. В сборнике «Осенняя страда» читатель не пройдет мимо четкого, по-восточному афористичного четверостишия, и оно, конечно, не исключение в этой книге:

Наполнили чаши: — Какую берешь?
В той — горькая правда, здесь — сладкая
ложь, —
был молод, и выбрал я ту, что сладка,
и мне, чтоб погибнуть, хватало глотка.

В сборнике «Две музы — две сестры» представлена не только поэзия наших современников, но и яркий, пестрый мир народных песен и баллад с их культом идеальной любви, побеждающей смерть. Здесь и переводы поэтов-классиков, творивших в веке минувшем и нынешнем.

Постоянные занятия переводом приучили Козловского работать над словом, обогатили его собственный стих. Стихотворение «Терек», несколько напоминающее звукописью пушкинский «Обвал», выразительно передает своим ритмом буйный бег Терека в «гулкой гортани ущелья», а повторением сходных по звучанию согласных — плеск и гул бьющейся о скалы, мчащейся с бешеной скоростью воды:

На буйный бег себя обрек
Он, как коня абрек,
И от столетий не поблек,
гремя водой о брег.
С вершин взимать он будет дань
И заставлять опять
Ущелья гулкую гортань
Рев барса издавать.

Мастерством отличаются многие известные переводы, сделанные Козловским. К сожалению, иногда, читая то или иное стихотворение, невольно вдруг спотыкаешься, встречая неудачное выражение, скажем, вот такое: «коня трехлетнего ездук» — не очень-то изящно звучит это. Ведь ездят на коне! Или частную неточность: «пусть удел счастливый мой молния испепелит» — может ли молния испепелить удел? Или сочетание несочетаемых планов, скажем, о девушке: «идет с черпалкой золотой и с отсветом вершин»... Конечно, обидно встречать такую небрежность у мастера, каким мы знаем Козловского, поэтому мы вправе ждать, чтобы подобного рода огрехов у него не было вовсе, чтобы его переводы всегда были завершенными, тщательно отделанными. К сожалению, «неаккуратные», нечеткие в слове и образе стихи встречаются и в сборнике «Осенняя страда».

И все же отдельные небрежности не могут заслонить значения целого, как это бывает, когда ложка дегтя попадает в бочку меда (сказано вовсе не из желания повторить расхожее в критике «и все же...»).

Та самоотдача любимому делу, которую ощущаешь в работе Я. Козловского над переводами и собственными стихами, связана с верой поэта в могущество слова, высокое предназначение поэзии: «союзом правды и добра» названа она в стихотворении «Изысканная словесность». Этот взгляд традиционен для русской литературы в целом, не случайно и Козловский так часто обращается в собственных стихах к образам наших великих стихотворцев — Пушкина, Лермонтова, Грибоедова, которые вступали в поэзию «дорогой доблестной и чистой». Из этих стихотворений своей философской обобщенностью и точностью выражения особенно привлекает стихотворение «Ночной порой под небом отческим», тонко, непрямой линией развивающее мысль о том, что настоящее искусство живет только при свете добра и правды. Истина эта, конечно, не нова, но у Я. Козловского она не звучит банально, ведь известно: всякая важная, в с т р а д а н н а я мысль в поэзии обновляется.

М. Суровцева

Лев Толстой и русская журналистика

Тема «Толстой и русская журналистика его времени» много лет ждала своего исследователя. Как это ни удивительно, никто из многочисленной плеяды советских и зарубежных толстоведов до сих пор не сделал попытки собрать, проанализировать, оценить отклики современной печати на романы Толстого. Надо, однако, признать, что задача это не из легких. И тому, кто возьмет на себя ее решение, думаю, необходимо знать по крайней мере три «вещи»: жизнь и творчество Толстого; «Толстовиану», то есть то, что о Толстом написано; историю русской дооктябрьской журналистики. Знать все это нужно, естественно, не порознь, не в отдельности, а, как говорит Пьер Безухов в «Войне и мире», уметь *сопрягать* одно с другим и другое с третьим.

Главное достоинство книги Э. Г. Бабаева

Э. Г. Бабаев. Лев Толстой и русская журналистика его эпохи. Издательство Московского университета, 1978 г.

«Лев Толстой и русская журналистика его эпохи» как раз и состоит в искусном сопряжении повествования о жизни Толстого в годы создания «Войны и мира», «Анны Карениной», «Воскресения» с рассказом об истории их создания и появления в печати, о возникшей вокруг них полемике на страницах крупнейших русских журналов. Надо заметить, что этой работе предшествовала вышедшая годом раньше другая книга Э. Г. Бабаева — «Лев Толстой и русская журналистика 60-х гг. XIX в. «Война и мир» в отзывах журнальной критики».

Мастерски сочетая разнообразный и разнохарактерный материал, автор книги воссоздает образы трех эпох жизни великого романиста и одновременно трех эпох динамично развивавшейся русской жизни, зеркалом и голосом которой было его творчество.

Содержание книги Э. Г. Бабаева разнообразно и многослойно. Но в ней ясно высвечиваются два «потока»: собственно тол-

стовский и журналистский. Развертываются они не раздельно, а во взаимодействии, в противоборстве. И в результате выясняется главное: отношение журнальной критики к Толстому и отношение Толстого к ней.

Выясняя это главное, Э. Г. Бабаеву пришлось сначала поставить под сомнение, а затем аргументированно опровергнуть некоторые привычные представления, относящиеся к теме его книги и возникшие еще при жизни Толстого. Одно из них касается отношения писателя к литературной критике и распространено оно было среди мемуаристов.

Младший брат жены Толстого, С. А. Берс пишет в своих воспоминаниях, изданных в 1894 году: «К журналистам и критикам он (Толстой.— К. Л.) относился с оттенком презрения и негодования, если их относили к разряду хотя плохих писателей. Он находил, что печатью злоупотребляют, потому что печатают много ненужного, неинтересного и, главное, нехудожественного. Критических разборов своих произведений он никогда не читал и даже ими не интересовался».

Свидетельство С. А. Берса позднее подтвердил первый биограф Толстого, П. И. Бирюков: «Сам Лев Николаевич не читал критики на свои произведения. Только немногие отзывы его личных друзей, как мы видели, интересовали его».

С. А. Берс также сделал подобную оговорку, заметив, что Толстой читал только тех критиков, в статьях которых находил «истинную и правильную оценку его произведений». По словам С. А. Берса, к ним он относил «почтеннейшего Н. Н. Страхова».

Эти свидетельства мемуариста и биографа решительно опровергаются Э. Г. Бабаевым в его книге. Да, мы знаем немало «злых» и не всегда справедливых отзывов Толстого о современных ему критиках... Но из этого вовсе не следует, что он отвергал литературную и художественную критику, не признавал ее высокого значения.

Знакомясь с критическими отзывами на его произведения, Толстой нередко возмущался, негодовал, протестовал. Но ему были дороги отзывы о них не только Н. Н. Страхова, но и прежде всего тех, кто приветствовал его приход в литературу, вместе с ним создавал ее славу. Мы говорим о Некрасове, Чернышевском, Тургеневе, Герцене, Островском, Гончарове, Григоровиче.

Как почти все только что названные писатели, Толстой был не только автором ху-

дожественных произведений, но и литературным критиком. Достаточно напомнить здесь о его статьях, посвященных Гоголю и Чехову, Мопассану и В. фон. Поленцу, а также знаменитый «критический этюд» «О Шекспире и о драме».

Толстой утверждал, что писатель, если он настоящий писатель, не может не быть критиком. «Одно из главных свойств таланта литературного,— указывал он,— состоит в критическом суждении, относящемся преимущественно к своим произведениям». Из дневников и писем Толстого можно увидеть, как он развивал свое «критическое суждение», вырабатывая его прежде всего на критике недостатков собственных произведений.

Еще только вступая на путь писательства, молодой Толстой стремился определить свои взаимоотношения с критикой. В первую законченную повесть «Детство» он намеревался включить главу «К тем Господам-критикам, которые захотят принять ее на свой счет». В ней начинающий автор резко осудил поверхностные журнальные статьи с грубыми нападками на «хорошие сочинения» Гоголя и Тургенева, Гончарова и Григоровича. Задача настоящей критики, утверждал Толстой, «дать понятие о ходе литературном, о значении и достоинстве новых книг». И потому «критика есть вещь очень серьезная».

В этих словах Толстого — ключ к оценке его собственной литературно-критической деятельности и к пониманию полной драматизма истории сложных взаимоотношений писателя с журнальной критикой его эпохи.

Уделив главное внимание «критической истории» романов Толстого, Э. Г. Бабаев выстраивает рассказ о ней как увлекательное, трехчастное повествование с остро развертывающимся сюжетом. Уже в самих наименованиях его частей четко выражено сюжетное движение: «Книга о прошлом» («Война и мир»); «Роман из современной жизни» («Анна Каренина»); «Для будущего читателя» («Воскресение»).

Внутри каждой части повествование связано в тугие узлы, развязывая которые автор книги погружает нас в круговороты противоречивых мнений о каждом из романов Толстого, показывая, как медленно и трудно рождалась, складывалась и утверждалась их высокая оценка, общепринятая в наше время.

Уже названный выше Н. Н. Страхов следующим образом обрисовал растерянность

читающего общества и журнальной критики, вызванную появлением «Войны и мира»: «Люди, приступавшие к этой книге с предвзятыми взглядами,— с мыслью найти противоречие своей тенденции, или ее подтверждение,— часто недоумевали, не успевали решить, что им делать — негодовать или восторгаться, но все одинаково признавали необыкновенное мастерство загадочного произведения».

Это наблюдение одного из первых читателей и критиков «Войны и мира» подтверждается многими материалами, приведенными в книге Э. Г. Бабаева. Действительно, «Война и мир» воспринималась многими современниками как «загадочное произведение», не похожее на все известные романы и повести русских и зарубежных писателей, нарушавшее привычные представления о законах жанра и историко-художественной прозы.

Предвидя критические «разносы» своего произведения, Толстой в 1868 году напечатал в «Русском архиве» статью «Несколько слов по поводу книги «Война и мир». Он рассказал в ней о замысле произведения, о способах сочетания в нем исторической правды и художественного вымысла и о многом другом.

Эта искренне и страстно написанная статья Толстого, что называется, подлила масла в огонь и не только не потушила, а еще более разожгла споры о его произведении.

Несомненная заслуга Э. Г. Бабаева как исследователя «критической истории» романов Толстого состоит в том, что он не отмахнулся от противоречивых, порой резко отрицательных отзывов журнальной критики о них, как это сделал, например, П. И. Бирюков, а увидел в этих отзывах борьбу различных идеологических лагерей, с каждым десятилетием русской общественной жизни принимавшей все более острые формы.

Столкнувшись с поразительной разногласией мнений в первых же критических статьях о толстовских романах, биограф и друг писателя даже не пытался выяснить, чем она вызвана. Разделив критиков «на два лагеря — восторженных хвалителей и озлобленных ругателей», П. И. Бирюков оценил их статьи о романах Толстого всего лишь как «критические курьезы» и завещал будущим их читателям не проявлять «слишком большой чувствительности к этим нападкам и похвалам».

П. И. Бирюкову казалось, что именно так и поступал сам Лев Николаевич. Биограф писателя словно бы позабыл, сколько горечи доставляли Толстому несправедливые критические отзывы не только о «Войне и мире», а и о романе «Анна Каренина». Знакомясь с ними по книге Э. Г. Бабаева, особенно остро ощущаешь, как больно они ранили автора романа, писавшего Н. Н. Страхову весной 1876 года: «И если близорукие критики думают, что я хотел описывать только то, что мне нравится, как обедает Облонский и какие плечи у Карениной, то они ошибаются. Во всем, почти во всем, что я писал, мною руководила потребность собрания мыслей, сцепленных между собою для выражения себя...»

В главе «Близорукие критики» Э. Г. Бабаев показывает, как издевались над «Анной Карениной» такие «асы» русской буржуазной журналистики второй половины минувшего века, как Буренин и А. С. Суворин. Буренин назвал роман Толстого «обширной эпопеей о флигель-адъютантских амурах Вронского с неверной супругой высокопоставленного лица — Анной Карениной». А вторивший ему Суворин назвал роман «ароматным представлением царства одколлона».

Э. Г. Бабаеву удалось, что называется, текстуально доказать, кого имел в виду Толстой, жалуясь на «близоруких критиков». Это был прежде всего А. С. Суворин — будущий миллионер, издатель газеты «Новое Время». Много лет спустя в посвященной кончине А. С. Суворина статье «Карьера» В. И. Ленин писал о «Новом Времени»: «Эта газета стала в России образцом продажных газет. «Нововременство» стало выражением, однозначным с понятиями: отступничество, ренегатство, подхалимство»¹.

Поворот Суворина от демократических позиций вправо стал очевидным с той поры, как в его руки перешла газета «Новое Время» (это произошло в 1876 году). Но еще никем, кажется, не было отмечено, что этот некогда «либеральный и даже демократический журналист, с симпатиями к Белинскому и Чернышевскому, с враждой к реакции»², после перехода в лагерь реакции, стал одним из злейших врагов Толсто-

¹ Ленин В. И. Полн. Собр. Соч., т. 22, стр. 44.

² Ленин В. И. Полн. Собр. Соч., т. 22, стр. 43.

го. В книге Бабаева это доказано убедительно и документально.

До Суворина подобная метаморфоза произошла с издателем-редактором журнала «Русский вестник» М. Н. Катковым. На страницах этого журнала впервые печатались «Война и мир» и «Анна Каренина». Из книги Бабаева читатели узнают, сколь напряженными были отношения Толстого и Каткова уже в первую пору их знакомства. А затем дело подошло к полному разрыву отношений между ними. Катков отказался напечатать в журнале восьмую часть (эпилог) «Анны Карениной», поместив вместо нее свою статью «Что случилось по смерти Анны Карениной», где в полуиздевательском тоне пересказано содержание эпилога.

Потребовав от Каткова немедленно возвратить рукопись эпилога «Анны Карениной», Толстой заявил, что впредь он никогда не будет иметь дело с «Русским вестником». Тогда же он выпустил восьмую часть романа отдельным изданием. Чем ближе шло к концу печатание романа в «Русском вестнике», тем Толстому все яснее становилось, что его разрыв с Катковым неизбежен. «Оказывается,— писал он тогда,— что Катков не разделяет моих взглядов, что и не может быть иначе, так как я осуждаю именно таких людей, как он...»¹.

Причины разрыва отношений Толстого с такими журналистами, как Катков, Суворин, Розанов, были сугубо идеологическими. И это хорошо показано в книге Э. Г. Бабаева.

Весьма сложно складывались взаимоотношения Толстого с радикально-демократической и народнической критикой. Э. Г. Бабаеву, как мне кажется, удалось выяснить если не все, то важнейшие причины отрицательных отзывов о романах Толстого, принадлежащих таким проницательным критикам-социологам, как В. В. Берви-Флеровский, П. Н. Ткачев, Н. К. Михайловский, и другие. Причин было много, и они были разные. Вот одна из них.

В. В. Берви-Флеровский в статье о Толстом «Изящный романист и его изящные критики» нападает не столько на «Войну и мир», сколько на ее истолкование П. В. Анненковым — одним из виднейших представителей русской философско-эстетической критики.

П. Н. Ткачев в своей статье «Салонное художество» воевал не столько с романом

«Анна Каренина», сколько с В. Г. Авсеенко, восторженно его расхвалившим как «великосветский роман». Сам Авсеенко писал не только критические статьи, а и такие романы, как «Млечный путь», по поводу которого Достоевский сказал: «Я слышал (не знаю, может быть, в насмешку), что этот роман предпринят с тем, чтобы поправить Льва Толстого, который слишком объективно отнесся к высшему свету в своей «Анне Карениной», тогда как надо было молитвеннее, коленопреклоннее».

«Нападки» В. В. Берви-Флеровского на «Войну и мир» и П. Н. Ткачева на «Анну Каренину» были вызваны не только тем, что оба они в какой-то мере являлись наследниками того «критического нигилизма», родоначальником которого считается Д. И. Писарев, но и более всего тем, что, как писал М. Е. Салтыков-Щедрин, реакционный лагерь стремился выдать роман Толстого за свое «политическое знамя», что к нему «прицепляется консервативная партия».

Салтыков-Щедрин неодобрительно встретил первые две части «Анны Карениной». В свое время он похвалил «Войну и мир» за то, что в ней «так называемое «высшее общество» граф лихо прохватил...». А в «Анне Карениной», как Щедрину поначалу показалось, Толстой любовался людьми высшего общества. Великий сатирик начал было писать памфлет на новый толстовский роман, но оставил его незаконченным, познакомившись с последующими главами «Анны Карениной».

Нечто похожее произошло и с Достоевским. Начало романа Толстого его насторожило. А затем он стал восторженным его поклонником, называл «Анну Каренину» совершенством, а Толстого — «богом искусства». В «Дневнике писателя» Достоевский дал серьезный анализ толстовскому роману, во многом этот анализ сохраняет свое значение и сегодня.

В книге Э. Г. Бабаева интересны также страницы, где рассказывается о том, как И. С. Тургенев искал и нашел верную оценку «Войны и мира», не сразу поняв новаторскую сущность этой великой книги. Повествуя о поисках Достоевским, Фетом и другими современниками Толстого верной оценки «Анны Карениной», Э. Г. Бабаев характеризует их взаимоотношения с Толстым. Это помогает исследователю преодолеть обзорно-информационный характер изложения, казалось бы, неизбежный при громадном объеме материалов, относящихся к его теме. Чувствуя себя их хозяином, ав-

¹ Толстой А. Н. Полн. Собр. Соч., т. 62, стр. 326.

тор книги создает мастерски написанные картины литературной жизни, в центре которых неизменно присутствует Лев Толстой.

Искусно владея законами композиции, Э. Г. Бабаев построил свою книгу как триптих, стремясь к тому, чтобы составляющие его части были равновеликими. Но это привело его и к некоторым издержкам.

Последняя часть книги посвящена роману «Воскресение» — вершине всего послепереломного творчества Толстого, охватывающего три десятилетия его жизни. Материал, который необходимо было осмыслить в заключительной части книги, во много раз превосходил по объему относящийся к первым двум. И это сказалось на полноте освещения жизни и творчества позднего Толстого. Так, значительно шире следовало бы представить отклики на роман «Воскресение» со стороны критиков-юристов (об изображении Толстым судебных чиновников) и критиков-церковников (об изображении в романе духовных пастырей).

Подчеркнув исключительное и непреходящее значение статей В. И. Ленина о Толстом, исследователь мог бы более полно

показать, как ленинская характеристика сурового и трезвого реализма писателя, беспощадного срывателя «всех и всяческих масок»¹ непосредственно вытекает из анализа романа «Воскресение».

Полнее следовало бы представить и отзывы о романе «Воскресение», которые даны были молодым М. Горьким. И тут же уместен был бы рассказ о первой встрече Горького с Толстым, состоявшейся через год после появления в печати романа «Воскресение». Встреча эта имела знаменательное значение. В январе 1900 года на улице Льва Толстого (до революции она называлась Долгохамовническим переулком) в Москве встретились не только два писателя — старый и молодой, а и два века великой русской литературы — XIX и XX! Рассказом об этой знаменательной встрече хорошо было бы закончить талантливую книгу, появлению которой нельзя не порадоваться.

Константин Ломунов

¹ Ленин В. И. Полн. Собр. Соч., т. 17, стр. 209.

Главный редактор — В. М. КОЖЕВНИКОВ.

Редколлегия: С. М. БОРЗУНОВ, В. П. ГЕРБАЧЕВСКИЙ, Г. А. ЖУКОВ, Н. Б. ИВАНОВА, В. В. КАТИНОВ (зам. гл. редактора), Е. Ф. КНИПОВИЧ, С. М. КОВАЛЕВ, М. С. КОЛЕСНИКОВ, А. Ю. КРИВИЦКИЙ, В. В. МИХАЛЬСКИЙ, В. О. ОСИПОВ, Р. В. СВЯТОГОР (отв. секретарь), Л. И. СКОРИНО, В. Ф. ТУРБИНА, Я. А. ХЕЛЕМСКИЙ.

Адрес редакции: 103863, ГСП, Москва, К-104, Тверской бульвар, 25.

Телефоны: главный редактор и ответственный секретарь — 202-04-49, секретариат и заместитель главного редактора — 202-30-29 и 202-73-10, отдел прозы — 202-71-97, отдел публицистики — 291-04-43, отдел критики и библиографии — 202-67-79, отдел поэзии — 202-98-80, зав. редакцией — 203-01-57.

Технический редактор В. С. Пашкова.

Сдано в набор 11.04.80. Подписано к печати 14.05.80. А 01220. Формат 70×108^{1/16}. Высокая печать. Усл. печ. л. 22,40. Учетно-изд. л. 23,27. Тираж 170 000 экз. Изд. № 1291. Заказ № 2268.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

ПРЕДЛАГАЕМ КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

В. И. Ленин в Октябре и в первые годы Советской власти. 1970. 1 р. 51 к.

В. И. Ленин и образование коммунистических партий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1973. 2 р. 20 к.

В. И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России. 1970. 1 р. 73 к.

Кораблев Ю. И. В. И. Ленин и создание Красной Армии. 1970. 2 р. 18 к.

Ленин в борьбе за революционный Интернационал. 1970. 3 р. 24 к.

Ленин и современная наука. В 2-х книгах.

Кн. 1. **Ленинские идеи и современное общество.** 1970. 3 р.

Кн. 2. **Ленинские идеи и современное естествознание. Расцвет науки в союзных республиках.** 1970. 3 р. 65 к.

Ленинское учение о диктатуре пролетариата. 1970. 1 р. 60 к.

Марксистско-ленинская методология военной истории. 1976. 1 р. 89 к.

Марксистско-ленинское учение о государстве и праве. История развития и современность. 1977. 1 р. 64 к.

Строков А. А. В. И. Ленин о войне и военном искусстве. 1971. 59 к.

Чубарьян А. О. В. И. Ленин и формирование советской внешней политики. 1972. 1 р. 46 к.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

Ирошников М. П. Председатель Совнаркома и Совета Обороны В. И. Ульянов (Ленин). 20 л. 2 р. 20 к.

Кедров Б. М. Ленин и научные революции. 25 л. 3 р.

Заказы на книги направляйте по адресу: 117192, Москва, Мичуринский проспект, 12, магазин № 3 «Книга — почтой». «Академкнига».

«Академкнига»